

КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

Ю. П. Зайцев

НЕАПОЛЬ
скифский
(II в. до н. э. — III в. н. э.)

Симферополь
«Универсум»
2003

Печатается по решению Ученого совета Института археологии Национальной академии наук Украины от 14.06.2003 г. и Ученого совета Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины от 12.02.2003 г.

Ответственный редактор к. и. н. В. Л. Мыц

Редакционный совет:

Айбабина Е. А., к. и. н. (отв. секретарь); Высотская Т. Н., д. и. н.; Золотарев М. И., к. и. н.; Колотухин В. А., к. и. н.; Колтухов С. Г., к. и. н.; Могаричев Ю. М., д. и. н.; Мыц В. Л., к. и. н. (председатель); Петрова Э. Б., д. и. н.; Чабай В. П., к. и. н.

Рецензенты:

Зубарь В. М., д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Национальной академии наук Украины.

Русяева А. С., д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Национальной академии наук Украины.

Петрова Э. Б., д. и. н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Зайцев Ю. П.

3-177 Неаполь скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.): Монография. — Симферополь: Универсум, 2003. — 212 с.: ил.

ISBN 966-8048-08-3

Монография посвящена памятнику позднескифской культуры Крыма — городищу Неаполь скифский. В книге подведены итоги раскопок Неаполя скифского за 175 лет, опубликованы новейшие археологические материалы, впервые представлена единая культурно-хронологическая модель городища в рамках II в. до н. э. — III в. н. э. Особое внимание уделено реконструкции архитектурных сооружений и комплексов, их современной датировке.

Книга предназначена для историков, археологов, архитекторов, студентов исторических факультетов вузов, краеведов.

Монографія присвячена пам'ятнику пізньоскіфської культури Криму — городищу Неаполь скіфський. У книзі підведені підсумки розкопок Неаполя скіфського за 175 років, опубліковані найновіші археологічні матеріали, уперше представлена єдина культурно-хронологічна модель городища в рамках II ст. до н. е. — III ст. н. е. Особлива увага приділена реконструкції архітектурних споруджень і комплексів, їхньому сучасному датуванню.

Книга призначена для істориків, археологів, архітекторів, студентів історичних факультетів вузів, краєзнавців.

Неаполь скифский — крупнейшая и наиболее изученная варварская крепость Северного Причерноморья (Рис. 1,1)

История городища охватывает промежуток времени со II в. до н. э. по III в. н. э. Самое яркое и значительное время в его жизни — вторая половина II в. до н. э., когда крепость была столицей и резиденцией знаменитого царя Скилура, главной базой в борьбе варваров с войсками понтийского царя Митридата VI Евпатора.

В результате различных этнокультурных взаимодействий здесь сформировался центр особой синкретической греко-варварской культуры. В разные годы на территории городища были открыты остатки оборонительных сооружений, общественных зданий, уникальные по своей сохранности скальные склепы с росписью. Наиболее впечатляющий комплекс крепости — Южный дворец с прилегающими гробницами царей Аргота и Скилура. С момента первых археологических находок Неаполь скифский привлекает внимание как исследователей варварских древностей, так и археологов-антиковедов. Проводившиеся более ста семидесяти лет раскопки привели к накоплению огромного количества археологического материала, составившего в свое время основу представлений о позднескифской материальной культуре.

С момента издания единственной сводной монографии, посвященной Неаполю скифскому [Высотская 1979], прошло более двадцати лет. За это время были проведены масштабные и разноплановые археологические раскопки, охватившие и территорию городища, и пригороды, и некрополи. В результате этих исследований объем фактического материала увеличился в несколько раз. Естественно, что такая ситуация потребовала уточнения и пересмотра многих прежних положений и гипотез. Так, возникла необходимость вновь обратиться к вопросам общей системы застройки крепости и архитектурного анализа отдельных комплексов, определения их функций. Нуждались в принципиальной корректировке стратиграфия и хронология Неаполя. К середине 90-х гг. XX века из всего спектра неапольских проблем на современный научный уровень были выведены только проблемы, связанные с фортификацией городища, разработанные С. Г. Колтуховым [Колтухов 1990; 1999].

В данной монографии предпринята попытка построения единой хронологической модели Неаполя скифского II в. до н. э. — III в. н. э. на уровне современных знаний. В основу положена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенная автором в 1996 г. в Институте археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев).

Работа является итогом длительных (около двух столетий) исследований замечательного памятника позднескифской культуры. За это время в его изучение вложили свой труд многие десятки и сотни людей. В их числе — известные ученые: И. П. Бларамберг, А. С. Уваров, Н. И. Веселовский, Ю. А. Кулаковский, Н. Л. Эрнст, П. Н. Шульц, А. Н. Карасев, Н. Н. Погребова, О. И. Домбровский, О. Д. Дашевская, Е. И. Леви, И. В. Яценко, В. П. Бабенчиков, Д. С. Раевский, Е. В. Черненко, Т. Н. Высотская, И. И. Гущина, А. А. Щепинский, Э. А. Сыманович, И. Д. Марченко, А. Н. Щеглов, В. И. Цалкин, О. А. Махнева, С. Г. Колтухов, А. Е. Пуздровский, И. Н. Храпунов и многие другие. Каждый из них внес свой вклад в создание концепции Неаполя скифского.

Так сложилось, что исследования Неаполя всегда проводились большим коллективом специалистов. В течение многих лет (с 1979 г.) автору довелось работать вместе с О. А. Махневой, С. Г. Колтуховым, И. В. Ачкинази, А. Е. Пуздровским. Пользуясь случаем, выражаю им свою глубокую признательность.

Приношу искреннюю благодарность всем тем, кто так или иначе способствовал созданию этой работы. Прежде всего — научному руководителю С. Д. Крыжицкому, а также всем сотрудникам отдела скифо-античной археологии Института археологии Национальной академии наук Украины и Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины. Большую помощь оказали автору сотрудники отдела античной археологии ИИМК РАН (г. С.-Петербург).

В процессе многолетней подготовки этой работы, автору довелось работать в музеях, хранящих коллекции из раскопок Неаполя скифского: Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственном историческом музее (г. Москва), Музее исторических драгоценностей Украины (г. Киев), Одесском государственном археологическом музее НАН Украины, Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике, Крымском республиканском краеведческом музее. Благодарю сотрудников этих музеев — В. П. Толстикова, С. И. Финогонову, Л. И. Акимову, О. В. Тугушеву, И. И. Гущину, Д. В. Журавлеву, К. Б. Фирсова, Е. П. Подвысоцкую, Т. Ф. Шамину, Е. Ф. Редину, И. В. Бруяко, Г. И. Золотову, Л. Б. Лобас, Л. Н. Храпунову за доброжелательное отношение и бескорыстную помощь в обработке коллекций.

Кроме того, автор рад возможности поблагодарить людей, без которых эта работа не могла бы состояться.

Во время подготовки и защиты диссертации неоценимую помощь мне оказала Елена Зайцева.

Многие годы постоянными участниками полевых исследований Южного дворца и многих открытых были Дмитрий Напалков, Владимир Налетов и Сергей Демьянов, которым автор очень признателен.

Особые слова благодарности Валентине Мордвинцевой, вместе с которой эта монография была подготовлена к изданию.

Оглавление

	ГЛАВА 1
5	История изучения Неаполя скифского
	ГЛАВА 2
10	Топографическая и археологическая карта Неаполя скифского
	ГЛАВА 3
12	Стратиграфия и хронология культурных слоев Неаполя скифского
	ГЛАВА 4
22	Царская крепость Неаполь во II в. до н. э.
	ГЛАВА 5
30	Неаполь скифский на рубеже II–I вв. до н. э. — в середине I в. н. э.
	ГЛАВА 6
34	Неаполь скифский во второй половине I — третьей четверти II вв. н. э.
	ГЛАВА 7
37	Неаполь скифский в последней четверти II в. н. э. — первой половине III в. н. э.
	ГЛАВА 8
41	Неаполь скифский в истории Северного Причерноморья

ПРИЛОЖЕНИЯ

	ПРИЛОЖЕНИЕ 1
49	Надписи, скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя скифского
	ПРИЛОЖЕНИЕ 2
54	Мавзолей царя Скилура
62	Список литературы
68	Список сокращений

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ГЛАВА 1

История изучения Неаполя скифского

Археологические исследования

Развалины древнего укрепления (которые местным населением назывались Керменчик), расположенного к югу от татарского селения Ак-Мечеть (теперь в черте г. Симферополя), в начале XIX в. активно использовались для добычи строительного камня. В 1827 г. известный собиратель древностей А. И. Султан-Крым-Гирей Ката Гирей встретил повозку, на которой везли камень с Керменчика. На ней он заметил известняковую плиту с рельефным изображением всадника, известняковый и два мраморных постаментов с греческими надписями. Султан-Крым-Гирей купил эти камни и сообщил о них директору Одесского музея древностей И. П. Бларамбергу, который сразу же приехал в Симферополь. На месте, где были найдены плиты, он провел небольшие раскопки. Были обнаружены обломки рельефов из известняка и мрамора, несколько золотых бляшек и фрагмент черепицы с клеймом. Купленные А. И. Крым-Гиреем рельефы были определены, как изображения Скилура и его сына Палака. В 1831 г. исследование И. П. Бларамберга было издано в Одессе с приложением рисунков рельефов и надписей, планом городища Керменчик (**Рис. 2**), а также изображениями ольвийских монет с портретами Скилура, которые привлекались в качестве аналогий [Blaramberg 1831, 10–16]. Одновременно с упомянутыми находками на Керменчике, в его юго-западной части, случайно был обнаружен клад из 165 монет, датированных временем от Александра Македонского до императора Макрина [Тункина 2002, 543–544].

В 1834 г. исследования Керменчика продолжил швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере. Он детально осмотрел городище и его окрестности, сделал новый план городища с нанесением фортификационных сооружений (**Рис. 3**), раскопал несколько склепов и курган на Восточном некрополе [Dubois 1843, 199, табл. XXXI]. В 1833 г. городище осмотрел П. И. Кеппен [Кеппен 1837, 334], а в 1836 г. — Н. И. Мурзакевич, опубликовавший краткое его описание и присоединившийся к выводам И. П. Бларамберга [Мурзакевич 1837, 334].

Известный российский археолог граф А. С. Уваров проводил значительные по объему раскопки на городище в 1853 г. [Тункина 2002, 544–545, рис. 146]. В том же месте, где ранее были обнаружены рельефы и надписи, граф нашел постамент с посвящением Посидея Ахиллу и фрагменты надписей с упоминанием Ходарза и Ахилла [Уваров 1854, 526]. Помимо информации о раскопках, А. С. Уваров в своем отчете поместил подробное описание городища. Подводя итог, он отметил, что Неаполь первоначально возник как греческое поселение, основанное выходцами с острова Родоса, но впоследствии превратился в резиденцию и крепость скифских царей, просуществовав до III в. н. э.

В 1872 г. краевед Г. Х. Караулов заметил на Западном некрополе вырубные склепы, которые подверг небольшим расчисткам. Через несколько лет исследования на этом могильнике продолжил Г. Д. Филимонов [Филимонов 1880, 17], а затем и Н. П. Кондаков [Толстой, Кондаков 1889, 116]. В начале 80-х гг. XIX в. на территории Западного некрополя проводили раскопки преподаватели Симферопольской гимназии Х. П. Ящуржинский, Ф. Ф. Лашков и А. О. Кашпар [Ящуржинский 1889, 46–55]. В 1887 г. в Симферополе была создана Таврическая ученая архивная комиссия, которая стала контролировать исследования Западного некрополя [Лашков 1890, 20].

В 1889 г. Императорская Археологическая Комиссия направила сюда Н. И. Веселовского, который провел исследования городища и могильника. В результате этих раскопок не было сделано принципиально важных открытий и ярких находок [Веселовский 1894, 20–27].

Известный российский археолог М. И. Ростовцев считал, что это была важнейшая из крепостей Крыма, «старый греко-скифский город Скилура» [Ростовцев 1925, 145].

В 1926 г. были проведены спасательные раскопки во время строительства водного резервуара, на месте восточного участка южной оборонительной стены. Ими руководил талантливый крымский археолог Н. Л. Эрнст. Во время их проведения были впервые получены принципиально новые материалы по стратиграфии и хронологии Керменчика [Эрнст 1927, 24]. В 1927 г. этим же ученым было исследовано несколько вырубных склепов Западного некрополя.

В 1945 г., сразу после окончания Великой Отечественной войны, на Неапольском городище начала работы Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца. Руководил работами Симферопольского отряда, а, следовательно, и раскопками Неапольского городища, А. Н. Карасев.

Хроника раскопок по годам:

1945 г. Обследованы траншеи и окопы на зольниках, заложены раскопы А (на линии оборонительной стены, у центральных ворот) (Н. Н. Погребова); Б и В (рядом с местом находки рельефов и надписей) (Н. Н. Погребова и В. П. Бабенчиков). На Западном и Восточном некрополях расчищены вырубные склепы, в том числе с росписью и рельефными украшениями (В. П. Бабенчиков).

1946 г. Продолжены работы на раскопах А (Т. Я. Кобец) и Б (В. А. Головкина); на участке А1 исследована погребальная камера мавзолея (Н. Н. Погребова). На Восточном и Западном некрополях В. П. Бабенчиковым продолжены исследования вырубных склепов и грунтовых захоронений.

1947 г. На участках А-А1 (Н. Н. Погребова) открыты остатки центральных ворот и западная башня-мавзолей. На раскопе Б (В. А. Головкина) продолжено раскрытие «здания с полуподвалом». Продолжены также раскопки на участке грунтового Восточного некрополя (В. П. Бабенчиков).

1948 г. Участки А-А1 (Н. Н. Погребова) — полное раскрытие узла центральных ворот и прилегающих к ним участков крепости и пригорода. Расширение раскопа Б (В. А. Головкина, И. М. Дрябкин) во всех направлениях: раскопки «Дома Р», «Дома с очагом»,

комплекса времени гибели городища, других объектов. Продолжение работ на Восточном некрополе (В. П. Бабенчиков).

1949 г. Раскоп А (А. Н. Карасев, Н. Н. Погребова, О. Д. Дашевская) — раскрытие восточной башни, «зданий с портиками» К и Л, зернохранилища, нескольких человеческих и конских захоронений. На нижней террасе реки Салгир, у подножия городища — раскопки поселения кизил-кобинской культуры (VIII–VI вв. до н. э.) и грунтового склепа III в. н. э. (О. Д. Дашевская). На Восточном некрополе были предприняты частичные раскопки кургана (В. П. Бабенчиков).

1950 г. Объединенные раскопы А и Б (А. Н. Карасев, Е. И. Леви, О. Д. Дашевская): полное исследование зданий с портиками К и Л, «Дома Р», зернохранилища и прилегающих к ним участков.

Результаты этих исследований были вскоре опубликованы в различных изданиях [Шульц 1947, 1947а, 1949; Карасев 1951, 1953; Погребова 1947], а также в работе П. Н. Шульца «Исследования Неаполя скифского в 1945–50 гг.» [Шульц 1957]. Материалы раскопок мавзолея были изданы в 1953 г. в виде научно-популярной монографии [Шульц 1953]. Несколько позже были опубликованы также работы, посвященные отдельным категориям находок из этих раскопок [Дашевская 1968; Зеест 1954; Погребова 1957].

После трехлетнего перерыва, в 1954 г. полевые работы на Неаполе скифском возобновились.

1954 г. Охранные наблюдения и раскопки по трассе Южной траншеи (Т. Н. Троицкая).

1955 г. Продолжение работ на Южной траншее (М. А. Фронджуло) и раскопки Северной траншеи (К. А. Брэдэ, О. Д. Дашевская, А. Н. Карасев), на которой были частично открыты остатки мегаронов А (с фресковой росписью) и Б.

1956 г. Дальнейшее исследование Южной траншеи (Л. И. Иванов), расширение раскопа Д с целью раскрытия мегаронов А, Б (А. Н. Карасев, О. Д. Дашевская, И. В. Яценко), раскоп З (О. А. Махнева, О. Д. Дашевская) в восточной части зольника № 3, где были открыты остатки мегарона З. Восточный некрополь — начало масштабных работ на грунтовом могильнике (Э. А. Сыманович).

1957 г. Продолжение работ на раскопе Д (А. Н. Карасев, И. В. Яценко, О. Д. Дашевская, Е. И. Леви), начало раскопок на раскопе Е на пригородной территории, где был открыт мегарон Е (Е. Н. Черепанова, А. Н. Щеглов). Разведочные работы (рекогносцировки) в других местах пригородной территории (О. А. Махнева). Продолжение раскопок Восточного некрополя (Э. А. Сыманович, И. Д. Марченко).

1958 г. Дальнейшее исследование раскопов Д (А. Н. Карасев, И. В. Яценко, О. Д. Дашевская, Е. И. Леви) и Е (Е. Н. Черепанова), раскопки оборонительной стены на раскопе Е1 (Т. Н. Высотская) и разведочные раскопы Ж на месте предполагаемого акрополя (В. М. Маликов, Т. Н. Высотская). Исследования Восточного некрополя (Э. А. Сыманович, О. А. Махнева).

1959 г. Исследовались: раскоп Д (А. Н. Карасев, И. В. Яценко); участок В1 (О. А. Махнева); Е (В. М. Маликов); Е1 (Т. Н. Высотская); Л (Л. И. Иванов) и раскоп Г в северо-восточной части городища (Т. Н. Высотская). Доследовались раскоп А (А. Н. Карасев)

и Б (В. М. Маликов). Восточный некрополь: раскопки четырех вырубных склепов на северо-восточной трассе (Е. В. Черненко).

1959 г. стал последним в работах Тавро-скифской экспедиции на Неапольском городище. В дальнейшем полевые исследования были продолжены только на раскопе Д экспедицией Государственного исторического музея и Московского государственного университета под руководством И. В. Яценко и при участии И. И. Гузиной, Д. С. Раевского и др. В течение 1960–64 гг. здесь были открыты разновременные строительные остатки и сделаны многие важные открытия. Среди них наибольший интерес представляют мегарон В и комплекс построек II–III вв. н. э., в пределах которого обнаружен богатый керамический материал.

В 1975 г. Т. Н. Высотская проводила работы на участке оборонительной стены и участке В1.

Публикации, посвященные материалам раскопок Неаполя 1945–1964 гг. можно разделить на две группы: относящиеся к городищу и к Восточному некрополю.

Эпиграфические памятники были изданы О. Д. Дашевской и Э. И. Соломоник [Дашевская 1960; Соломоник 1962], реконструкция фресковой росписи здания А проанализирована И. В. Яценко [Яценко 1960], а граффити того же мегарона опубликованы О. Д. Дашевской [Дашевская 1962].

Анализу отдельных экземпляров и комплексов импортной керамики посвящены работы О. А. Махневой [Махнева 1967; 1967а] и Д. С. Раевского [Раевский 1970]. Исследование рельефов и бронзовых статуэток проведено в статьях П. Н. Шульца [Шульд 1946; 1969]. Серебряная тарелка с именем Гипеперии издана И. В. Яценко [Яценко 1962]. Захоронения в мавзолее и анализу погребального инвентаря посвящена фундаментальная работа Н. Н. Погребовой [Погребова 1961]. В том же году опубликованы нумизматические находки Неаполя [Харко 1961] и статья о производстве некоторых золотых украшений мавзолея [Харко 1961а]. Статья О. И. Домбровского посвящена технике декоративной живописи Неаполя скифского [Домбровский 1961]. Остеологический материал был выборочно проанализирован В. И. Цалкиным [Цалкин 1954; 1960], а антропологическая коллекция мавзолея — Г. Ф. Дебец [Дебец 1948] и М. М. Герасимовым [Герасимов 1955, 452].

Основные выводы теоретического и общесторического характера содержатся в двух упомянутых работах П. Н. Шульца [Шульд 1953; 1957] и статье Э. И. Соломоник «О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими колониями Северного Причерноморья» [Соломоник 1952]. В обобщающей статье П. Н. Шульца «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму» подведен итог изучения позднескифских древностей и намечены новые перспективы работы в этом направлении [Шульд 1971].

Важное место в истории изучения Неаполя занимает цикл статей Т. Н. Высотской [Высотская 1975; 1976; 1978], впоследствии почти полностью вошедших в ее монографию. В монографии представлены: история исследований памятника, проанализированы оборонительная система, общественные сооружения, жилые и хозяйственные постройки, культы и обряды, экономическая жизнь и искусство Неаполя [Высотская 1979]. Критические оценки этого труда содержатся во

многих специальных исследованиях [Крыжицкий 1982, 135–136; Толстиков 1992, 64; Дашевская 1991, 9–11; Колтухов, Махнева 1988, 89; Колтухов 1990, 184–188]. Так, значительная часть фактического материала (в том числе многие раритетные и просто уникальные находки) в книге вообще не упомянута. Обращает на себя внимание полное отсутствие стратиграфических наблюдений, хотя анализ такого сложного памятника, как Неаполь, без них вряд ли возможен. Вызывает также возражения типология построек и архитектурных сооружений, определение функционального назначения многих из них, не обоснованы объемно-планировочные реконструкции [Крыжицкий 1982, 135–136]. Как следствие всего этого — искажение хронологической и строительной периодизации памятника, малая обоснованность выводов о времени возникновения и начальных этапах его истории, этнокультурной атрибуции многих объектов, о характере материальной и духовной культуры населения. Многие выводы автора находятся в прямом противоречии с фактическим материалом.

Информационные публикации о раскопках отдельных участков и погребальных комплексов Восточного некрополя представлены в работах В. П. Бабенчикова [Бабенчиков 1949; 1957], О. Д. Дашевской [Дашевская 1951], В. С. Забелиной [Забелина 1964], О. А. Махневой [Махнева 1967а] и Э. А. Сымановича [Сыманович 1963]. Э. А. Сымановичем опубликованы также фибулы [Сыманович 1963а], египетские вещи [Сыманович 1960] и монеты из захоронений [Сыманович, Голенко 1960]. Позже вышла его монография «Население столицы позднескифского царства», где сделана попытка полной публикации материалов раскопок Восточного некрополя в 1955–58 гг. [Сыманович 1983]. Огромный фактический материал (планы погребений, вещественные находки) в ней представлен суммарно, таблицы скомплектованы не по комплексам, многие датировки сейчас выглядят неоправданно широкими.

Работа Д. С. Раевского «Скифы и сарматы в Неаполе» также построена на материалах Восточного некрополя и посвящена анализу этнического состава населения городища [Раевский 1971]. Антропологическая коллекция Восточного некрополя неоднократно рассматривалась Т. С. Кондукторовой [Кондукторова 1964; 1972, 37–54]. Архитектуре и художественному оформлению неапольских склепов с росписями посвящены работы Е. А. Поповой [Попова 1984, 1987].

Новейший этап археологического изучения Неаполя скифского начался в 1978 г.

С 1978 по 1988 гг. начальником Симферопольской экспедиции Института археологии Академии наук УССР была О. А. Махнева. В 1989–91 гг. экспедицией руководил А. Е. Пуздровский. В 1992–93, 1999 и 2003 гг. раскопки Неаполя скифского проводились экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством Ю. П. Зайцева.

Хроника раскопок по годам:

1978 г. Начаты исследования зольника № 3 (О. А. Махнева, С. Г. Колтухов) и Восточного некрополя (О. А. Махнева, С. Г. Колтухов, К. К. Орлов).

1979 г. Продолжены исследования зольника № 3 (С. Г. Колтухов), где открыты остатки святилища «Трех менгиров».

1980 г. Продолжены раскопки зольника № 3 (С. Г. Колтухов), проведены исследования пригородной территории (И. Н. Храпунов, А. Е. Пуздровский) и захоронений Восточного некрополя, в том числе исследования некоторых вырубных склепов (С. Г. Колтухов, А. Е. Пуздровский).

1981 г. Продолжение работ на зольнике № 3 (С. Г. Колтухов), исследования пригородной территории на раскопах I (А. Е. Пуздровский) и III (С. Г. Колтухов), раскопки оборонительной стены на раскопе VI (С. Г. Колтухов).

1982 г. Раскопки зольника № 3 (С. Г. Колтухов), продолжена работа на раскопах VI и III (С. Г. Колтухов), исследования «городской» территории в пределах ее юго-восточной части — раскопы VII (И. В. Ачкинази) и VIII (А. Е. Пуздровский), а также работы на Восточном некрополе (А. Е. Пуздровский).

1983 г. Небольшие работы на зольнике № 3 (Ю. П. Зайцев), исследования раскопов VIIa (А. Е. Пуздровский), VII (И. В. Ачкинази), VI (С. Г. Колтухов, А. Е. Пуздровский) и раскопки нового участка Восточного некрополя (Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский).

1984 г. Продолжение работ на зольнике № 3 (Ю. П. Зайцев), исследования раскопов VIIb (И. В. Ачкинази) и VIIв (А. Е. Пуздровский), раскопки восточного фланга оборонительной стены — раскоп VI (С. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев) и работы на Восточном некрополе (А. Е. Пуздровский, Ю. П. Зайцев).

1985 г. Раскоп О (И. В. Ачкинази), раскоп Н (И. Н. Храпунов) и исследования Восточного некрополя (Ю. П. Зайцев).

1986 г. Раскопки зольника № 3 (О. А. Махнева, А. Е. Пуздровский) и Восточного некрополя (А. Е. Пуздровский).

1987 г. Масштабные работы на зольнике № 3 (Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский) и продолжение работ на Восточном некрополе (А. Е. Пуздровский).

1988 г. Продолжение раскопок зольника № 3 (Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский), исследования пригородной территории и Восточного некрополя, а также поселения раннего железного века у подножия городища (А. Е. Пуздровский, В. Б. Уженцев).

1989 г. Раскопки зольника № 3 (Ю. П. Зайцев), возобновление работ на раскопах А (А. Е. Пуздровский) и Б (Ю. П. Зайцев).

1990 г. Продолжение работ на раскопах А (А. Е. Пуздровский), Б (Ю. П. Зайцев) и на зольнике № 3 (Ю. П. Зайцев и А. Е. Пуздровский), а также исследования северной части городища (Ю. П. Зайцев) и поселения на нижней террасе (А. Е. Пуздровский).

1991 г. Исследования раскопа Б (Ю. П. Зайцев) и раскопа в северной части Неаполя (Ю. П. Зайцев).

1992 г. Продолжение исследований на раскопе Б (Ю. П. Зайцев), магнитная разведка в северной части городища (Т. Н. Смекалова).

1993 г. Работы на раскопе Б (Ю. П. Зайцев) и разведки в северной части городища (Ю. П. Зайцев, Вольф Рудольф, Т. Н. Смекалова).

1999 г. Исследования юго-западной части раскопа А 1945–1950 гг. — территории между Южным дворцом и оборонительной стеной крепости (Ю. П. Зайцев).

2003 г. Продолжение исследований юго-западной части раскопа А 1945–1950 гг. — территории

между Южным дворцом и оборонительной стеной крепости (Ю. П. Зайцев).

Итоги раскопок 1980–90-х гг. представлены в следующих изданиях.

В нескольких фундаментальных работах С. Г. Колтухов изложил материалы по хронологии и периодизации оборонительной системы [Колтухов 1990; 1999], дал оценку Неапольского городища с точки зрения фортификации и военно-административного устройства.

Информацию, полученную при исследованиях некрополей, обобщил А. Е. Пуздровский. Им же опубликованы новые материалы из погребальных комплексов Восточного некрополя и предложено решение многих вопросов этнополитической истории [Пуздровский 1987; 1989; 1992; 1993]. Под руководством этого исследователя был раскопан Битакский могильник [Пуздровский 2001; 2002].

Работы Ю. П. Зайцева посвящены самым различным аспектам изучения Неаполя скифского [Зайцев 1990; 1990a; 1994; 1994a; 1995; 1995a; 1996; 1997; 1999; 2000; 2000a; 2001; Zaytsev 2002; 2002a; Зайцев, Пуздровский 1994]. Основное внимание было уделено проблемам хронологии, типологии архитектурных сооружений и их реконструкции, публикации отдельных ярких комплексов и объектов. В результате предложена культурно-историческая периодизация Неаполя скифского, отличная от прежней, и обозначены новые дискуссионные проблемы его истории и археологии.

Проблема локализации царской крепости Неаполь

Населенный пункт с таким названием упоминается в древних источниках дважды. В «Географии» Страбона Неаполь назван в числе укреплений, построенных Скилуrom [Strabo. VII, 4, 7] [Соломоник 1977, 54]. В Херсонесском декрете в честь Диофанта указано его географическое положение — в середине Скифии [IOSPE, I2, № 412. Стк. 12]. Хабеи и Неаполь также упомянуты и там, и там при характеристике боевых действий Диофанта — известного стратега понтийского царя Митридата VI Евпатора [Соломоник 1952, 114; Виноградов 1987, 70].

Попытки обосновать тождественность Неаполя и городища Керменчик начинаются с 1827 г. Найденные здесь посвященные греческие надписи, постамент с именем Скилура и рельеф, позволяли И. П. Бларамбергу высказаться в пользу отождествления городища Керменчик и царской крепости Неаполь [Бларамберг 1889]. На основании своих наблюдений и новых важных находок А. С. Уваров счел возможным присоединиться к мнению И. П. Бларамберга [Уваров 1854].

В 1856 г. против гипотезы Бларамберга-Уварова высказался П. Беккер, поместивший Неаполь у Инкермана [Becker 1856, 41–46]. К нему в 1879 г. присоединился Ф. К. Браун [Браун 1879, 70].

В 1881 г., после находки в Херсонесе декрета в честь Диофанта, стало ясно, что Неаполь и Хабеи размещались в глубине Крымского полуострова [Юргевич 1881, 23]. Однако П. О. Бурачков, комменти-

руя первое издание декрета, высказался против такого предположения [Бурачков 1881, 228]. Несколько позже к гипотезе отождествления Неаполя-Керменчика присоединился В. В. Латышев, а затем известные крымские ученые Х. Яшуржинский [Яшуржинский 1889, 46] и А. И. Маркевич [Маркевич 1928, 14]. Противником этой гипотезы выступил Ю. А. Кулаковский [Кулаковский 1889, 12].

Руководитель раскопок на городище Керменчик в 1926 г. Н. Л. Эрнст высказался за то, что вопрос о Неаполе «не может быть решен и поныне, ввиду чего симферопольское городище мы назовем Неаполем лишь условно и предположительно» [Эрнст 1927, 24].

Результаты многолетних раскопок Тавро-скифской экспедиции позволили П. Н. Шульцу уверенно говорить о том, что на территории современного г. Симферополя расположены остатки скифской столицы, города Неаполя.

Его мнение вызвало критику О. Д. Дашевской, которая вскоре опубликовала специальную статью «К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упомянутых Страбоном» [Дашевская 1958]. Объективно рассмотрев все «за» и «против», автор пришла к выводу о том, что главная крепость Крымской Скифии, выполняющая функции государственной столицы, никак не выделена в письменных источниках, поэтому определение ее конкретного названия может быть пока только предположительным [Дашевская 1958, 148–149]. При этом О. Д. Дашевская привела косвенные аргументы в пользу отождествления симферопольского городища с Палакием, которые на современном уровне исследований также не могут быть признаны убедительными. Идею отождествления Керменчика с Палакием развил Д. С. Раевский, утверждая, что интерпретация слова «Палы» — воины, (от которого происходит название Палакий), дает новые аргументы в пользу точки зрения О. Д. Дашевской [Раевский 1976, 106]. По его мнению, Керменчик являлся местом обитания воинской аристократии.

Не рассматривая проблему локализации специально, Т. Н. Высотская в общих чертах поддержала позицию П. Н. Шульца и присоединилась к гипотезе Б. Н. Гракова, согласно которой в конце IV в. до н. э. состоялся перенос скифской столицы с Каменского «безымянного» городища в Крым. Поэтому столица близ современного Симферополя, в отличие от старой, нижнеднепровской, и называлась греками «Новый город» — Неаполь [Граков 1971, 31; Высотская 1979, 190]. Такое решение проблемы хорошо согласовывалось с предполагавшейся в то время датой основания Керменчика и пониманием общеисторической ситуации в Северном Причерноморье. В настоящее время несостоятельность таких выводов

очевидна: современными исследованиями убедительно и неоднократно доказано гораздо более позднее возникновение Неаполя [Голенцов, Голенко 1979, 78; Колтухов, Махнева 1988, 140; Зайцев, Пуздровский 1994, 232; Зайцев 1995; 1997; 1999; 2001].

Современная локализация крепостей, упомянутых при описании военных действий конца II в. до н. э., предпринята С. Г. Колтуховым в работе «Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии» [Колтухов 1994]. На основании своих исследований, автор этой статьи поддержал традиционную точку зрения.

Таким образом, абсолютное большинство исследователей, исходя из самых различных соображений, считает вполне обоснованным отождествление Неаполя с Керменчиком.

Греческое название столичной варварской крепости объяснить трудно. Может быть, учитывая яркие и многочисленные свидетельства значительной эллинизации неапольской элиты, причерноморские греки воспринимали Неаполь в известном смысле, как «свой» населенный пункт [Пуздровский 1988; Зайцев, Пуздровский 1994, 233]. Близкую позицию в этом вопросе занимал Ю. Г. Виноградов, считавший, что отсутствие указания гражданства (демотикона) на неапольских посвящениях Посидея, сына Посидея, свидетельствует о том, что Неаполь мог иметь статус полноправного полиса со своим гражданством [Виноградов 1989, 243].

Возможен и другой вариант: название на греческий манер присвоил царской ставке Скилур в соответствии со своими устремлениями и взглядами, а также согласно политической концепции сближения с некоторыми греческими государствами Северного Причерноморья. Действительно, хорошо укрепленная территория с дворцовым комплексом, практически полностью лишенная постоянной застройки, слишком сильно расходится с традиционно эллинским понятием полиса, чтобы прямо расшифровывать слово «Неаполис».

В заключение можно отметить два основных момента, характеризующих современное состояние этой проблемы.

1. Совокупность имеющихся источников и фактического материала позволяет принять преобладающую традиционную точку зрения о тождественности городища Керменчик и царской крепости Неаполь. При этом наиболее последовательной выглядит аргументация, предложенная С. Г. Колтуховым.

2. Все исторические реконструкции, концепции и взгляды относительно Неаполя совпадают в том, что это была самая мощная «царская» (столичная) крепость — военно-административный центр державы Скилура.

ГЛАВА 2

Топографическая и археологическая карта Неаполя скифского

ревнее городище расположено на одном из «блоков» куэсты внутренней гряды Крымских гор. Он представляет собой четкий выступ, с северо-востока ограниченный обрывистым, высотой до 80 м, склоном к реке Салгир. С северо-запада его ограничивает глубокое ложе Петровской балки (**Рис. 1, II**).

Геологическое строение. Скальный массив, на котором находится Неаполь скифский, сложен плотными нуммулитовыми известняками третичного периода [Познышев 1955, 12]. Мощность всей толщи нуммулитового известняка составляет около 50–ти м. После выветривания и размывания эти известняки со временем покрылись тонкими карбонатными почвами — бурым черноземом.

Климат. Для местности Неаполя скифского характерны длительный сухой период, значительная величина солнечной радиации, количество осадков умеренное. И зимой и летом наблюдаются устойчивые ветры-фёны. В первом случае они приносят резкое потепление, а во втором приобретают характер суховеев. С ними обычно связано резкое повышение температуры и сильное падение относительной влажности воздуха [Бабков 1956, 9].

Положение Неаполя на возвышенности обуславливает некоторые особенности его микроклимата. Глубокая долина Салгира — район развития горно-долинных ветров, что способствует разнице температур на площадке городища и в долине реки. В долине велики суточные колебания температуры. Ночью сюда стекает охлажденный воздух с возвышенностей и поэтому ночные температуры ниже, чем на плато. На склонах и на вершине скального массива, наоборот: ночью и утром тепло, днем же значительно прохладнее, чем в долине.

Растительность.

Современный растительный покров территории Неаполя скифского имеет признаки разнотравной и типчаковой степи. Остатки древесины, найденные при раскопках, показывают, что в ближайших окрестностях древней крепости произрастали дуб, сосна, тополь, ольха, грабинник [Бабков 1956, 12]. На основании этих данных можно сделать вывод, что в античное время район Симферополя отличался гораздо более обильной и высокоствольной древесной растительностью.

Водоснабжение. В границах древней крепости постоянного источника воды нет. Вместе с тем, на раскопанных участках полностью отсутствуют следы сооружений и приспособлений для сбора дождевых вод. Это позволяет предполагать, что в древности проблема водоснабжения крепости была решена как-то иначе. Может быть, на ее территории были устроены один или несколько глубоких стационарных колодцев, которые еще не обнаружены. Несколько мощных родников с большим суточным выходом воды функционируют в Петровской балке, один — в Восточной балке и еще один — у подножия северо-восточных обрывов плато (**Рис. 1, II, 4**).

Топографические планы. Первый план был составлен И. П. Бларамбергом (Рис. 2), а затем, с небольшими дополнениями воспроизведен Ф. Дюбуа де Монпере (Рис. 3) [Dubois 1834, альбом, fig. 8]. На втором плане довольно точно показана линия южных оборонительных стен с башнями и воротами, места находок монетного клада и рельефов-надписей, зольники и курганы. На плане 1853 г. обозначены места раскопок И. П. Бларамберга и А. С. Уварова [Тункина 2002, рис. 146]. На плане Н. И. Веселовского 1889 г. показано точное место проведенных им раскопок на Западном некрополе в Петровской балке (Рис. 4).

Новый инструментальный план неапольского городища был опубликован Н. Л. Эрнстом [Эрнст 1927, 26]. На нем обозначено место раскопок южной оборонительной стены, траншеи и исследованные вырубные склепы.

В 1946 г. Е. А. Столяревский произвел детальную глазомерную съемку городища и некрополей, на которой были обозначены раскопы, расположение вырубных склепов и грунтовых могильников [Шульц 1953, рис. 1]. В 1958 г. С. К. Себекиным была сделана новая инструментальная съемка Неаполя скифского [Высотская 1979, рис. 2]. На ней выборочно нанесены раскопы, которые исследовались с 1945 по 1959 гг.

Последний и наиболее подробный инструментальный план городища в масштабе 1:500 был сделан Е. Ф. Чикалкиным в 1978 г. На этот план были перенесены все раскопы, шурфы и траншеи с 1826 по 2003 гг. (Рис. 5), кроме участков, не поддающихся привязке.

Археологическая карта Неаполя и его ближайших окрестностей. Часть плато куэсты площадью около 16,5–18 га занимает городище, имеющее в плане форму равнобедренного треугольника (Рис. 1, II, 1). С юга оно ограничено валообразной насыпью, под которой скрыты остатки оборонительной стены (Рис. 1, II, 2). Северо-восточная граница — обрывы Петровских скал, северо-западная — крутой склон Петровской балки. Изучение топографии городища позволяет выделить три участка внешней оборонительной линии. Южный участок наиболее мощный. Здесь проходила стена, отсекавшая от плато обрывистый мыс [Колтухов 1990, 176; 1999, 29]. Стены западного и северо-западного флангов в рельефе никак не выражены и их точное расположение пока не установлено. Вероятно, северо-западный участок фортификационной линии скрывается под одной из трех террас [Уваров 1854, 524–525; Колтухов 1990, 177–178; 1999, 30]. Восточный оборонительный рубеж проходил по обрыву Петровских скал. Его протяженность составляет 700–750 м.

На расстоянии до 200 м к югу от городища, вдоль оборонительной стены, размещался южный пригород площадью примерно 9 га (Рис. 1, II, 3). В пределах крепости и пригородной территории культурный слой II в. до н. э. — III в. н. э. залегает сплошным массивом. Его мощность составляет от 0,1 до 2 м. Поверхность культурных отложений сильно нарушена ямами нового времени, окопами, воронками и т. д. Здесь располагаются три больших и множество малых зольников. Зольник № 1 имеет высоту около 4 м и диаметр 88 м, № 2 — высоту 9,5 м и диаметр 105 м, и № 3 — высоту 5 м и диаметр 125 м [Высотская 1979, 27] (Рис. 5, 19). Судя по старым планам, крупных зольников первоначально было больше, но они не сохранились, т. к. попали в зону современной застройки.

К западу и востоку от городища, в Петровской и Восточной балках, были устроены древние гидротехнические сооружения. Они представляли собой расположенные ступенчато водоемы с плотинами и сохранялись до 60-х гг. XX в. [Бабков 1956, 10]. По плотине нижнего водоема Восточной балки проходила древняя дорога из Неаполя в долину реки Салгир (Рис. 1, II, 5).

Рядом с древними водохранилищами располагались некрополи Неаполя скифского. Западный некрополь занимал оба склона Петровской балки. Скальные выступы были приспособлены для вырубных склепов, а выходы глины напротив южной оборонительной стены — для грунтовых захоронений (Рис. 1, II, 6). Аналогично был устроен и Восточный некрополь. В верхнем ярусе скального гребня рядами располагались вырубные склепы. Ниже, в мергелевых отложениях и в насыпи плотины водоема — грунтовые катакомбы и могилы [Сыманович 1983, 10, 14] (Рис. 1, II, 7).

Общая площадь Западного некрополя достигала не менее 3 га, Восточного — до 5–6 га.

Еще один некрополь (Битакский), синхронный городищу, был открыт и исследован в 1979, 1989–91 гг. [Колтухов, Пуздровский 1983; Пуздровский и др. 1991, 103–104, рис. 26; Пуздровский 2001; 2002]. Он расположен на противоположном, правом берегу реки Салгир, в 700 м к северо-востоку от обрыва городища (Рис. 1, II, 8). По предварительным данным, его площадь составляет около 0,5–1 га [Пуздровский 2001, 122].

Территория к северу и северо-востоку от Восточного некрополя была занята поселениями разного времени (Рис. 1, II, 9, 10). Строительные остатки и культурные отложения, выявленные здесь, датируются суммарно I в. до н. э. — I в. н. э. [Высотская, Скорый 1976, 315]. На некоторых участках эти поселения перекрыты позднейшими захоронениями Восточного некрополя. Их структура и характер застройки неясны. На основании визуальных наблюдений можно предполагать, что «нижний город» (Рис. 1, II, 9), занятый кладбищем XIX–XX вв., имел оборонительные стены. Культурный слой на его территории в некоторых местах достигает мощности 3–4 м, и представляет собой сброс с верхнего плато городища. Не исключено, что это произошло в 1926 г., во время строительства водоочистных сооружений. Осмотр обнажений грунта показал, что освоенная в древности территория на левом и правом берегах Салгира четко ограничена паводковыми речными отложениями (Рис. 1, II, 13).

Поселение конца IV — первой четверти III вв. до н. э. зафиксировано в северной части плато Неаполя скифского (Рис. 1, II, 12), под отложениями позднескифского времени. Для него характерен культурный слой небольшой мощности, залегающий локальными участками. Площадь поселения пока не установлена. По-видимому, она составляла около 4–5 га.

Развитие города Симферополя — столицы Автономной республики Крым — привело к негативным последствиям для сохранности городища. Многие территории, на которых расположены упомянутые древние объекты, теперь не доступны для изучения. Плановые археологические исследования возможны лишь на заповедной территории площадью 15 га. Она включает в себе примерно 2/3 внутрикрепостной территории, незначительные участки южного пригорода и северную стрелку мыса — условный северный пригород.

ГЛАВА 3

Стратиграфия и хронология культурных слоев Неаполя скифского

Исследовательская база

Суммарная площадь раскопов и траншей в пределах оборонительных стен составляет примерно 2,6 га, а на южном пригороде — 1,2 га (Рис. 5). Районы городища исследованы неравномерно, но практически каждый гектар затронут хотя бы шурфами, разведочными раскопами или траншеями, позволяющими судить о характере и последовательности культурных слоев.

Базовые раскопы: — раскоп Д (около 2 000 кв. м) (Рис. 5, 3; 10); А–Б–В (более 4 000 кв. м) (Рис. 5, 11; 7); раскопы VII–VII в, (около 1 800 кв. м) (Рис. 5, 12, 13; 11, 1); раскоп I (около 1 200 кв. м) (Рис. 5, 20; 11, 2); раскопы зольника № 3 (около 4 000 кв. м) (Рис. 5, 19); раскоп VI (около 1 000 кв. м) (Рис. 5, 18). Кроме того, в процессе охранных (спасательных) работ были получены многочисленные стратиграфические разрезы вдоль и поперек городища. Самыми крупными из них являются Северная траншея (длиной около 230 м) (Рис. 5, 5); раскоп О (длиной около 130 м) (Рис. 5, 7) и Южная траншея (длиной около 380 м) (Рис. 5, 10). Принципиально важную информацию содержат также шурфы 1993 г. (Рис. 5, 1), разведочные раскопы Г (Рис. 5, 4) и раскоп «Сектор 9» (Рис. 5, 2) в северо-восточной части городища, раскопы Ж между зольниками №№ 1 и 2 (Рис. 5, 6), раскоп М (Рис. 5, 9), раскоп И (Рис. 5, 8), Е (Рис. 5, 16; 12, 1), а также раскопы Бларамберга/Уварова (Рис. 5, 15) и Эрнста (Рис. 5, 17).

Для культурного слоя Неаполя скифского характерны две особенности.

1. Отсутствие сплошной застройки во все периоды жизни крепости, явилось причиной неравномерного распределения культурных отложений по площади памятника. Их выразительная структура проявилась только в зольниках и в пределах строительных комплексов. Там, где не было ни того, ни другого, керамический материал II в. до н. э. — III в. н. э. последовательно залегает практически в однородном слое золистого гумуса (Рис. 13). Средняя мощность культурных отложений Неаполя составляет 0,8–1,5 м. На некоторых участках она уменьшается до 0,1–0,3 м, а в насыпях зольников достигает 5–6 м (Рис. 13, 2–5).

2. Плохая сохранность строительных остатков, позднейшие из которых были разобраны на камень в XVIII–XX вв., а более ранние — населением Неаполя скифского в конце II–III вв. н. э.

Для датировок того или иного слоя в первую очередь использован многочисленный керамический материал. Прежде всего, это амфоры и импортная керамика с лаковым покрытием, простая гончарная посуда, а также редкие нумизматические находки. Для датировки эллинистического периода исключительно важны клейма на амфорных ручках, которых к настоящему времени зарегистрировано около шестисот. Из них бо-

лее 450 принадлежат Родосу, около 30 — Херсонесу, 55 — Книду, 18 — Синопе, 15 — Косу и 14 — другим центрам, в том числе неизвестным. Отдельную группу, происходящую практически только из раскопов А–Б, составляют более сорока клейм на синопской черепице.

Для хронологических построений использованы родосские амфорные клейма (прежде всего эпонимные), датировка которых наиболее полно разработана [Grace 1952; Шелов 1975; Бадальянц 1976; 1982; Finkielsztein 2000; 2001]. Показательна ситуация с херсонесскими клеймами групп 3б и 3в [Кац 1994], которые найдены при раскопках Неаполя. Издатель каталога–определителя В. И. Кац обозначил их датировку в пределах 215–185 гг. до н. э. [Кац 1994, 77]. Однако это было сделано только на основании общих наблюдений и реконструкции событий политической истории Херсонеса в 180–170-е гг. до н. э. В частности, гибель ближней хоры Херсонеса (и прекращение выпуска клейменных амфор) связывались с событиями, упомянутыми в договоре 179 г. до н. э., заключенном с понтийским царем Фарнаком I для защиты Херсонеса (Кац 1994, 72). В последнее время наметилась тенденция к переноске датировки этого события 155/154 гг. до н. э. [Højte 2003; Stolba 2003]. Такие изменения интересно сопоставить с фактами совместных находок херсонесских клейм упомянутых групп и родосских амфор с именами эпонимов Герагора (ок. 156 г. до н. э.) и Горгона (ок. 154/153 гг. до н. э.) [Кац 1994, 74; Finkielsztein 2001, 192, табл. 19]. В культурных слоях Неаполя скифского они также найдены с родосскими эпонимными клеймами 160–120-х гг. до н. э. (см. таблицу 1).

Также необходимо отметить характерную для Неаполя особенность совместных находок синопских клейм IV в. до н. э. на черепице и родосских клейм 160-х — 110 гг. до н. э. на ручках амфор [Finkielsztein 2001, 192]. Подобное сочетание многократно зафиксировано в самых ранних ненарушенных слоях и закрытых комплексах раскопов А–Б, где также присутствовала многочисленная импортная керамика II в. до н. э. [Rotroff 1997; Коваленко 2002, 82–84]. Как предполагалось многими исследователями [Голенцов, Голенко 1979], это, вероятно, связано со вторичным использованием черепицы в качестве строительного материала.

Археологическая история Неаполя скифского разделена на 5 периодов и охватывает промежуток времени со II в. до н. э. по III в. н. э.

В качестве основы для стратиграфической колонки всего памятника принята ситуация на самом большом и информативном раскопе А–Б–В (Рис. 8; 9). Здесь исследован главный комплекс крепости — Южный дворец с прилегающими гробницами царей Аргота и Скилура [Зайцев 1997; 1999; 2001; Виноградов, Зайцев 2003] (Рис. 26; 27).

Помимо архитектурных остатков, особое значение в данном случае имеет хорошо разделяемый слой позднеэллинистического времени. Из него происходят более четырехсот стратифицированных керамических клейм, восемь монет, фибулы, золотые украшения, бусы, большое количество разнообразной импортной керамики. При раскопках мавзолея Скилура в 1946 г. также обнаружено множество эллинистической керамики, оружия, золотых украшений, бус и других предметов, которые коррелируются с аналогичными находками из культурного слоя дворца.

Современная обработка всего материала позволила выстроить единую хронологическую колонку (Рис. 8; 9; 13; 16; 17), в которой основные горизонты обозначены буквами латинского алфавита — сверху вниз, в ретроспективной последовательности.

Критериями выделения каждого горизонта послужили кардинальные изменения архитектурного вида дворца, почти всегда сопровождаемые сменой структуры слоя. В свою очередь, конкретный горизонт разделяется на более дробные «подгоризонты», обозначенные дополнительно арабскими цифрами (например D2). Их выделение обусловлено более частными событиями (перестройки и возведения отдельных объектов, пожары и т. п.), которые принципиально не изменили функций и вида архитектурного комплекса в целом.

Весь археологический материал был строго разделен по данным стратиграфии. 10 лет назад такое распределение вступило в определенные противоречия с существующей тогда хронологической классификацией родосских амфорных клейм, которая была разработана V. Grace. Получалось, что в каждом слое содержалось большинство клейм V хронологической группы (150–108 гг. до н. э.), на втором месте были клейма III группы (220/200–180 гг. до н. э.), а на третьем — IV (180–150 гг. до н. э.). Несмотря на это, основываясь на данных микростратиграфии, была предложена подробная «субъективная» хронология Южного дворца Неаполя скифского, которая укладывалась в рамки 140-х — 110-х гг. до н. э. Теперь она полностью согласуется с новой хронологией амфорных клейм Родоса, разработанной Геральдом Финкельштейном [Finkielsztein 2001, 192, табл. 19; см. таблицу 1]. Так, из группы IVa на клеймах из дворца представлены только Тимуррод (ок. 158/157 гг. до н. э.) и Горгон (ок. 154/153 гг. до н. э.). В группе IVb — Павсаний III (ок. 152 г. до н. э.), Питодор (ок. 150 г. до н. э.) и Автократ I (ок. 146 г. до н. э.). В следующей группе Va из 12 эпонимных имен встречаются 11, в группе Vb из 12 эпонимов представлены также 11. В группе Vc из 11 эпонимов есть 10, из которых самые поздние — Дамон (ок. 110 г. до н. э.) и Аратофан I (ок. 109 г. до н. э.).

Наиболее показательна микростратиграфия полов внутри главного мегарона (Рис. 9, II), где слой тотального разрушения D1 перекрывает 23 глинобитных уровня пола, одинаковые по структуре и разделенные равными по толщине тонкими слоями натоптанной грязи. При этом каждая новая поверхность пола была связана с новым слоем обмазки стен и центрального очага. Из этого очевидна строгая регулярность обновления главного здания дворца, что имеет много этнографических параллелей [Календарные обычаи... 126, 217]. Во многих культурах известны ежегодные ремонты культовых построек и жилищ, помимо практического значения имевшие и глубокий сакральный смысл. Слой подгоризонта D1 на основании целого ряда признаков может быть связан с событиями Диофантовых войн и датирован, соответственно, 112–108 гг. до н. э. Помимо прочего, в нем найдено две монеты этого времени (Рис. 9, 31, 32) — Амиса: голова Ареса, меч с портупей [Imhoof-Blumer 1912, 169–184] и Пантикапей: голова Афины в шлеме, нос корабля [Анохин 1986, 69–70].

В основании массива полов найдено клеймо родосского эпонима Аристогейта (ок. 140 г. до н. э.).

Гипотетические 23 года, установленные по количеству полов, хорошо укладываются во временной отрезок, установленный по археологическому материалу — между 141 г. до н. э. и 112/108 гг. до н. э. Если принять эту схему, то получится, что пожар 1 случился около 135/131 гг. до н. э., а пожар 2 — в 126/124 гг. до н. э. Интересно, что согласно датировке Финкельштейна, самый поздний эпоним из слоя пожара 1 — Тимотей (ок. 128 г. до н. э.). Колонка полов внутри мегарона в концентрированном виде повторяет картину для всего дворца в целом.

Горизонт Е. Самый ранний, разделяется на два «подгоризонта»: Е2 и Е1.

Подгоризонт Е2 представляет собой тонкие слои суглинка, глинобитные поверхности и полы в нескольких землянках и наземных постройках (Рис. 7; 9, Е2). Под мегароном зафиксированы остатки более ранней наземной постройки — «протомегарона», с которым связаны 8 первых поверхностей глинобитного пола (Рис. 9 II; 22). Судя по стратиграфии, он был полностью перестроен в новый фундаментальный мегарон.

Датирующие находки из горизонта: три ручки родосских амфор с именами эпонимов Павсания III (ок. 152 г. до н. э.), Аристогея (ок. 140 г. до н. э.) и Терсандра (ок. 137/136 гг. до н. э.), фрагменты расписной чернолаковой аттической амфоры с витыми ручками и мегарских чаш.

Подгоризонт Е1 — ярко выраженные следы сильного пожара: обгоревшая глина и обмазка стен, обильный древесный уголь, сильно прокаленные фрагменты керамики. Представлен локальными прослойками и тонкими линзами *in situ* внутри и рядом с упомянутыми постройками комплекса. Мегарон — единственное здание дворца, которое после катастрофы было тщательно очищено от слоя пожара. Основная часть «пожарного мусора» отсюда была перемещена на 150 м к югу, где и была обнаружена раскопками 1979–88 гг.

Датирующий материал из подгоризонта Е1 (пожар 1) необычайно богат и разнообразен. Прежде всего, это более ста родосских амфорных ручек с клеймами групп IVb, Va и Vb (см. таблицу 1, Е). Кроме того, здесь обнаружены различные стеклянные бусы, «зарубинецкая» бронзовая фибула (Рис. 16, 16). Сотни фрагментов принадлежат нескольким десяткам керамических изделий — чернолаковым и краснолаковым сосудам, крупным расписным унгентариям и лягиносам, простым унгентариям, светильникам, керамическим алтарикам и фимиатериям, гончарным сковородам и кастрюлям, «мегарским» чашкам и т. д. (Рис. 16, 18–20, 24–32) [Зайцев 1998].

В одном из зданий на полу были обнаружены маленькая родосская амфора, лягинос и гончарный горшок с двустольными ручками (Рис. 23), у порога другого — краснолаковые канфар и тарелка (Рис. 59, 2; 60, 3), а также лепной горшок (Рис. 49, 4) и светильник.

Особенно показателен локальный керамический комплекс пожара 1 (Рис. 24). К западу от мегарона, на площади не более 10–15 кв. м были найдены: амфора производства неустановленного центра, пять родосских амфор, чернолаковая чашка с штампованным орнаментом, нижняя часть унгентария, голова фигурного терракотового фимиатерия в виде

полуфигуры Деметры с полихромной росписью (Рис. 24, 9). В контексте данной работы особое значение приобретают восстановленные горловины четырех родосских амфор, на каждой из которых сохранились верхние прилепы ручек с прямоугольными клеймами (Рис. 25). Три эпонимных клейма отгиснуты одним штемпелем, на них четко читается имя Анаксандра (ок. 143/142 гг. до н. э.) и месяц Панам. Двум из них соответствуют фабрикантские клейма с именем Дамокла, также выполненные при помощи одной матрицы, а третьему — штамп с именем Комос (или Комо). Четвертая пара — эпоним Павсаний (ок. 152 г. до н. э.) и фабрикант Тимо — принадлежала наиболее массивной амфоре, на плече которой было прочерчено граффити. Еще одна ручка — с клеймом фабриканта Мидаса — без пары.

Горизонт D. Разделяется на четыре подгоризонта: D4–D1.

Подгоризонт D4 представлен несколькими полами в мегароне, бассейном из каменных плит и несколькими стенами-оградами (Рис. 27, D4). По стратиграфии он непосредственно следует за пожаром 1. В это же время происходит строительство мавзолея-героона царя Аргота — антовой постройки в дорическом стиле (Рис. 7; 26; 27).

Подгоризонт D3 отмечен генеральной реконструкцией комплекса, возведением зданий, окружающих мегарон и двор (Рис. 26; 27). При их строительстве были широко использованы одинаковые целые и бракованные известняковые квадраты.

Подгоризонт D2 характеризуют перестройки отдельных объектов дворца, локальный пожар 2, который зафиксирован на 9-м полу мегарона.

Архитектурные остатки подгоризонтов D4–D2 сопоставлялись однородным листовым суглинком мощностью до 0,6 м. Во многих местах он разделен тонким слоем пожара 2, который также зафиксирован на полах всех трех зданий. После этого пожара и до момента разрушения мегарона, (подгоризонт D1), в нем отложилось 13 поверхностей пола (Рис. 9, II).

В подгоризонтах D4–D2 найдено более 200 ручек родосских амфор с клеймами, в основном, групп IVb–Vc (ок. 152 — ок. 109 гг. до н. э. по Finkielsztein 2001) (таблица 1, Южный дворец, горизонт D).

Обнаружены также бусы различных типов (Рис. 16, 38, 42, 43, 47–49). На полу № 21 мегарона найдена просверленная бронзовая монета Скилура (Рис. 9, 30). В этот же пол, за очагом, была закопана синопская амфора с отбитой ножкой (Рис. 54, 2).

Найдено очень большое количество разнообразных разбитых импортных сосудов. Это десятки тарелок, чашек с фигурными ручками, рыбных блюдов, канфаров, «мегарских» чаш, лягиносов, унгентариев (Рис. 58–61; 65). Больше половины экземпляров — краснолаковые. На одном лягиносе прочерчено граффити с формулой ΧΑΙΡΕ (Рис. 61, 4). Особо следует отметить фрагменты нескольких расписных сосудов с белой облицовкой, редких для Северного Причерноморья. Показательны наборы греческой кухонной керамики (Рис. 63) — кастрюли с крышками, сковороды и горшки с круглым дном. Это пока единственный случай массового употребления таких сосудов в варварских памятниках Северного Причерноморья.

Подгоризонт D1 мощностью до 0,6 м представляет собой рушеную желтую глину, с фрагментами

белой штукатурки, обломками черепицы и сырцовых кирпичей, фрагментами расписной штукатурки. Моментальное его накопление связано с одновременным разрушением глинобитных стен и черепичных крыш зданий дворца.

В этом подгоризонте найдено более 30 родосских амфорных клейм с именами эпонимов 146–109 гг. до н. э. и синхронных им фабрикантов, мелкие золотые украшения — серьга, пронизь, бляшки, различные бусы, бронзовая среднелатенская фибула, а также четыре бронзовые монеты, из которых две — пантикапейские, а одна — амисская (Рис. 16, 67, 68, 69).

Импортная керамика обильна и разнообразна. Ее состав в целом сопоставим с находками из более ранних горизонтов комплекса. В качестве примера можно привести набор предметов из «Восточного дома» Южного дворца. Здесь найдены оригинальный расписной лягинос с двустольной ручкой, миниатюрная расписная амфора с канеллированным корпусом, терракота Афродиты и Эрота, свинцовая гиря и бронзовые ключи от шкапулок (Рис. 64).

Таким образом очевидно, что достоверной датировкой горизонтов E–D Южного дворца Неаполя скифского может быть признана вторая половина II в. до н. э. — прежде всего, по факту нахождения многочисленных родосских клейм 150–108 гг. до н. э. [по Grace 1952] или 152–109 гг. до н. э. [по Finkielsztejn 2001].

С подгоризонтами D2–D1 могут быть синхронизированы большинство захоронений мавзолея Скилура, который был построен во время генеральной реконструкции дворца периода D3 [Зайцев 1997, 43; Колтухов 1999, 35; Зайцев 2001, 43–44] (Рис. 70–73).

Основное захоронение Скилура (Рис. 74–76) было совершено в мавзолее в 114/113 гг. до н. э. После этого, в течение нескольких лет рядом с телом царя захоронили более двадцати мужчин, женщин и детей с богатым и разнообразным инвентарем. Среди находок из этих погребений — унгентарии, чашки с лаковым покрытием и другие сосуды (Рис. 90; 91), золотая фибула-брошь (Рис. 80, 2) и фибулы среднелатенской конструкции, два латенских меча (Рис. 79, 1), железный шлем (Рис. 78), огромное количество бус и золотых украшений.

Вероятно, это пока единственный случай в археологии Северного Причерноморья, когда открыты и дворец-резиденция и царское захоронение, составляющие две части единого комплекса.

Предложенную датировку отчасти подтверждает и комплекс Артюховского кургана, основные захоронения в котором совершены в 140–125 гг. до н. э. [Максимова 1979, 8–9]. Десятки предметов из него аналогичны находкам из мавзолея Скилура и Южного дворца Неаполя скифского.

Горизонт С на раскопе А–Б–В представляет собой локальные участки плотного золистого суглинка — гумуса мощностью не более 0,03–0,20 м (Рис. 8, С). С ним связаны стены неясного назначения (Рис. 7, С). Внутри мегарона этот горизонт представлен десятью глинобитными полами. На полах №№ 9 и 10 зафиксированы следы пожаров 3 и 4 (Рис. 8, С). Датировочный материал — в основном фрагменты широкогорлых светлоглиняных амфор с двустольными ручками южнопонтийского производства, а также более ранних — производства Родоса, Коса, Синопы. В хозяйственной яме № 34 (восточная часть

раскопа А) найдена бронзовая пряжка-сюльгама (Рис. 17, 20). Эта яма непосредственно перерезала подгоризонт D1, поэтому может быть отнесена к переходному периоду D/С. Необходимо отметить также малочисленность и невыразительность фрагментов буро-и краснолаковых чашек и кувшинов, отсутствие «мегарских» чашек и появление характерной серолощенной гончарной керамики: кувшинов с фигурным сливом, мисок большого диаметра и других форм (Рис. 99, 8–10). Широкая датировка светлоглиняных амфор с двустольными ручками варианта С1а [Внуков 1988, 198–199; 2003, 202] не позволяет датировать данный горизонт более узко, чем I в. до н. э. — начало I в. н. э. С другой стороны, малая мощность отложений, накопившихся непосредственно на подгоризонте D1, и небольшое число полов в мегароне Н скорее свидетельствуют о его образовании еще в первой половине I в. до н. э., однако прямых доказательств этому пока нет.

Определить точную временную границу между захоронениями мавзолея периодов D и С в принципе невозможно. Находки серолощенной гончарной чашки, мозаичных стеклянных бус определенных типов и подковообразных бронзовых пряжек [Зайцев 1999, рис. 4, IX], которые диагностируют рубеж II–I — начало I вв. до н. э. [Зайцев 1997, 165; Зайцев, Мордвинцева 2003], и стратиграфические наблюдения позволяют предварительно отнести к горизонту С не менее 18 последних погребений.

Горизонт В на всей площади раскопа А–Б–В представлен слоем однородного золистого суглинка, в некоторых местах разделенного прослойками глины и золы. В пределах стен мегарона он представлял собой зольник мощностью до 1 м. На других участках толщина слоя горизонта В достигала 0,1–0,3 м (Рис. 8, В). При этом во многих местах он непосредственно перекрывал слой подгоризонта D1. Это также может свидетельствовать о кратковременности накоплений слоя горизонта С.

Датирующий материал: фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типов С IVA2 [Внуков 1988, 205; 2003, рис. 45], В и С, относящихся к последней четверти I–II вв. н. э. [Шелов 1978, 17–18], широкогорлых светлоглиняных типа С1в [Внуков 1988; 2003, 202, рис. 10], денарий Веспасиана 72–73 гг. н. э. [Харко 1961, 217] (Рис. 17, 41). Представительную группу составляют многочисленные фрагменты краснолаковых сосудов ESB и понтийской сигилляты разнообразных форм I–II вв. н. э. [ср. Книпович 1952, 302, тип 9а; 301, тип 11; 303, тип 12; 304, тип 16; Журавлев 1997].

С этим же горизонтом связан локальный некрополь перед крепостными воротами, расположенный возле героона-мавзолея Аргота (Рис. 7). Здесь были раскопаны погребение ребенка с мозаичными бусами, золотыми серьгой и подвеской в виде палицы Геракла, богатое погребение мужчины и женщины в скальной могиле и шесть конских захоронений [Шульц 1957, 76; Карасев 1951, 33–34; Высотская 1979, 201]. Все они могут быть датированы концом I — началом II вв. н. э.

Более двадцати хозяйственных ям, размещенные среди более ранних развалин Южного дворца (Рис. 7, В), относятся ко времени не ранее середины II в. н. э.

На основании всех данных, горизонт В может быть датирован временем от середины — последней четверти I в. н. э. до третьей четверти II в. н. э.

Горизонт А самый поздний, подразделяется на два подгоризонта — А2 и А1.

Подгоризонт А2 представляет собой однородный золистый гумус, достигающий мощности 0,1–0,4 м. Он соотносится с многочисленными строительными остатками (Рис. 7, А; 8, А), хозяйственными ямами и погребениями детей.

Подгоризонт А1 представляет собой слой темного чернозема мощностью 0,1–0,5 м, насыщенного большим количеством камней.

Из слоя горизонта А происходят разнообразные амфоры (Рис. 126, 1–4, 6) — узкогорлые светлоглиняные типа D [Шелов 1978, 17–18], боспорские красноглиняные различных форм и типов [Зеест 1960, табл. XXX–XXXI, Абрамов 1993, 16–49], розовой глины с воронкообразным горлом [Зеест 1960, табл. XXXVII, 90], «самосские» одноручные. Краснолаковая керамика в целом воспроизводит типичный набор этого времени [ср. Книпович 1952, 301–308; Журавлев 1997; 1998; Домжальский 1998].

Среди металлических предметов представляет интерес фибула с фигурной обмоткой спинки [Амброс 1966, табл. 9, 12] и бронзовая монета Херсонеса времени второй эллевтерии (Рис. 17, 64) [Харко 1961, 216].

На основании перечисленных материалов можно датировать горизонт А в пределах последней четверти II — первой половины III вв. н. э.

После подробного анализа культурных отложений в эталонном раскопе А–Б–В и обоснования их хронологии сопоставим полученные результаты с ситуацией на других участках Неаполя. Некоторые из них корректируют данные раскопа

А–Б–В. Самым важным в данном случае является выявление древнейшего горизонта F, локализованного в северной части городища.

Горизонт F представляет собой слой гумуса, насыщенного скальным щебнем, мощностью до 0,2 м. Он достоверно зафиксирован на поверхности материка в раскопах Г 1959 г. (Рис. 5, 4), восточном отрезке траншеи 1955 г. (Рис. 5, 5), в шурфах 1993 г. (Рис. 13, 7) и в раскопе Д (Рис. 5, 3). В последнем случае с ним связаны три хозяйственные ямы (Рис. 10, F). Из этого слоя происходят фрагменты херсонесских, фасосских, синопских амфор, клейма на ручках амфор с именами херсонесских астиномов Архандра и Герогейта (Рис. 17, 1–3, 5, 7) группы IB — 315–297 гг. до н. э. [Кац 1994, 100], а также две клейменные ручки предположительно фасосской амфоры и амфоры неизвестного центра (Рис. 17, 4, 6). Еще десять херсонесских клейм группы I либо не восстановлены, либо происходят из более поздних слоев на тех же раскопах и шурфах. Вместе с греческой керамикой в слое F найдено около тридцати фрагментов лепных лощеных сосудов с врезным гребенчатым орнаментом, которые являются индикаторами кизил-кобинской археологической культуры (Рис. 17, 8) [Дашевская 1964, 206–207; Колотухин 1996]. Такое сочетание материала позволяет определить время образования горизонта F рубежом IV–III вв. до н. э.

Горизонт E. На большинстве раскопанных участков не зафиксирован. Во многих местах он, очевидно, не накопился совсем, а кое-где не выделяется из-за невыразительности материала.

Таблица 1

Встречаемость эпонимных амфорных клейм Родоса на различных участках Неаполя скифского. Абсолютные датировки эпонимов даны по Finkielsztein 2001

Группа	Имена эпонимов	Абсолют. дата гг. до н. э.	Зольники ЕЗ-Е2 в Юж. части Неаполя ¹	Сев. часть Неаполя, в т.ч. раскоп Д	Ю-В часть Неаполя ²	Раскоп 1926 г.	Южный дворец горизонт E	Южный дворец горизонт D	другие участки Неаполя ³
IIIa	Αουτήδης I	ок.204							
	Θευφάνης II	ок.203							
	Θεόδωρος II	ок.202							
	Εὐκρατίδας	ок.201							
	Κλέαρχος	ок.200							
	Παυσανίας II	ок.199							
	Δορκυλίδας	ок.198							
	Αγλούμβροτος	ок.197							
	Θαρσιπόλις	ок.196							
	Σώδαμος	ок.195							
	Σώστρατος	ок.194							
	Κλεπτόμαχος	ок.193							
	Θέστωρ	ок.192							
	Δαμόθεμις	ок.191							
	Ίασικράτης	ок.190							
	Ξενοφάνης	ок.189							
IIIb	Πρατοφάνης	ок.188							
	Κρατίδας	ок.187	*		*				*
	Ιέρων I	ок.186							
	Ἀρχοκράτης II	ок.185							
	Τιμασαγόρας	ок.184		*					
	Φιλόδαμος II	ок.183			*				
	Κλεώνυμος II	ок.182							
IIIc	Αγέμαχος	ок.181/179		**					
	Ἀρχίδαμος	ок.180/178							
	Αἰνησίδαμος II	ок.179/177							
	Αἰνίτωρ	ок.178/176							
	Καλλικράτης II	ок.177/175							
	Δαμοκλῆς II	ок.176/174							
IIIд	Καλλικρατίδας II	ок.175/173							
	Κλεοκράτης I	ок.174/172							

Группа	Имена эпонимов	Абсолют. дата г. до н. э.	Зольники Е3-Е2 в Юж. части Неаполя ¹	Сев. часть Неаполя, в т.ч. раскоп Д	Ю-В часть Неаполя ²	Раскоп 1926 г.	Южный дворец горизонт Е	Южный дворец горизонт D	другие участки Неаполя ³
	Σύμμαχος	ок.173/171							
	Νικασαγόρας I	ок.172/170							
	Θεαίδης	ок.171/169							
	Ἀθανόδοτος	ок.170/168							
IIIe	Ἀρατοφάνης I	ок.169/167			*				
	Ἀριστείδας II	ок.168/166							
	Ἀρίστων II	ок.167/165							
	Ἀριστόδαμος II	ок.166/164							
	Ἀρχιλαΐδας	ок.165/163							
	Ξενοφών	ок.164/162							
	Ἀγέστρατος II	ок.161							
IVa	Πεισίστρατος	ок.160	**			*			
	Δαμνίνετος	ок.159/158	*						
	Τιμοῦρροδος	ок.158/157						***	*
	Ἀριστόμαχος I								
	Ἡραγόρας								
	Σωσικλῆς								*
	Γόργων	ок.154/153			*			*	
IVb	Πανσανίας III	ок.152	**		*	*	**	*	*
	Ξενοφάντος II	ок.151	***		*				
	Εὐδαμος				*	*			
	Πυθόδωρος	ок.150	*					*	
	Πυθογένης				*				
	Ἀλεξιμαχος	ок.147			*				
	Αὐτοκράτης I	ок.146	*					*	
Va	Τιμόδικος	ок.145	*						
	Ἀστυμήδης II	ок.144						*	
	Ἀνάξανδρος	ок.143/142	*				****	***	
	Τεισαγόρας	ок.142/141	*					*	
	Ἀριστοτέγιτος					*	**		
	Ἀναξιβουλος						**		
	Λαφειδης		*				*	*	**
	Ἀλεξιάδας		**				***	*****	
	Θέρσανδρος	ок.137/136					**	*	*
	Ἀρίστακος			*			*		*
	Ἀνδρίας							***	
	Ἀρχέμβροτος I	ок.134/133	**			*	*	**	
Vb	Ἀνδρόνεικος	ок.132	**					*	
	Νικασαγόρας II	ок.131					*****	*****	
	Καλλικράτης III	ок.130					***		
	Ἀριστογένης	ок.129							
	Τιμόθεος	ок.128	**				*****	***	*
	Λεοντίδας	ок.127						**	
	Κληνόστρατος	ок.126							
	Πολυάρατος II	ок.125			*	*		*****	
	Τεισοάμενος							**	
	Ἀρίστρατος							*	
	Τειμαγόρας I							**	
	Ἰέρων II	ок.121						***	
Vc	Ἀρχίνος	ок.120						****	
	Εὐδάνωρ	ок.119						**	
	Ἀριστόπολις	ок.118		*				*	
	Ἀριστομβροτίδας	ок.117						**	
	Αἰσχίνας	ок.116							
	Ἀρχίβιος	ок.115						**	
	Ἐστιεῖος	ок.114						*	
	Ναύσιππος	ок.113						*	
	Ἀριστάνας II	ок.112						*	
	Ἀριστείδας III	ок.111							
	Δάμων	ок.110						*	
	Ἀρατοφάνης II	ок.109						*	
	Ἀγοράναξ	ок.108							
?	Ιερομένης	?						**?	
?	Τιμοκλῆς	?						**	
?	Φαίνιλα	?						*	
клейма, которые либо не восстанавливаются, либо имеют много вариантов восстановления			****	*		**	***** *****	***** *****	**** ****
Количество определенных клейм 155			23	5	8	8	32	70	9
Общее количество клейм 204			27	6	8	10	48	88	17

¹ В эту группу включены зольник под мавзолеем Скилура и зольник под западной частью зольника № 3.

² Раскопы VI, VII, VIIa, VIIб, VIIв.

³ Раскоп I, раскоп E, находки на территории Восточного некрополя, подъемный материал.

На раскопах Д (Рис. 10, Е2), Е (Рис. 12), О (Рис. 5, 7), I (Рис. 11, 2, Е2) и VIIб (Рис. 11, 1, Е2) выявлены различные сооружения — наземные постройки, полуземлянки, хозяйственные ямы — и связанные с ними подгоризонты Е2–Е1. Помимо массового керамического материала, из них происходят родосские клейма эпонима Аристака (ок. 135 г. до н. э.) и фабриканта Лина (Рис. 17, 9), бронзовая чеканная лунница (Рис. 17, 14). На тех же раскопах (Рис. 19, I), а также под насыпью более позднего зольника № 3 были открыты строительные остатки и слой, явно предшествующие подгоризонтам Е1–Е2. Они условно выделены в подгоризонт Е3.

Малое количество датирующих находок, сопровождающих объекты подгоризонта Е3, позволяет относить его ко второй четверти — середине II в. до н. э. Только под зольником № 3, ниже слоя пожара 1, выявлен довольно мощный зольный слой подгоризонтов Е2–Е3 (Рис. 13, 2–5), содержащий несколько десятков клейменных ручек родосских амфор, в том числе с именами эпонимов групп IVa, IVb, Va, Vb ок. 160–132 гг. до н. э. (таблица 1). Список фабрикантов: Бромий, Буларх, Гиерон, Дамократ, Драконтид, Евфранор, Мидас, Мосх, Тимо, Гиппократ, Питодор, Гиерокл.

Горизонт D. Прослеживается только на отдельных участках. Достоверно связанные с ним строительные остатки выявлены только в раскопах Е (мегарон Е) и VIIв (землянка, остатки каменной стены, хозяйственные ямы) (Рис. 11, 1, D).

В первом случае этот горизонт выделен по данным стратиграфии, причем колонка многослойных глинобитных полов в мегароне Е полностью повторяла ситуацию в мегароне Н Южного дворца (Рис. 9, II).

На раскопе VIIв из горизонта D происходят родосские клейма с именами эпонимов Полиарата (ок. 125 г. до н. э.) (Рис. 17, 12) и Горгона (ок. 154/153 гг. до н. э.) (Рис. 17, 13), фабриканта Диона (Рис. 17, 10), а также на ручке синопской амфоры (Рис. 17, 19; 54, 1).

Из горизонтов Е–D городища и пригорода, неразделенных стратиграфически, известно еще некоторое количество эпонимных клейм на ручках родосских амфор (таблица 1). На других амфорных ручках прочтены имена фабрикантов: Агатобула, Агафокла, Аполлодора, Аристокла, Буларха, Гиерона, Дамократа, Диодота, Дора, Евклеита, Зенодота, Лина, Марсия, Родона, Тимоксена, Фания, Ермия, Гестифиона, Лисциона. Отмечены также эпизодические находки херсонесских амфорных клейм групп 3Б–3В [Кац 1994, 107].

Достаточно сложен вопрос взаимосвязи культурных слоев горизонтов Е–D и хронологии оборонительных сооружений Неаполя скифского. С. Г. Колтухов, который специально занимался фортификацией городища, пришел к выводу, что «временем сооружения оборонительной стены первого строительного периода главной линии обороны города можно считать последнюю четверть III в. до н. э., но скорее первую четверть II в. до н. э.» [Колтухов, 1999, 31–32]. Высказывалась также несколько иная точка зрения и был сделан вывод о том, что начало крепостного строительства определяется временем, близким пожару 1, т. е. после середины II в. до н. э. [Зайцев 1995, 87; 1999, 130].

Основным аргументом в обоих случаях выступали все те же амфорные клейма, находки которых так или иначе связывались с фортификационными сооружениями. К настоящему времени известно 34 клейма на ручках родосских амфор, происходящих

из раскопов, расположенных на трассе южной оборонительной стены Неаполя скифского.

Раскоп Е (Рис. 5, 16). В суглинке над материком, на площади около 100 кв. м, было обнаружено 8 клейм на ручках родосских амфор, 1 — на ручке книдской и 1 — на ручке косской амфор. Слой, в котором они находились, компактно залегал между пригородным мегароном Е и древнейшей оборонительной стеной. Кроме клейменных ручек здесь были найдены сравнительно многочисленные фрагменты посуды с лаковым покрытием, «мегарских» чашек, крупные фрагменты амфор и лепной керамики, литейная форма для изготовления конского налобника с крючком (Рис. 68, 3), выточенная из ручки родосской амфоры.

Накопление этого слоя может быть связано с функционированием соседнего мегарона Е. Отсюда допустимо его последующее частичное перемещение к северу при строительстве оборонительной стены. Эта версия подтверждается и тем, что при разборке забутовки древнейшей стены в 1959 г. были найдены фрагменты амфор эллинистического времени, фрагмент венчика мегарской чаши и ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Лафейда (ок. 139/138 гг. до н. э.). Это единственный подобный случай за всю практику раскопок крепостной стены городища — на всех остальных участках ее забутовка оказывалась стерильной. Исходя из этого можно предположить, что часть близлежащего культурного слоя, накопившегося до строительства оборонительных сооружений, попала в тело стены вместе со скальным щебнем.

Самая представительная коллекция амфорных ручек с клеймами происходит из раскопа 1926 г. (Рис. 5, 17). Их распределение по площади раскопа представляет определенный интерес (Рис. 19, II). Оказывается, что 13 клейм довольно компактно залегают в центральной части раскопа, и это скопление как бы «разрезано» трассой оборонительной стены.

Это, в свою очередь, позволяет предположить, что оборонительная стена возникла на этом месте после образования локальной линзы культурного слоя. Как и на других участках, здесь могла произойти расчистка поверхности под строительство, а снятый грунт был распределен по сторонам от фундамента. Упомянутый слой мог быть связан с функционированием усадьбы подгоризонта Е3, ничтожные остатки которой открыты на раскопе VIIб (Рис. 11, 1, Е3). Оба объекта расположены на расстоянии 25–30 м один от другого (Рис. 5; 13, 17).

Таким образом, картина на всех упомянутых участках демонстрировала неоднозначность стратиграфии возле оборонительной стены Неаполя и позволяла предполагать существование усадебных структур на месте будущей крепости во второй четверти — середине II в. до н. э. С каждым из таких комплексов (Рис. 19, 1, а) связывались мусорные зольники, отмеченные содержанием родосских амфорных клейм 180–140-х гг. до н. э. (Рис. 19, 1, б).

Ситуация еще более прояснилась в 1999 г., после раскопок юго-западной части раскопа А (Рис. 7). Здесь была тщательно изучена стратиграфия у древнейшей стены, которая позволила реконструировать следующую последовательность событий.

Древнейшим объектом на раскопе А был зольник, центральная часть которого была перекрыта более поздним мавзолеем Скитура. Помимо прочих находок (в том числе клейм фабрикантов Аминты и Марсия), из

него происходит обгоревшая ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Кратиды (ок. 187 г. до н. э.) самое раннее (по датировке Г. Финкельштейна) из родосских клейм, найденных на Неаполе.

В южную и северную полы этого зольника были впущены три полуземлянки (Рис. 7, ЕЗ). Одна из этих землянок (№ 2) при сооружении древнейшей оборонительной стены была наполовину срезана, а ее уцелевший северный сегмент засыпан грунтом из разрушенной строительством части зольника. Сам же зольник было бы логично связать с соседней усадьбой, остатки которой были перекрыты (?) восточной башней у центральных ворот (Рис. 18, 5а).

Следующий слой, перекрывший заполнение котлована землянки и поверхность зольного холма, резко отличается от них по структуре и составу. Он очень плотный и содержит яркие признаки строительства — линзы и прослойки глины, щебня, каменной крошки — отеса. Таких признаков совершенно нет ни на материковой поверхности, ни в насыпи зольника. Поэтому логично предположить, что этот слой отмечает уровень строительства древнейшей стены и начальный этап ее функционирования.

Слой пожара 1 на этом участке был перекрыт во время последующего укрепления стены, когда с севера к ней пристроили «городской» пояс (Рис. 18, 8).

Таким образом, южная оборонительная стена была построена после образования небольших мусорных зольников подгоризонта ЕЗ и после того, как в одном из таких зольников были устроены полуземлянки. Наиболее вероятная датировка этого события — после 140 г. до н. э.

Горизонт С на всей территории Неаполя представлен выразительным культурным слоем с содержанием золы, который часто сопровождал комплексы построек. Его датировка I в. до н. э. — I в. н. э. подтверждается находками тех же групп археологического материала, что и на раскопе А-Б-В. Однако в целом по городищу он имеет более длительный срок накопления — около 150 лет. Помимо большого количества фрагментов керамики (амфоры, краснолаковая и лепная посуда) из этого слоя происходят и некоторые индивидуальные находки. Это стеклянные бусы [Алексеева 1975; 1978; 1982, 60, тип 27; 71, тип 149; 53, тип 341; 73, тип 171; 29, тип 1в], фрагмент железной фибулы, венчик стеклянной чаши «Rippenschale» [Кунина, Сорокина 1972, рис. 5, 11; Eggers 1951, Typen 182–183], фигурная подвеска из египетского фаянса в виде лежащего льва, бронзовые наконечники стрел (Рис. 17, С).

Детальная хронология горизонта С в настоящее время затруднена из-за широких датировок происходящего из него археологического материала. При современном состоянии исследований можно сделать наблюдения и выводы только по отдельным, наиболее информативным участкам.

Так, важные данные для датировки одного из пожаров получены при исследованиях северной части зольника № 3. В этом месте перегоревший строительный мусор непосредственно перекрывал слой горизонтов Е/Д. В нем были обнаружены фрагменты примерно десяти светлоглиняных амфор с двустольными ручками С1а-в (Рис. 99, 12), гончарные серолощенные кувшины и миска (Рис. 99, 8–10), краснолаковые чашки (Рис. 99, 6, 7, 11), лепная курильница с горизонтальными ребрами (Рис. 99, 2) и фрагмент гончарного алтарика.

Вероятно, этот слой пожара происходит из комплекса мегаронов 3, К, Л, М (Рис. 97), расположенного в 15 м к востоку. В домах К, Л и М следы сильного пожара сохранились на самых ранних полах. В полу дома М была найдена монета Синопы 100–70 гг. до н. э. (Рис. 17, 21) [Imhoof-Blumer 1912, 169–184]. Данная ситуация позволяет определить время этого пожара первой половиной — серединой I в. до н. э. Предложенная датировка не совпадает с новейшей хронологией светлоглиняных широкогорлых амфор [Внуков 1988, 56; 2003, 202], что потребует разрешения этого противоречия в ближайшем будущем.

В период образования слоя горизонта С произошел еще один пожар (5), который зафиксирован перед оборонительной стеной на раскопе VI (Рис. 5, 18). Это событие С. Г. Колтухов и другие исследователи датируют первым десятилетием I в. н. э. и связывают его с острой ситуацией в скифо-боспорских отношениях [Колтухов 1990, 178; 1999, 36; Пуздровский 2001].

Таким образом, в относительной хронологии горизонта С может быть разделен на более дробные подгоризонты:

Подгоризонт С4 — культурный слой, накопившийся до пожаров 3–4. Прослежен внутри и рядом с дворцовым мегароном Н, а также в комплексе мегаронов 3, К, Л.

Подгоризонт С3 — слой пожаров 3–4, отмеченный на тех же объектах. Судя по стратиграфии, эти пожары произошли с минимальным временным разрывом. Поэтому выяснить, какой конкретно слой пожара (3 или 4) представлен в каждом случае, невозможно.

Подгоризонт С2 — культурный слой, сопровождающий мегароны 3, К, Л (Рис. 97). Он накопился после пожаров 3–4. Вероятно, к этому же подгоризонту относится пожар 5.

Подгоризонт С1 — слой разрушения мегаронов 3, К, Л.

Горизонт В Неаполя скифского отличается определенным своеобразием. Как и на раскопе А-Б-В, в других местах для него характерен слой золистого гумуса небольшой мощности (Рис. 7; 13, В). В это же время образовались три больших зольника, из которых почти полностью раскопан зольник № 3 (Рис. 5, 19; 105), а также множество малых зольников, часто возникавших среди более ранних развалин. Из них наиболее интересен зольник-эсхара, расположенный у развалин мегарона Е (Рис. 12, 1, 4; 105, 2). В нем найдены бронзовые статуэтки Диоскуров (Рис. 108) [Шульц 1969], золотая подвеска (Рис. 111, 4), костяные пиксиды, бронзовые фибулы (Рис. 111, 1, 3, 7) и детали шкатулок (Рис. 111, 3, 5, 10), различные бусы (Рис. 110, 2–8, 13–15; 17–18) [Алексеева 1975; 1978; 1982, 46, тип 82; 72, тип 165; 25, тип 44; 34, тип 166], другие разнообразные предметы (Рис. 111, 9, 11, 12, 16, 17, 20), а также фрагменты различных стеклянных сосудов (Рис. 109–110). Вероятно, из этого же комплекса происходит золотой статер боспорского царя Римиталка 150/151 гг. н. э. [Анохин 1986, 110–111; Фролова 1997, 142–144; Зайцев 1990а] (Рис. 112, 1). Значительная часть упомянутых находок может быть датирована второй половиной I — серединой — третьей четвертью II вв. н. э.

Относительная стратиграфия и хронология горизонта В наиболее подробно прослежена во время раскопок зольника № 3 (Рис. 105).

Подгоризонт В3 — зольник, накопившийся непосредственно на развалинах мегаронов 3, К, Л (Рис. 105, 6).

Через некоторое время он был сnivelирован и перекрыт каменной вымосткой и стенами-ограда-ми подгоризонта В2 (Рис. 105, 3, 4).

Подгоризонт В2. С этим подгоризонтом связано существование святилища из трех стел-менгиров [Высотская 2001] (Рис. 105, 5; 106). В этот же период насыпь зольника № 3 разрасталась в пределах кладки-ограды.

Подгоризонт В1. Дальнейшее увеличение насыпи зольника № 3, которая перекрыла объекты подгоризонта В2.

Для горизонта В характерно почти полное отсутствие фундаментальных построек. Предположительно с ним можно связывать только мегарон А на раскопе Д (Рис. 10). Датировка этого здания I–II вв. н. э. была предложена И. В. Яценко при анализе его фресковой росписи [Яценко 1960, 91], хотя она почти не подтверждается археологическим материалом и стратиграфией. Разногласия в датировке мегаронов А, Б и В на раскопе Д от II–I вв. до н. э. [Высотская 1979, 61–63] до I–III вв. н. э. [Яценко 1960, 91; Дашевская 1962, 194] вызваны малой информативностью связанного с ними культурного слоя. С одной стороны, эти здания построены практически на поверхности подгоризонта Е1. Этот факт мог бы говорить в пользу их принадлежности горизонтам D или C. С другой стороны, с этими мегаронами связан богатый комплекс находок времени гибели Неаполя (подгоризонт А1). Таким образом, надо или предполагать непрерывное существование этих зданий со II в. до н. э. по III в. н. э., или признать отсутствие здесь культурного слоя горизонтов C–D. Окончательное решение этой проблемы будет возможным после изучения всей полевой документации и новых раскопок.

Из других объектов горизонта В можно назвать большое количество примитивных хозяйственных ям, человеческие захоронения в специальных могилах (раскоп VIIв) (Рис. 120, II) и несколько погребений человеческих черепов в хозяйственных ямах.

Горизонт А. На всех участках представлен выразительным слоем темного золистого грунта, сопровождающего многочисленные строительные остатки плохой сохранности (Рис. 10, А; 11, А). Массовая категория датирующего материала из него — те же типы амфор и краснолаковой посуды, что и на раскопе А–Б–В. Из слоя этого горизонта также происходят бронзовая фибула (Рис. 17, 56), бронзовый перстень со стеклянной вставкой (Рис. 17, 60), бронзовая литая подвеска (Рис. 17, 57), бронзовая пряжка (Рис. 17, 55), бронзовый амулет-кольцо с выступами (Рис. 17, 63), бронзовый пирамидальный колокольчик (Рис. 17, 61) и некоторые типы бус (Рис. 17, 58, 59).

Особо следует выделить комплекс горизонта А из раскопа Д, происходящий из мегаронов А, Б, В. Помимо рядовых находок, из него известны серебряные блюда с именем боспорской царицы Гипеперии [Яценко 1962] (Рис. 134), римские денарии Пертинакса, Траяна и Геты (Рис. 17, 62, 65, 66), а также набор необычной краснолаковой керамики [Раевский 1970] (Рис. 135).

Подгоризонт А1 можно выделить по наличию закрытых керамических комплексов и человеческих останков под завалами стен построек и в хозяйственных ямах. По сочетанию находок, горизонт А может

быть датирован концом II — первой половиной III вв. н. э., а время разрушения городища определено не позднее второй четверти — середины III в. н. э.

Синхронизация городища и некрополей Неаполя скифского

Упорядоченная хронология культурных слоев и объектов Неаполя скифского (Рис. 16; 17) позволяет привести в соответствие с ними и материалы некрополей (Рис. 6).

До недавнего времени наиболее ранняя группа захоронений в катакомбах различных типов [Пуздровский 1994; 1999, 102] традиционно датировалась концом II–I вв. до н. э. Такая датировка определялась на основании находок веретенообразных унгентариев [Сыманович 1983, табл. XIII, 1–3], лягиноса и других типов импортных сосудов [Сыманович 1983, табл. IV, 13], поясных крюков [Сыманович 1983, табл. XVII], гончарных мисок с горизонтальной ручкой [Сыманович 1983, табл. VII, 11, 12, 16], фибул среднелатенской конструкции [Амброз 1966, 12–13; Сыманович 1983, табл. XXV, 1–10], некоторых других предметов. Как видно на примере мавзолея Скилура и Южного дворца, все эти категории находок многократно представлены в слоях горизонтов D–E и практически полностью отсутствуют среди вещей из горизонта C. Такой вывод подтверждается и новыми комплексами других некрополей [Дашевская 2001, 95].

На этом основании предполагается синхронизация ранней группы захоронений Восточного некрополя с горизонтами E–D городища [Зайцев 1995, 88; 1999, 137, 140]. Тогда может быть устранено традиционное противоречие между предполагаемым ранее временем основания городища (III в. до н. э.) и древнейшими погребениями некрополей (конец II–I вв. до н. э.) [Дашевская, 1991, 43]. При этом более осторожно следует привлекать I в. до н. э., так как надежно датированных закрытых комплексов этого времени в Северном Причерноморье немного [Сокольский 1976, 89–110], а для широкой датировки большинства предметов, бытовавших во второй половине II в. до н. э., часто нет достаточных оснований.

С горизонтами В и А могут быть синхронизированы захоронения в каменных вырубных склепах, грунтовых катакомбах и подбойных могилах, содержащие характерную краснолаковую керамику, фибулы, различные металлические украшения и т. д. [Сыманович 1963, рис. 3, 1–15, 18, табл. 1; 1983, 107–108] (Рис. 121–123; 138–139).

Захоронения, синхронные горизонту C, могут быть выделены, как занимающие промежуточное положение между комплексами E/D и B/A. Они менее выразительные по обряду, но имеют ряд характерных особенностей. Так, в I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. заметно изменился состав инвентаря, количество катакомб уменьшилось, но в них стали хоронить больше умерших.

Более подробная характеристика некрополей горизонтов E–A представлена в соответствующих главах.

Единая модель хронологии и периодизации Неаполя скифского представлена на таблице 2.

Таблица 2

Хронология и периодизация Неаполя скифского

Горизонт F	кон. IV–нач. III вв. до н. э.	к Неаполю отношения не имеет (кизил-кобинская археологическая культура)
Горизонт E E3 E2 E1	175–150 гг. до н. э. 145/141–135/131 гг. до н. э. 135/131 гг. до н. э.	Период E — «докрепостной» 1-й этап 2-й этап — протомегарон пожар 1
Горизонт D D4 D3 D2 D1	135/131–112/108 гг. до н. э. 112/108 гг. до н. э.	Период D «крепостной дворцовый» 1-й этап 2-й этап пожар 2 разрушения времени походов Диофанта
Горизонт C C4 C3 C2 C1	рубеж II — I вв. до н. э. — середина I в. н. э. 1 пол. I в. до н. э. ок. сер. I в. до н. э. сер. I в. до н. э. — сер. I в. н. э. ок. сер. I в. н. э.	Период C — «крепостной прото-городской» 1-й этап пожары 3–4 2-й этап — пожар 5 разрушения построек
Горизонт B B3 B2 B1	втор. пол. I — третья четв. II вв. н. э. 2 пол. I в. н. э. кон. I — сер. II вв. н. э. сер. — 3 четв. II в. н. э.	Период B 1-й этап 2-й этап 3-й этап
Горизонт A A2 A1	посл. четв. II — втор. четв. III вв. н. э. 2 четв. III в. н. э.	Период A — «пост-крепостной» гибель городища

ГЛАВА 4

Царская крепость Неаполь во II в. до н. э.

1. Археологическая ситуация

Согласно хронологической колонке, II в. до н. э. представлен в Неаполе периодами E и D, которым соответствуют одноименные стратиграфические горизонты.

“Докрепостной” период E

Подгоризонт E3.

В различных местах городища и пригорода выявлены строительные остатки, явно предшествующие объектам подгоризонта E2. В основном это участки каменных оград толщиной до 1 м. В северной части *раскопа Д* (**Рис. 10**) прослежены две такие ограды, образующие острый угол. Они ограничивали известняковую вымостку, на которой накопился слой с разнообразным материалом II в. до н. э. (**Рис. 66**).

Другой вероятный объект подгоризонта E3 — так называемая башня акрополя в центральной части городища (**Рис. 14, 2**) [Высотская 1979, рис. 15; Колтухов 1999, рис. 47]. Башня квадратная в плане, толщина ее стен около 1,4 м, размер помещения — 5х5,2 м. Она была сооружена на слое горизонта F, а на одном из верхних полов был зафиксирован слой пожара 1. В более позднее время к этой башне была пристроена предполагаемая стена акрополя. При общей датировке обоих сооружений II в. до н. э. [Колтухов 1999, 57] можно предполагать появление башни в период E и ее принадлежность укрепленной усадьбе.

В *раскопе VIIб* (**Рис. 11, 1**) открыты остатки ограды толщиной более 1 м, остатки двух примыкавших к ней с востока помещений, а также параллельные траншеи фундаментов еще двух кладок, связанные с материковой площадкой. Предполагаемая здесь усадьба ко времени сооружения землянки подгоризонта E2, погибшей в пожаре 1, уже была ликвидирована. Следовательно, ее существование может быть связано с подгоризонтом E3. Скопление амфорных ручек с клеймами и фрагментов импортной керамики в раскопе 1926 года — гипотетический мусорный зольник — вероятно, было связано именно с этой усадьбой (**Рис. 19, 2**).

В северной части *раскопа I* (**Рис. 11, 2, E3**) был открыт участок каменной ограды с воротным проемом шириной 3,2 м [Пуздровский 1988, 303]. Тот факт, что эта ограда с заложенными воротами была включена в более поздний усадебный комплекс подгоризонтов E2-1, может свидетельствовать о ее принадлежности к усадьбе подгоризонта E3.

Таким образом, к подгоризонту E3 можно отнести четыре частично раскопанные усадьбы и три зольника, которые предположительно связываются с этими усадьбами [Зайцев 1999, 63–64].

Подгоризонт Е2.

Раскоп Д. Здесь были открыты остатки двух наземных построек и три полуземлянки (Рис. 10, Е2). Дом Д состоял из трех расположенных в ряд помещений. В юго-восточном помещении зафиксирован вход и следы очага, в центральном — очаг и пифос, вкопанный в пол. У западного угла постройки выявлен тонкий слой пожара 1 подгоризонта Е1. Практически вплотную к этому дому, с юго-запада, располагались две округлые в плане полуземлянки с полками по окружности, вырубленные в материковой скале. Они были заполнены золистым грунтом, который перекрывался слоем пожара 1.

Еще одна постройка зафиксирована в юго-западной части раскопа Д. Она прослежена по нескольким кладкам, между которыми сохранились участки глинобитных полов. Планировка сооружения, имевшего несколько помещений, полностью неясна.

К северу от остатков этих двух наземных построек исследована большая (3,5х3,6 м) квадратная в плане полуземлянка [Высотская 1979, рис. 27]. Ее котлован был вырублен в материке, вдоль стен устроены скамьи-полки шириной 0,5 м. В центре находился глинобитный столик.

Как уже отмечалось, на верхнем полу башни подгоризонта Е3 (Рис. 5, 5а; 14, 2) зафиксирован слой пожара 1 подгоризонта Е1. Несколько раньше к этой башне была пристроена предполагаемая оборонительная стена небольшого укрепления («акрополя») [Колтухов 1999, 36–37] подгоризонта Е2. Рядом с башней частично исследованы остатки другой постройки, на глинобитном полу которой сохранился слой сгоревшего зерна.

В северо-восточной части раскопа О (Рис. 5, 7) была открыта группа полуземлянок и связанные с ними глинобитные площадки и вымостки (Рис. 50, II). Округлые в плане котлованы полуземлянок №№ 1–3 расположены в линию и имеют одинаковую конструкцию. Две другие полуземлянки (№№ 5 и 6) прямоугольные в плане. Для землянок №№ 1, 3, 5 предполагается один вход — «тамбур». Во всех сооружениях зафиксированы столбовые ямы, а в полуземлянке № 6 — два очага в западном углу. Стратиграфическая ситуация в совокупности с невыразительными находками позволяет отнести данный комплекс подгоризонту Е2. Очевидно, он существовал сравнительно недолго: к моменту пожара 1 все котлованы землянок были заполнены культурным слоем.

На раскопе А–Б–В подгоризонт Е2 представлен фундаментальным мегароном Н площадью около 240 кв. м, большим скальным котлованом («дом с полуподвалом» по терминологии раскопок 1945–48 гг.), несколькими оградами, полуземлянками и наземными постройками. Все эти объекты были условно названы «мегаронным поселком» и фактически являлись предшественниками Южного дворца горизонта Д (Рис. 27, Е2–Е1). В течение непродолжительного времени землянка № 5 прекратила свое существование и была заполнена мусорным слоем, а мегарон Н перестроен из аналогичного сооружения, но меньшего по размерам.

Вероятно, стены мегарона были покрыты красной штукатуркой, на фрагментах которой сохранились неразборчивые граффити (Рис. 21, 9). В главном помещении мегарона Н находились большой очаг-платформа и каменная полка-скамья, а

напротив бокового входа был установлен единственный деревянный столб.

В раскопе VIIб (Рис. 11, 1) исследованы округлая в плане полуземлянка и примыкающая к ней поверхность, перекрытые слоем пожара 1. Конструктивные детали сооружения: глинобитный очаг с лепной сковородой, устроенный в специальном отсеке, и наклонные столбовые ямки. Находки, связанные с данным объектом: синопская амфора, фрагменты родосских амфор, лепной и гончарной посуды. В центральной части раскопа VIIб была исследована нижняя часть прямоугольной в плане полуземлянки. Очаг находился слева от входа, пол был вымощен небольшими плоскими камнями. К северу от нее зафиксирована глинобитная вымостка двора, перекрытая тонким слоем гари (пожара 1). К западу от этого комплекса сохранились остатки небольшой наземной однокамерной постройки — кладка северной стены, порог и обгоревший глинобитный пол [Зайцев, Пуздровский 1994, 227–228].

На раскопе Е (Рис. 12, 1) открыты остатки наземной прямоугольной в плане постройки с многослойным глинобитным полом и кострищем по центру. По углам помещения зафиксированы четыре столбовые ямки. К северу от этого сооружения исследована площадка двора с очагом, в пределах которой найдены два раздавленных лепных горшка, бронзовая чеканная лунница (Рис. 17, 14) и фрагмент терракоты Кибелы. Стратиграфическая ситуация позволяет отнести этот комплекс к горизонту Е. Данная постройка непосредственно предшествовала более позднему мегарону Е, который сохранил ее ориентацию и планировку (Рис. 12, 1, 2).

На раскопе I (Рис. 11, 2, Е2–1) выявлен новый комплекс, пристроенный с юга к усадьбе подгоризонта Е3. От него сохранились глинобитная площадка и остатки постройки с обгоревшим глинобитным полом. Находки маловыразительны: фрагменты амфор, лепной и гончарной посуды, светильника и терракотовой женской фигуры.

Таким образом, для подгоризонта Е2 характерно появление самостоятельных строительных объектов, часто не связанных с существовавшими здесь усадьбами. В топографии и планировке Неаполя этот подгоризонт представлен локальными зонами, распределенными по всей территории памятника.

Значительное отличие от всех других объектов подгоризонта Е2 демонстрирует комплекс мегарона Н, составлявший, вероятно, «аристократическое ядро» данного населенного пункта. Особое его назначение подтверждается дальнейшей историей крепости в период Д.

Одновременно с сооружением мегарона Н возникла и южная оборонительная стена Неапольской крепости. В результате ее строительства площадь крепости, по сравнению с предполагаемым более ранним «акрополем», возросла до 18–20 га.

Крепостной дворцовый период D

Раскоп А–Б–В. Подгоризонт D4.

После пожара 1 из всего комплекса Южного дворца заново отстроили только мегарон. Кроме того, здесь возникли три новых объекта — ритуальный бассейн, южный парадный фасад дворца (по терминологии раскопок 1949–1950 гг. — «здание с портиками» К) и святилище-героон Аргота (Рис. 27).

Бассейн из обработанных плит (**Рис. 33**) располагался к западу от мегарона Н. На его дне сохранились различные изображения, нанесенные красной и черной краской. В восточной стенке бассейна был устроен примитивный слив, через который стекала дождевая вода, перед этим попадавшая на прилегающую поверхность двора.

Южный фасад комплекса предположительно имел вид стены с выступами-пилонами.

Перед этим фасадом было построено небольшое святилище-героон Аргота [Зайцев 2000; Виноградов, Зайцев, 2003]. От него сохранился вырубленный в скале котлован неправильной прямоугольной формы размером 5,80x4,15 м и глубиной 1,2 м (**Рис. 35, 1; 37**). Он был ориентирован по линии 3-В и по диагонали рассечен естественной скальной трещиной. Во время строительства по периметру котлована, на ширину 1-1,4 м был снят весь рыхлый слой скальной корки, а на поверхности скалы сделана разметка и устроены подтесы-«постели» для укладки обработанных блоков. Скальный щебень, добытый во время вырубки котлована, оказался частично присыпан к границам героона, а в основном распланирован во все стороны от него. В южном направлении слой скальной крошки доходил до оборонительной стены и центральных ворот, в северном — до южного фасада дворца — «здания с портиками К». После раскопок 1949-50 гг. этот выброс был принят за парадную вымостку «городской площади» перед воротами [Шульц 1957, 69, рис. 4, 4].

Как было устроено это сооружение, в деталях установить пока трудно [Зайцев 2000, 52]. Согласно одному из вариантов реконструкции, это была двухъярусная антовая постройка на высоком стилобате, возведенная в дорическом стиле (**Рис. 35, 2**). Она состояла из подземной гробницы (к которой, вероятно, был приставлен наиск с рельефом и надписью) и расположенного над ней святилища-героона. Согласно новейшим исследованиям, с этим сооружением также связано большинство памятников монументального искусства, найденных здесь в разное время (см. Приложение 1) [Зайцев, 2002] (**Рис. 38**).

В зале мегарона Н предположительно был сооружен второй этаж-галерея, опиравшийся на столбы, установленные вдоль стен. Примерно в это же время в скальном котловане («дом с полуподвалом»), в землянке № 3 и у бокового входа в мегарон начали накапливаться локальные выбросы зольного мусора. Здесь найдено огромное количество обломков амфор с винным осадком, столовой чернолаковой посуды, «мегарских» чаш, разрубленных костей животных.

Раскоп А-Б-В. Подгоризонт D3. С этим подгоризонтом связана полная реконструкция и усовершенствование дворцового комплекса.

Западная стена мегарона (**Рис. 28**) была украшена полихромной фресковой росписью (**Рис. 29**). Предполагается, что в этой стене были устроены две ниши. В одной из них могла стоять известняковая герма женского божества (**Рис. 32**) (См. Приложение 1, 1) и алтарь с полихромным геометрическим орнаментом. Вторая ниша занимала дальний, северо-западный угол, отделенный деревянной загородкой (**Рис. 28; 29**). В ней были расставлены несколько алтарей, столик на ножках и две крупные статуэтки. Одна из них изображала сидящую человеческую

фигуру, другая — полуфигуру женского божества. Все предметы были терракотовыми, на их фрагментах сохранились следы полихромной росписи и позолоты. Рядом со второй нишей был установлен большой мраморный гекатейон, от которого сохранился фрагмент с изображением драпировки и трех танцовщиц, взявшихся за руки (**Рис. 31, 1**) (См. Приложение 1, 2).

Снаружи, вокруг мегарона были оставлены значительные свободные территории, ограниченные заборами, а к югу и западу от него возведены два многокамерных двухэтажных здания: «Дом Р» и «Восточный дом». Очевидно, восточное помещение верхнего этажа «Дома Р» было парадным. Его стены были украшены фресковой росписью (**Рис. 34**), аналогичной росписи мегарона Н. К «Дому Р» также была пристроена винодельня с пифосами (**Рис. 26; 27**).

Кроме того, полностью был реконструирован южный парадный фасад дворца (по терминологии раскопок 1949-1950 гг. — «Здание с портиками Л») [Шульц 1957, 71-72]. Теперь он был сложен из больших квадров и достигал ширины 30 м (**Рис. 39, 1**). К югу от нового фасада был возведен монументальный алтарь (**Рис. 26; 39, 2, 3**).

На этом же этапе, сразу за центральными воротами, был построен мавзолей, представлявший собой парадный наземный склеп (**Рис. 70-72**). Спустя некоторое время, в нем были совершены захоронения царя (предположительно Скикура) и других представителей знати (см. Приложение 2).

Единовременное разрушение всех сооружений дворца, ознаменовавшее окончание периода D, произошло во время или после вероятного присутствия здесь понтийского гарнизона [Сапрыкин 1996, 147-148; Зайцев 1997, 46].

Показательно, что на крепостной территории Неаполя пока не выявлено никаких монументальных объектов — кроме Южного дворца — однозначно связанных с горизонтом D. Другими словами, ни одно сооружение, погибшее в пожаре 1, не было восстановлено. Также не отмечено случаев нового строительства поверх слоя пожара подгоризонта E1.

Несколько иной выглядит ситуация на территории *Южного пригорода*. В его разных местах открыты полуземлянки, остатки наземных сооружений, хозяйственные ямы. Все они не поддаются точному отнесению к горизонтам E или D из-за маловыразительной стратиграфии и археологического материала. Только под зольником № 3 зафиксировано несколько хозяйственных ям, непосредственно прорезавших слой пожара 1.

Наиболее показательной, сложной и интересной выглядит археологическая история мегарона E, расположенного в 12 м к югу от оборонительной стены (**Рис. 12, 1, 2**). Его стены возведены на слое пожара 1. В этом пожаре сгорела постройка с глинобитным полом, о которой уже говорилось при описании подгоризонта E2. Судя по тому, что контур помещения раннего сооружения был симметрично включен в план нового мегаронного зала (**Рис. 12, 1**), можно говорить о восстановлении сгоревшего сооружения, но уже в более фундаментальном виде.

Размеры новой постройки достигали 14x6,5 м, при толщине стен около 0,7-0,8 м. Вдоль длинных

стен было установлено три пары столбов: две — в основном помещении и одна — по южному фасаду. В западной стене была устроена широкая ниша, напротив которой находился боковой вход. В центре помещения располагался глинобитный столик-очаг, а юго-восточный угол занимала скамья-полка из камня и глины. Стены мегарона многократно были покрыты побелкой, очаг не менее 12 раз покрывался глинистой обмазкой, а скамья — более 14 раз. На боковых гранях скамьи также сохранилась роспись в виде горизонтальных полос черного (сажа) и красно-коричневого (охра) цветов. В пределах основного помещения накопился многослойный глинобитный пол. Особый интерес представляет жертвенная ямка в юго-западном углу, содержащая кости животных, лепные зооморфные и антропоморфные фигурки [Маликов 1961]. Переход от горизонта D к горизонту C для мегарона E стратиграфически не прослежен.

С мегароном E горизонты E-D могут быть связаны локальные, но довольно мощные линзы культурного слоя, расположенные на расстоянии 2–10 м к северу от него и частично перекрытые II–IV поясами южной оборонительной стены.

Обращает на себя внимание поразительное сходство здания E и дворцового мегарона H, которые расположены приблизительно в 80 м одно от другого (Рис. 5, 11, 16; 14, 4, 20). Это относится как к планировке (расположение очага, скамьи-полки, дверных проемов, ниши, столбовых конструкций) и элементам внутренней отделки (побелка стен, приемы обмазки и раскраски скамьи и очага), так и к стратиграфической ситуации (последовательность перестроек, большое количество поверхностей глинобитных полов). Картина может быть дополнена синхронностью функционирования обоих строительных комплексов, по крайней мере в периоде D. Все это, очевидно, не случайно — мегароны E и H могли быть связаны единством происхождения, близостью функций и принадлежностью коллективам, состоящим в родственных или каких-то иных отношениях между собой.

2. Типология архитектурных сооружений

Плохая сохранность большинства сооружений вынуждает искусственно ограничить круг объектов до уровня достоверной реконструкции плана. В этом случае неучтенными остаются немногочисленные отрезки кладок, части помещений, участки глинобитных полов, которые либо минимально вскрыты раскопками, либо практически полностью уничтожены.

Как единственно возможная, предпринята попытка группировки сооружений Неаполя скифского по отношению к поверхности (наземные и полуземляночные) и по принципу планировки.

Оборонительные сооружения.

Характеристика оборонительной системы Неаполя скифского дана согласно схеме С. Г. Колтухова с незначительными дополнениями [Колтухов 1990; 1999, 31–38] (Рис. 18). При этом ее от-

носительная периодизация принята с отдельными корректировками, а датировки двух первых строительных периодов омоложены согласно новой хронологической модели Неаполя скифского.

Первый строительный период соотнесен с подгоризонтом E2 и представлен древнейшей стеной. Суммарная протяженность ее раскопанных участков составляет 103 м (Рис. 5, 14–18).

По реконструкции С. Г. Колтухова, стена на всю высоту была каменной и не имела выделенного парапета. Верхняя часть могла быть сложена из камня с использованием раствора глины. Боевая площадка, вероятно, представляла собой настил, крепившийся на брусках, вмонтированных в кладку и опиравшихся на столбы. Высота такой стены достигала 5–7 м [Колтухов 1999, 31].

Возможно, стена на первом этапе была либо временным сооружением, либо предназначалась для защиты от варварских отрядов, не владеющих приемами осады и штурма городов [Колтухов 1990, 183–185].

Во втором строительном периоде стена на всем протяжении была усилена поясом шириной около 2 м и несколькими башнями. Теперь ширина основания стены достигала 5–6 м. Тогда же на каменном основании стен и башен были возведены сырцовые кладки. Именно с этого времени «Неаполь приобрел вполне достойные столицы укрепления, по крайней мере с точки зрения их планировки и высоты» [Колтухов 1990, 185].

В третьем строительном периоде поясами 2 и 3 усиливается основная стена, башня в раскопе VI превращается в бастион, перед воротами возводятся передовые стены и башни у центральных ворот. Пояс 2 сооружался отдельными несомкнутыми участками со стороны города лишь там, где это было вызвано необходимостью ремонта стены. Пояс 3 усиливал стену с напольной стороны. Возводился он куртинами шириной 0,8–1 м. У главных городских ворот к поясу 3 пристраивают пилоны длиной около 4 м, которые скорее всего представляли собой основание надвратной башни. Ориентируясь на пилоны, передовую стену строят так, чтобы между двумя сооружениями оставались проходы, ведущие в небольшие по протяженности участки периболы к востоку и западу от ворот. Очевидно, протейхизма имела свои ворота, другие располагались в башне [Колтухов 1990, 185–186].

Над восточными воротами также была выстроена башня (Рис. 7; 18, 2; 26). К востоку от нее перибол был замкнут новым бастионом. Еще восточнее стена также была усилена новым поясом.

По мнению С. Г. Колтухова, на этом этапе строители Неаполя, используя достижения эллинистической фортификации, пытаются создать систему укреплений, способную успешно и длительно противостоять применению осадных машин. Возможно, это указывает на время, когда вероятность высадки в Крыму понтийских отрядов стала вполне реальной [Колтухов 1990, 186].

Второй и третий строительные периоды можно синхронизировать с подгоризонтами D4–D2.

Четвертый строительный период. В районе центральных ворот перибол застраивается новыми поясами. Дополнительными поясами также обносятся восточная башня и мавзолей (Рис. 18, 6).

Дополнительные пояса, зафиксированные в раскопе Е, создавали выступ, удобный для флангового обстрела. Есть основания принять мнение П. Н. Шульца об интенсивных работах по укреплению Неаполя в период Диофантовых войн и отнести IV строительный период к 110–107 гг. до н. э. [Колтухов 1990, 187].

Усадьбы (Рис. 14, ЕЗ). Их известно до шести, но при этом ни одна не открыта раскопками даже наполовину. Предполагаемый «собираТЕЛЬный образ»: прямоугольная разбивка на местности, площадь около 500–700 кв. м, обязательное наличие оград, в которых устроены проемы ворот и пристроены в ряд помещения, окружавшие внутренний двор. В некоторых случаях вероятно существование небольших башен с внутренними помещениями (Рис. 14, 2). Их хозяйственно-жилое назначение представляется единственно вероятным.

Мегароны — наземные постройки последовательно-иерархического принципа планировки [Крыжицкий 1982, 132–135]. Данный тип сооружений во II в. до н. э. представлен зданиями Н и Е (Рис. 14, 4, 20), которые были перестроены из аналогичных по конструкции, но более примитивных построек. В период D оба мегарона, очевидно, были полифункциональными — жилые дома знати и культово-общественные комплексы одновременно [Крыжицкий 1993, 226–227; Зайцев 1995]. Оба мегарона, правильной прямоугольной в плане формы, имели только одно основное помещение (наос) и условный портик (пронаос), образованный выступающими торцами продольных стен (антами).

Наземные дома равнозначно-параллельно-го принципа планировки [Крыжицкий 1982, 137]. Для них характерны четкая разбивка на местности, геометрически правильный план, площадь от 30 до 130 кв. м, расположенные в ряд или как-то иначе несколько помещений. Основное отличие от усадеб (в которых помещения пристроены к оградкам) — отсутствие блокировки вокруг дворов и существование в качестве самостоятельных объектов. Два подобных сооружения открыты на раскопе Д (Рис. 14, 17, 18).

Наземные однокамерные дома. Основные признаки: наличие только одного помещения, не всегда правильная разбивка на местности, сравнительно небольшая площадь — до 40 кв. м. Такие сооружения достоверно выявлены в раскопе Б (2 объекта), Ж (1 объект), VI (1 объект) VII (1 объект) (Рис. 14, 7), траншеях 1955–1956 гг. (3 объекта).

Наземные сооружения типа конических шалашей прослежены по округлым в плане глинобитным площадкам небольшого диаметра — до 2 м, которые в отдельных случаях обложены камнями и минимально заглублены в дневную поверхность (Рис. 14, 8). В разных местах городища выявлено более десяти подобных объектов.

Полуземлянки. Общие признаки: заглубленность в материковую поверхность и небольшая площадь (до 8–9 кв. м.). Для них характерны невысокие скамьи-полки вдоль бортов, примитивные глинобитные очаги, расположенные как внутри землянок, так и на прилегающих площадках. Гораздо реже зафиксированы столбовые ямки на дне, вдоль бортов или по центру. В отдельных случаях установлено место входа и всего два раза — остатки сырцовых кладки вокруг котлована (землянка 4 в раскопе Б

и объект в раскопе VIIв). К настоящему времени на Неаполе известно 22 округлых и 9 прямоугольных в плане полуземлянок (Рис. 14, 9–16).

Вопрос о назначении полуземлянок однозначно решить сложно. Для самых крупных объектов, площадью 4 и более кв. м, вероятны жилые функции. Большинство имеет гораздо меньшие размеры — до 2 м в диаметре. При этом полезная площадь уменьшается еще примерно на треть за счет полок вдоль стен, шириной до 0,3 м.

Отсюда вывод: практически все неапольские полуземлянки были кратковременными (сезонными?) сооружениями. Большинство из них существовали при жилищах, не оставляющих археологических следов (кибитки, повозки, шатры) и выполняли функции подсобных помещений — кладовок и кухонь.

Южный дворец — особое явление в архитектуре Неаполя (Рис. 14, 19). Этот уникальный в своем роде комплекс сложной структуры на различных этапах состоял из всех типов сооружений, известных на Неаполе скифском — мегарона, однокамерных и многокамерных домов равнозначно-параллельного принципа планировки, оград, полуземлянок, гробниц-мавзолеев, бассейна, алтарей.

3. Строительная техника

Строительные приемы отличались общим относительно примитивным уровнем. В качестве строительных материалов использовался известняк, глина, сырцовый кирпич и древесина различных пород. У наземных построек сырцовые стены имели каменный цоколь, верхние части полуземлянок, вероятно, были сооружены полностью из глины. Каменные кладки возводились из необработанного или грубо околотога камня, в бутовой иррегулярной технике, но с элементами постелистой и орфостатной (Рис. 15, 1–4). Полы во всех случаях были глинобитными. Округлые землянки предположительно имели конические крыши, у всех остальных сооружений они были двускатными или односкатными.

Строительная техника оборонительной стены по основным показателям та же, что и хозяйственно-жилых сооружений. Очевидны отсутствие предварительного проектирования с разметкой на местности и квалифицированных инженеров во время ее строительства. Об этом могут свидетельствовать резкие искривления панцирей, закладка в нижние напольные ряды неустойчивых плит, стоящих на ребре, использование некачественного камня и многие другие признаки. Следствием первоначальных технических просчетов стало частое аварийное состояние фортификационных сооружений, а более поздние попытки реконструкции оборонительной системы Неаполя не могли полностью исправить изначальные просчеты.

Определенным исключением в плане строительной техники был Южный дворец крепости. На первой стадии его главное сооружение — мегарон Н — выделялось необычно большими размерами, наличием черепичной крыши, правильной геометрической планировкой и значительной толщиной

каменных оснований стен — 1,35 м. Такие параметры мегарона позволяют высказать предположение, что постройка имела два этажа.

На следующих стадиях реконструкции дворца в качестве строительного материала были использованы сначала хорошо обработанные известняковые плиты, а затем и блоки, в том числе рустованные. Некоторые сооружения дворца — героон Аргота, парадный южный фасад, мавзолей Скилура — были выполнены профессионально даже по нормам греческой архитектуры. Так, сохранившийся участок каменного цоколя парадного фасада дворца (Рис. 39, 1) был сложен из тщательно подогнанных блоков. При этом, несмотря на наклон материковой скалы, были точно выдержаны горизонтальные поверхности. Остальные объекты комплекса также отличались греческими строительными приемами: черепичные крыши, фресковые росписи и т. д.

Таким образом, в архитектуре Неаполя эллинистического времени была представлена смешанная греко-варварская строительная традиция [Крыжицкий 1993, 220].

4. Некрополи

Расположение на территории некрополей ранних катакомб с коллективными захоронениями показано на рис. 6. На Восточном некрополе учтено 32 погребальных комплекса, синхронных горизонтам E–D (Рис. 6, I). Исследования Битакского могильника привели к открытию еще двенадцати комплексов близкого времени [Колтухов, Пуздровский 1983; Пуздровский и др. 1993; Пуздровский 2001, 122] (Рис. 6, II).

Кроме того, на обоих некрополях выделена группа погребальных сооружений, которые использовались в переходное время от периода D к C.

Данные по погребальному обряду Западного некрополя отсутствуют. Среди коллекций из него выделяется небольшая группа предметов — два унгентария, чернолаковая тарелка с граффити, фибулы среднелатенской схемы, бронзовая бляха с изображением всадника [Веселовский 1891] — которые свидетельствуют о наличии захоронений эллинистического времени.

Основные признаки погребального обряда. Все умершие размещались в грунтовых склепах — катакомбах (Рис. 96). Большинство камер имели небольшие размеры и содержали от двух до десяти и более погребенных. В нескольких случаях на Восточном некрополе зафиксированы парные катакомбы, с общей входной ямой (№№ 24, 29; 5, 101; 7, 8; 11, 12; 59, 60; 54, 71). Некоторые катакомбы (№№ 14, 37, 50) были большими по размеру и содержали до 30–40 костяков. Все они, вероятно, были сооружены в конце периода D — к этому времени относятся несколько самых ранних захоронений, а заполнялись уже в течение периода C.

Для большинства погребенных характерно вытянутое положение на спине, с различными вариантами размещения рук и ног. Их ориентация различна, но для Восточного некрополя преобладающей является меридиональная с отклонениями,

а для битакского — южная [Пуздровский 2001, рис. 1]. Характерными особенностями периодов E–D являются относительная скромность и ограниченная комплектность погребального инвентаря. Большинство костяков сопровождалось одним–тремя предметами, часты и совсем безинвентарные погребения. Среди основной массы невыразительных комплексов выделяются редкие захоронения с разнообразным набором вооружения — №№ 4, 39 Восточного некрополя [Сыманович 1983, 43], и женские погребения с украшениями из драгоценных металлов — № 21 Восточного некрополя [Забелина, 1964] (Рис. 95), и № 104 Битакского могильника [Пуздровский и др. 1993, 104].

Как уже отмечалось, для наиболее ранних захоронений были выделены основные категории погребального инвентаря, пик бытования которых приходился на вторую половину II — рубеж II–I вв. до н. э. Это импортная гончарная керамика — унгентарии, лягиносы, чашки с горизонтальной ручкой, различные формы столовой посуды с лаковым покрытием, фибулы среднелатенской схемы и некоторых других типов, характерные портупейные крюки, треугольные наконечники ножен, железные поясные бляхи и другие детали поясных наборов, втульчатые железные наконечники стрел и копий, некоторые типы бронзовых зеркал, многовитковые спиральные браслеты и кольца, пряжки с неподвижным выступающим язычком, определенные формы лепных сосудов, разнообразные золотые украшения и некоторые типы бус [Сыманович 1983, 104, рис. 19; Зайцев 1999, 137, рис. 5, 6]. Недавно был сделан вывод, что в это же время проходил процесс зарождения и формирования фибул подвязной конструкции [Зайцев, Мордвинцева, 2003, 152].

5. Материальная культура

Наличие земледелия и скотоводства в Неаполе эллинистического времени определяется только по косвенным данным. Так, усадьбы подгоризонта E3 могут быть сопоставлены с аналогичными сооружениями греческой хоры Ольвии, Херсонеса и Боспора, для которых установлена развитая земледельческая основа [Крыжицкий 1993, 161–165; Крыжицкий и др. 1989, 120–123; Пуздровский 1988]. Скорее всего, с усадьбами Неаполя связаны и крупные водоемы с плотинами в соседних балках, которые уже существовали ко времени появления первых захоронений на Восточном некрополе (Рис. 1, II, 5) [Сыманович 1983, 10, 14].

Многие признаки подгоризонта E2 — отсутствие на большей части территории следов сооружений, временный характер и конструктивные особенности значительной части полуземлянок, обилие костей домашних животных — свидетельствуют в пользу неоседлого или полуседлого скотоводческого уклада хозяйства. С другой стороны, в это же время продолжают существовать некоторые из более ранних усадеб, возникают долговременные фундаментальные постройки. В слое пожара 1 неоднократно встречались скопления обугленных зерен пшеницы и ржи [Янушевич 1983, 67].

Очевидно, что новый статус главной царской

крепости и наличие в ней Южного дворца в период D были трудно совместимы с любыми видами сельскохозяйственной деятельности на ее территории.

Предметы импорта. Среди предметов импорта в период E первое место занимают родосские амфоры, а также амфоры производства Синопы, Книда, Херсонеса и других центров. Сравнительно немного простой гончарной и столовой посуды с лаковым покрытием, «мегарских» чашек, других единичных предметов.

Для периода D главным объектом сосредоточения импорта становится Южный дворец, куда кроме амфор и керамики с лаковым покрытием поступали предметы роскоши, украшения, оружие, разнообразная бытовая утварь и т. д.

Ремесла. Для периода E обоснованные сведения имеются только для профессионального гончарства — по факту находки керамического брака и сопоставленных с ним некоторых образцов продукции (Рис. 57). Черепица, гончарные кувшины и чашки, светильники, алтарики, терракотовые статуэтки изготавливались небольшими партиями и были рассчитаны, в основном, на внутренних потребителей.

Кроме того, известны многократные свидетельства обработки кости, прядения и ткачества (Рис. 69). Однако предполагать их профессиональный характер пока нет достаточных оснований.

Для периода D предполагается концентрация профессиональных ремесел довольно высокого уровня при Южном дворце. Это обработка камня (в том числе скульптурная) и изготовление всевозможных изделий из дерева, включая высокохудожественные. При раскопках дворцового комплекса и в непосредственной близости от него многократно зафиксированы признаки обработки металлов, найдены литейные формы (Рис. 68, 1–2).

Быт. Уровень благоустройства всех жилищ был весьма низким. Обогрев помещений осуществлялся открытыми очагами, служившими одновременно для приготовления пищи. О наличии мебели, кроме роскошного тронного ложа из мавзолея (Рис. 83; 84; 88), нет почти никаких данных. В Южном дворце для освещения использовались гончарные закрытые светильники (Рис. 57, 7, 12). Это естественно, т. к. сжигание масла дает больше света и меньше копоти. Вероятно, предполагаемые регулярные поставки масла в родосских амфорах в Неаполь скифский [Зайцев 1999, 66–67] можно объяснить именно этими причинами.

Для приготовления пищи применялись лепные горшки различных форм, столовая посуда также была преимущественно лепной [Дашевская 1958, рис. 74–77]. Использование импортной гончарной керамики было ограничено. Материалы некрополей свидетельствуют о широком распространении туалетных принадлежностей — зеркал, пинцетов, унгентариев и орудий труда — ножей, пряслиц, игл, шильев.

Как и в остальном, быт Южного дворца отличался от общей картины. Здесь применялся разнообразный набор греческой посуды — лягиносы, канфары, рыбные блюда, «мегарские» чашки, пелики, амфориски (Рис. 58–61; 65). Отмечены находки костяных шарниров шкатулок и резных костяных украшений клине — лож греческого типа, резных деревянных гребней и импортных зеркал.

В дворцовом мегароне практиковалась игра в

кости: при разборке глинобитных полов здания H в разных местах было найдено более тридцати баранных астрагалов, в том числе отшлифованных и просверленных (Рис. 69, 9, 14, 18). Подобные находки известны на всех раскопах и в большом количестве, что свидетельствует о популярности этой игры среди населения Неаполя.

Вывод. В период E материальная культура Неаполя скифского в целом имеет варварский характер, но демонстрирует определенные греческие проявления. Для периода D имеются основания выделить особую разновидность «дворцовой» материальной культуры верховной знати, которая имела ярко выраженный греко-варварский синкретический характер.

6. Жертвенные места, предметы культа, амулеты

Устойчивое явление представляют собой ямки с костями животных. Три из них открыты в северо-восточном углу дворцового мегарона H, возле глинобитного жертвенника (Рис. 22). В мегароне E исследована аналогичная ямка с костями пяти овец, обломками девяти миниатюрных сосудов, четырех антропоморфных и трех зооморфных фигурок [Маликов 1961; Высотская 1979, 164–165].

Весьма показательно распределение культовых керамических изделий по периодам E–D и по территории Неаполя. Для горизонта E единичные находки терракот Деметры, Кибелы, Афродиты, Тюхе (Рис. 21) и керамических алтариков территориально связаны, в основном, с усадьбами подгоризонта E3 и с наземными домами подгоризонта E2. Фрагменты лепных шаровидных курильниц происходят преимущественно из полуземлянок или найдены по соседству с остатками легких конических сооружений.

В Южном дворце были сосредоточены наиболее яркие признаки и проявления культовой жизни — царские мавзолеи-герооны, фундаментальный алтарь и ритуальный бассейн, скульптуры греческих и варварских божеств (см. Приложение 1), терракоты, десятки керамических алтариков и лепных курильниц.

Мегаронный зал был, вероятно, предназначен для регулярных трапез и культовых церемоний, связанных с царским культом [Зайцев 1997, 39]. Здесь также были установлены мраморная призматическая герма Гекаты (Рис. 31) и известняковая герма другого женского божества (Рис. 32) [Зайцев 1997, рис. 3, 4].

Согласно реконструкции (Рис. 28), вторая скульптура была установлена на видном месте, в нише, напротив центрального очага (Рис. 30). Этим, вероятно, подчеркивалась его особая роль в мегароне и в жизни его обитателей.

В связи с этим возникает интересная проблема атрибуции этой гермы. Для ее решения большое значение имеет святилище на акрополе Пантикапея, в котором был найден жертвенный стол с посвящением Дитагойе от имени Сенамотис, дочери царя Скилура [Виноградов 1987]. Исследователь Пантикапея В. П. Толстиков полагает, что это был бо-

гатый культовый комплекс Артемиды-Гекаты, принадлежавший верховной знати Боспорской столицы [Толстиков 1987, 107–108]. Им же высказана точка зрения о том, что Дитагойя, которой было адресовано обращение Сенамотис, была самым главным варварским женским божеством, особо почитавшимся представительницей царского рода Скилура [Толстиков 1987, 111–112]. По предположению В. П. Толстикова, предназначение этой богини оказалась настолько близко сути Артемиды-Гекаты, что в данном случае произошло их слияние на уровне трех ипостасей — Артемиды-Гекаты-Дитагойи.

Такие выводы и рассуждения приводят к предположению, что неапольская герма является изображением Дитагойи — главного женского божества, почитаемого во дворце Неаполя скифского.

В пользу такого вывода свидетельствует и расположение скульптуры внутри дворцового мегарона и ее культовый контекст, в том числе расположенная рядом герма Гекаты.

Общая структура дворцового комплекса отражает, вероятно, воплощение идеи царского культа. Очевидно, какие-то церемонии были связаны с ритуальным бассейном. Так, символический сбор дождевой воды, покрывающей затем знаки на дне [Зайцев 1997, 37, 39], позволяет предполагать астрально-календарные празднества, связанные с культом плодородия. Полностью согласуется с культом правителей и смысловое назначение мавзолеев Аргота и Скилура как мест захоронения обожествленных владык [Шульд 1953, 56; Зайцев 2001; Виноградов, Зайцев 2003].

ГЛАВА 5

Неаполь скифский на рубеже II–I вв. до н. э. — в середине I в. н. э.

1. Археологическая ситуация

Неаполь скифский в период С имел достаточно плотную иррегулярную «кустовую» застройку, которая может свидетельствовать о сравнительно многочисленном постоянном населении. Подтверждается это ситуацией на пригородной территории и на ближайших к городищу поселениях. Такая ситуация наиболее сопоставима с Неаполем скифским подгоризонта E2 накануне пожара 1. Вероятно, динамика развития населенного пункта в обоих случаях была довольно близка. Принципиальная разница состоит лишь в наличии/отсутствии оборонительной системы. Определенным образом изменилось и соотношение различных типов архитектурных сооружений. Так, горизонт E отмечен большим процентом полуземляночных сооружений, тогда как в периоде С преобладают наземные постройки. Показательно и дальнейшее распространение мегаронов, к рубежу н. э. ставших определяющим типом архитектурных сооружений Неаполя.

Очевидна утрата «дворцовой» специфики Неаполя скифского в период С. В отличие от периода D, распространение теперь получили мегароны, полуземлянки, сооружения равнозначно-параллельного принципа планировки. Для этого времени не известно ни одного случая применения обработанного камня и черепичных перекрытий, не говоря уже о скульптурном оформлении и фресковой росписи.

После тотального разрушения из всего комплекса Южного дворца были восстановлены только мегарон Н и дом Р, а также северные ограды, примыкавшие к мегарону. К западу и востоку от мегарона в этот период появились группы кладок. Некоторые из них служили оградами, примыкавшими к более ранним строительным остаткам, планировка других трудно объяснима. Создается впечатление недостроенных помещений, тем более, что между стенами нет глинобитных полов.

В таком виде Южный дворец просуществовал недолгий срок — в пределах первой половины — середины I в. до н. э. Затем он был полностью заброшен и развалины простояли в полной неприкосновенности до начала периода Б (около 100 лет!).

Под северо-восточной частью зольника № 3 открыт комплекс мегаронов З, К и Л (**Рис. 97**). Здание К при толщине стен 0,4 м достигало размеров 8х4 м. В центре помещения находился небольшой глинобитный очаг-стол, рядом с которым, у северной стены, была устроена хозяйственная яма. Соседнее здание Л больших размеров — 12,5х6,5 м, толщина стен — 0,6–0,7 м. Вдоль его длинных стен открыто шесть столбовых ям. В центре зала находился небольшой очаг-яма, а в юго-восточном углу — загородка из каменных плит. Здание З имело размеры 12х6 м; столбовых конструкций и очага в нем не зафиксировано. Площадка, на которую выходили фасады мегаронов, постоянно содержалась в чистоте: на ее поверхности почти нет

культурного слоя. Территория позади зданий являла собой совершенно противоположную картину. Здесь накопился значительный слой глинистой грязи с золой. Многочисленные находки из него достаточно выразительны и обычны для позднескифских памятников (Рис. 98). К западу от этих мегаронов открыты многочисленные хозяйственные ямы с мусорной засыпкой, содержащей материал I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. В первой половине I в. до н. э. (подгоризонт С4) здесь также существовали четыре полуземлянки оригинальной конструкции (Рис. 100).

Мегарон Е (Рис. 12, 1, 2), построенный во II в. до н. э., без видимых изменений продолжал функционировать и в I в. до н. э. На определенном этапе центральный вход его основного помещения был заложен камнем, а с юга к фасаду пристроены небольшие помещения с очагами и хозяйственными ямами.

Раскоп Д. Здесь для периода С вероятно возникновение двух мегаронов А и В (Рис. 10). Предполагается, что при их строительстве были проведены значительные подрезки более раннего культурного слоя. Оба сооружения отличались довольно строгими пропорциями, большими размерами (А — 21х10 м, В — 20х9,5 м) и фундаментальностью. Толщина их стен составляла 1,2 и 1,1 м. Одновременно с возведением этих зданий, рядом с ними появились небольшие дома равнозначно-параллельного принципа планировки. Это дом С к юго-востоку от мегарона А и комплекс Е к северо-востоку от мегарона В. В обоих случаях они имели три расположенных в ряд помещения с глинобитными полами и угловыми очагами. Кроме того, можно предполагать, что комплексы мегаронов были отделены один от другого несколькими оградками, для возведения которых были использованы основания более ранних кладок горизонта Е.

К северо-западу от здания В, в пределах оград также открыты незначительные остатки наземного дома Д — с очагом сложной конструкции — и округлая в плане полуземлянка диаметром 4,1 м, хорошей сохранности (Рис. 10, С). Вдоль ее стенок, покрытых глиной и побелкой, была устроена глинобитная полка. Судя по стратиграфии и находкам, эта землянка функционировала в пределах первой половины I в. до н. э., а затем была засыпана зольным мусором.

По той причине, что в периодах В и А мегароны были реконструированы и включены в состав аристократического комплекса [Яценко 1962, 112–113], заключительный этап периода С здесь не прослежен.

На других участках крепостной территории многочисленные объекты горизонта С прослежены в целом для названного периода.

2. Типология архитектурных сооружений и строительная техника

Оборонительные сооружения Неаполя скифского в период С, по всей видимости, продолжали функционировать на основе стен более раннего времени. Время около рубежа II–I вв. до н. э. было отмечено быстрым накоплением слоя глины у оборонительных стен. Поверх этого слоя были затем построены многие хозяйственно-жилые объекты.

Отдельные усиления башен, ворот и участков стены носили характер локального ремонта и практически не меняли их облика. Так, в I в. н. э., дополнительными поясами была укреплена восточная башня центральных ворот [Колтухов 1990, 187; 1999, 36] (Рис. 18). На этом же участке проводились и другие незначительные ремонтные работы.

Об утрате фортификационными сооружениями своих функций в I в. до н. э. свидетельствует неоднократная пристройка к ним с napольной стороны различных «гражданских» объектов. Так, на участке раскопа VI (Рис. 5, 18) на рубеже II–I вв. до н. э. у торцовой стены бастиона возникает небольшое наземное жилище с очагом, глинобитным полом и хозяйственной ямой. Несколько позднее здесь же был построен другой дом с предполагаемым внутренним двориком. Его детальное исследование позволило С. Г. Колтухову поставить вопрос о пожаре первой половины I в. н. э. (по единой хронологической колонке — пожар 5 горизонта С), который связывается с военной акцией боспорского царя Аспурга [Колтухов 1990, 187; 1994, 218; 1999, 36].

Мегароны. Для горизонта С в Неаполе известно по крайней мере семь новых зданий этого типа. Их план и внутреннее устройство всегда были практически неизменными (Рис. 14, 21, 22, 24, 25). Обращают на себя внимание большой диапазон площадей и габаритов этих сооружений, случаи блокировки таких зданий по два и по три, а также существование в едином комплексе с наземными структурами равнозначно-параллельного принципа планировки.

Исходя из ситуации с мегаронами А и В, в осторожной форме можно предположить функциональную преемственность этих двух зданий и более раннего дворцового мегарона Н. Другими словами, в период запустения Южного дворца был сформирован новый «аристократический квартал» Неаполя скифского, теперь уже в северной его части. В этом случае одновременное строительство здесь двух одинаковых мегаронов, разделенных оградой с воротным проемом, возможно, было продиктовано определенными изменениями в структуре правящей элиты позднескифского общества.

Остальные мегароны горизонта С скорее всего являлись жилыми домами. Специфику планировки и внутреннего устройства этих зданий можно объяснить особым укладом жизни населявших их коллективов.

Наземные дома равнозначно-параллельного принципа планировки. Такие здания три раза встречены в комплексе с мегаронами (Рис. 14, 22) и два раза (Раскопы VI и VII) (Рис. 14, 27) — как самостоятельные архитектурные объекты. В остальных случаях, которых более двадцати, планировка наземных построек достоверно не восстановлена. Для определения функциональной принадлежности зданий этого типа данных почти нет. Наличие стационарных очагов позволяет считать их хозяйственно-жилыми.

Полуземлянки, как и более ранние, могут быть разделены на прямоугольные и округлые в плане. Прямоугольных полуземлянок достоверно известно две (Раскопы Е и VI), округлых — четыре (Раскопы Д, Сектор 9, VI, М). По всем конструктивным элементам они имеют абсолютное сходство с аналогичными сооружениями горизонтов Е–D. Совершенно иной

тип полуземлянок: прямоугольных в плане, с полками вдоль стен и длинными коридорами, открыт на пригородной территории, где они располагались компактной группой (Рис. 14, 29, 30; 100).

Назначение полуземлянок однозначно не определено. Можно только повторить предположение о том, что большинство из них были временными сооружениями и выполняли вспомогательные хозяйственные функции. Только в отдельных случаях наиболее крупные и благоустроенные землянки могли служить для жилья.

Усадьбы. К этому типу условно может быть отнесен только комплекс каменных оград, открытых в раскопе I (Рис. 11, 2, С). При его сооружении были частично использованы стены усадьбы горизонта Е.

В расположении перечисленных типов строительных объектов сколько-нибудь выраженной регулярности не прослежено. Только в пределах одного архитектурного комплекса можно видеть явные признаки единой геометрической планировки (Рис. 14, 25) и структурной иерархии.

Строительная техника. Традиционные строительные материалы: необработанный или грубо околотый нуммулитовый известняк, глина, измельченная скальная порода. Широко применялось дерево (дуб, сосна). В наземных сооружениях стены состояли из каменного цоколя и основной части из сырцовых кирпичей. Для многих построек очевидна предварительная планировочная разметка. Это характерно прежде всего для мегаронов (Здания А, В, З, К, Л, О), а также для некоторых других сооружений.

Техника возведения каменных кладок в основном иррегулярная бутовая. Также повсеместно прослежены ее сочетания с орфостатной и постелистой (Рис. 15, 5, 6, 7). Ширина каменных цоколей стен — от 0,4 до 1,2 м — находилась в прямой зависимости от размеров и конструкции сооружений. Для внутренней отделки помещений широко применялась глина (настил полов, грубая обмазка стен, монтаж очагов) и мел (гипс?), использовавшиеся для побелки.

Как уже отмечалось, в горизонте С не зафиксировано ни одного случая использования черепичных крыш. За исключением самых больших мегаронов (А, В), нет оснований предполагать также и двухэтажность неапольских построек в I в. до н. э. — I в. н. э.

3. Некрополи: погребальный обряд и инвентарь

В период С рядом с Неаполем скифским функционировали все те же три некрополя — Западный, Восточный и Битакский. Для Восточного некрополя определено 33 склепа-катакомбы, функционировавших на различных этапах периода С. На Битакском могильнике известно три склепа этого времени (№№ 104, 129, 155) (Рис. 6, II).

В отличие от более раннего времени, на Восточном некрополе значительную долю (11 случаев) в этот период составили грунтовые склепы с камерами большого объема, содержащими останки от 10–15 до 30–40 человек. В небольших катакомбах также сосредоточено значительное число погребенных. Менее пяти захороненных в одном склепе I в. до н. э. — I в. н. э. встречается редко. На Битакском

могильнике два склепа горизонта С по количеству погребенных резко отличались от катакомб более раннего времени. Так, в склепе № 104 было захоронено 25 человек; в склепе № 155 — 27 человек [Пуздровский 2002] (Рис. 103).

Погребальный обряд. Обычная поза умерших — на спине в вытянутом положении — сохранилась. Часты случаи скрещивания ног и положения одной или обеих рук на таз. Ориентация самая различная, часто в одном склепе погребенные уложены во всех направлениях. Однако для Восточного некрополя по-прежнему преобладающей является меридиональная ориентация с отклонениями, а для Битакского — южная [Пуздровский 2002]. Характерными особенностями катакомбных захоронений I в. до н. э. являются относительная скромность и малочисленность погребального инвентаря, редкость керамики и жертвенной мясной пищи, почти полное отсутствие предметов воинского и конского снаряжения. Так, на два некрополя ранней группы периода С известно не более 20 железных наконечников стрел, три портупейных крюка, железные удила со стержневидными псалиями и бронзовая шпора с железным шипом (Рис. 104, 1–2) [Пуздровский 2002, рис. 6, 13]. Ситуация несколько меняется на рубеже н. э. С этого времени становятся обычными керамические сосуды, разнообразные украшения и фибулы, известны единичные предметы вооружения (меч из склепа 75 Восточного некрополя) и изделия из драгоценных металлов (листки погребальных венков, бусы, лицевые пластины). Выделяются редкие импортные предметы: полихромный стеклянный амфориск из кургана 1949 г., литые бронзовые украшения в виде мужских лиц (атташи бронзовых сосудов) (склепы 75 и 79 Восточного некрополя), пергамский краснолаковый сосуд в виде головы Силена (Рис. 104, 16), крупные раковины каури [Пуздровский 2002, рис. 5; 9] (Рис. 104, 25, 27).

Комплексы захоронений периода С очень условно могут быть разделены на две группы: более раннюю (I в. до н. э.) и более позднюю (рубеж н. э. — I в. н. э.). Одним из критериев выделения погребений ранней группы периода С послужило их соотношение с погребениями периода D. Учтена также в этих погребениях встречаемость предметов, известных во II в. до н. э. и бытовавших в последующее время. Это круглые зеркала типа VI по Хазанову [Хазанов 1963], пряжки с пластинчатой рамкой и подвижным язычком, фибулы с пластинчатой спинкой и сплошным приемником, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, мозаичные стеклянные бусы определенных типов, краснолаковые и гончарные чашки с отогнутым венчиком, подвязные бронзовые и железные фибулы удлинённых пропорций с прямой спинкой и коротким приемником [Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 3], некоторые другие предметы. Выделению этой группы способствовали хронологический и стратиграфический анализ захоронений мавзолея и материалов из культурных отложений городища, а также раскопки новых информативных погребальных комплексов Усть-Альминского некрополя [Зайцев 1997а].

Вторая, более поздняя группа периода С (рубеж н. э. — I в. н. э.) может быть определена находками римских фибул типа «Авцисса» ступени B1a — 9 г. до н. э. — 19 г. н. э. [Ettlinger 1962, Abb. 93–94, Taf. 9], фибул с пластинчатой спинкой и завитком на конце приемника [Амброз 1966, 43–45], фибулы со сплош-

ным пластинчатым приемником и выпуклой спинкой [Амброз 1966, 23], подвязные лучковые фибулы 1-го — 2-го вариантов по Амброзу [Амброз 1966, 48–49, табл. 9, 1–5] и Smyckovye фибулы, которые чаще всего были игольным аппаратом брошей. В это время в погребениях появляются многочисленные фигурные подвески и бусы из египетского фаянса [Алексеева 1975, 27–43], перстни со стеклянными вставками, зеркала-подвески с коническим выступом, многие типы бус. Краснолаковая керамика: круглодонные унгентарии, кувшины с петлеобразной ручкой и валиком у основания горла, кубок с орнаментом в стиле «барботин» (Рис. 104, 18), другие формы.

Из предметов, бытовавших на протяжении всего периода С, можно назвать кольца с тремя рядами выступов, бронзовые ведеркообразные подвески, лепные курительницы нескольких типов, краснолаковые чашки с загнутым внутрь венчиком.

В целом некрополи Неаполя скифского периода С демонстрируют полную преемственность основных погребальных традиций, заложенных во II в. до н. э. Некоторые изменения в обряде: сокращение количества склепов за счет увеличения интенсивности и длительности их использования могли быть следствием эволюции структуры общественного устройства. Данное явление интересно сопоставить с синхронным распространением мегаронов на городище; может быть, это различные отражения одного и того же процесса.

4. Материальная культура

Хозяйство. Продукты скотоводства представлены большим количеством костей домашних животных. Согласно исследованиям В. И. Цалкина [Цалкин 1954; 1960], в видовом составе стада первое место занимали лошади малорослых и средних пород, затем следовал мелкий рогатый скот: овцы и козы. На третьем месте находился крупный рогатый скот, свинья и осел [Цалкин 1954, 285]. Все животные употреблялись в пищу. Археологические свидетельства земледелия в неапольских материалах представлены гораздо скромнее. На сегодняшний день не найдено ни одного орудия труда для обработки земли, а переработка зерна может быть констатирована благодаря многочисленным находкам примитивных каменных зернотерок (Рис. 98, 3). Сравнительно мало известно хозяйственных ям — не более сорока. Их конструктивные особенности — малый объем, небрежная обработка стенок и дна — не позволяют подтвердить вывод о хранении и переработке больших запасов зерна, что могло бы свидетельствовать о развитом земледельческом хозяйстве [Высотская 1979, 95–97; Пуздровский 1992а, 128].

Ремесла. Их существование зафиксировано только по второстепенным признакам. Непосредственные признаки какой-либо производственной деятельности в слое горизонта С практически отсутствуют. Как и в более раннее время, основное развитие, очевидно, получили так называемые домашние производства: прядение и ткачество, примитивная обработка кости и дерева, изготовление лепной керамики. Вероятно также, что в небольшом объеме сохранилось и профессиональное гончарство. Об этом может свидетельствовать серия керамических алтариков, изготовленных из местной глины (Рис. 17, 37; 102, 1, 3).

Предметы импорта: Светлоглиняные амфоры с двустольными ручками и позднесинопские нескольких типов (Рис. 101), буро- и краснолаковые столовые сосуды, отдельные виды украшений и бус (Рис. 17, 22, 27–31). По сравнению с периодами Е и Д, для ранней фазы периода С очевидно явное сокращение ассортимента всех основных категорий импорта. Ситуация изменилась к рубежу эр, когда появляется значительное количество разнообразных изделий из египетского фаянса, полихромных стеклянных бус, различных краснолаковых сосудов, отдельные экземпляры римских вещей (Рис. 17, 25). В целом же отчетливо прослеживается ориентация на южнопонтский товарный рынок, которая отчасти подтверждается и единичными находками монет Синопы I в. до н. э.

Быт. Жилища периода С: мегароны, дома греческого типа (равнозначно-параллельного принципа планировки), полуземлянки. Благоустройство жилищ оставалось на прежнем уровне: стены и полы обмазывались глиной, помещения обогревались открытыми очагами. Для освещения в основном использовались лепные жировые светильники на ножке (Рис. 99, 4–5).

«Бытовые наборы» состояли из различных керамических сосудов, среди которых значительную часть составляла лепная посуда [Дашевская 1958, 255–257], орудий домашнего труда, предметов костюма и туалета, игрушек и т. п.

В целом следует отметить устойчивый «варварский» характер материальной культуры, особенно по сравнению с предшествующим временем. С другой стороны, очевидна преемственная связь многих культурных традиций в домостроительстве, погребальном обряде, быту, сформировавшихся во II в. до н. э.

Предметы культа и амулеты. Особую группу составляют своеобразные лепные фигуры, оформленные парными головами баранов или лошадей (Рис. 98, 5–8). Их размеры, степень реалистичности, качество выделки и способ орнаментации различны; очевидно, все эти изделия являются произведениями домашних умельцев. В одном случае находки фрагментов таких фигур соотнесены с мегаронами З, К, Л, во всех остальных они происходят из мусорных слоев, не связанных с конкретными сооружениями. Интерпретация этих предметов в качестве «очажных подставок» или «подставок для вертелов» [Высотская 1979, 87] не имеет оснований, и на это гораздо раньше указывала М. И. Вязьмитина [1962, 210–211]. В Неаполе они ни разу не были найдены даже в относительной близости от очагов. Вместе с тем, весьма очевидна их культовая принадлежность и связь с домашним очагом [Вязьмитина 1962, 211], однако конкретный семантический смысл остается пока неясным. Для этих лепных фигур предполагается дако-гето-фракийское происхождение [Погребова 1958, 232].

Культовые предметы также представлены лепными курительницами нескольких типов, единичными керамическими алтариками (Рис. 17, 34, 37), о которых уже упоминалось, многочисленными бронзовыми кольцами с тремя рядами выступов (Рис. 104, 9). Среди населения Неаполя скифского получили широкое распространение амулеты из египетского фаянса — в виде скарабеев, львов, лягушек, кукишей, гениталий, фигурок Беса, младенца Гора, Гарпократа. Считается, что это отражает резкое возрастание популярности фетишизма [Алексеева 1975, 30–31; Махнева 1967, 196] на рубеже н. э.

ГЛАВА 6

Неаполь скифский во второй половине I — третьей четверти II вв. н. э.

1. Археологическая ситуация

В период В Неаполь скифский представлял собой большую крепость, практически полностью лишенную какой-либо застройки. Возможно, но пока до конца не установлено, только наличие мегаронов А и В Северного дворца (**Рис. 17, 10**).

По некоторым признакам и отдельным находкам предположительно определяется их принадлежность к горизонту С и при этом существование в периоде А. Сам по себе такой вывод предполагает функционирование этих зданий в периоде В, но прямых подтверждений этому пока нет. Стены мегарона А были украшены фресковой росписью, которая подробно реконструирована И. В. Яценко и датирована второй четвертью — серединой II в. до н. э. (**Рис. 115**) [Яценко 1960, рис. 1]. Граффити и тамгообразные знаки (**Рис. 116**), нанесенные поверх росписи, также имеют многочисленные аналогии среди варварских древностей второй половины I–II вв. н. э. [Дашевская 1962]. Генеральная реконструкция Северного дворца на раскопе Д, предпринятая в период А, привела к уничтожению основной части более раннего культурного слоя вокруг мегаронов А, Б, В. Исходя из этих соображений, существование дворцового мегарона А во второй половине I — II вв. можно признать весьма вероятным.

Оборонительные сооружения периодов D–С продолжали существовать и в периоде В. Отдельные ремонтные работы — настилка вымосток, сооружение локальных подпорных стен, заложенный проем ворот — зафиксированы только на раскопе А [Колтухов 1990, 82; 1999, 37]. У центральных ворот также была изменена система крепления полотен — установлены плиты с подпятниками (**Рис. 18, 16**).

На остальных участках городища с горизонтом В связаны только многочисленные хозяйственные ямы с типичным мусорным заполнением и большим количеством находок (**Рис. 114, 6–9**). При этом среди них практически нет зерновых — с каменными обкладками, тщательной глинистой обмазкой, узкими горловинами и т. п.

Как уже отмечалось, культурный слой горизонта В представлял собой однородный гумус с прослойками золы, гари, суглинка. Показательно, что его накопление не сопровождалось разборкой на камень более ранних развалин. Во многих случаях слой зольного грунта и небольшие зольники накапливались в границах полуразрушенных зданий, стены которых возвышались на метр и более.

Одной из особенностей горизонта В являются зольники — большие (№№ 1–3) и множество малых.

В истории зольника № 3 может быть выделено три этапа.

На этапе В3 образовалось несколько малых зольных холмов над развалинами мегаронов З, К, Л. Затем с их поверхности были впущены многочисленные хозяйственные ямы.

На этапе В2 произошла нивелировка этих малых зольников. Образовавшаяся площадка была перекрыта полосой вымостки из известняковой крошки (Рис. 105, 3), которая огибала новый зольный холм, окруженный каменной кладкой-крепидой. В южной части эта «дорога» была перекрыта овальной в плане площадкой, также из плотной известняковой крошки. В центральной части этой площадки были установлены три вертикально поставленные известняковые стелы-менгиры (Рис. 106) [Высотская 2001, 54]. Высота центрального столба, сохранившегося *in situ*, достигала 2,05 м. Два других, поваленные в древности, были несколько меньше. Все три камня были установлены по линии север-юг и лицевыми плоскостями развернуты на запад, в сторону дороги. Этот комплекс получил название «Святылище трех менгиров».

На этапе В1 произошло разрушение святылища и продолжился дальнейший рост большого зольного холма. Через определенное время этот зольник перекрыл и дорогу с крепидой, и развалины святылища. В итоге, его общая высота превысила отметку 5 м.

Назначение позднескифских зольников пока не определено. Т. Н. Высотская предполагает связь этих сооружений с астрально-календарными культурами [Высотская 2001, 59].

Выразительный культовый зольник известен только один. Он открыт у развалин более раннего мегарона Е (Рис. 12, 4; 105, 2). Насыпь этого зольника была однородной аморфной структуры и достигала высоты 0,5 м. В нем было обнаружено более тридцати разбитых стеклянных сосудов (полихромный амфориск, кубки, бальзамарии, блюда, чаши, кувшины), золотая лунница, бронзовые и железные фибулы, детали шкатулок и другие металлические предметы, две бронзовые статуэтки Диоскуров [Шульц 1969], разнообразные бусы, фрагменты терракотовых статуэток, костяные пиксиды, известняковый алтарик с сарматским знаком, лепные курьелиницы и многие другие предметы (Рис. 107–111). Вероятно, из разрушенной части этого же зольника происходит золотой статер Римиталка 150/151 гг. н. э. [Зайцев 1990а] (Рис. 112, 1). Большинство предметов определяют время функционирования этого зольника в пределах второй половины I — середины II вв. н. э., хотя есть и гораздо более ранние изделия.

Еще одна яркая особенность характерна для Неаполя скифского периода В — отдельные погребения людей на территории городища. Так, перед центральными воротами крепости, среди развалин Южного дворца и рядом с мавзолеем-герооном Аргота был устроен небольшой элитный некрополь (Рис. 7, С). В 1949–50 гг. здесь исследованы две могилы с человеческими захоронениями и шесть конских [Карасев 1951; Шульц 1957, 76; Высотская 1979, 201–203; Дашевская 1991, 131].

В прямоугольной вырубной скальной могиле, заложенной камнями, было совершено парное захоронение мужчины и женщины. Мужской костяк располагался на спине, в вытянутом положении,

головой на восток, женский находился в северо-западной части могильной ямы, у ног мужчины, в полускорченном положении, на спине, головой на восток (Рис. 117, 1).

Инвентарь: узкогорлая светлоглиняная амфора типа С, железный нож и кость животного в восточной части могилы, у правого бедра мужского костяка — железный меч, на правом запястье женского костяка — бронзовый браслет, в области грудной клетки — бронзовая лучковая фибула и бусы. Остальные находки были сосредоточены в западной части могилы и залежали на разной глубине. Здесь были обнаружены две пары железных удил, железный ажурный налобник, железные и бронзовые, покрытые золотой фольгой бляхи различных форм и размеров, разнообразные разделители ремней, пряжки, зажимы и кольца, 16 крупных халцедоновых бусин, прямоугольные пластины из золотой фольги (Рис. 118–119).

Еще одна грунтовая могила содержала останки подростка. Среди костей в ней найдены бусы, золотая серьга с бусиной и золотая подвеска в виде палицы Геракла (Рис. 120, I, 1).

С воинской могилой вероятно связаны и конские захоронения. Животные в грунтовых могилах были размещены на животе, с подогнутыми ногами (Рис. 117, 2), головы на специальных полках. В трех случаях сохранились железные удила и пряжки (Рис. 120, I, 3–9).

Еще одна могила, вырубленная в скале, открыта на раскопе VIIв. В ней находился женский костяк в вытянутом положении, головой на запад. Кости рук ниже локтей и ног ниже колен были сложены в восточной части ямы. На некоторых суставах сохранились следы ударов орудия типа металлического прута. Инвентарь: бусы, собранные среди костей конечностей и серебряная серьга у черепа (Рис. 120, II).

2. Некрополи Неаполя: погребальный обряд и инвентарь

Как уже отмечалось, в конце периода С и на протяжении всего периода В, наблюдается постепенная смена погребального обряда в неапольских некрополях. Коллективные захоронения в склепах-катакомбах со временем сменились индивидуальными подбойными погребениями.

На Восточном некрополе с горизонтом В могут быть синхронизированы 54 подбойные могилы и 14 склепов-катакомб. При этом все склепы — более раннего времени. Известна также одна могила с заплечиками и захоронение младенца в амфоре [Пуздровский 1987]. На Битакском могильнике определено до 100 подбойных могил второй половины I–II вв. н. э. (Рис. 6, II). Ситуация на Западном некрополе не установлена. Судя по многочисленным находкам из самовольных раскопок XIX в., захоронений периода В здесь также было много.

Погребальный обряд: преобладающая поза умерших — на спине, в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Часто использовались войлок и ткань, гораздо реже зафиксированы следы

гробов и колод. Напутственная пища в краснолаковой или лепной посуде обязательна. Отмечено большое разнообразие и обилие украшений, предметов костюма, амулетов и других категорий вещей. В особую группу выделяются редкие захоронения с оружием и предметами конской сбруи [Пуздровский и др. 1993; Пуздровский 2001] (**Рис. 121–122**).

Хроноиндикаторы: светлоглиняная амфора типа В, краснолаковая посуда различных форм [ср. Журавлев 1997], стеклянные бальзамарии нескольких типов, фибулы — подвижные провололочные 2-го и 3-го вариантов по Амброзу [Амброз 1966, 49–50], сложнопрофилированные причерноморского типа со сплошным приемником и крючком для тетивы, провинциально-римские броши с эмальями, зеркала-подвески с сарматскими знаками, пирамидальные колокольчики, некоторые типы бус и подвесок, ключи и металлические детали шкатулок. При этом многие погребальные комплексы содержали и предметы, в целом характерные для поздней фазы периода С.

3. Материальная культура

Специфика археологической ситуации периода В позволяет высказать предположение, что новое население изменило прежний оседлый смешанный уклад хозяйства Неаполя. По одной из версий, преобладание пришельцев-скотоводов привело к кардинальным изменениям облика крепости, ставшей своеобразным лагерем-зимником. Такая версия могла бы объяснить и отсутствие построек, и накопление зольных отложений, и случаи человеческих захоронений на городище.

Ремесла. До сих пор в Неаполе не обнаружено никаких следов производств, связанных с горизонтом В. Поэтому этот вопрос пока остается открытым.

Торговые связи. Предметы импорта составляют значительную часть находок горизонта В. Это амфоры и многочисленная краснолаковая посуда, гончарная керамика, стеклянная посуда, отдельные типы украшений и бус, металлические изделия, в том числе римские фибулы-броши с эмальями [Высотская 1979, 140–147].

Быт. Населением Неаполя использовались довольно простые орудия домашнего труда, предметы женского туалета — зеркала, бальзамарии, пинцеты, приспособления для завивки волос. Арсенал воинского контингента составляли длинные и короткие мечи сарматских типов, стрелы с железными черешковыми трехлопастными наконечниками. Снаряжение коней иногда отличалось сложностью и большим количеством предметов. В погребениях аристократии найдены пластинчатые прорезные

налобники, уздечные бляхи, разделители и оконцовки ремней, подпружные пряжки. Часть предметов была украшена золотой и серебряной инкрустацией (**Рис. 118, 11, 20, 22; 121, 11**) [Пуздровский 2001, рис. 6, 8].

Отдельный сюжет — граффити на штукатурке мегарона А (**Рис. 116**). Согласно выводам О. Д. Дашевской [Дашевская 1962], это индивидуальные «автографы», которые были нанесены сидящими на полу людьми во время каких-то церемоний. Высказывались мнения об их культовом содержании [Высотская 1979, 184], а также о том, что эти рисунки оставлены сарматскими завоевателями, использовавшими здание А в качестве казармы [Пуздровский 2001, 111]. Вероятно, в этих изображениях раскрывается своеобразный «круг мировоззрения» варварской аристократии, представленный сценой взятия крепости, рисунками вооруженных людей, табунов лошадей, знаков-тамг, обуви, других неясных изображений.

Керамический комплекс. Кухонная посуда представлена разнообразными лепными горшками, кувшинами, открытыми сосудами, кружками, многие из которых украшены различными налестями (**Рис. 113, 9, 14, 15**). Также известны лепные фигуры с зооморфными окончаниями, которые появились еще в периоде С (**Рис. 113, 10, 16, 18**). В наборах столовой керамики, наряду с лепной посудой, значительный процент составляли краснолаковые тарелки, кувшины, кубки, чашки. Амфоры, крупные лепные горшки и кувшины использовались в качестве тары.

В целом, материальная культура населения Неаполя скифского во второй половине I–II вв. н. э. имела выраженный сарматизированный характер [Пуздровский 1999, 108]. Также прослеживается определенная ее связь с территориями соседних Боспора и Херсонеса.

Вопрос о назначении больших зольников пока остается нерешенным. Вероятно, своим происхождением они обязаны особому укладу жизни нового населения Неаполя скифского, не оставившего следов жилищ и хоронившего умерших в подбойных могилах.

Проанализированный археологический материал позволяет реконструировать своеобразный облик Неаполя скифского во второй половине I — третьей четверти II вв. н. э. Скорее всего, в это время городище представляло собой столичную крепость — зимник, «укрепленный лагерь кочевых юрт» [Эрнст 1927]. Подобные глобальные изменения были результатом обновления значительной части его населения. Для этого населения были характерны новый погребальный обряд и иной уклад жизни, который отразился в специфике горизонта В. Многими исследователями предполагается их сарматская принадлежность, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ГЛАВА 7

Неаполь скифский в последней четверти II в. н. э. — первой половине III в. н. э.

1. Археологическая ситуация

оследний период жизни Неаполя скифского представлен двухслойным горизонтом, который зафиксирован практически на всех участках городища и пригорода.

При раскопках оборонительной стены были открыты многочисленные землянки и хозяйственные ямы, часто пристроенные прямо к фортификационным сооружениям, погребения младенцев в сосудах. Сами оборонительные стены в это время уже не функционировали и представляли собой каменистую валообразную насыпь, над которой возвышались остатки башен и участки стен.

В это время Неаполь был большим неукрепленным поселением с неплотной хаотичной застройкой, в которой выделялись отдельные хозяйственно-жилые блоки определенной структуры. Каждый из таких блоков предположительно состоял из группы небольших примитивных строений, объединенных дворами и оградами, и примыкающих к ним обширных комплексов зерновых ям. Один такой комплекс открыт на раскопе А-Б-В (**Рис. 7, А**), другой — на раскопе VIIa-VIIb (**Рис. 11, 1, А**).

На фоне рядовой застройки выделяется архитектурный комплекс раскопа Д. Его основу составляли три больших мегарона А, Б и В в сочетании с другими помещениями и сооружениями (**Рис. 10, А**). Как неоднократно упоминалось, с I в. до н. э. — I в. н. э. здесь существовало два больших мегарона А и В, предположительно составлявших ядро дворцового комплекса. В период В стены мегарона А были украшены фресковой росписью. Период А был отмечен активной, но довольно хаотичной строительной деятельностью. В результате упомянутые мегароны были плотно окружены различными хозяйственно-жилыми постройками.

Наиболее значительным новым сооружением был мегарон Б. Он расположен к юго-востоку от мегарона А и достигал размеров 15x7,6 м. Его внутреннее устройство неясно: при раскопках не прослежено ни полов, ни очагов, ни столбовых ям. К юго-востоку от мегарона Б находился двор, покрытый известняковой крошкой. На его поверхности найдены человеческий череп и лепная глиняная маска.

Мегарон А сохранил прежнее устройство и роспись стен. В центре основного помещения находился круглый очаг из глины, вокруг которого зафиксировано 16 ямок. Пол был перекрыт завалом черепицы с большим количеством железных гвоздей. Перед входом, среди разбитой черепицы, были найдены два мужских костяка в произвольных позах и железный наконечник копья (**Рис. 132, 4**).

Мегарон В в период А также имел черепичную крышу. Его внутреннее устройство неизвестно. С северо-востока к зданию примыкала вымостка двора, под которой обнаружен денарий Пертинакса (Рис. 17, 65).

В северо-западной части раскопа Д сохранились остатки сложного комплекса наземных построек. С ними связан разнообразный керамический комплекс боспорских, светлоглиняных и «самосских» амфор, лепных сосудов и грузил, рельефных и расписных краснолаковых блюд [Раевский 1970], сопровождаемый денариями Траяна и Геты (Рис. 17, 65, 66; 135). В завале черепицы и камней, к северу от упомянутых помещений, было обнаружено серебряное блюдо с изображениями сюжетов дионисийского культа и надписью: «царица Гепеперия» (Рис. 134) [Яценко 1962], а также терракотовая фигура собаки.

Архитектурно-археологический контекст этого комплекса позволяет считать его дворцовым сооружением [Яценко 1962, 113] — Северным дворцом Неаполя скифского [Зайцев 1995, 74].

2. Архитектурные сооружения. Строительная техника

Несмотря на большое количество открытых при раскопках каменных кладок, полов, очагов, закрытых керамических комплексов, только для отдельных объектов можно определить тип и планировку.

Мегароны. Зданий этого типа, построенных в период А, известно три — мегарон Б на раскопе Д, мегарон П на раскопе А-Б-В (Рис. 14, 32) и мегарон И на раскопе VII (Рис. 14, 31).

Мегарон Б — строгой и типичной планировки, полностью повторяет устройство соседних мегаронов А и В. Здание П небольших размеров. Сочетание с закрытым двориком и хозяйственной пристройкой свидетельствует о его жилом назначении. Мегарон И размерами 12х5,2 м при толщине стен 0,6–0,7 м. В центре находился прямоугольный столик-очаг, а северная часть основного помещения была как бы приподнята и образовывала невысокую ступеньку. Под глинобитным полом найдена фибула с завитком на конце приемника (Рис. 17, 47).

Наземные дома равнозначно-параллельного принципа планировки. Такие сооружения достоверно реконструированы только в двух случаях — на раскопах Д и В (Рис. 14, 35, 37). Очевидно, к этому типу может быть отнесено еще до десяти сооружений, план которых не может быть полностью восстановлен (Рис. 14, 38, 40). Все постройки этого типа имели небольшие размеры и не отличались строгой прямоугольной разбивкой на местности. В составе Северного дворца на раскопе Д это были хозяйственные помещения. Функции таких сооружений, исследованных на раскопе А-Б-В, были смешанными хозяйственно-жилыми.

Наземные однокамерные постройки. Для горизонта А известно пять таких сооружений (Рис. 14, 36, 39). Еще примерно десять могут быть определены такими условно. Их основные признаки: сравнительно небольшая площадь (до 35–40 кв. м),

неправильная планировка, произвольные пропорции. Очевидно, они имели хозяйственно-жилое или хозяйственное назначение.

Землянки и полуземлянки. В разных местах городища таких сооружений известно восемь (Рис. 14, 41, 42, 43, 44). Для объектов этого типа характерны: округлая планировка, глубина около 1–2 м, облицовка стенок мелким камнем на глиняном растворе, площадь до 3,5 кв. м. В одной из землянок зафиксированы скамьи-полки вдоль стен. Все известные землянки горизонта А были вспомогательными хозяйственными сооружениями. Большинство из них выполняло функции погребов, являясь, по сути, усложненной разновидностью хозяйственных ям.

Зернохранилища. Известны на всех участках раскопок. Общее число известных хозяйственных ям горизонта А достигает трехсот единиц. Значительная их часть сгруппирована в два обширных упорядоченных комплекса (на раскопах А-Б-В и VII-VIII). В других случаях ямы также составляли группы, часто расположенные рядом с остатками построек. Все ямы могут быть разделены на специальные зерновые и более универсального назначения. Первые были строгой геометрической формы, с каменными крышками (Рис. 125) и отличались большим объемом. Их внутренние поверхности всегда тщательно покрыты глинистой обмазкой. Вторые — упрощенной конструкции; они могли использоваться в качестве частных погребов, сборников очажного мусора, отхожих мест и т. п.

Строительная техника горизонта А отличалась общим низким уровнем, даже более примитивным, чем в периоды Е-В. Античные приемы строительства — предварительная разбивка плана, прямолинейность кладок стен, использование черепичных крыш, штукатурка и фресковая роспись стен — в полной мере были использованы только в мегаронах А, Б и В Северного дворца. Для всех остальных строительных объектов Неаполя характерна кривизна планировки и кладок, небольшие размеры, свидетельствующие о конструктивном несовершенстве сооружений. Зерновые ямы и землянки-погребы выглядят более аккуратно. Многие зернохранилища в плане идеально круглой формы, тщательно и аккуратно вырублены в скале, их верхняя часть сложена из камней в виде узкой горловины с бортиком. Строительные материалы традиционны: необработанный и обработанный (вторичного использования) известняк, грязевой и глинистый раствор. Глина и известняковая крошка использовались также для покрытия поверхностей дворов и полов. Все известные кладки горизонта А сложены из камня, в иррегулярной трехслойной технике. Иногда в них использованы отдельные обработанные блоки, взятые из сооружений эллинистического времени. Применение дерева лучше всего прослежено при раскопках мегаронов Северного дворца на раскопе Д. Там зафиксированы остатки балок крыш с большим количеством железных гвоздей и дубовый брус у входа мегарон А. В остальных случаях использование деревянных конструкций предполагается по наличию столбовых ям, оснований деревянных лестниц и дверных рам.

В целом, археологическая ситуация Неаполя скифского горизонта А демонстрирует крайнюю степень деградации архитектуры и строитель-

го дела в последний период жизни городища, их абсолютно кустарный, непрофессиональный и варварский характер. Определенные достижения и приемы античного домостроительства прослежены только в мегаронах — главных зданиях аристократического комплекса — предполагаемого Северного дворца. Подобная ситуация, характерная для всех позднескифских памятников этого времени, свидетельствует о серьезных изменениях в жизни варварского населения Таврики.

3. Некрополи — погребальный обряд и инвентарь

На могильниках Неаполя скифского горизонта А отмечен несколькими характерными признаками. Самый главный из них — появление и функционирование нового типа погребальных сооружений — скальных вырубных склепов [Эрнст 1927, 13; Бабенчиков 1957, 94–118; Пуздровский 1994, 119–121; 1999, 111]. Они расположены небольшими группами, по 3–5 камер в ряд, устроенных в верхних террасах склонов Петровской и Восточной балок, выше грунтовых могильников. Двадцать таких склепов известно на Восточном некрополе, более двадцати — на Западном. Конструкция этих склепов в основном одинакова: прямоугольная или трапецевидная в плане камера с плоским потолком, небольшое округлое входное отверстие, входная яма длиной 1,5–3 м. В одну группу со склепами №№ 42–44 входили две конские и две детские вырубные могилы.

В некоторых случаях внутреннее оформление камер усложнено прямоугольными или стрельчатыми нишами (№№ 1, 2, 8, 9, 43, 44), пилястрами (№№ 9, 43, склеп 1927 г.), жертвенником (?) (№ 2). В одном случае (склеп № 6) стена камеры была украшена примитивным рельефом всадника. Стены склепов №№ 1, 2, 8, 9 были украшены росписями на различные сюжеты. Так, в склепе № 1 сохранились изображения грифонов, змееногих богинь, человеческих фигур в лучистом венце, орнаментальные мотивы [Попова 1987], в склепе № 2 изображен лучник, танцующие фигуры, конь, а в склепе № 8 — человек с конем, другие антропоморфные фигуры [Бабенчиков 1957, рис. 10, 11]. Полихромная роспись склепа № 9 наиболее совершенна и является своеобразным шедевром варварской монументальной живописи (Рис. 136) [Шульд 1947, 276; Попова 1984, 129–145]. В сочетании со сложным орнаментальным оформлением здесь изображены всадник с копьем, мужская фигура с лирой, сцена охоты собак на кабана, два «шахматных ковра» и два архитектурных сооружения — башенные постройки (?).

Полное ограбление почти всех вырубных склепов не позволяет дать характеристику погребального обряда. Однако сохранившиеся предметы, происходящие из скальных камер, ничем не отличаются от находок из грунтовых некрополей. Среди множества теорий о происхождении и социальной принадлежности вырубных склепов [Шульд 1947а, 28; Бабенчиков 1957, 97, 140; Высотская 1987, 55; Попова 1984, 129; Раевский 1971а, 14] привлекает внимание версия об их алано-боспорском происхождении и прина-

длежности рядовому населению [Пуздровский 1999, 111]. Для определения этих склепов в качестве гробниц знати и жрецов [Раевский 1971а, 14–15] прямых данных нет. Только изолированное расположение нескольких склепов с росписями делает вероятной их принадлежность аристократической верхушке. Однако ничтожные остатки погребального инвентаря никак не способствуют решению этого вопроса.

Для грунтовых могильников горизонта А характерно дальнейшее распространение подбойных могил (Рис. 138; 139): на Восточном некрополе их открыто до 50, на Битакском могильнике — 46 [Пуздровский и др. 1993]. В это время также известны отдельные склепы-катакомбы [Дашевская 1951, 131–135], простые грунтовые могилы и могилы с заплечиками.

Основные датировочные предметы горизонта А в погребениях: подвязные лучковые фибулы с резким изгибом спинки, сплошной или фигурной обмоткой [Амброз 1966, табл. 9, 12], краснолаковые кувшины с грушевидным туловом, краснолаковые тарелки с горизонтальным отогнутым венчиком, крупные стеклянные бусы с фестонобразным орнаментом, римский денарий Септимия Севера, некоторые типы подвесок и бронзовых пряжек (Рис. 138, 4, 9) [Сыманович 1983, 107, 108].

С хроноиндикаторами горизонта А повсеместно встречены различные украшения и предметы, известные и в более ранних комплексах. Это бронзовые кольца с выступами, зеркала-подвески с изображениями, пирамидальные колокольчики, антропоморфные подвески, детали шкатулок, орудия труда, браслеты и перстни с окончаниями в виде змеиных голов (Рис. 138, 5, 6; 139, 13–15) [Труфанов, 2001, рис. 1].

Устройство подбойных могил и основные элементы погребального обряда остались такими же, как и в периоде В [Пуздровский 1994, 118]. Погребальный инвентарь представлен краснолаковой и лепной посудой, фибулами, перстнями, бусами, серьгами, браслетами, зеркалами и амулетами, железными ножами, иглами, пряслицами, шильями, оселками. Предметов вооружения в погребениях этого периода нет, имеются наборы конской упряжи.

В целом захоронения грунтовых могильников периода А по сравнению с периодом В демонстрируют более устойчивый погребальный обряд в сочетании с более скромным и стандартным инвентарем.

4. Материальная культура

Весь археологический контекст горизонта А Неаполя скифского свидетельствует о развитии оседлом земледелии и скотоводстве. Это подтверждается стационарными зернохранилищами большого объема, находками зернотерок, жерновов и ручных мельниц (Рис. 133). Наличие виноградарства и садоводства в Неаполе подтверждено неоднократными находками обугленных плодов яблок и виноградных лоз, известна находка виноградного

железного ножа (**Рис. 131, 6**). Изготовление лепной керамики, примитивная обработка кости и других материалов, прядение и ткачество (**Рис. 131, 8, 19**), судя по всему, носили преимущественно домашний, непрофессиональный характер.

Керамический комплекс Неаполя в это время отражает интенсивные связи с Боспором (многочисленные красноглиняные амфоры и кувшины) (**Рис. 126, 1,6; 128, 6; 129, 1; 130, 3,4**), с Южным Понтом (узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Д) и Херсонесом (краснолаковая керамика). Кроме того, известны амфоры с воронковидным горлом и одноручные кувшины (**Рис. 126, 2, 3**), вероятно, средиземноморского происхождения.

Культы и обряды. Заметно значительное увеличение захоронений младенцев в пределах жилой зоны [Пуздровский 1999, 112] — для периода А их известно более пятидесяти — и ритуальных погребений костей домашних животных в ямках и сосудах (**Рис. 128, 3**). Специальные святилища и куль-

товые комплексы в Неаполе периода А отсутствуют. Выразительных зольников в указанное время также не известно.

Таким образом, в последний период своего существования Неаполь скифский представлял собой большое неукрепленное поселение, для которого очевидна земледельческая основа, определявшая облик, структуру и основные направления деятельности его населения. Наличие здесь аристократического комплекса — Северного дворца — могло определять и основную экономическую функцию Неаполя, как центра аграрной территории и места концентрации запасов зерна.

Материальная культура неапольского населения демонстрирует общие синхронные тенденции, характерные для всей территории Северного Причерноморья: деградацию жизненного уровня, варваризацию его основных проявлений, выработку единого культового пространства, основанного на глубоком религиозном синкретизме.

ГЛАВА 8

Неаполь скифский в истории Северного Причерноморья

Был ли Неаполь скифский городом, и если да, то в какое время и в какой степени? Разногласия в терминологии не позволяют сейчас однозначно ответить на этот вопрос. В развитии данной проблематики представляет интерес эволюция Неаполя скифского. Вероятно, она может быть сопоставлена с теми случаями, когда основным структурным ядром протогорода, с момента его возникновения, был единый дворцово-храмовый комплекс. Во многих случаях сооружения такого типа предшествовали протогороду в качестве изолированных ритуально-административных центров [Андреев 1987, 16].

Для обозначения основных периодов жизни Неаполя скифского употреблены условные определения, в целом отражающие суть каждого этапа в отдельности. Их буквенные обозначения унифицированы с соответствующими археологическими горизонтами городища. Это: *докрепостной период Е*, *крепостной дворцовый период D*, *крепостной протогородской период С* и *посткрепостной период А*. Ситуация в период В до конца неясна, поэтому он пока оставлен без названия.

Период F

Как уже упоминалось, наиболее ранние культурные остатки, обнаруженные на территории Неаполя скифского, представляют собой следы поселения кизил-кобинской археологической культуры конца IV — начала III вв. до н. э. [Зайцев, Пуздровский 1994, 67; Зайцев 1995, 84]. По всем имеющимся данным, хронологическая и какая-либо другая его связь с более поздней неапольской крепостью полностью отсутствует. В свою очередь, это делает несостоятельными утверждения о возникновении Неаполя скифского в IV–III вв. до н. э. [Высотская 1979, 6; 1992, 140].

Докрепостной период Е

Современные датировки родосских эпонимных клейм и ситуация с конечной датой херсонесского клеймения позволяют определить время существования наиболее ранних объектов на территории Неаполя

второй четвертью — серединой II в. до н. э. В этот период (Е3) здесь функционировала группа укрепленных комплексов, в определенной степени сходных с усадьбами хоры Ольвии и других античных центров Северного Причерноморья. Крайняя их фрагментарность не позволяет сколько-нибудь детально реконструировать начальный этап истории Неаполя скифского. Можно лишь предполагать оседлую земледельческую основу этого поселения и констатировать своеобразный греко-варварский характер культуры первых обитателей на месте будущей крепости. Показательно, что именно с горизонтом усадеб скорее всего связаны водоемы с плотинами и именно для этого горизонта пока неизвестны грунтовые некрополи.

Причины подобного явления в центральном Крыму пока неясны. Согласно мнению различных исследователей, его можно было бы связывать с миграционными процессами в сопредельных районах Северо-Западного Причерноморья [Пуздровский 1988], с нарастающей сарматской угрозой [Полин 1992, 116–117] или с событиями в зоне латенских культур [Щукин 1994, 95–119]. Возможны и другие варианты, количество и обоснованность которых зависят от степени популярности той или иной теории.

Примерно с середины II в. до н. э. здесь начался довольно активный, но хаотичный рост большого поселения, в северной части которого вероятно существование небольшого укрепления — «акрополя». Рядовые строительные комплексы различной структуры были распределены по площади не менее 30 га. В нескольких установленных случаях «кусты» застройки состояли из полуземлянок и небольших наземных домов. Центральным сооружением одного из таких комплексов, расположенного в южной части поселения, был «протомега-рон» — здание удлиненных пропорций с очагом в центре. Материальная культура этапа Е2 в целом изменилась мало и по-прежнему носила смешанный греко-варварский характер.

Насколько можно судить по имеющимся данным, около 130 г. до н. э. в истории Неаполя произошли важные события, кардинально изменившие облик и назначение этого населенного пункта. «Протомега-рон» перестроили в новый мегарон необычно больших размеров, оформленный в греческом стиле. С этого момента он стал основой нового комплекса — Южного дворца. Примерно в это же время была возведена южная оборонительная стена, превратившая большую часть поселения в крепость, площадью около 18–20 га. Главным ориентиром при ее строительстве и выборе места для центральных ворот был дворцовый мегарон Н.

Практически сразу после этих событий крепость была охвачена катастрофическим пожаром, в котором погибли все известные комплексы и объекты Неаполя.

С какими событиями можно связать катастрофу — неизвестно. Предпринимались попытки объяснить ее результатом набега Амаги или сатархов [Зайцев 1995, 87; 1999, 143–144; Пуздровский 2001, 93], однако пока они лишены убедительных доказательств.

Начальный период истории Неаполя скифского прямо связан с проблемой генезиса позднескифской археологической культуры. К настоящему

моменту мнения по этой проблеме могут быть оформлены в несколько различных гипотез.

Традиционная точка зрения [Граков 1947; Артамонов 1948; Висотська 1992; Храпунов 1995, 50; 2003, 87–88] предусматривает генетическую связь позднескифской культуры и культуры степных скифов VII–IV вв. до н. э. Согласно этому мнению, существование Скифии в Крыму во II в. до н. э. — III в. н. э. представляется завершающим этапом «тысячелетней истории скифов Северного Причерноморья» [Ольховский, Храпунов 1990, 64–67].

Иную гипотезу выдвигает А. Н. Щеглов, считающий, что «образование позднескифского царства надо объяснять в первую очередь резкими и внезапными изменениями демографической и политической ситуации в Северном Причерноморье в целом, а не поступательным внутренним развитием позднескифского общества» [Щеглов 1988, 32]. При этом данное событие было датировано исследователем сначала первой четвертью — первой третью III в. до н. э. [Щеглов 1988, 32–33], а затем — третьей четвертью — серединой II в. до н. э. [Щеглов 1998, 150]. По оригинальной гипотезе исследователя, у истоков формирования позднескифской культуры находилось «некое неизвестное нам пришлое население: земледельцы, носители традиции жить в укрепленных поселениях, а также степняки Крыма или сопредельных с ним равнин Северного Причерноморья» [Щеглов 1998, 150].

С этой концепцией во многом созвучна гипотеза о том, что никакой преемственности между скифами VII–IV вв. до н. э. и самыми ранними позднескифскими памятниками нет. Между ними существует временной разрыв как минимум в столетие, а материальная культура поздних скифов не имеет ярко выраженных черт классической скифской культуры [Зайцев, Пуздровский 1994, 232; Зайцев 1995, 87; Пуздровский 1999, 100–101; 2001, 87].

Материалы раскопок Неаполя скифского подтверждают гипотезы о независимом происхождении позднескифской культуры. Ее формирование могло представлять собой процесс синтеза самых различных культур региона — причерноморских греков, представителей латенизированных культур, варварских племен горного и предгорного Крыма, населения Предкавказья и азиатского Боспора [Щеглов 1998, 150–151; Зайцев 1995, 86–87; Пуздровский 1999, 101–102; 2001, 88–89; Колтухов 2001, 61]. По другой версии, относительно кратковременное формирование варварской культуры Крыма в середине II в. до н. э. связано с восточным импульсом, который наложился на местную «тавро-скифскую» основу [Зайцев 1999, 142–143].

Крепостной дворцовый период D

После катастрофического пожара, только что построенная и прежде заселенная крепость была превращена в мощное укрепление, практически лишенное капитальной застройки. На протяжении последующих двух десятилетий единственным(?) фундаментальным комплексом на крепостной территории был Южный дворец у центральных ворот Неаполя скифского.

После нескольких капитальных перестроек он был превращен в изолированный комплекс сложной структуры; его центром были мегарон и закрытый двор, окруженные несколькими домами греческого типа и оградами. Перед фасадом дворца последовательно возвели мавзолей-героон Аргота, монументальный алтарь и мавзолей Скилура, располагавшийся уже за пределами крепости. Все эти объекты позволяют определить данный архитектурный объект в качестве царской резиденции и святилища царского культа [Зайцев 1997, 49], подобно дворцам крито-микенской культуры [Lindgren 1987, 39–42; Zois 1987, 43–44].

В силу своего назначения, Южный дворец оказался местом сосредоточения наиболее ярких, выразительных черт позднескифской культуры; в границах царской резиденции сформировалась особая «дворцовая» разновидность этой культуры, отличавшаяся ярко выраженным греко-варварским обликом.

Известные факты позволили также рассматривать Южный дворец в качестве главной ставки царя Скилура, определяющей назначение Неаполя в качестве царской крепости, политического и военно-административного государственного центра [Колтухов 1999, 92]. Ольвиополит Посидей, сын Посидея, от имени которого были установлены посвящения Зевсу, Афине, Ахиллу и богине Родос, предполагается в качестве крупного торговца и советника Скилура [Латышев 1887, 133; Соломоник 1962, 44; Виноградов 1989, 241–245; Сапрыкин 1986, 204; Зубарь 1996].

У парадных ворот Неаполя скифского, перед Южным дворцом находился героон Аргота, сооруженный не ранее 130 г. до н. э., сразу после катастрофического пожара 1.

Такая атрибуция памятника следует из найденной здесь надписи, упоминающей Аргота (Рис. 53; 73) (см. Приложение 1, 17) [Виноградов, Зайцев 2003]. Анонимный поэт — автор неапольской надписи, хорошо знакомый с гомеровской поэзией и раннегреческой лирикой, только в сохранившейся части текста употребил не менее десятка гомеризмов, включая и гомеровскую грамматику. Особенности ее восстановления и перевода в сочетании с контекстом находки позволяют предполагать, что упомянутый повелитель Скифии, от имени которого составлена эпитафия и сооружен монумент — царь Скилур. Отсутствие же в тексте его имени позволяет предположить, что либо справа на плите за рельефом всадника, либо на другой стороне сооружения могла быть вырезана и прозаическая надпись, где как умерший, так и воздвигший ему гробницу были названы по именам со всеми их титулами.

Отсюда вытекает два варианта реконструкции событий.

Во-первых, Аргот мог погибнуть во время этой катастрофы, а затем быть погребенным в монументальной усыпальнице.

Во-вторых, он мог скончаться раньше, был захоронен где-то в другом месте, а затем, уже после пожара, перенесен в специально подготовленный мемориал.

При любом варианте само местоположение мавзолея — на территории крепости сразу за центральными воротами, да еще и прямо перед порталом царского дворца, однозначно свидетельствует о

том, что Скилур придавал этому монументу исключительное значение.

Упоминание в таком контексте имени Аргот приводит к известной надписи из Пантикапея [КБН № 75], в которой упоминаются царь Перисад IV Филометор, его мать Камасария, дочь царя Спартока и жена покойного царя Перисада III и Аргот, супруг Камасарии. Существует мнение, согласно которому овдовевшая боспорская царица заключила повторный династический брак с представителем царской семьи одного из соседних варварских племен. Датировка этого события гипотетична и помещается между 170 и 150 гг. до н. э. [Vinogradov 1997, 531–537; Stolyarik 1998, 66–67; Толстиков, Виноградов 1999, 295–296]. На основании двух упомянутых надписей, имя отца Аргота может быть восстановлено как Идантеמיד или Идант.

Судя по тому, что в надписи из Пантикапея Аргот упомянут без титула, в момент заключения брака с Камасарией он мог быть довольно молодым человеком, но при этом его введение в царствующий дом Боспора было важным государственным актом. Событие это стало, очевидно, началом политической карьеры Аргота, финалом же — почетное погребение у Южного дворца Неаполя скифского.

Другой мавзолей, пристроенный к протейхизме, может быть признан родовой усыпальницей царя Скилура, который был погребен здесь накануне войн Диофанта (по Ю. Г. Виноградову — не позже 114/113 гг. до н. э.) [Виноградов 1989, 249] (см. Приложение 2).

Когда выяснились новые подробности, связанные с захоронением в каменной гробнице мавзолея, интересно сопоставить каждую из основных стадий развития Южного дворца Неаполя скифского с соответствующим возрастом его хозяина — царя Скилура.

Если он, дожив примерно до сорока с небольшим лет, умер в 114–113 гг. до н. э., то сопоставление этих дат с историей Южного дворца демонстрирует любопытные совпадения. Так, ко времени сильнейшего пожара около 130 г. до н. э., этому человеку должно было быть около 20 лет. Сразу после катастрофы начинается развитие этого архитектурного комплекса, происходившее параллельно с многократным укреплением оборонительных стен Неаполя. Первая стадия этой реконструкции произошла сразу после пожара, а вторая соответствует наиболее активному возрасту Скилура между 25 и 32 годами. В таком случае, все эти действия являлись прямым отражением активного правления названного царя, которое теперь может быть ограничено временем между 130 и 114–113 гг. до н. э. Именно за эти полтора десятилетия, вероятно, были осуществлены и Ольвийский протекторат, и захват Херсонесской хоры, и укрепление династических связей с Боспором [Виноградов 1987, 249–250; Зайцев 1999, 144; Колтухов 1999, 90–91; Пуздровский 2001, 91–92]. Упоминание в надписи побежденных полчищ фракийцев и меотов, возможно, указывает на неизвестные ранее военные победы Скилура. Впрочем, иной вариант восстановления древнего текста мог бы приписать эти гипотетические победы Арготу.

Весьма вероятным выглядит и переход власти в Скифии от Аргота к Скилуру. Вместе с тем, в неапольской надписи нет указания на их кровное

родство. Возможно, это свидетельствует о каких-то более сложных путях престолонаследия в конкретном случае.

Смерть Скилура и воцарение его старшего сына Палака совпали с начальным этапом победоносной военной кампании Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора, против варваров в защиту Херсонеса. Очевидно, новый правитель предпринял серьезные шаги по укреплению оборонительных сооружений Неаполя скифского [Колтухов 1999, 35; Зайцев 2001, 44–45; Пуздровский 2001, 95].

Ход и результаты последовавших затем военных кампаний Диофанта хорошо известны [IOSPE I2, 352; Сапрыкин 1986, 218–215; Виноградов 1987, 74–75; Колтухов 1999, 91–94; Зайцев 2001, 43–45; Пуздровский 2001, 95–97].

Полный разгром объединенного войска Палака и предводителя роксоланов Тасия привел к окончательной гибели варварской державы Скилура.

Дискуссия о государственном устройстве Крымской Скифии во времена Скилура и Палака продолжается несколько десятилетий [Висотська 1992; Храпунов 1992; Зубар 1992; Пуздровский 1992]. Среди современных точек зрения известны определения державы Скилура как варварской монархии эллинистического типа [Шеглов 1988, 37–38] и государственного образования, сочетавшего элементы эллинистической монархии и гораздо более ранних структур дворцово-храмового типа, характерных для Средиземноморья [Зайцев 1999, 147].

Новейшее исследование в этой области принадлежит В. М. Зубарю. Он подверг критике все высказанные ранее гипотезы и сделал вывод о том, что держава Скилура была раннеклассовым социальным организмом и не имела ничего общего с эллинистическими монархиями [Зубарь 2002, 515].

Протогородской период С

После окончания войн Диофанта наступил новый этап в истории Неаполя скифского. Прежние функции дворцовой крепости были, очевидно, утрачены и начался довольно интенсивный рост крупнейшего населенного пункта Крымской Скифии. На протяжении полутора веков (рубеж II–I вв. до н. э. — середина I в. н. э.) Неаполь скифский представлял собой сложную градостроительную структуру, состоявшую из хаотично застроенной крепости, пригородов и поселений. Значительный процент городского населения составляли своеобразные родственные (?) коллективы, которым могли принадлежать комплексы из сблокированных мега-ронов. В аспекте материальной культуры очевидно резкое сокращение греческих элементов и понижение общего ее уровня. С другой стороны, прослеживается преемственность домостроительных традиций, погребального обряда, многих бытовых норм и т. п.

На современном уровне знаний политическая обстановка, в которой существовал Неаполь в I в. до н. э. — I в. н. э., выглядит следующим образом. После окончания военных действий Митридат VI

Евпатор некоторое время держал в Скифии понтийские гарнизоны, а варварские контингенты участвовали на его стороне в войнах с Римом [Strabo. VII. 4. 6; App. Mithr., 41, 57, 69] [Сапрыкин 1996, 166–171; Пуздровский 2001, 97–98]. Преемника Митридата, Фарнака, в борьбе за боспорский престол поддерживали какие-то скифы и сарматы [App. Mithr., 120]. Предполагается, что боспорский царь Асандр заключил военно-политический союз против Херсонеса с правителями Скифии [Пуздровский 2001, 100]. В первые десятилетия I в. н. э. боспорский царь Аспург предпринял успешные военные действия против скифов и тавров, которые были направлены на подчинение варварских территорий Крыма Боспору [Колтухов 1994, 217–218; 1999, 36; Пуздровский 1992a, 127–128; Пуздровский 1999, 108; 2001, 101; Сапрыкин 2002, 216–218].

Жизнь Неаполя в период С была прервана тремя пожарами, оставившими свой след в культурных отложениях памятника. Два первых (пожар 4, пожар 3) произошли в первой половине I в. до н. э., причины их пока неизвестны. Пожар начала I в. н. э. (пожар 5) связывается с военными акциями Аспурга [Колтухов 1990, 187].

Найденное в раскопе Д серебряное блюдо боспорской царицы Гипеперии (Рис. 134) многократно использовалось в качестве аргумента для реконструкции дипломатических контактов скифов и Боспора [Яценко 1962, 112–113; Высотская 1979, 145; Виноградов 1992, 139; Пуздровский 2001, 102–103]. При этом не было должным образом подчеркнуто то обстоятельство, что этот драгоценный предмет найден в слое горизонта А конца II — первой половины III вв. н. э. Таким образом, временной разрыв между правлением Гипеперии и археологическим контекстом тарелки составляет как минимум сто пятьдесят лет, что превращает подобные выводы в абсолютные гипотезы [Алексеев, Коциевский 1982, 43–44; Сапрыкин 2002, 241].

Середина — конец I в. н. э. отмечены важными событиями, имевшими для Неаполя и всей Крымской Скифии принципиальное значение. Так, на городище и пригородах происходит постепенное запустение практически всех известных строительных комплексов, руины которых перекрываются зольными отложениями. Сходная ситуация зафиксирована и на некрополях. Примерно в тот же период (вторая половина I в. н. э. — начало II в. н. э.) здесь прекращается массовое использование склепов-катакомб и распространяется новый тип погребальных сооружений — подбойные могилы [Пуздровский 1999, 108; 2001, 108].

Период В

Известный археологический материал позволяет реконструировать особый облик Неаполя скифского во второй половине I — третьей четверти II вв. н. э. Очевидна постепенная смена образа жизни неапольского населения, которая сопровождалась распространением нового обряда одиночных захоронений. Скорее всего, в это время городище представляло собой столичную крепость — «ук-

репленный лагерь кочевых юрт» [Эрнст 1927, 27]¹. Подобные глобальные изменения могут быть объяснены двумя различными причинами.

Согласно одной версии, значительные изменения в жизни Неаполя скифского были вызваны обновлением значительной части его населения. «Пришельцам» были присущи новый погребальный обряд и иной образ жизни, который выразился в особом характере культурных отложений. При этом в Неаполе, как показывает состояние культурных отложений и строительных остатков, процесс инфильтрации должен был быть постепенным и носить мирный характер. Согласно современным разработкам, это событие можно приурочить ко второму этапу проникновения сарматов в Северное Причерноморье [Пуздровский 1999, 107–108; 2001, 104–106; Симоненко 1993, 116–117; 2000, 194–195].

По другой версии, кардинальная, но постепенная смена основных составляющих культуры населения Неаполя в период В могла быть следствием неких внутренних процессов, в основе которых лежала смена способов ведения хозяйства, в сочетании с неизвестными пока внешними факторами. Население при этом не менялось, а в течение нескольких поколений изменило образ жизни и погребальный обряд. В пользу такого развития событий свидетельствует, например, расположение элитных погребений этого периода вокруг и внутри (?) героона Аргота. Такой факт говорит о почитании и особой роли этого места на протяжении нескольких столетий. Возникает вопрос: возможно ли пришельцам хоронить своих знатных покойников у древних могил инородных царей? Может быть, это был важный акт демонстрации преемственной связи старых и новых правителей.

В развитие этой версии можно привести ситуацию с мегароном А — ядром нового, Северного дворца. В этом случае можно было бы констатировать возрождение функций Неаполя скифского в качестве резиденции правителя и царской крепости. Такое его назначение в период В, как и в период D, может объяснить и отсутствие какой-либо застройки, и случаи элитных захоронений на крепостной территории.

Политическая история этого времени была насыщена событиями самого различного характера. В римско-боспорскую войну середины I в. н. э., помимо основных противников, были вовлечены различные сарматские племена, а местами военных действий стали многие районы Северного Причерноморья [Тас. Ann, XII, 15–21; Plin, VI, 5, 16] [Мачинский 1976, 129–132; Анохин 1977, 77–78; 1989, 62; Зубар 1991, 11; Колтухов 1994, 218–219; Пуздровский 1999, 108; 2001, 104–106]. Возросшая военная активность скифов по отношению к Херсонесу и Боспору в разное время вызвала адекватную реакцию Рима. Ответом стали военные акции легата Мезии Тита Плавтия Сильвана в 68 г. н. э. [Зубар 1988, 23–24; Пуздровский 2001, 105] и боспорских царей Савромата I и Котиса II, которые предприняли успешные действия по отношению к противнику [КБН, №№ 32, 33, 981] [Пуздровский 2001, 106–107]. Несмотря на это, тавроскифы постоянно и с переменным успехом воевали с соседями вплоть до 175 г. н. э., когда пред-

положительно были побеждены боспорским царем Савроматом II [КБН, № 1237] [Пуздровский 2001, 114].

Как было показано, археологическая история памятника отразила лишь самые общие стороны этих процессов. Военные экспедиции и нашествия никак не отмечены в культурных слоях городища, хотя в разное время предпринимались попытки найти следы реальных исторических событий в неапольских материалах [Раевский 1971, 114; Зайцев 1990а; Пуздровский 1989, 101; 1992, 129–130; 2001, 108–111].

Посткрепостной период А

На протяжении последней четверти II — первой половины III вв. н. э. Неаполь скифский представлял собой крупный неукрепленный населенный пункт. Для него была характерна плотная хаотичная застройка, предположительно состоящая из упорядоченных групп примитивных хозяйственно-жилых комплексов и примыкающих к ним крупных зернохранилищ [Пуздровский 2001, 114]. Вся археологическая ситуация Неаполя скифского горизонта А демонстрирует значительную степень деградации материальной культуры его населения; некоторое исключение составляет только комплекс Северного дворца. Наличие этого аристократического объекта позволяет считать Неаполь скифский административным центром значительной по площади территории. При этом основной его функцией в конце II — первой половине III вв. н. э. была концентрация и переработка больших объемов продукции земледелия [Колтухов 1999, 97–98; Пуздровский 2001, 114]. Это обстоятельство определяло облик, структуру и основные направления деятельности Неаполя скифского.

В настоящее время считается признанной гипотеза о политической и экономической зависимости от Боспора большей части Крымской Скифии [Колтухов 1999, 98; Пуздровский 2001, 114–115]. Следствием этого и стало ее превращение во вспомогательный аграрный регион Боспорского царства. В этом случае Северный дворец мог быть резиденцией боспорского наместника, контролирующего одну из главных продовольственных баз на подвластной варварской территории.

Археологическая ситуация подгоризонта А1 демонстрирует выразительную картину единовременного и внезапного разгрома Неаполя скифского. Повсеместно зафиксированы разрушения построек, под развалинами которых остались наборы керамической посуды и костяки многих внезапно погибших людей. Их останки либо не были погребены совсем, либо просто сбрасывались в хозяйственные ямы.

Традиционное представление о готском разгроме Неаполя и всей Крымской Скифии в 255–256 гг. н. э. [Высотская 1979, 204–205] в последнее время пересмотрено. Согласно разработкам последних лет, катастрофа датируется приблизительно 218 г. н. э. [Уженцев, Юрочкин 2000, 270], либо временем около рубежа первой — второй четвертей III в. н. э. [Колтухов 1994, 219; 1999, 98] или 230–240 гг. н. э. [Пуздровский 2001, 116]. Исследователи считают возможным связывать это событие с военными действиями аланских кочевых объединений.

¹ Такое определение было использовано Н. Л. Эрнстом в отношении крепости эллинистического периода, но, согласно современным данным, оно больше подходит к Неаполю периода В.

Таким образом, поэтапная характеристика Неаполя показывает его эволюцию с течением времени: группа усадеб, перерастающая в поселение (период Е) — царская крепость с дворцово-храмовым комплексом (период D) — значительный по площади укрепленный населенный пункт (период С) — снова царская (?) крепость (период В) — неукрепленный центр аграрной территории, ставка боспорского наместника (период А).

Предложенная концепция главного варварского памятника Таврики позволяет затронуть несколько более общих проблем.

Для позднескифской культуры в целом, и для Неаполя в частности, можно отметить три выразительных особенности, которые, хотя и хорошо известны, пока не становились объектом специальных исследований.

Как было показано, в периоды Е–В на городище отсутствуют сколько-нибудь выразительные признаки существования развитого земледелия². Подобное наблюдение еще больше подчеркивается своеобразием позднейшего периода А с его развитой земледельческой культурой, который по этому признаку фактически противопоставлен всей более ранней истории крепости.

Известное утверждение о том, что экономическую основу позднескифской культуры составляло земледелие, а ее носители торговали с греками зерном [Высотская 1979, 94–96; 1994, 139; Храпунов 2003, 88, 96, 104], было построено прежде всего на материалах позднего этапа развития позднескифской культуры и механически перенесено на более ранние ее периоды³.

Еще одна черта материальной культуры Неаполя и других варварских памятников Крыма состоит в том, что эта культура как бы не имеет выраженного собственного лица, и в своих наиболее ярких проявлениях представлена то греческими, то «сарматскими» культурными элементами, то чертами европейских культур латенского круга.

В позднескифской культуре особенно обращает на себя внимание стабильно высокий процент импортных предметов самого широкого ассортимента — от бус и амулетов до амфор и пифосов. В определенные периоды преобладание импортной посуды становится абсолютным: достаточно сопоставить количество краснолаковых и лепных сосудов в любом из варварских некрополей Крыма I–III вв. н. э. [см., например, Сыманович 1983, табл. I–XIII; Богданова 1989, 25–33; Высотская 1994, табл. 1–47].

Предгорный Крым — небольшая по площади (особенно по сравнению со степными пространствами) территория, на которой относительно немного плодородных земель и нет сколько-нибудь полноводных рек. Тем не менее, на протяжении многих столетий она была густо занята городищами, поселениями и некрополями, которые зачастую расположены в нескольких километрах друг от друга [Колтухов 1999, рис. 85–87]. Проживавшее здесь многочисленное

население, не имеющее высокоразвитого сельского хозяйства и ремесла, вряд ли могло представлять интерес для причерноморских греков в качестве экспортеров зерна. Возникает вопрос: что же тогда было экономической основой, на которой несколько столетий развивалась позднескифская культура, и почему она представлена пестрым набором заимствованных элементов?

Благоприятное географическое положение Крыма на карте Евразии (Рис. 1, I), наряду с другими отмеченными особенностями — большим количеством импортов, эклектичностью составных элементов культуры, — позволяет высказать предположение, что археологическая культура так называемых поздних скифов в целом стала результатом функционирования системы торговых путей самого различного направления. Варварские порты Крыма, по-видимому, служили перевалочными пунктами для товаров, которые шли из различных городов античного мира к варварам степи и в обратном направлении. В этом случае значительная часть варварского населения Крыма в той или иной степени была вовлечена в процесс обслуживания торговых магистралей как посредники в торговле, а сама позднескифская культура в известном смысле была «транзитной культурой».

Возникновение Неапольской крепости в третьей четверти II в. до н. э., возможно, было прямым следствием этого процесса и, помимо прочего, было вызвано стремлением создать главный перевалочный пункт на одном из основных маршрутов движения торговых потоков. Этим объясняются особенности устройства укрепленной территории — незастроенные площади для размещения обозов и караванов, и дворец у центральных ворот с парадным фасадом, оформленным в греческом стиле — своеобразная демонстрация благополучия и филэллинских настроений.

На рубеже эр и в первой половине I в. н. э., очевидно, происходит новая активизация торговых путей, пролежавших по Крымским предгорьям и связывавших по короткому пути бассейны Черного и Азовского морей. Яркое свидетельство тому — элитные комплексы некрополя Усть-Альминского городища [Loboda, Puzdrovski, Zajcev 2002] — по-видимому, важного порта [Высотская 1994, 7, 139, 144] в системе Великого шелкового пути [Берлизов 1993, 32–34]. В доказательство можно привести находки китайских лаковых шкатулок и шелковых тканей в упомянутых захоронениях [Пуздровский 2001, 215].

Возвращение прежнего облика Неаполю скифскому — незастроенная крепость с дворцом — во второй половине I — первой половине II вв. н. э. возможно также как-то связано с формированием северного ответвления Великого шелкового пути [Скрипкин 2002, 392], проходящего через Танаис, Азовское море и Крым на западное побережье Черного моря.

² Только самый ранний подгоризонт ЕЗ вроде бы позволяет реконструировать усадебные комплексы земледельческой направленности, но он самый спорный в плане интерпретации и к тому же предшествует Неаполю — крепости.

³ Несомненно, зерновые культуры занимали важное место в жизнедеятельности варваров Крыма. В данном случае отрицается именно товарный характер позднескифского земледелия в периоды Е–В.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Надписи, скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя скифского

В результате многолетних исследований Неаполя скифского был открыт Южный дворец — предполагаемая резиденция Скилура и центр официального царского культа [Зайцев 1997; 1999]. Среди большого количества происходящих отсюда ярких находок особую группу составляют эпиграфические документы и памятники монументального искусства — рельефы, постаменты статуй и их фрагменты.

Впервые это место было открыто во время добычи камня жителями Симферополя, которые нашли первые три постамента с греческими надписями и большой известняковый рельеф с изображением всадника. Небольшие раскопки И. П. Бларамберга весной 1827 г. добавили к этой коллекции обломки мраморного (?) рельефа с изображениями двух мужчин и фрагмент известкового, на котором сохранилось изображение собаки, а изыскания А. С. Уварова — еще четыре обломка от трех постаментов, также с надписями [Соломоник 1962, 35–40].

В 1945–1950 гг. эта территория исследовалась Симферопольским отрядом Тавро-скифской экспедиции. В результате здесь были открыты незначительные остатки фундаментальных сооружений — «зданий с портиками», которые сопровождалась находками мелких фрагментов нескольких рельефов и статуй [Шульц 1957, 71].

В 1958 году на раскопе Д в северной части городища был найден еще один постамент с надписью [Дашевская 1960].

В 1959 и 1989–93 гг. [Зайцев 1994] были проведены масштабные раскопки северной части комплекса. При исследовании дворцового мегарона были обнаружены фрагменты еще двух статуй: мраморной и известняковой.

И, наконец, в результате небольших по объему работ 1999 и 2003 гг., проведенных на месте изысканий И. П. Бларамберга и А. С. Уварова, были найдены мелкие осколки постаментов, фрагмент бронзовой статуи, мраморный мужской торс и многочисленные обломки профилированных плит с рельефами и метрической надписью.

Таким образом, на территории Южного дворца Неаполя скифского найдены: не менее шести фрагментированных постаментов статуй из мшанкового и мраморовидного известняка, фрагменты как минимум четырех круглых скульптур из мрамора, один мраморный рельеф, известняковая герма, более пятидесяти обломков одной или нескольких статуй из бронзы, четыре известняковые плиты с рельефами.

1. Герма (Рис. 32).

Обстоятельства и время и находки. Раскопки 1959, 1989–1991 гг.
Размеры. Реконструированная высота ок. 0,75 м.

Материал. Плотный мшанковый известняк.

Описание. Скульптура была изготовлена в виде четырехгранного драпированного столба с женской головой. Восстановлена по шести фрагментам. Судя по незначительным остаткам краски, ткань драпировки была окрашена в зеленый цвет, лицо — в красно-коричневый (охра) [Зайцев 1997, 40; 1999, 146].

Место хранения: Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

2. Гекатейон (Рис. 31).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1993 г.

Размеры. фрагмента 17,5 x 14 x 7 см.

Материал. Мелкозернистый белый мрамор.

Описание. На фрагменте частично сохранились три задрапированные женские фигуры, взявшиеся за руки. Лицевая поверхность изделия тщательно отшлифована, все элементы детально проработаны. Общая композиция может быть восстановлена как призматическая драпированная герма Гекаты, увенчанная трехликой головой — гекатейон, вокруг которой расположены три танцовщицы [Kraus 1960; Акимова 1983]. Предполагаемая высота скульптуры составляла 0,7–0,9 м. Реконструируемая высота танцовщиц — 35–40 см. [Зайцев 1997, рис. 6; 1999, рис. 8].

Место хранения: Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

3. Постамент (Рис. 42).

Обстоятельства и время находки. Случайная находка 1827 г.

Размеры. 108 x 102 x 16 см.

Материал. Плотный мшанковый известняк.

Описание. Плоская, почти квадратная в плане плита, небрежно обработанная зубилом. Один из углов сбит. На верхней плоскости пять конических углублений, предназначенных для штырей крепления статуи [Соломоник 1962, 34; Трейстер 1999, 136]. На лицевой грани — остатки двухстрочной греческой надписи с именем царя Скилура.

Текст надписи.

Βασιλεὺς Σκίλουρος βασι[. . .]ς

το λεῖον τοῦ βασιλείας[. . .

Место хранения: Одесский государственный археологический музей НАН Украины.

4. Постамент (Рис. 43, 3).

Обстоятельства и время находки. Случайная находка 1827 г.

Материал. Мраморовидный известняк с прожилками.

Размеры. 61 x 49 x 39 см.

Описание. Блок правильной формы, тщательно обработан зубаткой, три боковые грани отшлифованы. Один из углов сбит. В верхней плоскости имеются два круглых гнезда и одно углубление в виде человеческой стопы длиной 16 см. [Соломоник 1962, 36; Трейстер 1999, 137]. На лицевой стороне вырезано посвящение Посидея сына Посидея Зевсу Атабирию.

Текст надписи.

Διὶ Ἀταβυρίῳ Ποσιδέος Ποσιδέου

χαρίστηριον

Место хранения: Одесский государственный археологический музей НАН Украины.

5. Фрагмент статуи — торс (Рис. 44, 2).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1999 г.

Материал. Белый крупнозернистый мрамор.

Размеры фрагмента 23 x 24 x 14 см.

Описание. Поверхность скульптуры тщательно заглажена, детально и рельефно проработана вся спинная и грудная мускулатура. Фрагмент сильно оббит, особенно пострадала передняя часть. Изгиб спины и особенности рельефа мышц позволяют реконструировать сидящую позу фигуры, с поднятой левой рукой. Пропорциональное совпадение данного фрагмента и упомянутого постамента с посвящением Зевсу позволяют считать их частями одного целого. В этом случае общая высота статуи вместе с постаментом достигала 1,3–1,4 м (Рис. 45).

Место хранения: Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

6. Фрагмент постамента (Рис. 43, 2).

Обстоятельства и время находки. Случайная находка 1827 г.

Материал. Мраморовидный известняк с прожилками.

Размеры. 25 x 22 см.

Описание. Блок правильной формы, тщательно обработан зубаткой, три боковые грани отшлифованы. Сильно оббит. На верхней плоскости — два округлых углубления для крепления статуи. На лицевой плоскости вырезано посвящение Посидея сына Посидея Афине Линдской [Соломоник 1962, 37–38; Трейстер 1999, 137].

Текст посвящения.

Ἀθηνῶν Λινδίας

Ποσιδέος Ποσιδέου

χαρίστηριον

Место хранения: Одесский государственный археологический музей НАН Украины.

7. Фрагмент статуи (Рис. 44, 1).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1950 г.

Материал. Белый крупнозернистый мрамор.

Размеры. 2 x 3 см.

Описание. Кисть правой руки, державшей круглый в сечении предмет (копье, скипетр). Поверхность тщательно отшлифована, детально проработаны пальцы и поверхность ладони. На месте слома запястья — отчетливые просверленные гнезда цилиндрической формы. Мягкие очертания кисти говорят в пользу принадлежности фрагмента женской статуе [Шульц 1957, рис. 6в; Зайцев 1997, рис. 7, 15]. Весьма вероятно прямая связь постамента Афины и данного обломка.

Место хранения: неизвестно.

8. Постамент статуи (Рис. 43, 4).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1853 г.

Размеры. 24 x 60 см.

Материал. Мраморовидный известняк с прожилками.

Описание. Верхняя плоскость обработана небрежно, на ней сохранилась вырубка удлиненной формы длиной 15 см и глубиной 3 см. Исходя из пропорционального соотношения размеров стопы и всей фигуры, высота статуи — в случае стоячей позы — достигала примерно 110 см. На лицевой, тщательно отшлифованной поверхности вырезано посвящение Посидея сына Посидея Ахиллу, в котором упомянуты пиратствующие сатархеи. [Соломоник 1962, 38–39; Трейстер 1999, 138].

Текст надписи.

Ἀχιλλεὶ νῆσου

Ποσιδέος Ποσιδέου

Σαταρχαίους

πειρατεὺσαντας

Место хранения: Государственный исторический музей (Москва, Россия).

9. Фрагмент нижней правой части поста-мента(?) (Рис. 43, 6).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1853 г.

Размеры. 20 x 17 см.

Материал. Белый плотный мелкозернистый мрамор.

Описание. Сохранились две тщательно отшлифованные грани, на одной из них сохранилась часть вырезанной надписи, которая предположительно была восстановлена, как посвящение Зевсу, Ахиллу и всем богам [Соломоник 1962, 40].

Текст надписи.

...
... βα]ουλεία[...
...]λει καὶ θεοῖς
...]iv

Место хранения: Государственный исторический музей (Москва, Россия).

10. Фрагмент верхней части постамента(?) (Рис. 43, 5).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1853 г.

Размеры. 18 x 10 см.

Материал. Белый крупнозернистый мрамор.

Описание. Поверхности тщательно отшлифованы, на лицевой плоскости сохранилась часть вырезанной двустрочной надписи. Восстановление текста: «Ахилл (сын) Ходарза . . . Омсалака» [Соломоник 1962, 35].

Текст надписи.

...]λλεὺς Χωδ[...
...]καλάκου [...

Место хранения: Государственный исторический музей (Москва, Россия).

11. Фрагмент мраморной статуи (Рис. 38, 13).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1949 г.

Размеры. 12 x 8 см.

Материал. Белый мелкозернистый мрамор с желтоватым оттенком.

Описание. Работа довольно тщательная, но поверхность скульптуры сохранила следы мелкой зубатки и не заглажена. По видимому, это часть ноги коня (?) с копытом, которое уперто в человеческую ногу (?), согнутую в колене и одетую в штаны [Зайцев 1997, рис. 7, 19]. Судя по размерам фрагмента и при условии правильной его атрибуции, в данном случае была представлена небольшая по габаритам сцена попираания всадником поверженного врага.

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).

12. Фрагменты одной или нескольких статуи (Рис. 46).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1945, 1949–50, 1999 гг.

Размеры. К настоящему времени учтено более шестидесяти фрагментов, но подавляющее большинство очень малых размеров — не более 1,5x1,5 см. Размер самого крупного обломка: 10,5 x 7,8 см.

Материал. Бронза.

Описание. Немногие крупные обломки могут быть опознаны как изображения пряди волос, частей тел с проработанной мускулатурой, шкуры [Шульц 1957, рис. 66; Зайцев 1997, рис. 7, 16; Treister 1988, 153].

Место хранения: Крымский филиал

Института археологии НАН Украины, ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).

13. Фрагмент рельефа (Рис. 38, 17).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1948 г.

Размеры. 25 x 16 см

Материал. Мшанковый известняк.

Описание. Сохранилось изображение карниза (?), на котором заметно неясное, плохо проработанное изображение [Высотская 1979, 185, рис. 88].

Место хранения: неизвестно.

14. Фрагмент мраморного горельефа. (Рис. 47, 1).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1827 г.

Размеры. 0,38 x 0,22 см.

Материал. Мрамор.

Описание. Представлены фигуры бородатого мужчины и безбородого юноши в одинаковых сложных головных уборах с повязками. П. Н. Шульц реконструировал изображения как всадников-соправителей Скилура и Палака, восстанавливая нижний излом фрагмента, как контур конской шеи и головы [Шульц 1946, 55–56]. Однако возможны и другие варианты реконструкции. В качестве альтернативного решения можно предположить, например, многофигурную композицию с несколькими стоящими фигурами — сцена адорации?

Место хранения: Оригинал утерян, фрагмент известен по гипсовым слепкам. Места хранения слепков: Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник; Крымский республиканский краеведческий музей; Одесский государственный археологический музей НАН Украины.

15. Плита с барельефом скачущего всадника (Рис. 47, 2).

Обстоятельства и время находки. Основные части плиты найдены в 1827 г. Фрагмент с кистью правой руки, держащей древко копья (Рис. 38, 12), обнаружен в 1949 г.

Размеры. Высота плиты 2,05 м, ширина — 1,33 м, толщина варьируется в пределах 7–13 см. Внизу сделан выступ шириной 54 см.

Материал. Плотный мшанковый известняк.

Описание. Плита известна, как «рельеф конного Палака» [Шульц 1946; Высотская 1979, 180]. Поверхность рельефа хорошо заглажена, детали тщательно проработаны. Тыльная сторона отесана, у верхнего и нижнего краев плиты вырублены продольные пазы шириной 10–12 см и глубиной 3 см. Особо следует отметить пазы на элементах сбруи, очевидно, служивших для крепления металлических деталей. Рельеф изображает юношу-всадника, в правой поднятой руке держащего копье. Его одежда и головной убор аналогичны изображениям на упомянутом парном рельефе.

Место хранения: Одесский государственный археологический музей НАН Украины.

16. Фрагмент рельефа [Тункина, 2002, рис. 143].

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1827 г.

Размеры. 26 x 42 x 20 см.

Материал. Известняк.

Описание. На фрагменте частично сохранилось изображение туловища и задней ноги животного, под которым находится собака с оскаленной пастью.

Место хранения: неизвестно.

17. Плита с рельефом и надписью (Рис. 40; 41)

[Зайцев 2000; Виноградов, Зайцев, 2003].

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1950 и 1999 гг.

Размеры. реконструированной части плиты 78 x 64 см, остальные фрагменты не стыкуются друг с другом.

Материал. Плотный мшанковый известняк.

Описание. Обнаружено более двухсот ее фрагментов, в том числе не менее пятидесяти — с фрагментами текста. Лицевая и боковые стороны блока тщательно отесаны зубаткой, а шрифтовое поле отшлифовано. Верхняя часть оформлена в виде профилированного карниза, который украшал лицевую сторону, заходил на торцовые грани и также был тщательно отшлифован. На нем сохранились остатки росписи.

Метрическая восьмистрочная надпись располагалась в верхнем левом углу и справа была ограничена рельефным изображением вертикально поставленного копья с длинным наконечником. К этой же плите относился фрагмент рельефа, на котором сохранилось поврежденное изображение мужской головы в головном уборе, щита (?), головы лошади и вертикально поставленного древка копья. Другие фрагменты повреждены еще сильнее и восстановлению не поддаются.

Среднее расстояние между строками — 1,5 см, следов разлиновки нет, хотя строки безупречно параллельны. Буквы вырезаны четко и глубоко, их средняя высота — 1,2–1,5 см.

Восстановленный текст надписи.:

- 1 Λαῖνεον τόδε σῆμα μεγάυχ[ῆ]τοιο ἐ[σ]τήσεν]
- 2 [Ἄ]ργου τοῦ ὁ Σκυθίης κοίρανος ἱπποβό[του],
- 3 [αἰ]ζητοῖς δὲ λιπόντα ποθὲν προσ[η]κοντα] ἀγεύς
- 4 [εἰ]νεκεν Ἑλλάνων στέργε φιλο[φ]ροσύνης],
- 5 [π]ολλά δὲ κ[αὶ] ἰσχυοῖ [προ]καμῶν [πά]τρης ἐπὶ πλήθ[η]
- 6 Θρακῶν Μαίω[των τῶν] Ἀρεῖ ὅπιν κίδα[σεν],
- 7 οἱεῖς δὲ ἐξήκο[ν]τα κόρας ἴσας τε [ἐ]φύσεν]
- 8 θρέψας δ' ἀντί]νυ τοῦ παιδός' Ἰδ[ανθέμιδος ?]

Перевод надписи:

1. Каменную эту гробницу многославному поставил
2. Арготу Скифии повелитель, богатой конскими пастбищами.
3. Доблестным военным мужам заповедавший тосковать
- (по)близкому сородичу в почтительном страхе перед богами
4. ради эллинов (сыновей) любви и дружелюбия.
5. Многими силами выступая на защиту [отчизны на полчища]
6. фракийцев (и) меотов [Ареса] кару божью ниспослал и разметал,
7. сыновей (шесть)десят и дочерей равное число [народил],
8. воспитав (их) равно (=подобно) сыну Ид[антемида].

Место хранения: Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

18. Постамент (Рис. 43, 1).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1958 г., раскоп Д, слой горизонтов В-А, недалеко от мегарона А.

Размеры. 50 x 51 x 24 см.

Материал. Мраморовидный известняк с прожилками.

Описание. Расколот на две части. Три боковые грани обработаны зубаткой и отшлифованы. Верхняя плоскость обработана более небрежно, на ней сохранилась вырубка удлиненной формы длиной 17,5 см и глубиной 0,4–1,1 см, для ступни правой ноги. Два других углубления — круглое и квадратное, возможно для копья и левой ноги [Соломоник 1962, 41–43]. На лицевой, тщательно отшлифованной поверхности вырезано посвящение с посвящением Посидея богине Родос. [Дашевская 1960; Соломоник 1962, 36–37; Трейстер, 1999, 138].

Текст посвящения.

Ρ[ο]δωι
Ποσιδεος Ποσιδεου
χαριστηριον

Место хранения: Государственный исторический музей (Москва, Россия).

Несмотря на удаленность места находки этого постамент от основного скопления надписей и рельефов, по всем признакам он происходит из Южного дворца [Соломоник 1962, 43].

19. Угол небольшого алтаря (?) (Рис. 39, 4).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1949 г.

Размеры. 9 x 5 см.

Материал. Белый крупнозернистый мрамор.

Описание. Боковые грани тщательно отшлифованы. В верхней плоскости — полусферическое углубление с грубо обработанными краями. На боковых гранях частично сохранилась вырезанная греческая надпись. [Соломоник 1958, 310–312].

...]μητρι Εὐμέ[...]

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).

20. Фрагмент плиты (Рис. 39, 5).

Обстоятельства и время находки. Раскопки 1945 г.

Размеры. 39 x 52 x 13 см.

Материал. Плотный мшанковый известняк.

Описание. Правый нижний угол тщательно обработанной известняковой плиты. В верхней части фрагмента — остатки надписи из двух строк [Соломоник 1958, 20–21, рис. 1].

...
...]ωτου

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).

До настоящего времени единственной версией была гипотеза о том, что статуями-посвящениями и рельефами было украшено так называемое «Здание с портиками» — парадный фасад дворцового комплекса [Соломоник 1952; Шульц 1953, 50, 66; 1957, 70–71; Высотская 1978, 58–59; Зайцев, 1990, рис. 9; 1997, 41–43; 1999, 131]. Определенный интерес представляет история возникновения такого предположения и дальнейшего его развитие.

В 1949 г. А. Н. Карасевым был открыт участок монументальной кладки из обработанных блоков, рядом с которой были найдены известняковая капитель (Рис. 36, 3), фрагменты бронзовых и мраморной статуй, обломок известнякового рельефа. Основываясь на соображениях об архитектурной планировке участка и ее соотношении с осью центральных ворот, автор раскопок предположил, что открыта только восточная половина сооружения, сразу же определенная в качестве портика. Раскопки

следующего 1950 г. выявили незначительные следы предполагаемой западной части «парадного сооружения» [Карасев 1953, 82], однако его план и назначение с этого момента считались установленными [Шульц 1953, 50; 1957, 70–71]. Прежние находки надписей и скульптурных памятников были уверенно связаны с «западным портиком», к югу от которого они действительно были обнаружены.

В том же году у «западного портика» был частично открыт вырубленный в скале котлован, заполненный позднейшим перекопом. Этот котлован тогда практически не привлек внимания, хотя и был обозначен на сводном плане, как место раскопок И. П. Бларамберга и А. С. Уварова [Шульц 1957, рис. 4з]. Попытка его исследования в 1959 г., предпринятая уже после формирования концепции района центральных ворот Неаполя, не дала никаких новых результатов.

В 1979 г., основываясь на выводах А. Н. Карасева и П. Н. Шульца, Т. Н. Высотская впервые предложила вариант графической реконструкции «здания с портиками Л» [Высотская 1979, рис. 17] (**Рис. 48, 1а**) который впоследствии неоднократно корректировался [Зайцев 1990, рис. 9; 1997, рис. 1, рис. 7, 1; 1999, рис. 2, 8] (**Рис. 48, 1б**).

Недавняя обработка всей информации по этому участку показала, что практически все находки скульптур и рельефов, а также немногих архитек-

турных деталей, тяготеют именно к вырубленному в скале котловану (**Рис. 38**). После работ 1999 г. этот объект был интерпретирован как подземная часть монументальной культовой постройки — героона, где, помимо прочего, был установлен монумент с надписью в честь Аргота [Зайцев 2000; Виноградов, Зайцев, 2003]. Время его строительства — не ранее 133–130 гг. до н. э. — определено по родосским клеймам, залегающим непосредственно под отвалами скального щебня, добытого при вырубке котлована. Подобные сооружения хорошо известны в Малой Азии и на Востоке [Fedak 1990, fig. 62, 70, 91, 101, 238; Пичилян 1991, 232–238], а также в других местах эллинистического мира.

Другими словами, полное и окончательное исследование территории перед центральными воротами Неаполя скифского — у фасада Южного дворца — позволяет считать необоснованной гипотезу «о зданиях с портиками» и их художественном оформлении. Очевидно, фрагмент кладки из тесаных блоков (**Рис. 39, 1**) теперь можно реконструировать, как часть основания монументального фасада дворца, возведенного в парадном «фортификационном» стиле (**Рис. 48, 2а**).

Перед ним находилось небольшое святилище-героон (**Рис. 48, 2б**), с которым и связано большинство памятников монументального искусства и надписей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Мавзолей царя Скилура¹

Особое место в истории археологии Северного Причерноморья занимает 1946 г. Не обещавшие сенсаций раскопки Неаполя скифского преследовали достаточно скромную цель изучения участка центральных ворот памятника и примыкающей к ним крепостной территории, однако день 6 августа оказался отправной точкой раскопок знаменитого мавзолея, ставшего с тех пор своеобразной визитной карточкой позднескифской археологической культуры. Честь его открытия и великий труд осенних трехмесячных раскопок, благодаря которым этот выдающийся памятник стал достоянием науки, принадлежат П. Н. Шульцу, Н. Н. Погребовой, О. И. Домбровскому, Е. А. Болотниковой, А. Н. Карасеву, Х. И. Крис, Т. Я. Кобец, В. А. Головкиной, Т. А. Глобенко.

Вслед за серией предварительных сообщений [Погребова 1947; 1947а; Шульц 1947; 1947а] были опубликованы две основополагающие работы по этому объекту [Шульц 1953; Погребова 1961]. Основным достижением П. Н. Шульца можно считать его вывод о погребении в пристенном склепе знаменитого царя Скилура, а главной заслугой Н. Н. Погребовой — обстоятельный анализ всех захоронений мавзолея и сопровождающего их инвентаря. Исследовательница предложила свою концепцию памятника и пришла к заключению, что в каменной гробнице был захоронен не Скилур, а его старший сын Палак.

Обработка всех архивов и коллекций раскопок Неаполя скифского привела однажды автора этих строк к массиву полевой информации и находкам мавзолея [Зайцев 1992, 93–99; Зайцев 1994а, 94–105]. В итоге, материалы захоронения в каменной гробнице (№ 37) мавзолея были коренным образом пересмотрены на основе сбора всей полевой информации, повторной обработки и изучения всех происходящих отсюда находок.

Каменная гробница (Рис. 74). Поэтапная реконструкция процесса совершения погребения в каменной гробнице приводится ниже.

○ Гробница была сооружена одновременно с мавзолеем. Тогда же она была накрыта тремя плитами и оставлена в таком состоянии на некоторое время.

○ В определенный момент была сделана попытка сдвинуть центральную плиту перекрытия к стене мавзолея, вероятно для последующего ее подъема.

○ Предпринятая попытка оказалась крайне неудачной. Край плиты, очевидно, удержать не удалось и она сорвалась вниз, заняв наклонное

¹ Данный текст представляет собой сокращенный и переработанный вариант статьи «Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии» [Зайцев 2001].

положение. В таком состоянии гробница, несомненно, становилась непригодной для захоронения.

○ Упавшую плиту, не поднимая, сдвинули на ребро и прислонили к северной стенке гробницы, заклинив щель между ее основанием и дном гробницы несколькими плоскими камнями. Таким образом, с этого момента доступ в гробницу был открыт только через образовавшийся «люк» размером 0,6 x 0,8 м.

○ Следующий этап — размещение в восточной части гробницы (Рис. 75; 76) предметов вооружения (двух половин разломанного латенского меча (Рис. 79, 1), пучка стрел (Рис. 81, 1), наконечников копий с короткими отрезками древков (Рис. 79, 2) и предполагаемого посоха с серебряным навершием (Рис. 80, 1)).

○ Затем тело было опущено на дно гробницы. На голову покойного была одета расшитая золотыми бляшками полусферическая шапочка, откатившаяся с черепа во время разрушения костяка. В области грудной клетки первоначально находились серебряная и бронзовая фибулы (Рис. 80, 3, 5), впоследствии упавшие в область таза. Золотая фибула (Рис. 80, 2) была обнаружена на крестце, щитком вверх. Такое положение фибулы имеет параллели в синхронных захоронениях варварской знати Азиатского Боспора [Максимова 1979, 69, 71]. У каждой из кистей рук лежало по поясному набору: слева — с бронзовыми деталями (Рис. 80, 7, 8), справа — с железными пряжками, пластинами и кольцами (Рис. 81, 2–5). Ко второму набору, вероятно, были прикреплены кожаные ножны с серебряным треугольным наконечником (Рис. 80, 6). Положение (Рис. 76, 22) железного шлема (Рис. 78) в момент раскопок можно трактовать по-разному. Но все же создается впечатление, что он завалился вправо вместе с костями ног и, следовательно, первоначально мог быть одет на полусогнутые колени. Золотые фигурные изделия слоями покрывали область бедер и колен (Рис. 76, 31).

Работа с полевыми материалами позволила поставить под сомнение интерпретацию этого скопления золотых изделий как украшений рукавов и подола кафтана или как гипотетического горита [Шульц 1953, рис. 10, табл. 1]. Если нашивные украшения с петлями и пронизи могли составлять отделку рукавов, то основная масса изделий может быть трактована иначе. Прежде всего, показательное их расположение: хаотично, но компактной группой, вытянутой наискосок поверх костяка. Многие пластины и нашивки в несколько слоев перекрывали друг друга, находились на ребре, были перевернуты. Треугольное «навершие» (Рис. 82, 5), залегавшее на краю основного скопления рядом с костяной пластиной (Рис. 76, 16), также оказалось перевернутым. Обращают на себя внимание кратное численное соотношение многих типов нашивок, преобладающее количество аппликаций, одинаковая отделка большинства из них. Фигурные вырезы оснований треугольных пластин (Рис. 82, 17, 18) соответствуют изгибам «бегущей волны» (Рис. 82, 19, 20).

Очевидно, что большая часть набора украшений наклеивалась на органическую основу и уже в силу этого не могла быть декором сколько-нибудь практичных вещей. Найденные среди украшений гвоздик и петля (Рис. 82, 3, 4) свидетельствуют о

каких-то способах крепления или подвески, а наличие пластинки с прожилками (Рис. 82, 21) допускает предположение о ремонте аппликативных композиций, когда одна из утерянных стандартных пластин была заменена подходящим по форме «инородным» элементом. Около двух третей украшений занимают элементы с одинаковой системой орнамента — явное свидетельство художественной и смысловой цельности комплекта. И, наконец, клеевой способ фиксации достаточно крупных золотых пластин на органической основе предполагает относительную жесткость подобной конструкции. Поэтому, учитывая многослойное расположение украшений, весьма вероятно наличие здесь нескольких частей одного целого. Другими словами, золотые украшения могли быть остатками комплекта церемониального облачения (нагрудник?, передник?, другие варианты?), которое было сложено на коленях покойного после размещения тела в гробнице.

○ Закономерным финалом этой малопонятной погребальной церемонии должно было стать закрывание «люка» — фактического входного отверстия. Однако никаких признаков перекрытия проследить не удалось, а на крайних плитах обнаружались остатки деревянного гроба XII с двумя взрослыми и одним детским захоронениями. Рядом, у стены мавзолея, был поставлен гроб XI с двумя погребениями подростков. Соотношение плит перекрытия и этих двух гробов позволяет сформулировать еще одно заключение: ящиками XI и XII был закрыт входной люк каменной гробницы (Рис. 74, 2–4).

Странная ситуация с каменной гробницей требует объяснений и расширяет «круг поиска» до границ собственно камеры мавзолея.

«Саркофаг» (Рис. 83–88). По заключению П. Н. Шульца и Н. Н. Погребовой, которое базировалось на данных реконструкции О. И. Домбровского, у южной стены мавзолея, налево от входа, находилась сложная погребальная конструкция, заключавшая в себе остатки богатого женского захоронения (№ 70). Она состояла из двух частей: прямоугольного постамент-платформы на четырех резных ножках, и гроба с четырехскатной крышкой. Все сооружение было богато украшено резьбой и полихромной росписью [Шульц 1953, 25–28, табл. VIII, IX, цветная вклейка I; Погребова 1961, 104]. Как предполагалось, в древности погребение подверглось ограблению, а сам саркофаг впоследствии был разрушен обвалами сырцовых стен.

Как и в других случаях с объектами мавзолея, критический подход к этой информации привел к самым неожиданным результатам. Опуская излишние подробности проведенной работы, изложу ее результаты.

Над основным скоплением резных деталей залегали останки двух взрослых человек (погребения № 43 и 11), на спине, в вытянутом положении, головами на запад. Они не были помещены в специальный гроб, а размещались поверх периметра истлевших деревянных досок. При этом длина образованного досками прямоугольника была значительно короче, чем длина упомянутых костяков. Совершенно очевидно, что эти два захоронения никакого отношения к «саркофагу» не имеют и были размещены здесь позже.

Нижнее скопление костных останков было заключено в двадцатисантиметровом слое плотного суглинка между известняковым полом камеры и уровнем залегания нижней рамы № 5 (Рис. 84, разрез А-Б).

Специальный антропологический анализ показал, что скопление костей содержало разрозненные и фрагментарные останки четырех индивидов: подростка и трех взрослых (12–15, 18–21, 30–40 и после 40 лет) (Рис. 83). В разных местах, среди костей, были собраны: золотая игла, массивные золотые пронизи, три нашивные сегментовидные пластины, разнообразные бусы и подвески из золота, сердолика, стекла и янтаря. Золотые медальон и перстень были обнаружены под костями таза [Погребова 1961, рис. 7]. При расчистке среди костей зафиксировано большое количество пурпурного красителя и нити золотого шитья.

Таким образом, прямая взаимосвязь деревянного резного сооружения и находящихся под ним человеческих останков может быть поставлена под сомнение: наиболее вероятны варианты либо установки резной конструкции над групповым перезахоронением, либо помещение разрозненных костей уже под нее.

Объемное размещение заново восстановленных элементов «саркофага», достоверно зафиксированных в грунте (Рис. 84), позволяет подвести итог реконструкции нижней половины сооружения, сделать несколько интересных наблюдений и определить перспективу восстановления верхней его части.

Конструкция, несомненно, представляла собой роскошный подиум на четырех ножках, в чем был прав О. И. Домбровский. Однако также очевидно, что это сооружение имело явный фасад — северную сторону, украшенную фронтально сидящими фигурами фантастических животных и двумя угловыми колонками-навершиями. Наверное не случайно, что у пары тыльных (по новой реконструкции) ножек №№ 3 и 4 не было прослежено ни одной детали, характерной для передних фигур №№ 1 и 2. Очевидно, они имели другое, менее выразительное оформление (например, были полностью закрыты драпировкой). Таким образом, симметрия названной конструкции не продольная, а поперечная.

Действительные размеры сооружения исключают его использование в качестве составной нижней (равно как и основной) части саркофага. Если это его постамент-платформа, то длина самого саркофага должна быть не более 1,6 м (расстояние между внешними плоскостями торцовых колонок № 6). Если же это остатки самого саркофага, то полезная его длина сокращается до 1,4–1,45 м. Оба варианта дают явно меньшую длину, чем необходимо для нормального размещения тела взрослого человека. К слову сказать, реконструированный по бедренным костям рост двух взрослых человек из погребения 70 составил не менее 165 и 168 см.

Отсюда ясно, что резная деревянная конструкция в своей восстановленной части не является платформой саркофага, а представляет собой богато украшенный сложный подиум с явно выраженным лицевым фасадом.

Для гипотетической реконструкции верхней половины этого сооружения представляются важными несколько соображений.

Прежде всего, общая высота конструкции не могла превышать высоту дверного проема мавзолея — около 1,6 м. Размещение более поздних погребений было возможно при наличии плоскости, которая могла получиться только после демонтажа верхней части конструкции до уровня верхней рамы (Рис. 84, 7). Тогда резные доски наряду с прочими могли быть плашмя уложены поверх подиума на уровне карниза (одна узором вниз, другая — вверх), а колонка с навершием и фигуры «кентавров» преднамеренно отломаны и сброшены на те места, где были найдены при раскопках (Рис. 84, 11, 12).

В таком варианте для резных досок предполагаются положение более высокое, чем зафиксированного *in situ* карниза, и принадлежность к разным конструктивным деталям. Две парные, свободно стоявшие крупные фигуры «кентавров» явно занимали симметричное (по отношению к основной оси) положение, приближенное (исходя из места их находки) к коротким сторонам конструкции, и определенно были рассчитаны на фронтальный обзор.

Погребения лошадей [Шульд 1953, 35; Погребова 1961, 215–216]. Во всех публикациях конские захоронения мавзолея однозначно связывались с основным погребением в каменной гробнице, но на планах мавзолея конский костяк 4 был помещен в нижний ярус (вместе с каменной гробницей, саркофагом и многими деревянными гробами), а конские костяки №№ 1–3 изображены уже во втором ярусе — с другими гробами [Погребова 1961, рис. 1, А, Б].

Действительная картина оказалась более сложной. Как видно из плана (Рис. 70), конские кости занимали угол, ограниченный с юга стеной камеры, а с востока торцами ящиков IX, X и торцом резной конструкции, к которой примыкали череп и кости передних ног коня № 3. Самый нижний и одновременно самый восточный конский костяк № 2 практически полностью сохранил свою изначальную позу, а кости остальных особей, анатомический порядок которых нарушен уже в гораздо большей степени, залегали поверх него. При этом мощностное образовавшегося «завала» возрастала в восточном направлении. Иначе говоря, конский костяк № 2 найден *in situ* и в исходном положении, а скелеты остальных животных, также обращенные на север и головами лежавшие на своеобразных «подушках» из плоских камней, позже были беспорядочно надвинуты поверх него. При этом кости задней пары ног одного из коней остались примерно на месте — напротив нижней ступени лестницы, а большая часть его костяка наискосок оказалась перемещена в основное скопление.

Находки на полу камеры. Эти находки не всегда связывались с основным захоронением [Шульд 1953, 40; Погребова 1961, 213]. В прежних публикациях они были упомянуты не полностью и частично в другом контексте. У нижней ступени лестницы была найдена прямоугольная железная пряжка (Рис. 70, 1), а под гробом III, среди конских костей — бронзовый перстень (Рис. 70, 2). К северу от черепа коня № 2, у восточного торца гробницы, зафиксированы небольшая раздавленная амфора (Рис. 70, 3; 90, 6), фрагменты лепного кувшина (не сохранились) и массивный железный наконечник стрелы с остатками древка (Рис. 70, 4). Под одной

из фасадных колонок резного подиума был найден перевернутый керамический алтарь (Рис. 92), квадратная подставка которого лежала отдельно, под костями погребения 70 (Рис. 83, 7). Рядом была найдена бронзовая херсонесская монета (Рис. 70, 5), а у нижних шейных позвонков коня № 2 (под черепом коня № 3) — крупная глазчатая бусина (Рис. 70, 6). Список вещей завершает разбитая буролаковая чашка (Рис. 70, 8; 90, 4), фрагменты которой обнаружены у южного края гробницы и возле конских черепов.

Архитектурный анализ погребальной камеры.

Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане сооружение размером 8,65х7,5 м (Рис. 70), ориентированное строго по сторонам света и с юга примыкавшее к протейхизме [Колтухов 1999, 35, рис. 29, 5] (Рис. 18, 5). Размеры погребальной камеры — 6,6х5,75 м, толщина стен — около 1 м. Фундамент представлял собой бутовую кладку, поставленную на скальную поверхность и заключенную в траншеи, выкопанные в более раннем зольнике. Высота его была разной (от 0,4 до 0,7 м) в зависимости от естественного наклона материковой поверхности. Система наземных частей кладки достаточно сложная и не совсем обычная. Наружные восточный (Рис. 71, 4), южный и западный фасады отличались монументальностью и высоким качеством исполнения. Нижние их ряды были сложены в системе «кордон на ребро, плита на образок», орфостатные плиты сохранили следы рустовки. Внутренние фасировки тех же стен на высоту этого нижнего ряда (Рис. 71, 1, 2), а также весь массив северной стены были выполнены в технике смешанной бутовой кладки с применением отдельных обработанных и рустованных блоков, причем бракованных.

Выше кладка трех лицевых стен представляла собой сложенные вперевязь на глине хорошо обработанные блоки примерно равных габаритов (средний размер: 1х0,8 — 1х0,25 — 0,30 м); прослежено от двух до шести рядов такой кладки, с обеих сторон выглядывшей одинаково (Рис. 71, 1, 2, 4). В целом же смешанная техника возведения стен мавзолея наиболее близка античной двухслойной однорядной постелисто-орфостатной [Крыжицкий 1982, 24, рис. 5, 7, 9].

Завалы сырцовых кирпичей, два кирпича *in situ* на северной стене и обилие истлевшей древесины (бревна, брусья, плахи, доски) еще в процессе раскопок позволили предполагать сырцовую надстройку стен, начинавшуюся с высоты 2,65 м, и деревянное перекрытие погребальной камеры.

Сравнение конструктивных различий северной стены мавзолея и трех других, позволяет присоединиться к мнению тех исследователей, которые считали, что сооружение было пристроено к внешнему панцирю протейхизмы. Первоначальный вид мавзолея, исключительно парадные внешние фасады сравнительно тонких стен говорят о том, что это была, прежде всего, погребальная конструкция [Шульц 1953, 50], которую проектировали и возводили заранее, во время общей генеральной реконструкции всего Южного дворца [Зайцев 1997, 43]. Стыковка наземной погребальной камеры с крепостными сооружениями, безусловно, предполагала ее включение в периметр обороны, однако эта функция была вторичной и также диктовалась особым назначением сооружения и необходимостью его

постоянной и усиленной охраны. Другими словами, не потребность в боевых башнях у центральных ворот определила наличие в нижнем этаже одной из них камеры для захоронений. Напротив, необходимость размещения парадного погребального сооружения в максимальной близости к дворцовому комплексу оказалась решающим фактором в выборе места его строительства [Шульц 1953, 50–51].

Спустя какое то время фасады южной и западной стен были закрыты наклонными панцирями из бутового камня на глинистом растворе [Шульц 1953, 16–17; 1999, 35–36] (Рис. 18, 6).

Так выглядит часть архитектурной модели мавзолея, которая не дает поводов для разногласий и может быть признана объективной. Основные же различия с самого начала вызывали дверь и каменная лестница, хронологическое соотношение которых во многом определяло реконструкцию процесса захоронений, определение их последовательности и датировки [Шульц 1946, 14–17; Погребова 1961, 177–178].

Дверной проем высотой 1,6 м и шириной 1,3 м был устроен в восточной стене. Перекрытие проема представляло собой несколько бревен, на которые была уложена громадная каменная плита толщиной около 0,3 — 0,4 м. Впоследствии этот большой блок растрескался и продавил истлевшее дерево, что и было зафиксировано в процессе раскопок (Рис. 71, 4).

В проем была вставлена прямоугольная рама из четырех дубовых брусев сечением 10х10 см и 12х10 см. Внешняя ширина рамы (0,9 м) была значительно меньше ширины дверного проема (1,32 м), а пространство между вертикальными брусками и откосами каменной кладки было забутовано мелким камнем на глинистом растворе (Рис. 73). К раме со стороны погребальной камеры было плотно приставлено прямоугольное полотно из шести дубовых досок, скрепленных тремя парами поперечных брусков. Размеры полотна (1,65х0,95 м) незначительно превосходили размеры рамы, а следов их подвижного вертикального соединения не было совсем.

Сохранившиеся фотографии и рисунки А. Н. Карасева позволяют говорить о том, что внутри эта дверная конструкция была забаррикадирована сначала горизонтальными брусками, затем камнями и кольями, зафиксированными на разной высоте (Рис. 73, 5), а уже после этого — однородной глиняной массой.

Археологическая ситуация с внешней стороны дверного проема (Рис. 71, 5) также представляет интерес. До высоты 0,75 м к нему было привалено несколько крупных камней, прижатых сверху огромной необработанной известняковой плитой. Выше залегал плотный глинистый слой с наклонными прослойками и линзами щебня, который на высоте 1,7 м сменялся новым каменным закладом, поверх которого был обнаружен скелет собаки.

Внешняя закладка двери происходила параллельно с засыпью так называемого двора перед мавзолеем. Логическим завершением этих действий была выкладка обработанных блоков (Рис. 72, 12) вдоль восточного фасада мавзолея. Единственное ее назначение — окончательно исключить любой доступ ко входу в погребальную камеру. В подобной ситуации собака, захороненная поверх каменного

заклада, должна была стать ритуальным препятствием против вероятных попыток проникновения в мавзолей этим путем.

Выводы: дверной проем использовался до второго этапа фортификационных работ, основными целями которых были усиление центральных ворот крепости и полная внешняя изоляция камеры мавзолея.

Вставленная в проем деревянная рама не имела навесного или шарнирного полотна; приставной щит скорее воплощал в себе идею закладной плиты.

Функционирование этого входа в мавзолей завершилось полной и одновременной его консервацией с обеих сторон, причем наличие внутренней баррикады (Рис. 73, 5) говорит о существовании к этому моменту лестницы — второго пути в погребальную камеру.

Лестница была устроена вдоль западной стены камеры (Рис. 18, 14; 70; 71, 3). Две ее нижних ступени были уложены в юго-западном углу на известняковый пол камеры. Они были обращены на восток и сохранились *in situ*. На них опиралась ступень № 3 (самая нижняя в восточном ряду), также оставшаяся в первоначальном положении. Блоки ступеней с 4 по 10, последовательно перекрывающие один другой, были обнаружены в наклонном положении, вверх ребрами. Все они правильной геометрической формы, из известняка. Под ними был насыпан слой мелких камней и щебня, перекрывающий пять полностью истлевших бревен (Рис. 70). Обращает на себя внимание их наклонное положение, нижние торцы, упертые в две первые плиты, и характерный прогиб под ступенями 4–10 (Рис. 71, 3). Под древесным тленом был зафиксирован массив однородной сырцовый глины мощностью 0,2–1 м, в котором были «утоплены» ящики-гробы I и II (Рис. 70), стоявшие на известняковом полу.

В описаниях П. Н. Шульца, Н. Н. Погребовой и А. Н. Карасева лестница считалась сравнительно поздним сооружением. Предполагаемое тогда ее назначение: выход на протейхизму, некоторое время функционировавший вместе с дверью [Погребова 1961, 177]. Из упомянутых работ можно сделать вывод, что конструкция лестницы считалась подвесной.

Даже самый приблизительный технический расчет лестницы, в основе состоявшей из пяти сравнительно тонких наклонных бревен, на которые насыпан слой щебня и уложено 8 каменных блоков (общая постоянная нагрузка — около 2000 кг) показывает абсолютную инженерную несостоятельность подвесного сооружения и заставляет искать другие варианты конструкции.

Последовательное сочетание трех упомянутых конструктивных элементов (каменных ступеней, аморфной щебенистой засыпи и бревенчатого настила) могло иметь смысл только в одном случае — при наличии сплошной опоры, выдерживающей постоянную нагрузку примерно в две с половиной тонны. Такой основой мог быть только пандус из сырцовый массы с амортизирующей бревенчатой прокладкой. Наличие в массиве такого пандуса двух ящиков I и II говорит о том, что он был сооружен уже после их установки.

Еще одна деталь, на которую необходимо обратить внимание — ситуация с верхней, один-

надцатой ступенью, квадратной в плане и самой небольшой по размерам (Рис. 71, 3). Положение этой плиты на высоте 2,6 м является вертикальной проекцией места ее горизонтального залегания к моменту раскопок. Следовательно, при постепенном оседании лестницы камень опустился строго вниз. Обязательное условие такого процесса — наличие с северной стороны относительно вертикальной направляющей плоскости, которая должна была воспрепятствовать естественному заваливанию верхней ступени, как это случилось с остальными плитами лестницы. Такое наблюдение, в сочетании с подробным анализом всей полевой информации, позволяет сделать еще одно заключение — над каменной гробницей и закрывавшими ее двумя гробами была сооружена глинобитная надстройка, массив которой был прокопан при выборке заполнения камеры в 1946 г. Южная грань надстройки определила специфику оседания верхней лестничной ступени.

Вывод: сырцовая основа лестницы была возведена в один прием, перекрыв частично гробы I и II и полностью — угол камеры с основным захоронением.

Теперь необходимо посмотреть на положение этого сооружения в контексте всего комплекса оборонительной системы. Прежде всего, хорошо видно (Рис. 72), что именно напротив ступеней и гипотетической входной площадки (верх глинобитной надстройки над гробницей), в периболе была сооружена каменная перемычка шириной около 5 м (Рис. 72, 4). Напротив лестничного марша, но уже на крепостной территории, в 1948 и 1999 гг. были открыты остатки восточного и западного пандирей широкой платформы, которая примыкала к древнейшей оборонительной стене (Рис. 72).

Таким образом, на одной линии оказались расположены: лестница в камере мавзолея, перемычка в периболе (№ 2) и каменная платформа (Рис. 72). Такое расположение не могло быть случайным. Все три элемента скорее всего были объединены единым замыслом. Он заключался в устройстве одиннадцатиметрового коридора, проложенного в сырцовом массиве оборонительной стены, который напрямую связывал погребальную камеру мавзолея с территорией Южного дворца Неаполя скифского (Рис. 72, 13). В этом случае получают объяснение и особенности устройства лестницы, верхняя ступень которой совпадает с границей каменной и сырцовый частей стен, и наличие перемычки в периболе — монументального фундамента «подвесной» части этого коридора, и платформы на крепостной территории (основание ступеней для подъема). Самое же главное: такой коридор позволял решить две важные проблемы, неизбежно возникающие при наличии усыпальницы такого ранга. С одной стороны, была выполнена задача полной внешней изоляции погребального пространства и его охраны: единственный вход хорошо просматривался и контролировался с дворцовой территории. С другой стороны, многократно упрощался процесс транспортировки умерших в камеру.

Этим сюжетом можно завершить описательную часть работы и перейти к восстановлению событий, связанных с основным захоронением мавзолея Неаполя скифского.

Не вызывают сомнений предварительные строительство погребальной камеры и монтаж каменного ящика — заготовленного места основного погребения. Но тело умершего попадает в него весьма странным образом и при наличии в мавзолее как минимум двух гробов (XI и XII). Предположение о том, что главное захоронение здесь не было первым, противоречит всем представлениям о древних погребальных традициях и вряд ли может быть принято.

Более вероятен другой вариант: до помещения в гробницу покойник находился в другом месте, но в пределах камеры. При этом конструкция гробницы была явно рассчитана на стандартное положение тела — вытянуто на спине, с выпрямленными нижними конечностями. Фактически же очевидно явное отклонение от нормы — полусидячая поза покойного. В этой связи уместно вспомнить резную конструкцию, которая: а) не являлась саркофагом, б) не была связана изначально с находившимися под ней костными останками, в) резко выделялась конструктивным решением и пышностью отделки среди однообразия простых гробов-саркофагов мавзолея, г) была занесена в камеру через дверной проем до монтажа деревянной коробки, очевидно, при совершении самого первого захоронения. Совпадение его полезной длины (ок. 150–160 см) с площадью, которую занимал «полусидячий» костяк № 37 (140–160х60 см), становится последним звеном в цепи сопоставлений и позволяет сформулировать основной вывод: **Резной подиум был нижней частью ложа, на котором, в полусидячем положении (Рис. 88, 1), главный покойник был занесен в мавзолей.**

Отдельная задача — определение места, на котором первоначально, до перезахоронения, находилось ложе с телом умершего. В восточную часть камеры оно было поставлено после того, как юго-восточный угол уже занимали гробы IX и X, а керамический алтарь был разбит и перевернут. Следует исключить и юго-западную часть помещения — место конских захоронений. Из оставшихся площадей по нескольким соображениям можно отдать предпочтение северо-западному углу. Именно в этой части мавзолея была устроена каменная гробница, которая была закрыта тремя плоскими плитами. Площадка, образованная поверхностями этих плит, была наиболее удобна для размещения ложа. Кроме того, если тронное ложе стояло в другом месте, его не нужно было бы переставлять. Как было показано выше, на самом деле была зафиксирована другая ситуация.

Теперь можно только строить догадки относительно того, каким был первоначальный замысел этой неординарной погребальной церемонии. Скорее всего, тело погребенного определенным срок должно было находиться на ложе, после чего его предполагалось перезахоронить в гробницу. Вместе с ним в мавзолее разместили трех убитых коней, обращенных мордами к хозяину, а также многочисленные приношения и инвентарь, из которого уцелели чашка с лаковым покрытием, фрагменты лепного кувшина, амфора и керамический алтарь. Очевидно, тогда же была захоронена одна из жен умершего, однако установить место и обстоятельства этого погребения теперь невозможно. Наиболее

вероятно, что её останки вместе с другими костями, золотыми украшениями и обрывками ткани попали затем под тронное ложе.

Привходовая восточная часть камеры была оставлена свободной — для последующих погребений.

Все действия, происходившие здесь позже, имели явные признаки непродуманности и сильной спешки. Создается впечатление о внезапно возникшей необходимости максимально быстрого перезахоронения тела, во время которого было допущено несколько серьезных технических просчетов:

- попытка сдвинуть наименьшую, но все равно очень тяжелую плиту, привела к ее провалу одним краем в гробницу. Избежать этого можно было только подняв эту плиту, для чего требовалось сначала просунуть в щель под нее узкий рычаг (например, лезвие металлического орудия), а затем приподнять край для удобного захвата;

- сдвигание косо упавшего перекрытия к стенке гробницы, вместо ее извлечения на поверхность с помощью веревок, рычагов и значительной мускульной силы, для чего понадобилось бы также раздвинуть две другие значительно более тяжелые плиты;

- совершение полусидячего захоронения через тесный и неудобный люк, вместо горизонтального размещения тела в гробнице;

- наконец, закрытие этого люка гробами, содержащими человеческие останки, вместо монтажа полноценного (каменного или деревянного) перекрытия.

Надо думать, что после этого пустое тронное ложе переставили на освободившееся место, к ящику IX (где до этого мог стоять ящик XII), но так, чтобы вход оставался свободным.

Создается впечатление, будто исполнители этих действий не были подготовлены к ним технически, не обладали элементарными навыками поднятия тяжестей, да еще к тому же имели дефицит времени, не позволявший продумать все заранее.

После окончания всех упомянутых мероприятий камера полностью изменила свой внутренний вид: теперь здесь не сохранилось никаких признаков настоящего места главного захоронения. Другими словами, оно было фактически замаскировано.

Исполнение такой акции требовало минимального числа участников, заинтересованных в сохранении тайны. Самые лучшие кандидаты на эту ответственную роль — ближайшее окружение покойного, представители верховной знати. В таком случае объяснима их профессиональная и техническая неподготовленность в действиях такого рода.

Теперь экстренные мероприятия по сохранению мавзолея могли переходить во вторую стадию. Главнейшее из них — ликвидация внешнего входа — предусматривало устройство другого пути попадания в погребальное помещение. Для сооружения лестницы требовались значительные трудозатраты и транспортировка внутрь камеры не менее пятнадцати кубометров глины, дерева и камня. Тогда временное присутствие посторонних людей (рабочих) в погребальном помещении становилось неизбежным и, очевидно, именно для них оно и было подготовлено соответствующим образом.

Можно предположить, что положение лестницы относительно плана камеры было результатом

четкого и продуманного плана. Строители, принимавшие участие в монтаже глинобитных пандуса и платформы входной площадки, видели перед собой ряд обычных, стоявших у западной стены гробов (которые им было приказано перекрыть), и не догадывались, что своими действиями окончательно консервируют главное погребение мавзолея. Для истории мавзолея монтаж лестницы важен и в другом аспекте: при ее возведении был оттянут в сторону (поверх сдвинутых конских костей) ящик III и частично перекрыты грунтом гробы II и I. Следовательно, все они уже стояли там ко времени строительных работ.

Синхронные работы вне камеры мавзолея были ориентированы на полную и окончательную изоляцию внешнего дверного проема и на устройство коридора в толще сырцовых стен.

В такой реконструкции начальная история мавзолея Неаполя скифского может быть ограничена достаточно четкими хронологическими рамками. Нижняя граница (время возведения погребальной камеры ок. 130–125 гг. до н. э.) определена общей строительной периодизацией дворцового

комплекса [Зайцев 1997, 43], и не противоречит традиционным концепциям [Шульц 1953, 40–41; Колтухов 1990, 186]. Верхняя граница теперь может быть определена фактом частичного ограбления захоронений мавзолея через коридор и лестницу при тотальном разрушении Южного дворца во время пребывания здесь войск Диофанта [Зайцев 1997, 36].

Это, в свою очередь, позволяет сравнить реконструированную историю конкретного археологического объекта и свидетельства письменных источников, многократно и подробно проанализированные [Соломоник 1977; Виноградов 1987, 67–79]. Как видно из прилагаемой таблицы 3, такое сопоставление вполне оправдано как в смысле хронологии, так и в плане последовательности событий.

Вряд ли теперь можно сомневаться в том, что тело мужчины из каменной гробницы представляло собой исключительную общественную и государственную ценность, которая и определила весь комплекс происходивших с ним действий. Ясно также и то, что при любых обстоятельствах оно должно было оставаться именно в мавзолее Южного дворца главной царской крепости Скифии. В противном

Таблица 3

	Реконструкция событий на основании сообщения письменных источников	Этапы строительной истории мавзолея	События в камере мавзолея
1	... понтийский царь ... смещает бывшее начальство и назначает командующим войсками выдающегося полководца и дипломата Диофанта, который прибывает в Херсонес ок. 113 г. до н. э. Скилур к тому времени уже скончался и власть в царстве перешла к Палаку ... [Виноградов 1987, 70].	Монтаж противотаранного пояса, искажившего парадный внешний вид мавзолея, оставление внешней двери в восточной стене.	Совершение на тронном ложе первого и главного захоронения мавзолея.
2	После первой победы над Палаком Диофант временно снижает активность боевых действий, обеспечивает тыл в земле тавров (основывая в их земле город) и проводит срочные переговоры с Перисадом. Затем он возвращается к своему войску в Херсонес и, укрепив свою армию цветом херсонесского воинства, предпринимает поход вглубь Скифии, где ему сдаются царские крепости Хабеи и Неаполь [Виноградов 1987, 72–74].		Появление в камере примерно восьми гробов, содержащих как минимум 11 погребений.
3	Ок. 112 г. до н. э. Вероломное отложение скифов от державы Митридата. Срочное прибытие поздней осенью в Херсонес Диофанта с войском. Второй поход Диофанта (поздняя осень – зима 112 – 111 гг. до н. э.): движение войска на царские крепости и поворот в западный Крым. Осада Керкеникиды и Калос Лимена. Генеральное сражение войск Палака-Тасия и Диофанта, полная победа Диофанта [Виноградов 1997, 74].	Внешняя замуровка дверного проема в восточной стене мавзолея, создание на его месте боевой площадки, фланкировавшей крепостные ворота с запада.	Срочное и тайное перезахоронение главного покойника, ликвидация дверного проема, устройство лестницы и коридора, связывавшего камеру с территорией Южного дворца.
4	Ранняя весна – захват царских крепостей скифов. Бегство Палака и его приближенных из страны, устройство с оставшейся скифской знатью консультативного совещания [Виноградов 1987, 74 – 75].	Тотальное разрушение всех объектов Южного дворца и связанное с ними быстрое накопление слоя рушенного сырца (подгоризонт D1).	Частичное ограбление камеры через коридор.

случае сохранность и неприкосновенность останков могла быть обеспечена путем их тайного перезахоронения в другом месте, в отдалении от Неаполя — одного из эпицентров боевых действий.

Учитывая весь объем старых и новых фактических данных, и сложную ситуацию, которая сложилась вокруг Неаполя в конце II в. до н. э., останки из каменной гробницы (погребение № 37) мавзолея Неаполя скифского могли принадлежать только одному человеку, известному по письменным источникам, — царю Скилуру.

До сегодняшнего дня приверженцами такой точки зрения были П. Н. Шульц (исходивший из концепции памятника, его общего архитектурного контекста, а также примерного совпадения археологических датировок и упомянутых исторических событий), М. М. Герасимов (автор восстановления лица по черепу из каменной гробницы) (Рис. 77), Э. И. Соломоник и Т. Н. Высотская (считавшие, что Скилур пережил войны Диофанта и был похоронен в мавзолее, построенном уже после окончания военных действий). Все остальные исследователи либо отрицали такое отождествление, либо занимали неопределенную позицию.

Теперь, на новом уровне осмысления фактического материала, можно присоединиться к концепции П. Н. Шульца и предложить абсолютные датировки основных моментов первого этапа истории мавзолея.

Строительство парадной погребальной камеры, как уже упоминалось, имело плановый характер и происходило в период между 130–125 гг. до н. э. — параллельно с генеральной реконструкцией всего Южного дворца [Зайцев 1997, 43]. Судя по всему, тогда еще не было никаких предположений о внешней военной угрозы: об этом красноречиво свидетельствуют внешний вид мавзолея и устройство двери с напольной стороны.

Возведение противотаранного пояса, искавшего парадный внешний вид элитной усыпальницы, могло быть вызвано появлением потенциально-го противника, в арсенале которого использовались стенобитные механизмы. Таким противником в то время могли быть понтийские войска, следовательно, строительство упомянутого фортификационного элемента хронологически близко началу крымской военной кампании Митридата [Колтухов 1990, 187; 1999, 35]. Время смерти Скилура (и перенос тронного ложа с его телом в мавзолей) надежно определено временем между 114 и 113 гг. до н. э., что соответствует первому этапу войны, до прибытия Диофанта [Виноградов 1989, 249]. Затем наступает промежуток времени, в течение которого в камеру попадают восемь гробов с захоронениями. Его длительность может быть определена в границах 113–112 гг. до н. э. и достигала, таким образом, максимального срока в 24 месяца.

После этого возникает экстренная ситуация, которая прямо сопоставима с событиями осени-зимы 112–111 гг. до н. э. Только неожиданный и полный разгром скифо-сарматского войска Палака и Тасия делал неизбежным появление у стен Неаполя войска противника и предельно усиливал риск осквернения царской усыпальницы — на тот момент одной из главных городских и государственных святынь [Шульц 1953, 50–51]. Немедленной ответной

реакцией стали быстрое и тайное перезахоронение царских останков, полная внешняя изоляция погребальной камеры и дополнительные меры по укреплению оборонительных сооружений.

Возникает вопрос — почему останкам не было придано положение, соответствующее конструкции и габаритам каменной гробницы? Ответ на него, вероятно, следует искать, исходя из социального статуса покойного. Как известно, тела умерших представителей кочевой скифской знати подвергались мумификации различной степени сложности [Herod., IV, 71]. Наиболее простые операции, которые не требовали особых знаний и специальной подготовки, заключались в пропитывании кожи смоляными и восковыми составами, а также в удалении внутренностей из брюшной полости [Полосьмак 1996, 165]. Очень вероятно, что тело покойного Скилура также было подвергнуто частичной мумификации, и тогда положение, в котором оно было зафиксировано на тронном ложе (Рис. 88, 1), с течением времени уже невозможно было изменить, не повредив суставных связок.

Частичное ограбление некоторых захоронений — заключительная часть первого этапа истории мавзолея. Верхняя граница датировки этого события размыта до нескольких лет: тотальное разрушение построек дворца Скилура могло быть как следствием штурма, так и одним из обязательных условий последовавшего затем мирного договора [Виноградов 1987, 75], либо заключительным актом вероятного пребывания здесь понтийского гарнизона.

Отдельная тема — возраст погребенного в каменной гробнице, который М. М. Герасимов в свое время определил примерно в пределах сорока — сорока пяти лет [Герасимов 1955, 576]. Современное обследование сохранившихся костей скелета и анализ полевых фотографий в целом подтвердили такой вывод [Пономарев 2001].

В литературе сформировалось мнение о том, что Скилур скончался в преклонном возрасте. Однако ни один письменный источник не дает указания на возраст Скилура, а сообщения Посидония и Аполлонида допускают несколько вариантов их толкования. Причем в источниках постоянно подчеркивается многочисленность его потомства, что косвенным образом повлияло на представление о нем, как о пожилом человеке. Однако термин «сыновья» скорее всего условен. Он мог отражать особенности общественного устройства, где Скилур-отец противопоставлялся своим подданным, которые могли быть военными и административными руководителями общин и более крупных объединений [Колтухов 1994, 213]. При этом какие-то из них возможно являлись кровными родственниками. На монетах царь Скилур изображался с бородой [Фролова 1964]. Однако и этот признак не может указывать на его преклонный возраст.

Уникальная ситуация с главным захоронением мавзолея демонстрирует парадоксальный случай, когда его археологическая датировка ничего не может добавить к предложенной реконструкции.

Исходя из анализа погребального инвентаря, его современная широкая датировка может быть определена в пределах середины II — середины I вв. до н. э., а узкая — ограничена второй половиной II в. до н. э. [Зайцев 2001, 46].

Список литературы

- Абрамов 1993 Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. — М., 1993. — Вып. 3. — С. 4-135.
- Акимова 1983 Акимова Л. И. Новый памятник скульптуры из Пантикапея: (К проблеме гекатейонов) // ВДИ. — 1983. — № 3. — С. 66-87.
- Алексеев, Коциевский 1982 Алексеев В. П., Коциевский А. С. Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства // Нумизматика античного Причерноморья. — Киев, 1982. — С. 42-45.
- Алексеева 1975 Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. — 1975. — Вып. Г1-12.
- Алексеева 1978 Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. — 1978. — Вып. Г1-12.
- Алексеева 1982 Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. — 1982. — Вып. Г1-12.
- Амброз 1966 Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. — 1966. — Вып. Д1-30.
- Андреев 1987 Андреев Ю. В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. — 1987. — № 1. — С. 3-18.
- Анохин 1977 Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XIII в. н. э.). — Киев, 1977.
- Анохин 1986 Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.
- Анохин 1989 Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1989.
- Артамонов 1948 Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. — 1948. — №8. — С. 56-78.
- Бабенчиков 1949 Бабенчиков В. П. Новый участок некрополя Неаполя скифского // ВДИ. — 1949. — № 1. — С. 111-119.
- Бабенчиков 1957 Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского // ИАДК. — Киев, 1957. — С. 94-141.
- Бабков 1956 Бабков А. А. Природные условия Неаполя скифского: Рукопись // Научный архив КФ ИА НАНУ, 1956. — Инв. Р № 21. — 24 с.
- Бадальянц 1976 Бадальянц Ю. С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА. — 1976. — № 4. — С. 35-41.
- Бадальянц 1982 Бадальянц Ю. С. Опыт хронологической классификации родосских амфорных клейм // НЭ. — 1982. — Т. XIII. — С. 3-12.
- Берлизов 1993 Берлизов Н. Е. 1993. Сарматы на Великом Шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III-го археологич. семинара. — Новочеркасск, 1993. — Ч. II. — С. 29-36.
- Бларамберг 1889 Бларамберг И. П. О местоположении трех крепостей тавро-скифов // ИТУАК. — 1889. — № 7. — С. 56-69.
- Богданова 1989 Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Тр. ГИМ. — М., 1989. — Вып. 70. — С. 17-70.
- Браун 1879 Браун Ф. К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. — Одесса, 1879.
- Бурачков 1881 Бурачков П. О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата со скифами // ЗООИД. — 1881. — Т. 7-12. — С. 16-56.
- Веселовский 1891 Веселовский Н. И. Скифский всадник (поясная пряжка) // ИТУАК. — 1891. — № 14. — С. 341-373.
- Веселовский 1894 Веселовский Н. И. Раскопки в Симферопольском уезде: Отчет императорской археологической комиссии за 1889, 1893. — СПб, 1894. — С. 65-67.
- Виноградов 1987 Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. — 1987. — № 1. — С. 55-87.
- Виноградов 1989 Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989.
- Виноградов 1992 Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. — 1992. — № 3. — С. 130-144.
- Виноградов, Зайцев 2003 Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археология. — 2003. — № 1. — С. 44-53.
- Внуков 1988 Внуков С. Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. — 1988. — № 3. — С. 86-94.
- Внуков 2003 Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. — М., 2003.
- Высотская 1975 Высотская Т. Н. Общественные здания Неаполя скифского // СА. — 1975. — № 2. — С. 56-59.
- Высотская 1976 Высотская Т. Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3. — С. 67-75.
- Высотская 1978 Высотская Т. Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период. — ВДИ. — 1978. — № 4. — С. 74-93.
- Высотская 1979 Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев, 1979.
- Высотская 1987 Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев, 1987. — С. 40-67.
- Висотська 1992 Висотська Т. М. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. — 1992. — № 2. — С. 139-143.
- Высотская 1994 Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — Киев, 1994.

- Высотская 2001
Высотская, Скорый 1976
Вязьмітіна 1962
Герасимов 1955
Граков 1947
Граков 1971
Голенцов, Голенко 1979
Дашевская 1951
Дашевская 1958
Дашевская 1960
Дашевская 1962
Дашевская 1964
Дашевская 1968
Дашевская 1991
Дашевская 2001
Дебец 1948
Домбровский 1961
Домжалский 1998
Журавлев 1997
Журавлев 1998
Забелина 1964
Зайцев 1990
Зайцев 1990а
Зайцев 1992
Зайцев 1994
Зайцев 1994а
Зайцев 1995
Зайцев 1995а
Зайцев 1996
Зайцев 1997
Зайцев 1997а
Зайцев 1998
Зайцев 1999
Зайцев 2000
Зайцев 2000а
- Высотская Т. Н. О назначении позднескифских зольников // РА.— 2001.— № 3.— С. 77–87.
Высотская Т. Н., Скорый С. А. Работы на Неаполе скифском и в его округе // Археологические открытия. 1975 г.— М., 1976.— С. 32.
Вязьмітіна М. І. Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі.— Київ, 1962.
Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу.— М., 1955.
Граков Б. М. Скифы.— Київ, 1947.
Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971.
Голенцов А. С., Голенко В. К. Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА.— 1979.— № 159.— С. 74–84.
Дашевская О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского // ВДИ.— 1951.— № 2.— С. 131–135.
Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ.— 1958.— № 2.— С. 143–150.
Дашевская О. Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского // СА.— 1960.— № 1.— С. 261–265.
Дашевская О. Д. Граффити на стенах зданий в Неаполе Скифском // СА.— 1962.— № 1.— С. 173–184.
Дашевская О. Д. О Таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА.— 1964.— № 1.— С. 95–99.
Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя скифского // МИА.— 1968.— № 64.— С. 248–271.
Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ.— 1991.— Вып. Д1–7.
Дашевская О. Д. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма: Тр. ГИМ.— М., 2001.— С. 87–95.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— М.; Л., 1948.
Домбровский О. И. О технике декоративной живописи Неаполя скифского // СА.— 1961.— № 4.— С. 84–90.
Домжалский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье: Тр. ГИМ.— М., 1998.— Вып. 102.— С. 17–30.
Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы Восточная сигиллята В из могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии.— М., 1997.— С. 227–260.
Журавлев Д. Б. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье: Тр. ГИМ.— М., 1998.— Вып. 102.— С. 31–51.
Забелина В. С. Золотые украшения из детского погребения некрополя Неаполя скифского // Сообщения ГМИИ.— М., 1964.— Вып. 2.— С. 39–44.
Зайцев Ю. П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія.— 1990.— № 1.— С. 83–94.
Зайцев Ю. П. Золотой статер Риметалка из Неаполя Скифского // СА.— 1990.— № 1.— С. 259–261.
Зайцев Ю. П. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія.— 1992.— № 1.— С. 93–99.
Зайцев Ю. П. Исследования Южного дворца Неаполя скифского // Археологические исследования в Крыму в 1993 г.— Симферополь, 1994.— С. 111–119.
Зайцев Ю. П. Верховная знать Неаполя скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху.— СПб, 1994.— С. 94–105.
Зайцев Ю. П. Хронология Неаполя скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1995.— Вып. У.— С. 67–90.
Зайцев Ю. П. Мегарони Неаполя скіфського // Археологія.— 1995.— № 1.— С. 88–99.
Зайцев Ю. П. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя скифского // Крымский музей.— 1996.— № 2.— С. 16–24.
Зайцев Ю. П. Южный дворец Неаполя скифского // ВДИ.— 1997.— № 3.— С. 36–50.
Зайцев Ю. П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Симферополь, 1997.— Вып. 1.— С. 156–166.
Зайцев Ю. П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье: Тр. ГИМ.— М., 1998.— Вып. 102.— С. 52–60.
Зайцев Ю. П. Скифур и его царство: (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ.— 1999.— № 2.— С. 127–148.
Зайцев Ю. П. Два сюжета из эллинистической хронологии Неаполя скифского // Херсонесский сборник.— Севастополь, 2000.— Вып. X.— С. 60–69.
Зайцев Ю. П. Аргот — супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии // Таманская старина. Греки и варвары на Киммерийском Боспоре (VII—I вв. до н. э.): Тез. докл. междунар. конф.— СПб, 2000.— С. 52–53.

- Зайцев 2001 Зайцев Ю. П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы в Крыму: Тр. ГИМ.— М., 2001.— Вып. 118.— С. 13–58
- Зайцев 2002 Зайцев Ю. П. Скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя скифского // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища.— СПб, 2002.— С. 70–78.
- Зайцев, Мордвинцева 2003 Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА.— 2003.— № 2.— С. 135–154.
- Зайцев, Пуздровский 1994 Зайцев Ю. П., Пуздровский А. Е. Неаполь скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху.— Киев, 1994.— С. 217–237.
- Зеест 1954 Зеест И. Б. К вопросу о торговле Неаполя скифского и ее значении для Боспора // МИА.— 1954.— № 33.— С. 71–78.
- Зеест 1960 Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.— 1960.— № 83.
- Зубар 1988 Зубар В. М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія.— 1988.— № 63.— С. 19–27.
- Зубар 1991 Зубар В. М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія.— 1991.— № 3.— С. 118–127.
- Зубар 1992 Зубар В. М. Про пізньоскіфську державність // Археологія.— 1992.— № 1.— С. 100–102.
- Зубарь 1996 Зубарь В. М. Ольвия и Скилур // РА.— 1996.— № 4.— С. 46–49.
- Зубарь 2002 Зубарь В. М. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ.— Симферополь, 2002.— Вып. IX.— С. 501–520.
- Календарные обычаи... 1989 Календарные обычаи и обряды народов восточной Азии. Годовой цикл.— М., 1989.
- Карасев 1951 Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1949 г. // КСИИМК.— М., 1951.— Вып. 37.— С. 161–172.
- Карасев 1953 Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1950 г. // КСИИМК.— М., 1953.— Вып. 49.— С. 78–85.
- Кац 1994 Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель.— Саратов, 1994.— 167 с.
- Кеппен 1837 Кеппен П. И. Крымский сборник: о древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.— СПб, 1837.— 243 с.
- Книпович 1952 Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–40-х годов // МИА.— 1952.— № 25.— С. 289–326.
- Коваленко 2002 Коваленко С. А. О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северном Причерноморье // Археологія.— 2002.— № 3.— С. 80–96.
- Колотухин 1996 Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века.— Киев, 1996.— 158 с.
- Колтухов 1990 Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА.— 1990.— № 2.— С. 176–188.
- Колтухов 1994 Колтухов С. Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1994.— Вып. 4.— С. 206–221.
- Колтухов 1999 Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии.— Симферополь, 1999.
- Колтухов 2000 Колтухов С. Г. К вопросу о времени основания Неаполя скифского // Пантикапей-Боспор-Керчь — 26 веков древней столице: Материалы междунар. конф.— Керчь, 2000.— С. 56–61.
- Колтухов 2001 Колтухов С. Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма: Тр. ГИМ.— М., 2001.— Вып. 118.— С. 59–70.
- Колтухов, Махнева 1988 Колтухов С. Г., Махнева О. А. Новый участок оборонительной стены Неаполя скифского // ААИК.— Киев, 1988.— С. 147–156.
- Колтухов, Пуздровский 1983 Колтухов С. Г., Пуздровский А. Е. Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя скифского // Население и культура Крыма в первые века н. э.— Киев, 1983.— С. 149–153.
- Кондукторова 1964 Кондукторова Т. С. Населення Неаполя скифського за антропологічними даними // Матеріали з антропології України.— Київ, 1964.— Вып. 3.— С. 32–71.
- Кондукторова 1972 Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины.— М., 1972.
- Крыжицкий 1982 Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.— Киев, 1982.— 166 с.
- Крыжицкий 1993 Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.— Киев, 1993.
- Крыжицкий и др. 1989 Сельская округа Ольвии / С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко.— Киев, 1989.
- Кулаковский 1889 Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею.— Киев, 1889.— 120 с.
- Кунина, Сорокина 1972 Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа.— СПб, 1972.— Вып. 13.— С. 47–68.
- Латышев 1887 Латышев В. В. Исследования об истории и государственном устройстве города Ольвии.— СПб, 1887.
- Лашков 1890 Лашков Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии.— Симферополь, 1890.
- Максимова 1979 Максимова М. И. Аргюховский курган.— Л., 1979.
- Маликов 1961. Маликов В. М. Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского // КСИА АН УССР.— 1961.— Вып. 11.— С. 64–69.

- Маркевич 1928 Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполя у Симферополя // ИТОИАЭ.— 1928.— Вып. 3.— С. 4-14.
- Махнева 1967 Махнева О. А. Эллинистический сосуд из Неаполя скифского // СА.— 1967.— № 2.— С. 87-89.
- Махнева 1967a Махнева О. А. Склеп с египетскими изделиями на Восточном участке некрополя Неаполя скифского // Записки Одесского археологического общества.— Одесса, 1967.— Т. 2.— С. 191-196.
- Мачинский 1976 Мачинский А. Д. Некоторые вопросы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э.—I в. н. э. // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа.— Л., 1976.— № 16.— С. 122-132.
- Мурзакевич 1837 Мурзакевич Н. И. Поездка в Крым в 1836 г. // Журнал Министерства народного просвещения.— 1837.— № 1.— С. 54-60.
- Ольховский, Храпунов 1990 Ольховский В. С., Храпунов И. Н. Крымская Скифия.— Симферополь, 1990.
- Пичикян 1991 Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды.— М., 1991.
- Погребова 1947 Погребова Н. Н. Мавзолей Неаполя Скифского // КСИИМК.— 1947.— Вып. 21.— С. 22-32.
- Погребова 1947a Погребова Н. Н. Находки в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники искусства: Бюлл. ГМИИ.— 1947.— Вып. 2.— С. 31-36.
- Погребова 1957 Погребова Н. Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма.— Киев, 1957.— С. 142-154.
- Погребова 1958 Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА.— 1958.— № 64.— С. 103-247.
- Погребова 1961 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА.— 1961.— № 98.— С. 103-213.
- Познышев 1955 Познышев В. А. Геологические условия территории Неаполя скифского: Рукопись // Научный архив Крымского филиала ИА НАНУ.— 1955.— Инв. А № 64.— 18 с.
- Полин 1992 Полин С. В. От Скифии к Сарматии.— Киев, 1992.
- Полосьмак 1996 Полосьмак Н. В. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ.— 1996.— № 4.— С. 142-167.
- Пономарев 2001 Пономарев Д. Ю. Антропологическая характеристика погребений №№ 37 и 70 Мавзолея Неаполя скифского // Поздние скифы в Крыму: Тр. ГИМ.— М., 2001.—Вып. 118.— С. 55-58.
- Попова 1984 Попова Е. А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ.— 1984.— № 1.— С. 129-145.
- Попова 1987 Попова Е. А. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы // ВДИ.— 1987.— № 2.— С. 139-150.
- Пуздровский 1987 Пуздровский А. Е. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя скифского // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев, 1987.— С. 205-207.
- Пуздровский 1988 Пуздровский А. Е. К проблеме формирования Неаполя скифского // Тезисы докладов крымской научной конференции «Проблемы античной культуры».— Симферополь, 1988.— Ч. 3.— С. 303-304.
- Пуздровский 1988a Пуздровский А. Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя скифского // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса (1888—1988): Тез. Докл.— Севастополь, 1988.— С. 85-87.
- Пуздровский 1989 Пуздровский О. Е. Сарматы в Неаполі скифському // Археологія.— 1989.— № 3.— С. 30-40.
- Пуздровский 1992 Пуздровский А. Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // СА.— 1992.— № 2.— С. 181-199.
- Пуздровский 1992a Пуздровский О. Е. Кримська Скифія в кінці II ст. до н. е.— перш. Пол. III ст. н. е. // Археологія.— 1992.— № 2.— С. 125-135.
- Пуздровский 1993 Пуздровский А. Е. Население Крымской Скифии во II в. до н. э.— III в. н. э. (этно-политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1993.— 17 с.
- Пуздровский 1994 Пуздровский А. Е. О погребальных сооружениях юго-западного и центрального Крыма в первые вв. н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма.— Симферополь, 1994.— С. 110-119.
- Пуздровский 1994a Пуздровский А. Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. IV.— Симферополь, 1994.— С. 397-405.
- Пуздровский 1999 Пуздровский А. Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э.— III в. н. э.) // Херсонесский сборник.— Севастополь, 1999.— Вып. X.— С. 209-225.
- Пуздровский 2001 Пуздровский А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. С оружием и конской уздой // Поздние скифы в Крыму: Тр. ГИМ.— М., 2001.—Вып. 118.— С. 122-140.
- Пуздровский 2001a Пуздровский А. Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы междунар. Науч. конф.— Санкт-Петербург, 2001.— Ч. 2.— С. 212-217.
- Пуздровский 2002 Пуздровский А. Е. Грунтовый склеп рубежа н. э. Из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время.— Киев, 2002.— С. 162-172.
- Пуздровский и др. 1991 Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Новигов И. И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья.— Херсон, 1991.— С. 116-121.
- Пуздровский и др. 1993 Работы Симферопольской экспедиции в 1991 г. / А. Е. Пуздровский, Ю. П. Зайцев, С. В. Гумашьян, И. И. Новигов // Археологічні дослідження в Україні 1991 року.— Луцк, 1993.— С. 103-104.

- Раевский 1970 Раевский Д. С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ: 1965-1966 гг.— М., 1970.— С. 91-105.
- Раевский 1971 Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе // МИА.— 1971.— № 177.— С. 143-151.
- Раевский 1971а Раевский Д. С. Этнический состав населения Неаполя скифского (по материалам некрополя): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1971.— 16 с.
- Раевский 1973 Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.— II в. н. э.) // ВДИ.— 1973.— № 2.— С. 110-120.
- Раевский 1975 Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен.— М., 1975.
- Раевский 1976 Раевский Д. С. Неаполь или Палакий // ВДИ.— 1976.— № 1.— С. 102-107.
- Ростовцев 1925 Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.
- Сапрыкин 1986 Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.— М., 1986.
- Сапрыкин 1996 Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство.— М., 1996.
- Сапрыкин 2002 Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох.— М., 2002.
- Симоненко 1993 Симоненко А. В. Сарматы Таврии.— Киев, 1993.
- Симоненко 2000 Симоненко А. В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории».— Самара, 2000.— Вып. 2.— С. 187 - 204.
- Скрипкин 2002 Скрипкин А. С. О времени включения Нижнего Поволжья в систему Великого шелкового пути // Нижневолжский археологический вестник.— Волгоград, 2002.— Вып. 5.— С. 388-393.
- Сокольский 1976 Сокольский А. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска.— М., 1976.
- Соломоник 1952 Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениями с греческими городами Северного Причерноморья // Археология и история Боспора.— Симферополь, 1952.— С. 103-128.
- Соломоник 1958 Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА.— 1958.— Т. XXVIII.— С. 308-316.
- Соломоник 1962 Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и Эпиграфика.— 1962.— Вып. 3.— С. 32-44.
- Соломоник 1977 Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ.— 1977.— № 3.— С. 53-63.
- Сыманович 1960 Сыманович Э. А. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского // СА.— 1960.— № 1.— С. 270-273.
- Сыманович 1963 Сыманович Э. А. Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму // Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.— Одесса, 1963.— С. 32-40.
- Сыманович 1963а Сыманович Э. А. Фибулы Неаполя скифского // СА.— 1963.— № 4.— С. 139-151.
- Сыманович 1983 Сыманович Э. А. Население столицы позднескифского царства.— Киев, 1983.
- Сыманович, Голенко 1960 Сыманович Э. А., Голенко К. В. Монеты из некрополя Неаполя скифского // СА.— 1960.— № 1.— С. 265-268.
- Толстиков 1987 Толстиков В. П. Святилище на некрополе Пантикапея // ВДИ.— 1987.— № 1.— С. 88-114.
- Толстиков 1992 Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора: Сообщения ГМИИ.— М., 1992.— Вып. 10.— С. 41-65.
- Толстиков, Виноградов 1999 Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности.— М., 1999.— С. 282-304.
- Толстой, Кондаков 1889 Толстой И., Кондаков Н. Древности времен переселения народов // Русские древности в памятниках искусства.— СПб, 1889.— Вып. 2.
- Трейстер 1999 Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник.— Севастополь, 1999.— Вып. X.— С. 121-158.
- Труфанов 2001 Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы в Крыму: Тр. ГИМ.— М., 2001.— Вып. 118.— С. 71-77.
- Тункина 2002 Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.).— СПб., 2002.
- Уваров 1854 Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // ПроPILEI.— М., 1854.— Кн. 4.— С. 205-224.
- Уженцев, Юрочкин 2000 Уженцев В. Б., Юрочкин В. Ю. Керамический комплекс III в. н. э. из Неаполя скифского // Старожитності степового Причорномор'я і Криму.— Запоріжжя, 2000.— Вип. VII.— С. 264-280.
- Филимонов 1880 Филимонов Г. Д. Антропологическая выставка 1879 г.— М., 1880.— Т. 3. Ч. 2. Вып. 2.— С. 17.
- Фролова 1964 Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА.— 1964.— № 1.— С. 44-55.
- Фролова 1997 Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. М., 1997.— Ч. 1.
- Хазанов 1963 Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА.— 1963.— № 4.— С. 38-49.
- Харко 1961 Харко Л. П. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946-1950 и 1957 // МИА.— 1961.— № 96.— С. 214-218.

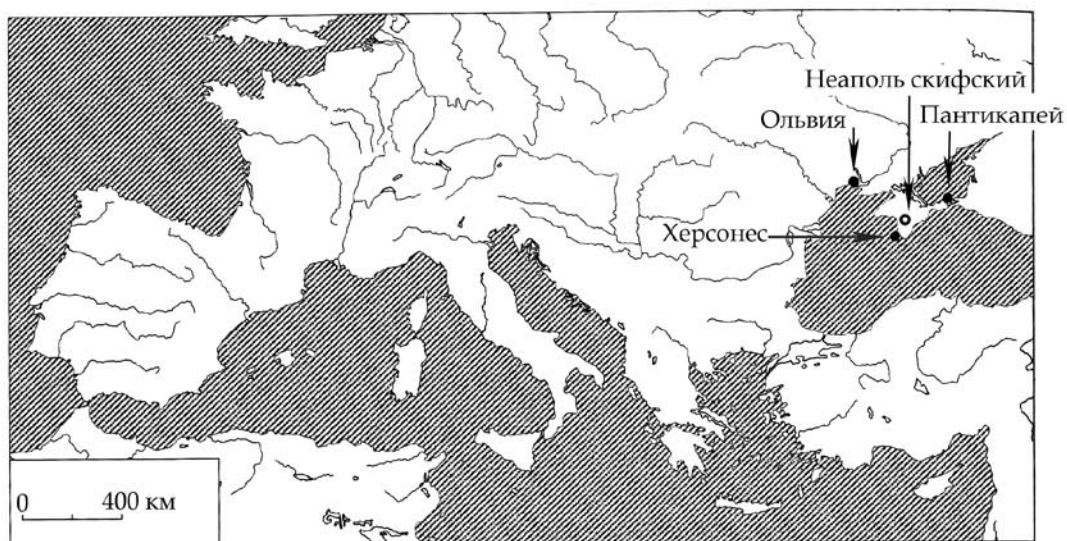
- Харко 1961а Харко Л. П. К вопросу о производстве золотых бляшек из мавзолея Неаполя скифского // МИА.— 1961.— № 96.— С. 219–221.
- Храпунов 1992 Храпунов Л. Н. До социально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія.— 1992.— № 1.— С. 86–92.
- Храпунов 1995 Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. — Симферополь, 1995.
- Храпунов 2003 Храпунов И. Н. Древняя история Крыма: Учеб. пособие.— Симферополь, 2003.
- Цалкин 1954 Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из Неаполя скифского // СА.— 1954.— Т. XX.— С. 253–287.
- Цалкин 1960 Цалкин В. И. Домашние животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА.— 1960.— № 53.— С. 7–109.
- Шелов 1975 Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э.— М., 1975.
- Шелов 1978 Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э.: классификация и хронология // КИСА АН СССР.— 1978.— Вып. 156.— С. 16–21.
- Шульц 1946 Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК.— М., 1946.— Вып. 12.— С. 44–57.
- Шульц 1946а Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция // Сов. Крым.— 1946.— № 2.— С. 97–116.
- Шульц 1947 Шульц П. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК.— М., 1947.— Вып. XXI.— С. 16–21.
- Шульц 1947а Шульц П. Н. Работа Тавро-скифской экспедиции (1945–1946 гг.) // Памятники искусства: Бюл. Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.— М., 1947.— Вып. 2.— С. 21–30.
- Шульц 1949 Шульц П. Н. Работа Тавро-скифской экспедиции // КСИИМК.— М., 1949.— Вып. XXVII.— С. 56–66.
- Шульц 1953 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского.— М., 1953.
- Шульц 1957 Шульц П. Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950) // ИАДК.— Киев, 1957.— С. 62–93.
- Шульц 1969 Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского // СА. — 1969.— № 1.— С. 120–136.
- Шульц 1971 Шульц П. Н. Позднескифская культура на Днепре и в Крыму // МИА.— 1971.— Вып. 177: Проблемы скифской археологии.— С. 127–143.
- Щеглов 1988 Щеглов А. Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация.— Л., 1988.— С. 29–40.
- Щеглов 1998 Щеглов А. Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // Проблемы археологии.— СПб, 1998.— Вып. 4: История и культура древних и средневековых обществ.— С. 141–153.
- Шукин 1994 Шукин М. Б. На рубеже эр.— СПб, 1994.
- Эрнст 1927 Эрнст Н. Л. Неаполь скифский (к столетию со дня первых раскопок) // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе.— Севастополь, 1927.— С. 23–28.
- Юргевич 1881 Юргевич В. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора // ЗООИД.— 1881.— Т. 12.— С. 23–42.
- Янушевич 1983 Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья.— Кишинев, 1983.
- Яценко 1960 Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском // СА.— 1960.— № 4.— С. 91–112.
- Яценко 1962 Яценко И. В. Тарелка царицы Гиперерии из Неаполя скифского // Историко-археологический сборник.— М., 1962.— С. 101–113.
- Ящуржинский 1889 Ящуржинский Х. П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. — 1889.— № 7.— С. 44–56.
- Becker 1856 Becker P. Die Herakleotische Halbinsel in archaologischer Beziehung.— Leipzig, 1856.
- Blaramberg 1831 Blaramberg J. de. De la position de Trois fortresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, avec cartes, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des mabres antiques.— Odessa, 1831.
- Dubois 1843 Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Arménie, en Crimée: A 6 v.— Paris, 1843.— V. 6.
- Eggers 1951 Eggers H. J. Der romische Import im frein Germanien.— Hamburg, 1951.— Bd. I–II.
- Ettlinger 1962 Ettlinger E. Die romischen Fibeln in der Shhweiz.— Bern, 1962.
- Fedak 1990. Fedak J. Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era.— Toronto; London, 1990.
- Finkielsztejn 2000 Finkielsztejn G. Amphores importees au Levant Sud a l'époque hellénistique // Ε' επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα κλειστά συνόλα — εργαστήρια.— Αθήνα, 2000.— С. 207–220.
- Finkielsztejn 2001 Finkielsztejn G. Chronologie d'étaillée et revisee des eponymes amphoriques Rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ: BAR International Series 990.— Oxford, 2001.
- Grace 1952 Grace V. Timbres amphoriques trouves a Delos // Bulletin de Correspondance hellénique.— 1952.— LXXVI.— P. 514–540.

- Højte* 2003 *Højte J. M.* The date of the alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I/2, 402) and its implications // Proceedings of the Conference on chronology of the Black Sea Area in the period c. 400-100 BC.— Aarhus, 2003.
- Imhoof-Blumer* 1912 *Imhoof-Blumer F.* Die Kupferprägung des Mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens // Numismatische Zeitschrift.— 1912.— Bd. 45.— S. 169-192.
- Kraus* 1960 *Kraus Th.* Hekate. Studien zu Wesen und Bild der Göttin in Kleinasien und Griechenland.— Heidelberg, 1960.
- Lindgren* 1987 *Lindgren M.* The function of the Minoan Palaces — Myth and reality // The function of the Minoan Palaces: Proceeding of the Fourth International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 10-16 June, 1984.— Stockholm, 1987.— P. 39-42.
- Loboda, Puzdrovskij, Zajcev* 2002 *Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P.* Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Alma auf der Krim. // Eurasia Antiqua.— 2002.— Bd. 8.— S. 295-346.
- Rotroff* 1997 *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery. The Athenian agora.— Princeton; New Jersey, 1997.— Vol. XXIX.
- Stolba* 2003 *Stolba V. F.* Hellenistic Chersonesos: results and perspectives of establishing a local chronology // Proceedings of the Conference on chronology of the Black Sea Area in the period c. 400-100 BC.— Aarhus, 2003.
- Stolyarik* 1998 *Stolyarik E.* The reign and chronology of the arhon Hugiaenon // AJN.— 1998.— Second Series 10.— P. 94-112.
- Treister* 1988 *Treister M. Yu.* Bronze Statuary in the Towns of North Pontic Area // Griechische und römische Statuetten und Großbronzen.— Akten; Wien, 1988.— P. 152-154.
- Vinogradov* 1997 *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien.— Mainz, 1997.
- Zaytsev* 2002 *Zaytsev Yu. P.* Skiluros and His Realm: New Discoveries and New Problems // Ancient civilization.— 2002.— № 1.— P. 239-271.
- Zaytsev* 2002a *Zaytsev Yu. P.* Light and fire in the Palace of Scythian King Skilur // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World: BAR International Series 1019.— 2002.— P. 61-73.
- Zois* 1987 *Zois A. A.* The function of the Minoan Palace: A contribution to the definition of the main problem or a model for future research (outline) // The function of the Minoan Palaces. Proceeding of the Fourth International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 10-16 June, 1984.— Stockholm, 1987.— P. 43-44.

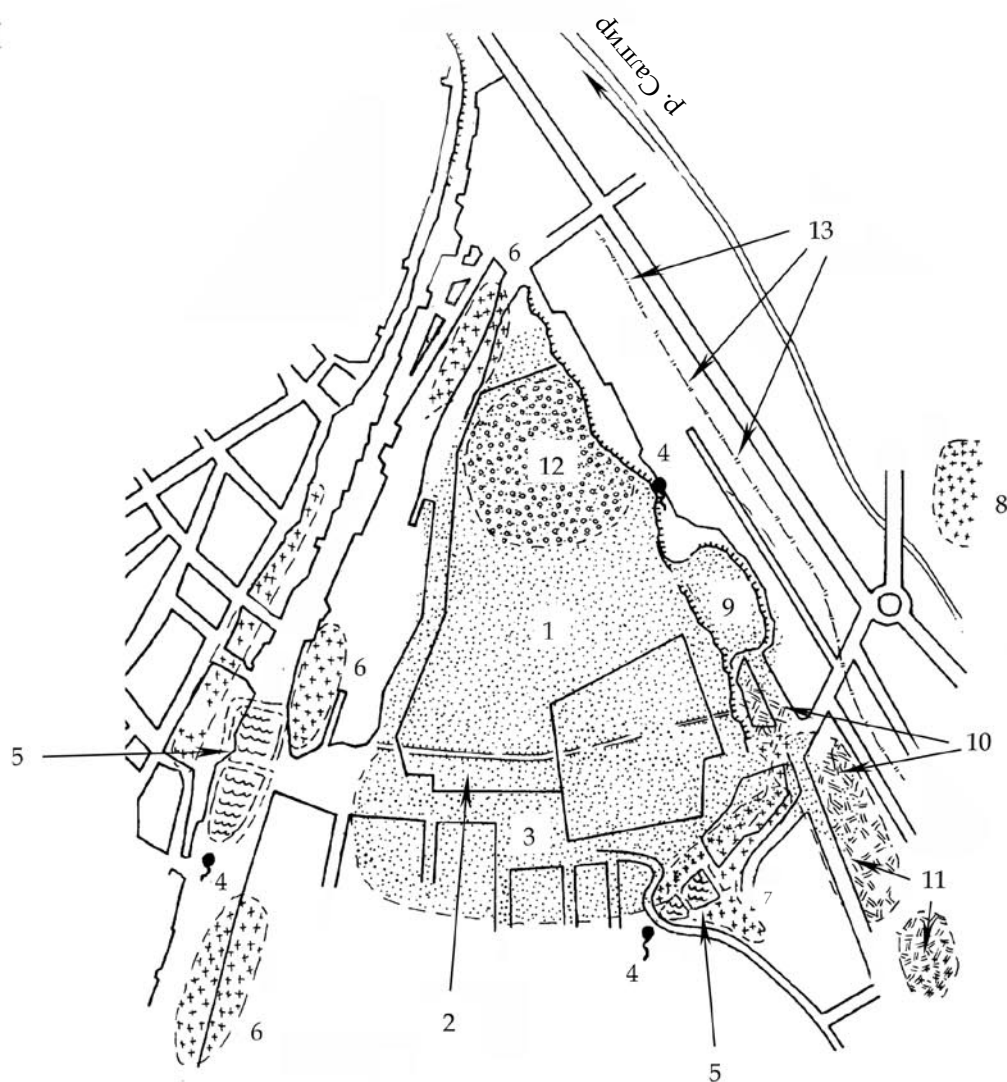
Список сокращений

- IOSPE — Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (1885–1916). Petropolis.
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
- КБН — Корпус боспорских надписей. Москва-Ленинград.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета.
- ИАДК — История и археология древнего Крыма.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
- РА — Российская археология.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.
- ХС — Херсонесский сборник.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

I

II

0 — 100 м

Рис. 1. I. Неаполь скифский на карте Европы. II. Деталь плана г. Симферополя с обозначением Неаполя скифского и его окружи. 1 — территория городища. 2 — Южная оборонительная стена. 3 — территория южного пригорода. 4 — современные источники. 5 — древние водоемы с плотинами. 6 — участки Западного некрополя. 7 — Восточный некрополь. 8 — Битакский некрополь. 9, 10 — поселения I в. н. э. на нижней террасе. 11 — поселения Кизил-Кобинской культуры IX-VI вв. до н. э. 12 — поселение кизил-кобинской культуры конца IV — начала III вв. до н. э. 13 — граница древнего паводка реки Салгир

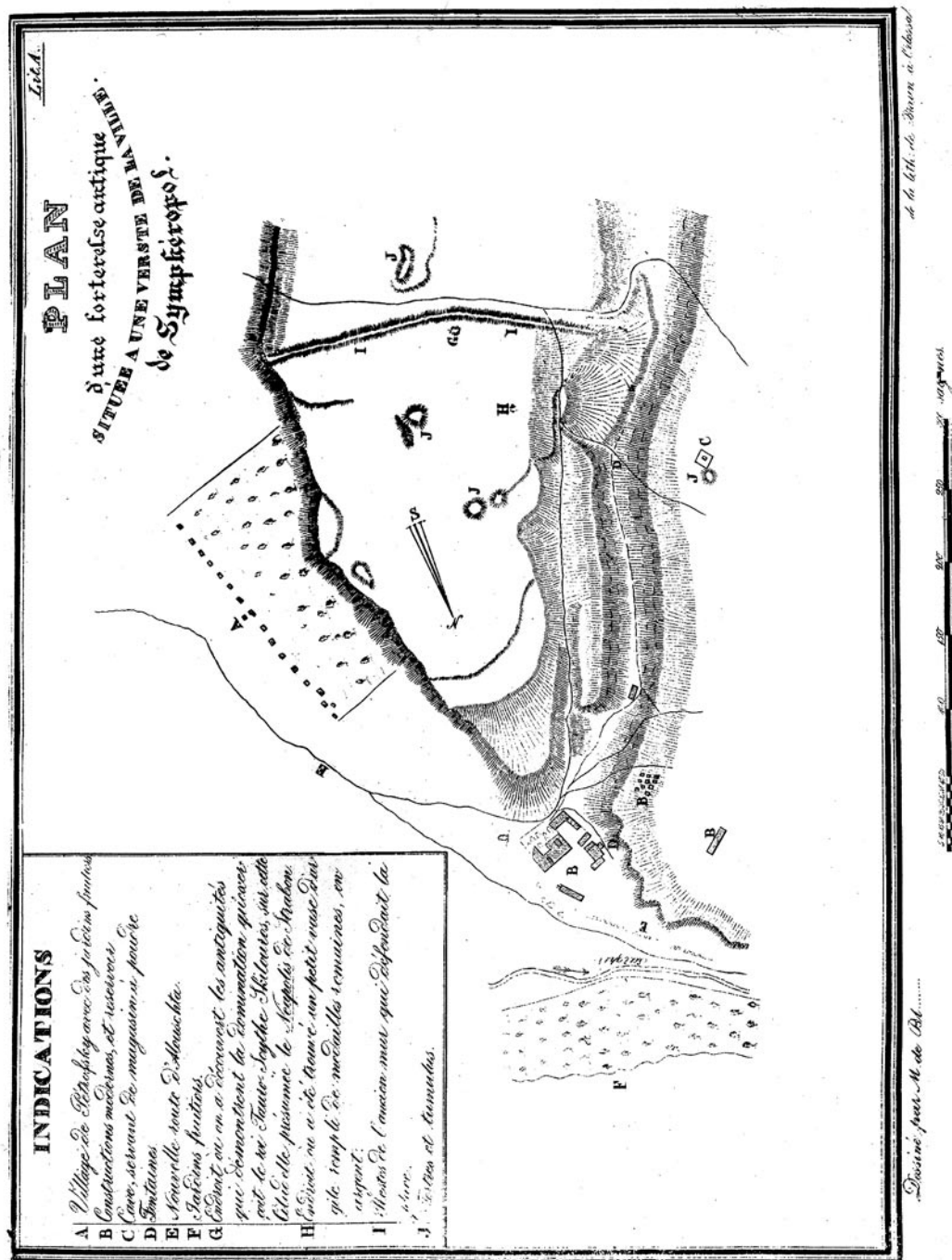

Рис. 2. План городища, составленный И. П. Бларамбергом

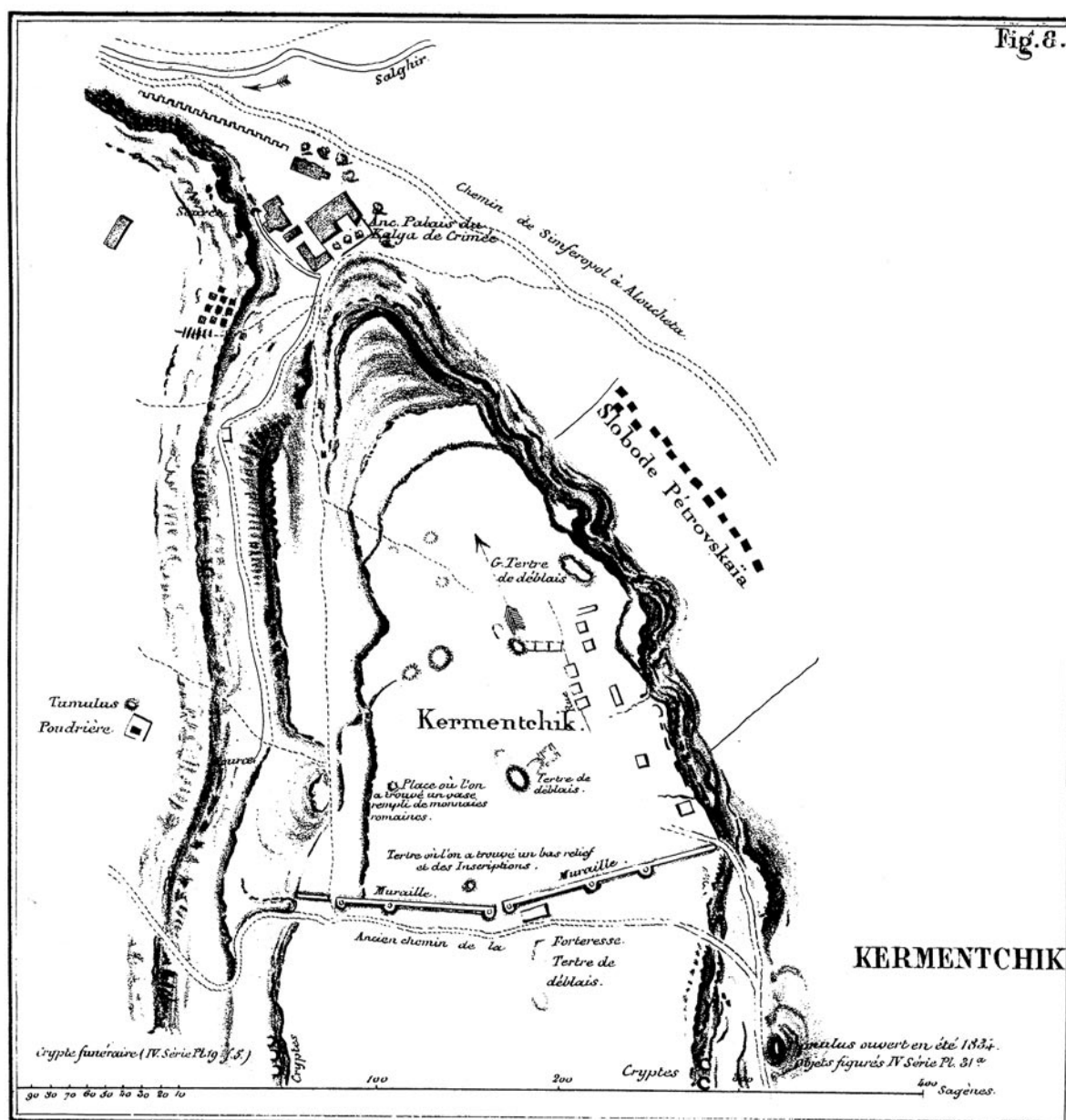

Рис. 3. План городища, составленный Ф. Дюбуа де Монпере

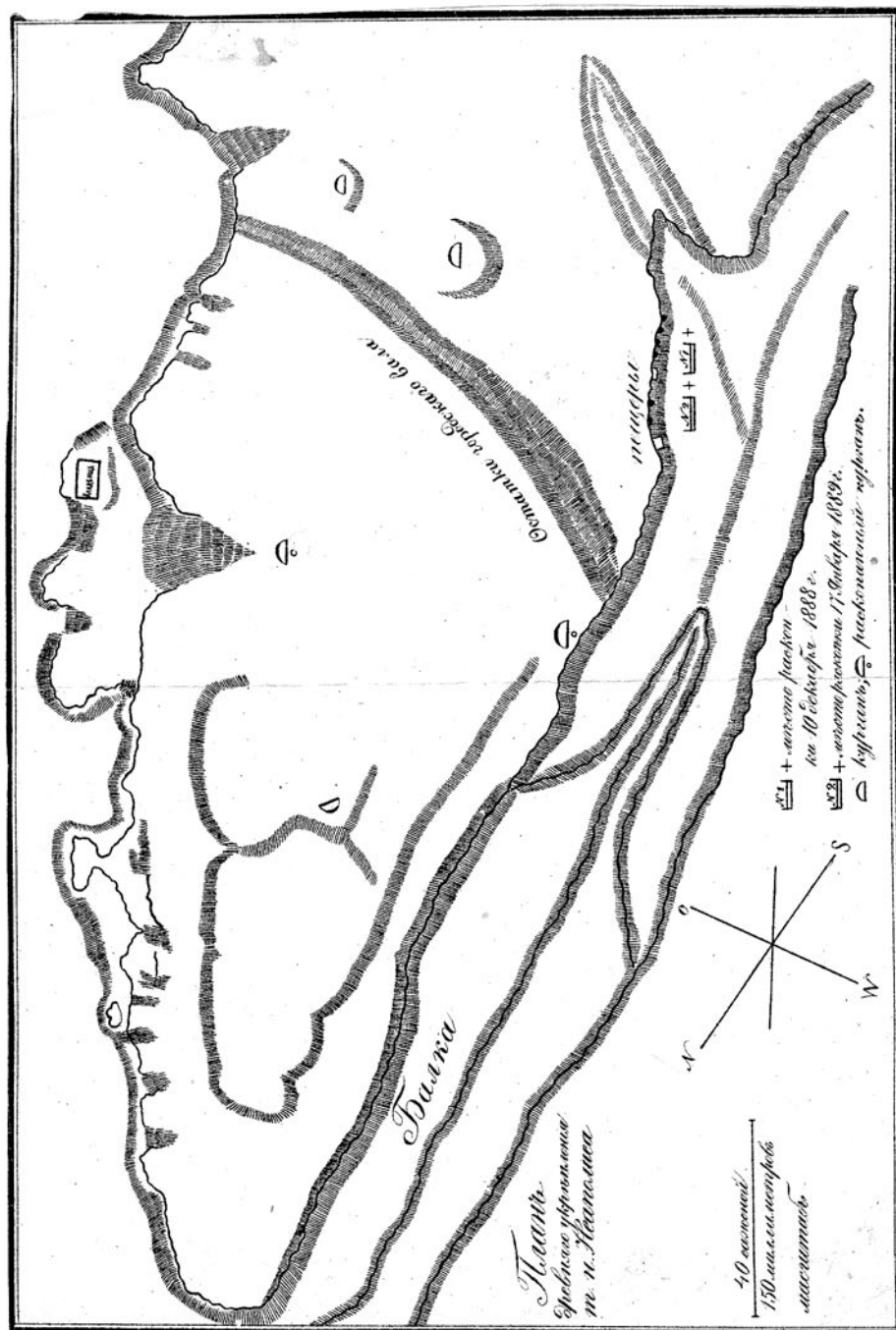

Рис. 4. План городица, составленный Н. И. Веселовским

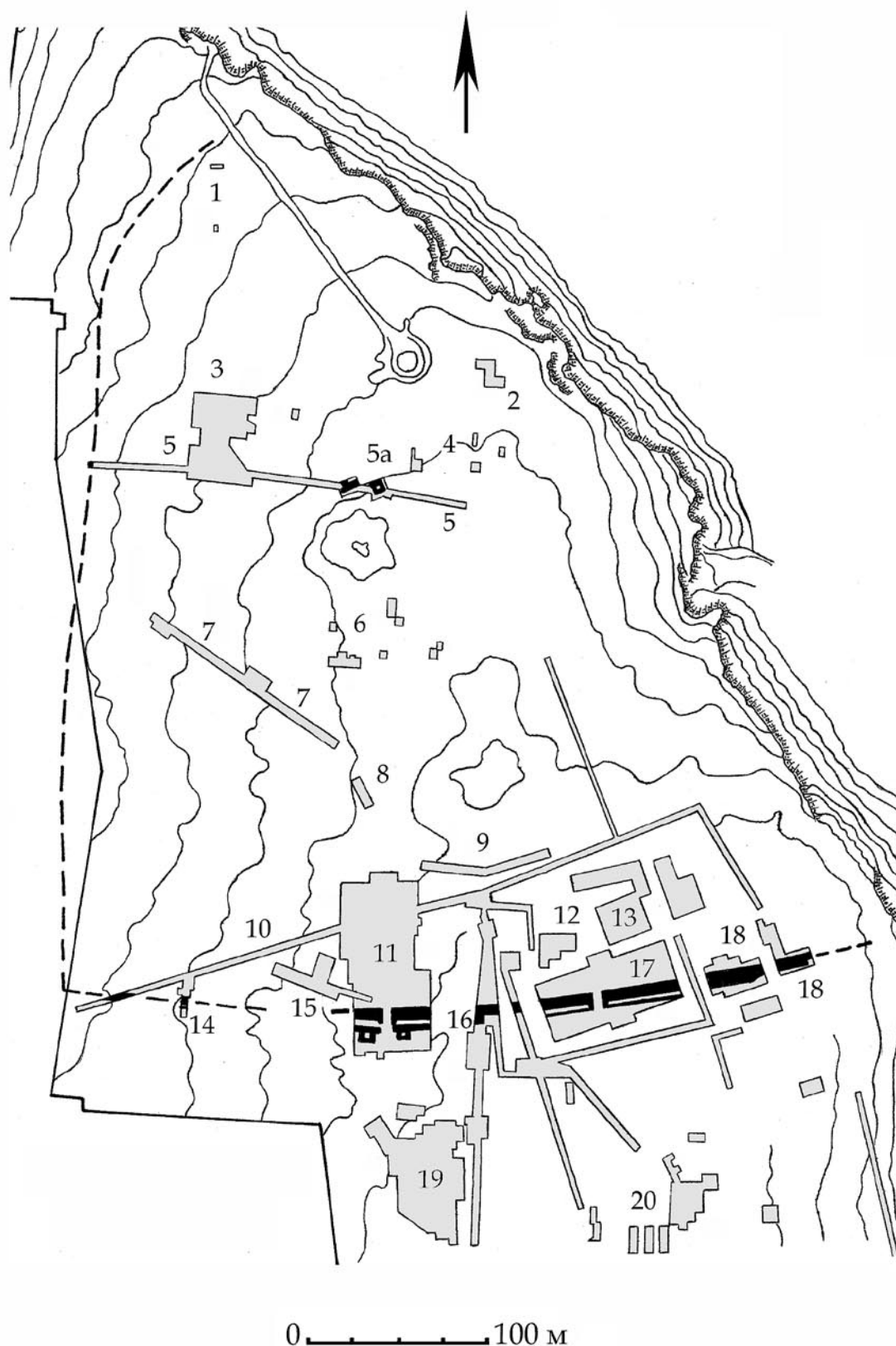

Рис. 5. Современный план Неаполя скифского с обозначением всех раскопов. 1 — разведочные раскопы (1993). 2 — раскоп, сектор 9 (1989–1990). 3 — раскоп Д (1955–1963). 4 — разведочные раскопы Г (1958–1959). 5 — северная траншея (1955). 5а — башня в северной траншее. 6 — разведочные раскопы Ж (1957–1958). 7 — раскоп О (1985). 8 — раскоп И (1985). 9 — раскоп М (1985). 10 — южная траншея (1954–1956). 11 — раскоп А-Б-В (1945–2003). 12 — раскоп VII (1983). 13 — раскопы VIIа, VIIб, VIIв (1983–1984). 14 — раскоп И (1959). 15 — раскопы И. П. Бларамберга (1827) и А. С. Уварова (1854). 16 — раскоп Е (1957–1959). 17 — раскоп Н. Л. Эрнста (1926). 18 — раскоп VI (1981–1984). 19 — раскопы на зольнике № 3 (1956, 1978–1990). 20 — раскоп I (1958, 1980–1981)

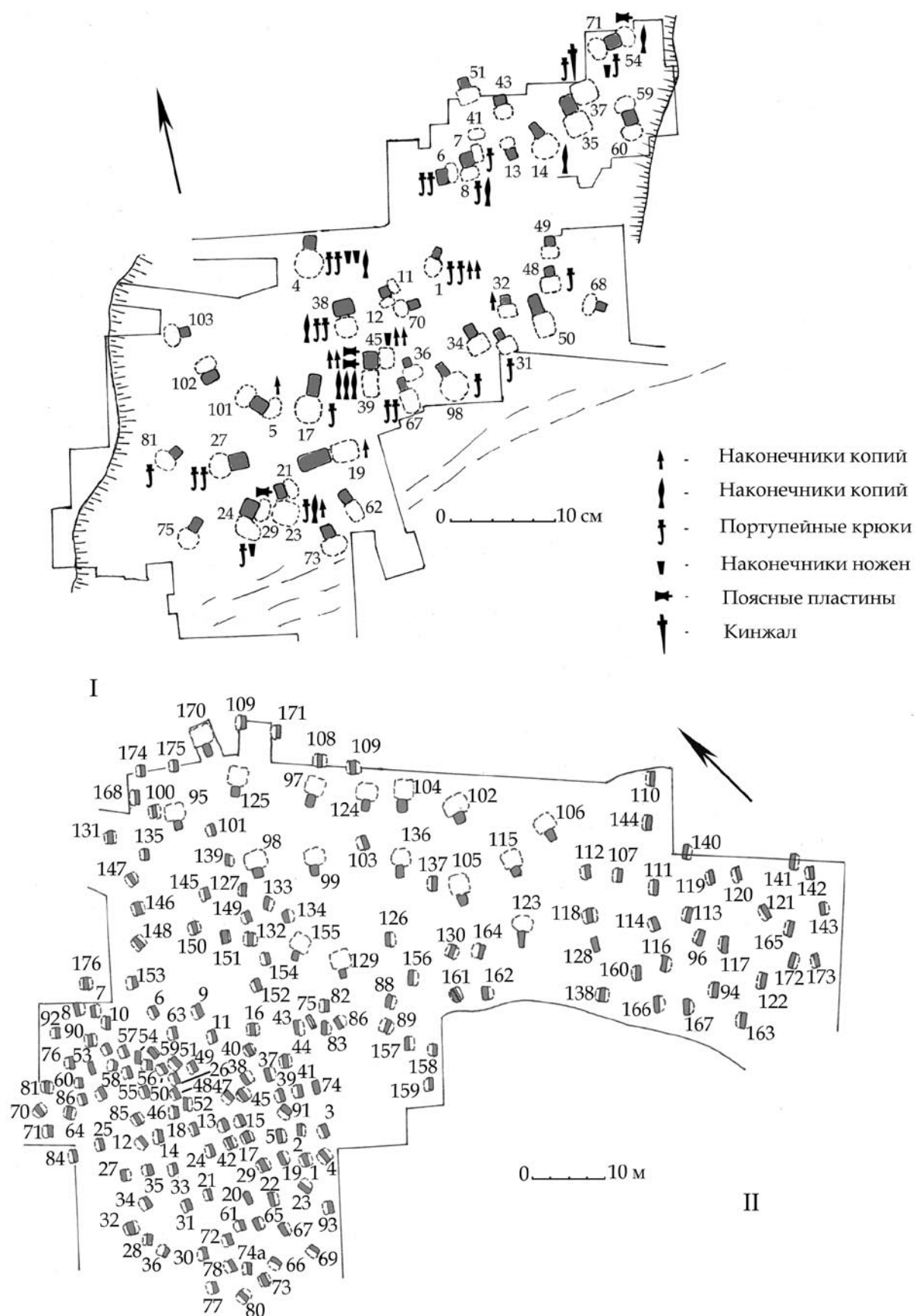

Рис. 6. I. План раскопок Восточного некрополя (по Э. А. Сымановичу). Погребальные сооружения горизонтов Е-С. II. План раскопок Битакского Некрополя (по А. Е. Пуздровскому, 2001)

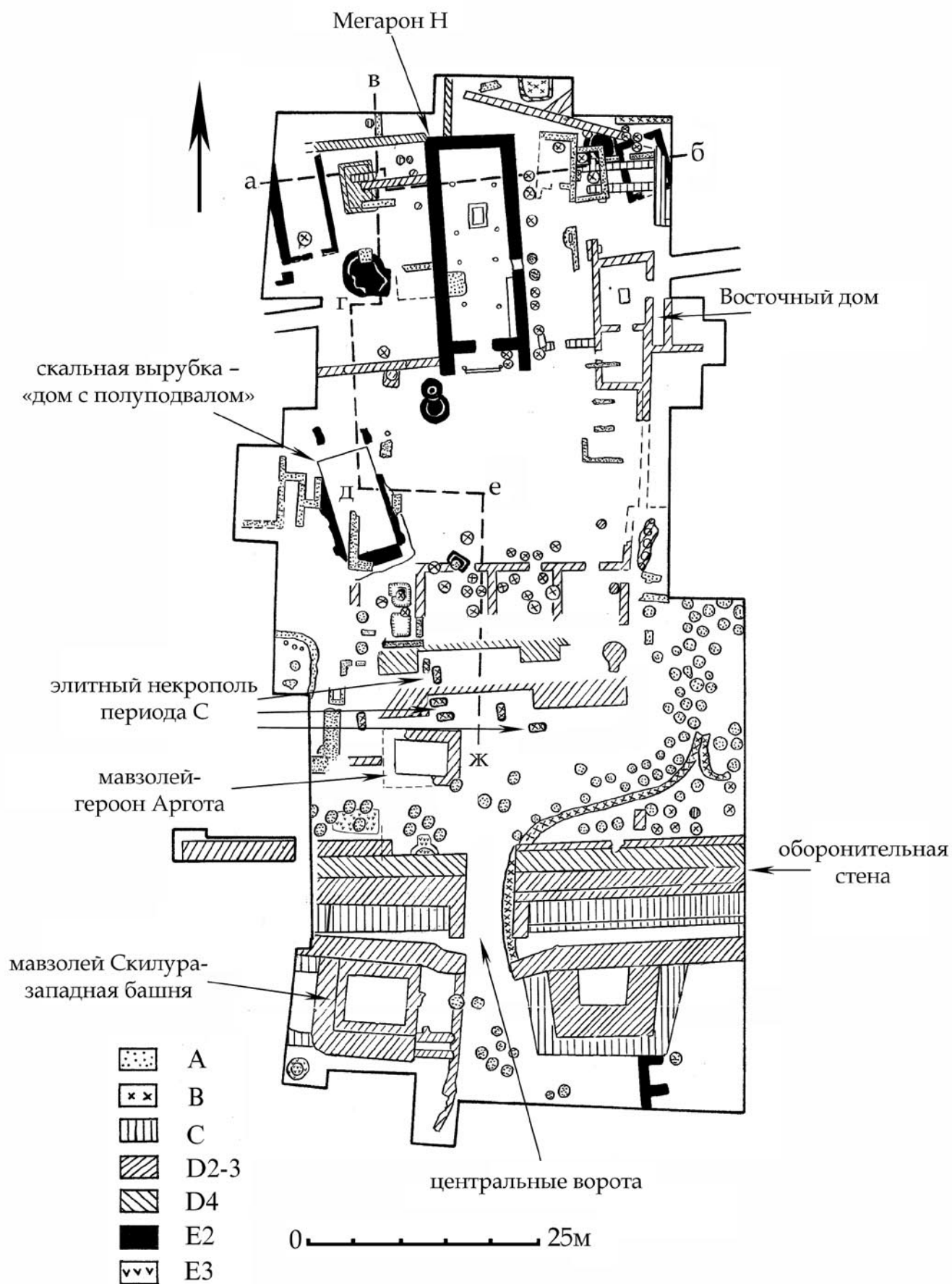

Рис. 7. План раскопа А-Б-В. А-Е — горизонты

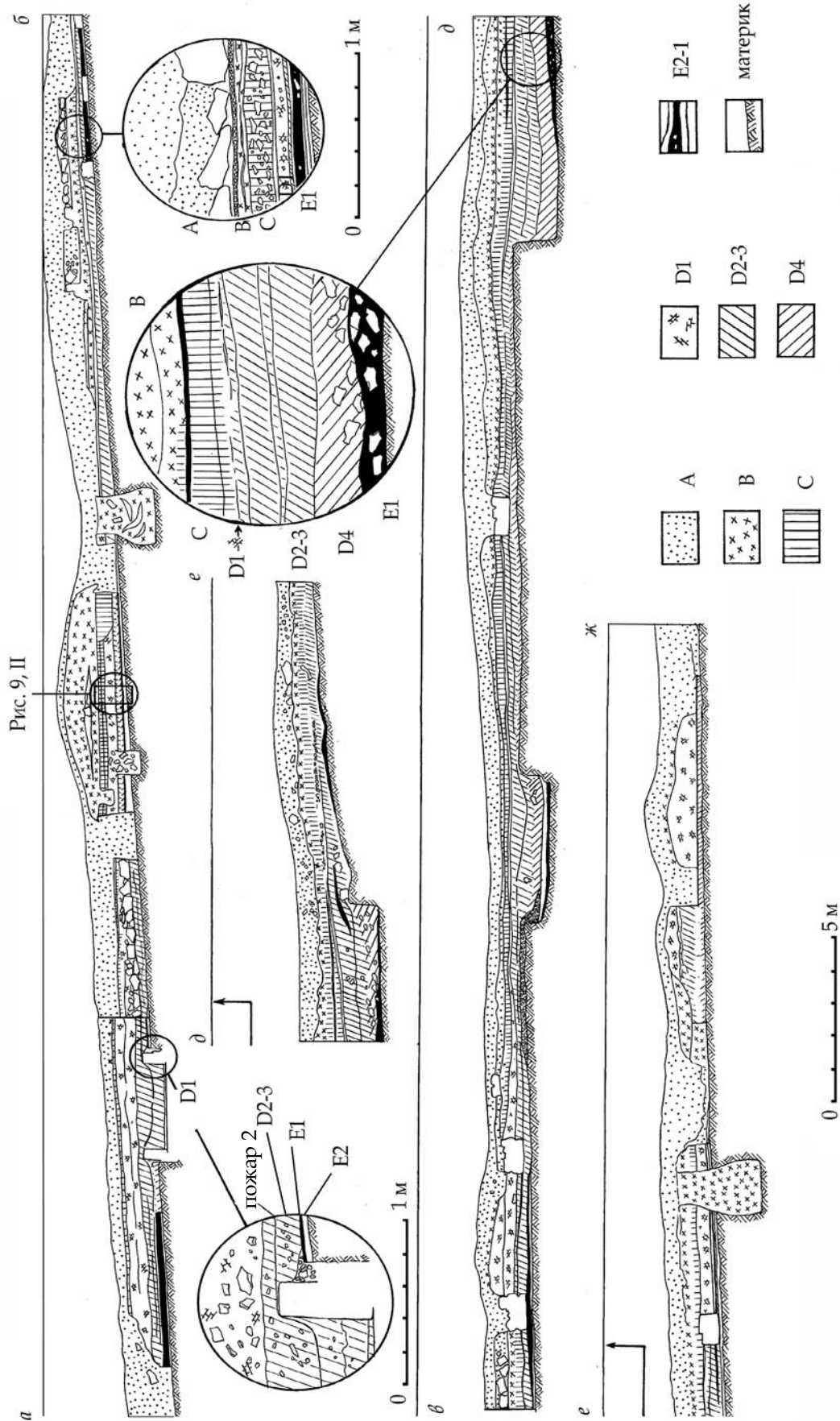

Рис. 8. Раскоп А-Б-В. Базовые стратиграфии. А-Е — горизонты

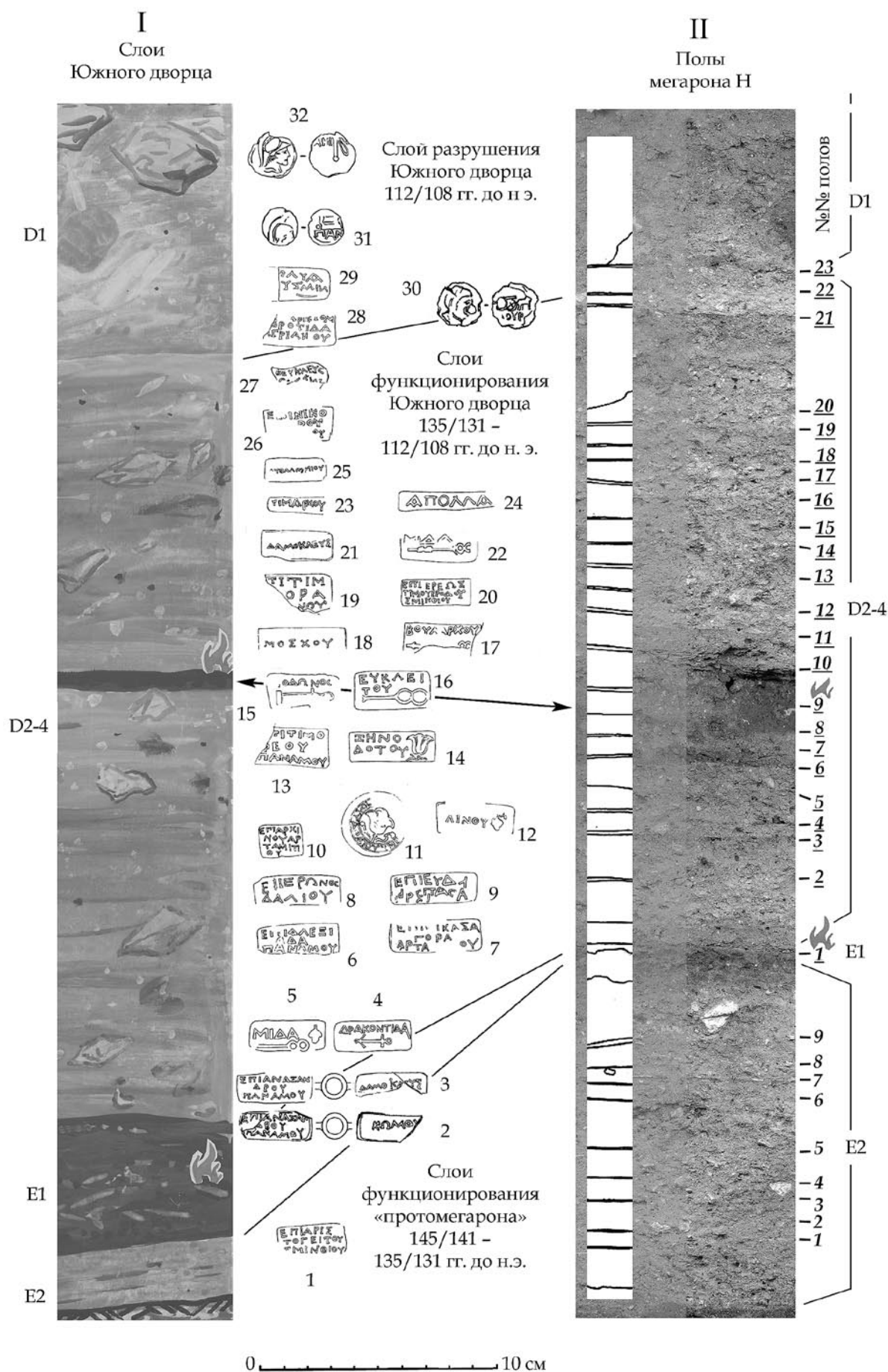

Рис. 9. Раскоп А-Б-В. Стратиграфические колонки слоев Южного дворца (I) и полов мегарона Н (II). Некоторые хроноиндикаторы из раскопок Южного дворца. E-D – горизонты

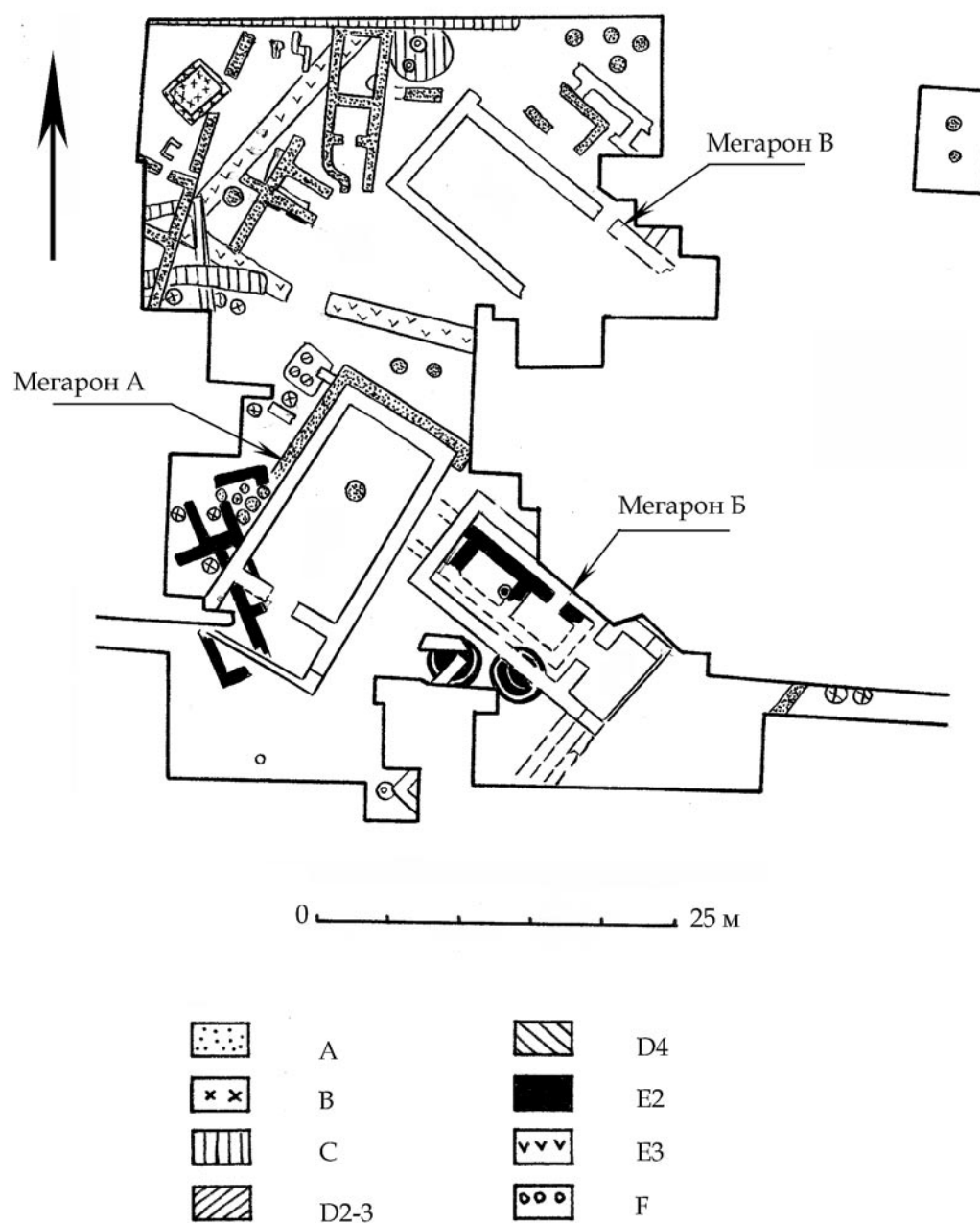

Рис. 10. 1 — План раскопа Д. А-Ф — горизонты

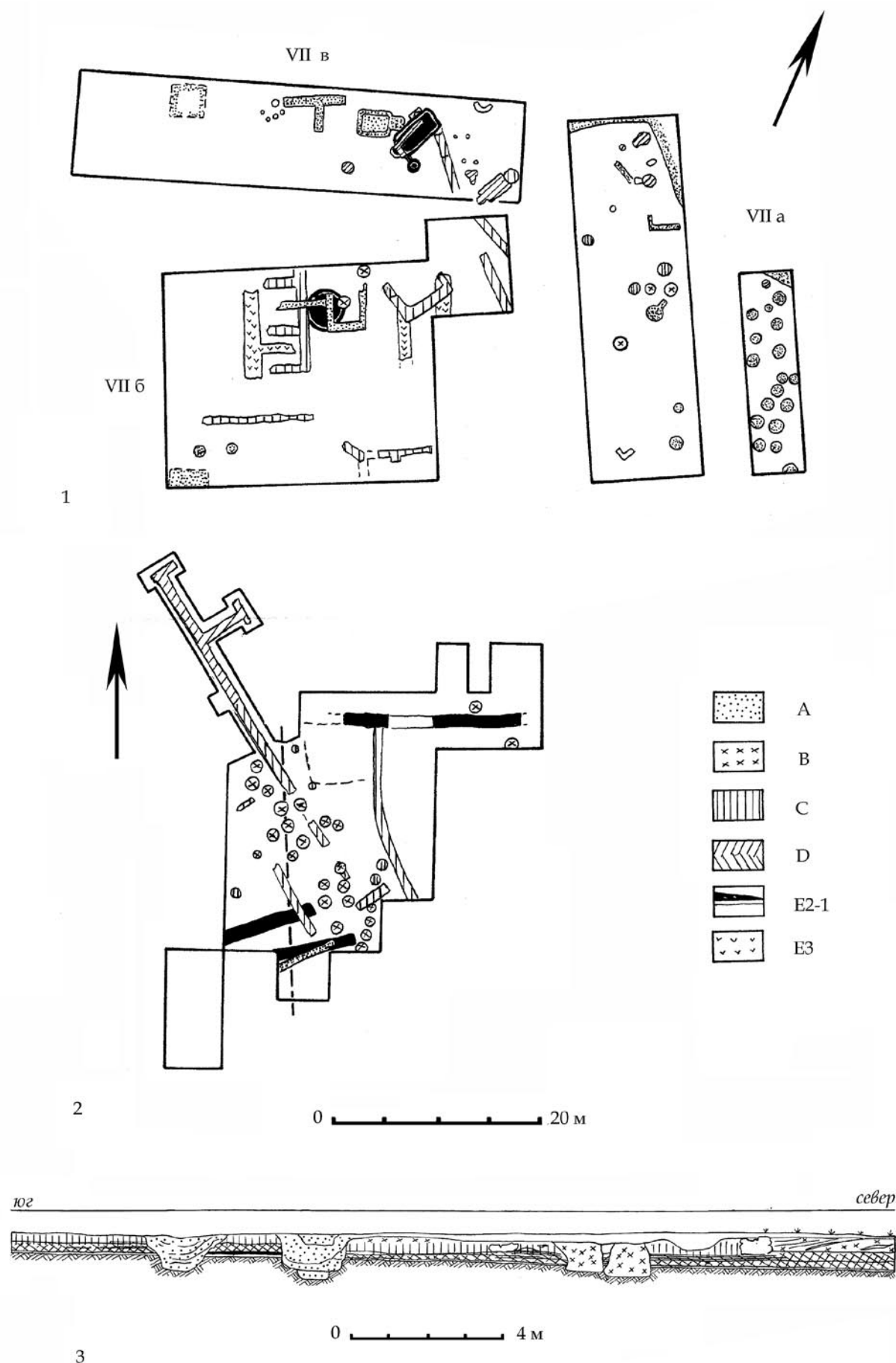

Рис. 11. 1 — план раскопов VIIa, VIIб, VIIв. 2 — план раскопа 1. 3 — стратиграфия раскопа 1.
А-Е — горизонты

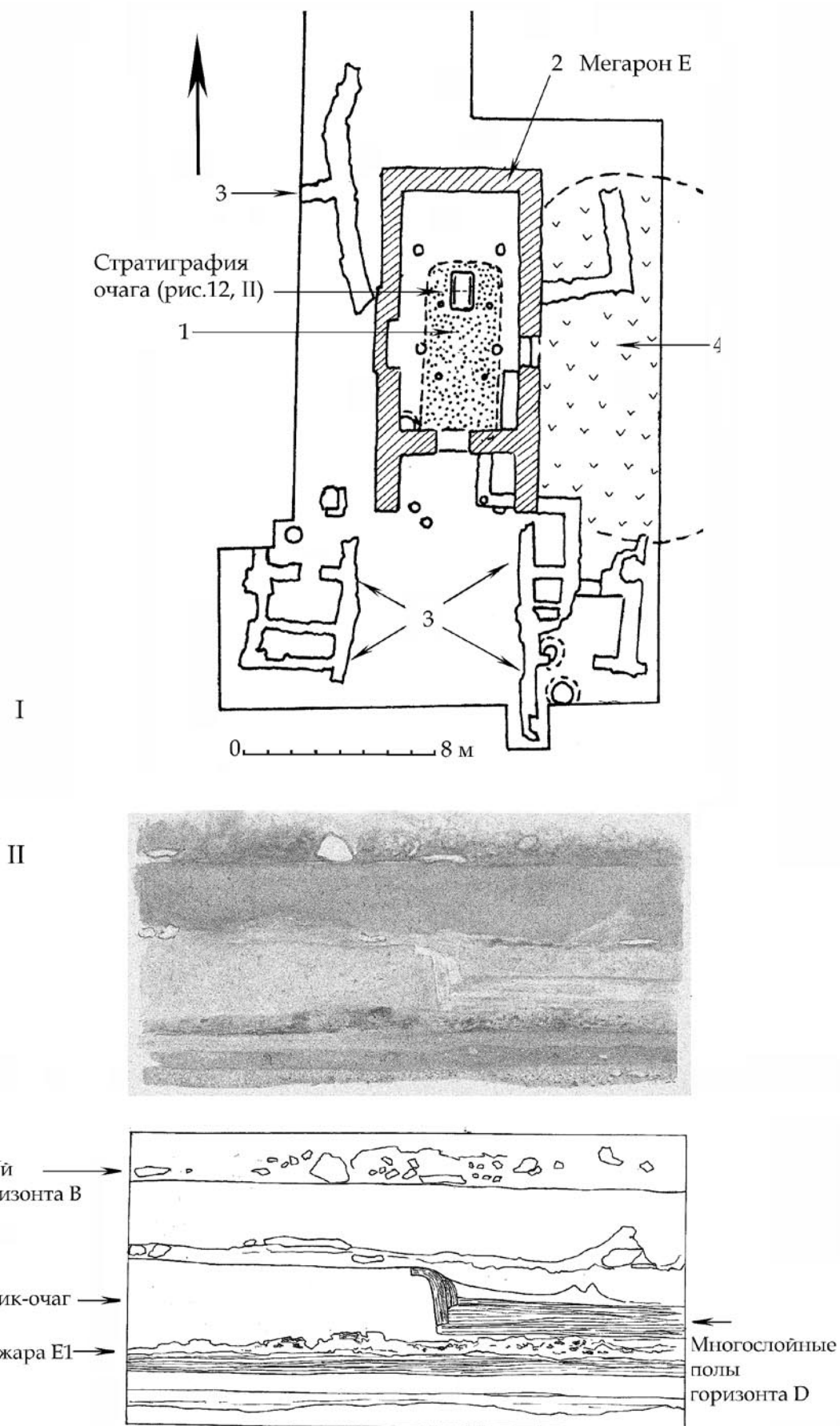

Рис. 12. I. План раскопа Е: 1 — постройка горизонта Е. 2 — мегарон Е. 3 — постройки горизонта С. 4 — зольник горизонта В. II. Стратиграфия участка мегарона Е.
Акварель 1958 г. и прорисовка акварели

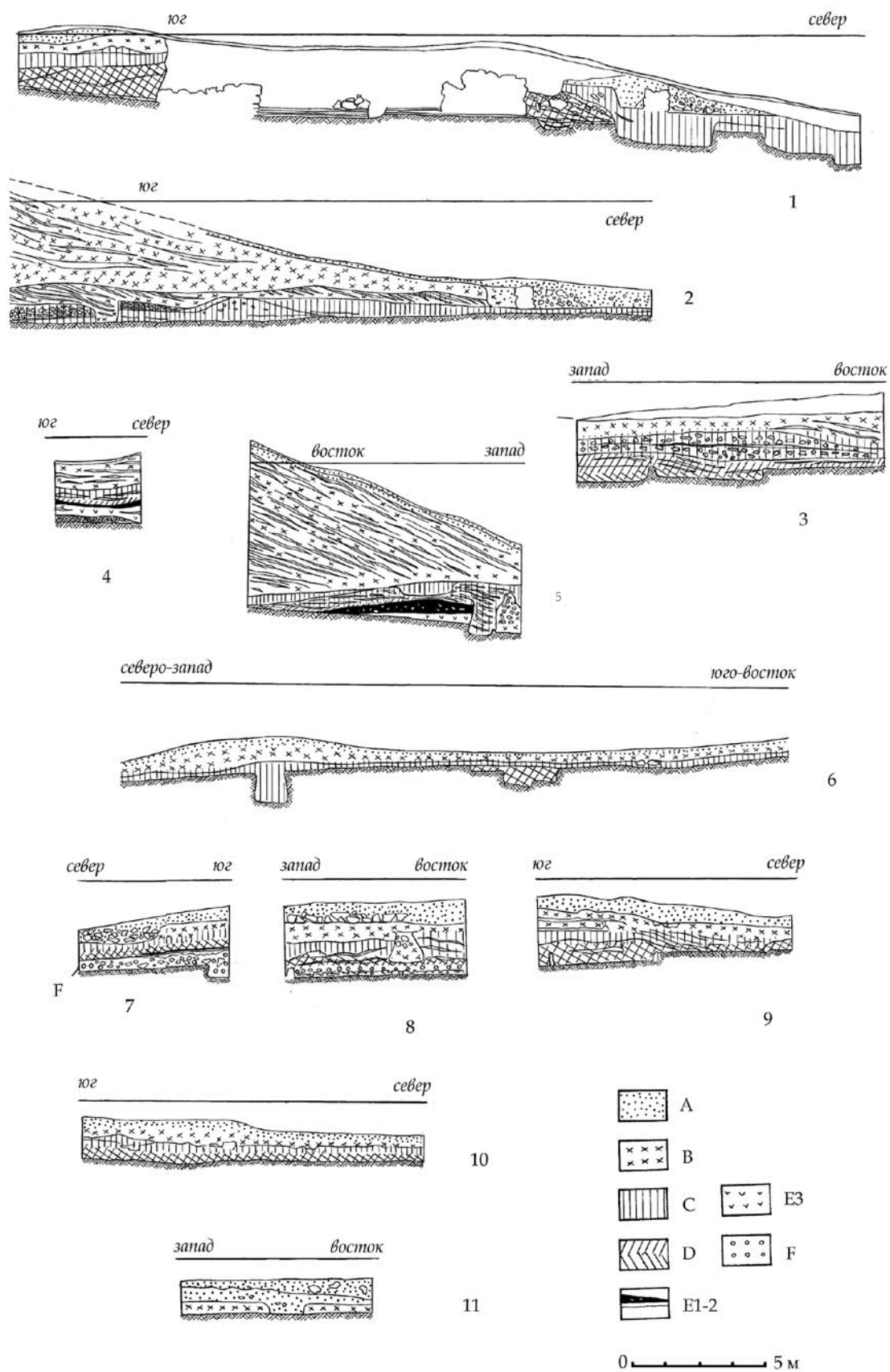

Рис. 13. Стратиграфии. 1 — раскоп 6. 2-5 — зольник № 3. 6 — западная часть раскопа О. 7 — разведочный раскоп 1993 г. 8 — северо-западная часть раскопа Д. 9-10 — раскоп Ж. 11 — раскоп 7. А-Ф — горизонты

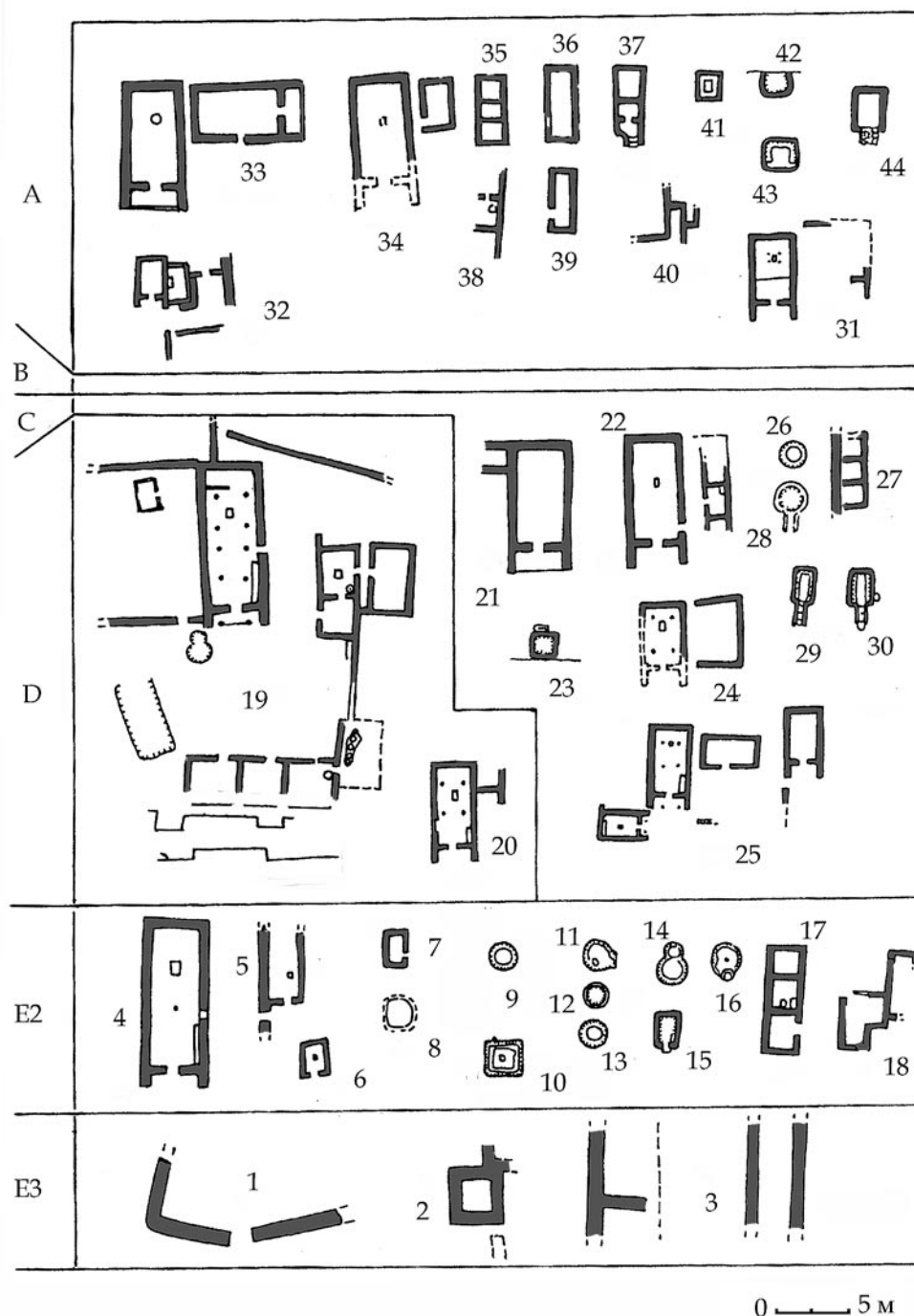

Рис. 14. Типы построек. 1- ограда на раскопе Д, 2 - башня в Северной траншее, 3 - остатки кладок в раскопе VIIб, 4 - мегарон Н, 5 - постройка к западу от мегарона Н, 6 - постройка к востоку от мегарона Н, 7 - постройка в раскопе VIIв, 8 - основание юрты в раскопе Ж, 9 - полуземлянка в Северной траншее, 10 - полуземлянка в раскопе Д, 11 - 14 - полуземлянки в раскопе А - Б - В, 15 - полуземлянка в раскопе VIIв, 16 - полуземлянка в раскопе VIIб, 17, 18 - наземные дома в раскопе Д, 19 - комплекс Южного дворца, 20 - мегарон Е, 21 - мегарон А, 22 - мегарон В, 23 - полуземлянка на раскопе Е, 24 - мегарон О, 25 - комплекс мегаронов З, К, Л, 26 - землянка на раскопе Д, 27 - наземная постройка на раскопе VIIб, 28 - полуземлянка на раскопе «Сектор 9», 29, 30 - полуземлянки под насыпью зольника № 3, 31 - мегарон И, 32 - комплекс мегарона Н, 33 - мегароны А и Б, 34 - Мегарон В, 35, 37, 40 - постройки на раскопе Д, 36, 38 - постройки на раскопе А-Б-В, 39 - постройка на раскопе «Сектор 9», 41 - полуземлянка на раскопе Д, 42 - полуземлянка на раскопе VI, 43 - полуземлянка на раскопе «Зольник № 3», 44 - полуземлянка на раскопе VIIв.

А-Е — горизонты.

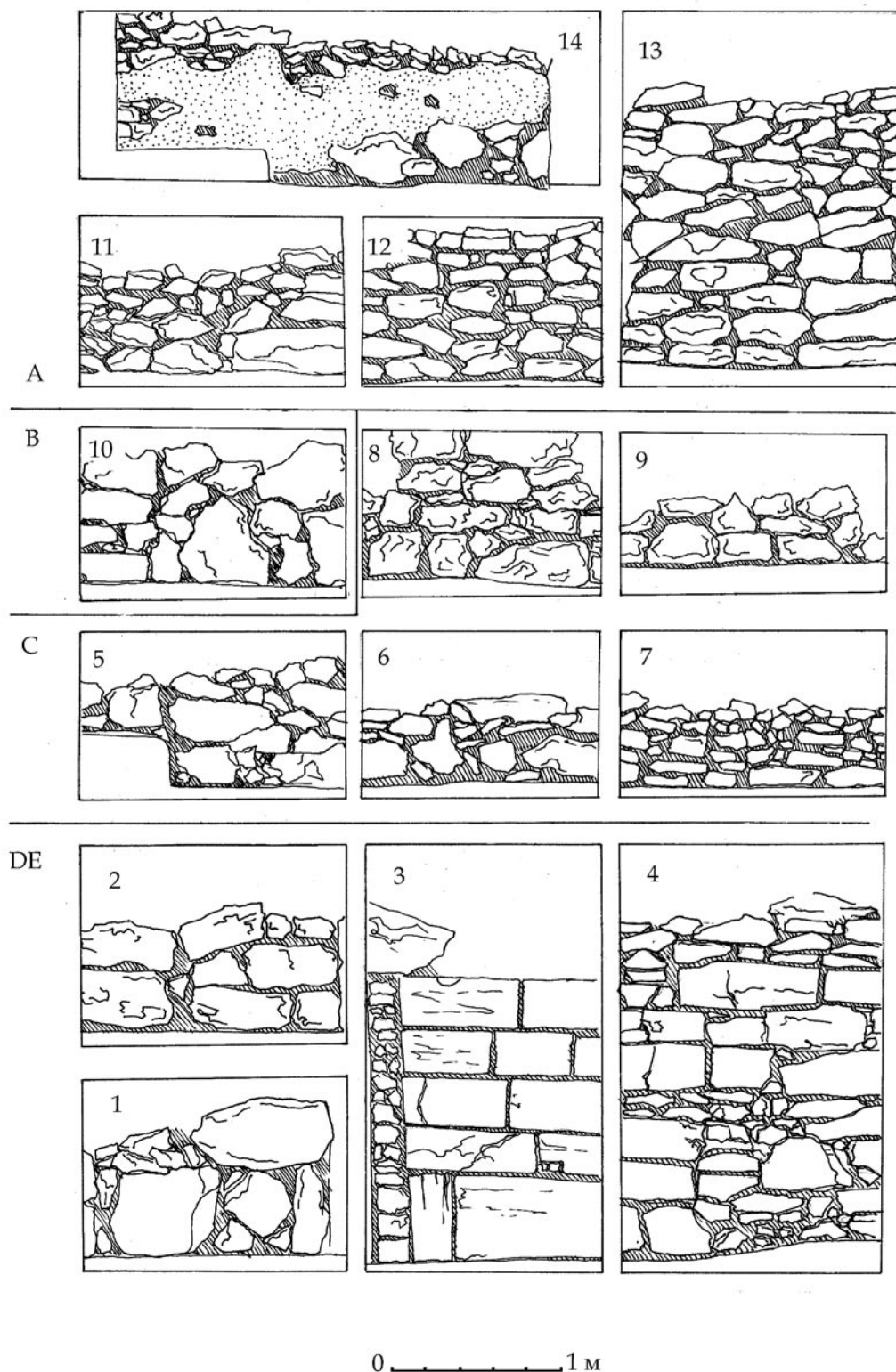

Рис. 15. Типы кладок. 1 — усадьба подгоризонта ЕЗ в раскопе 1. 2 — мегарон Н. 3 — лицевой фасад восточной стены Мавзолея Скикура. 4 — внутренний фасад Северной стены мавзолея Скикура. 5 — землянка № 2 горизонта С под зольником № 3. 6-7 — кладки горизонта С на раскопе 1. 8 — пристройка горизонта С к оборонительной стене на раскопе 6. 9 — Западная стена здания М горизонта С. 10 — подпорная стена зольника № 3 горизонта В. 11-12 — борта землянок горизонта А на раскопе 6. 13 — подпорная стена в яме 1 на раскопе 7а. 14 — землянка горизонта А в северо-восточной части зольника № 3. А-Е — горизонты

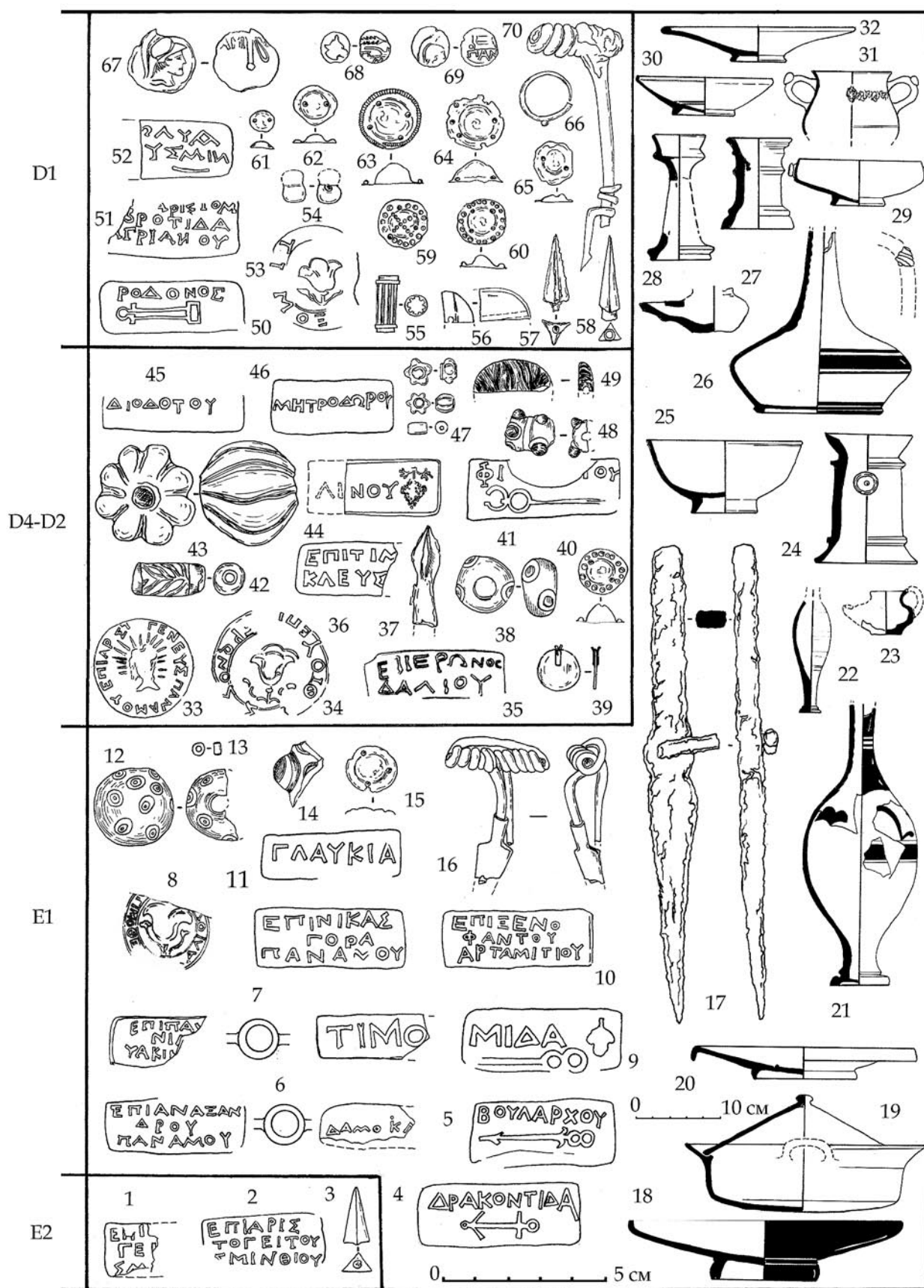

Рис. 16. Некоторые хроноиндикаторы горизонтов E-D раскопа А-Б-В

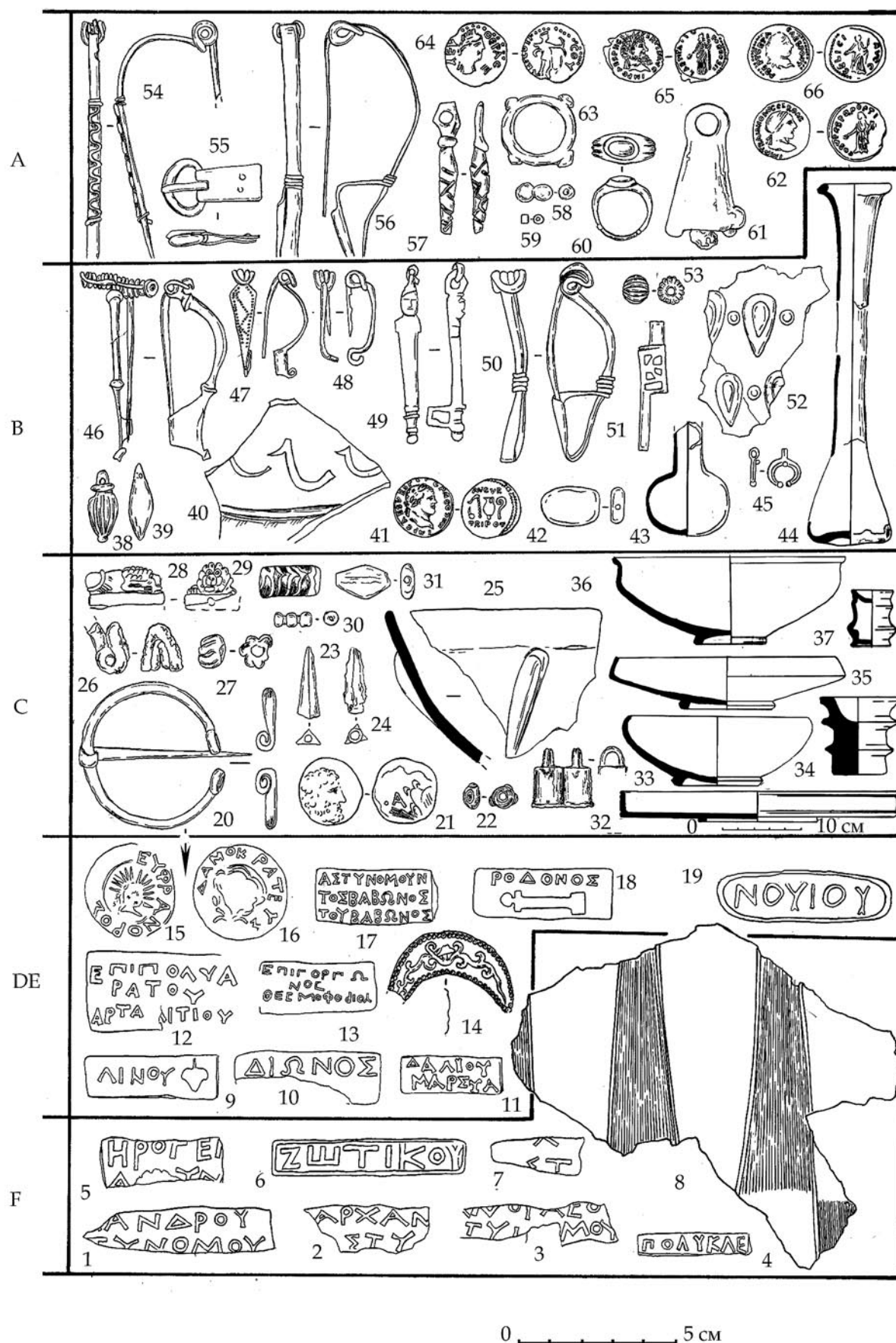

Рис. 17. Некоторые хроноиндикаторы горизонтов F-A из различных раскопов

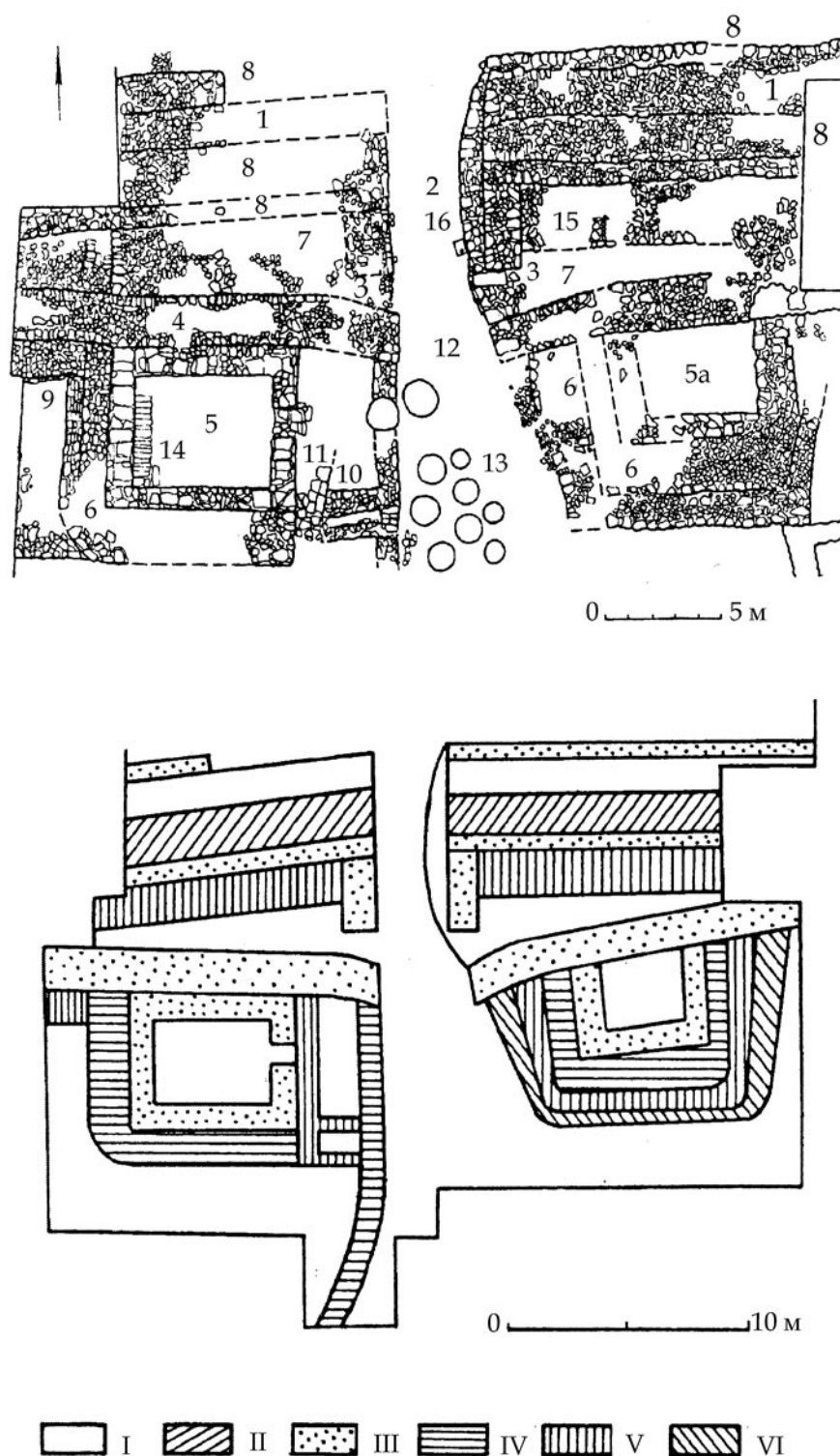

Рис. 18. Узел центральных ворот (по С. Г. Колтухову, 1999). 1 — стена первого строительного периода. 2 — воротный проем. 3 — пилоны (основание башни). 4 — протейхизма. 5 — мавзолей. 5а — восточная башня. 6 — противотаранные пояса башен. 7 — перибол. 8 — дополнительные пояса основной стены. 9 — дополнительный пояс протейхизмы. 10 — «дворик» перед входом в башню-мавзолей. 11 — стена, сооруженная после засыпки «дворика». 12 — воротный проем в протейхизме. 13 — хозяйственные ямы перед городскими воротами. 14 — лестница мавзолея. 15 — пояс, сооруженный в периболе. 16 — кладка, сузившая воротный проем и закрывшая восточный вход в перибол. I-VI — строительные периоды

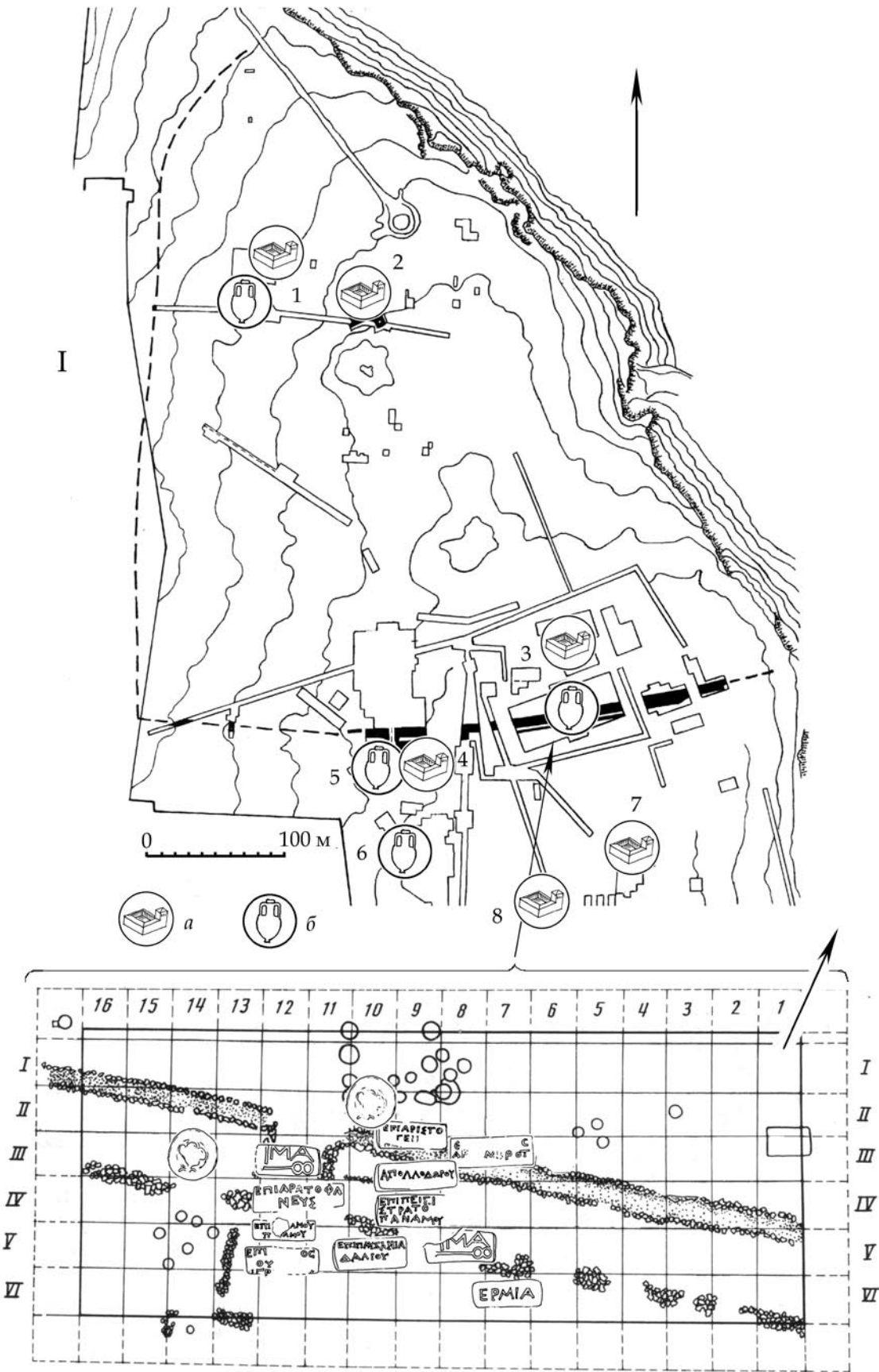

Рис. 19. I – план городища с обозначением предполагаемых объектов подгоризонта ЕЗ. а – усадьбы. б – зольники. II – план раскопа 1926 г. с обозначением участка оборонительной стены и мест находок родосских клейм

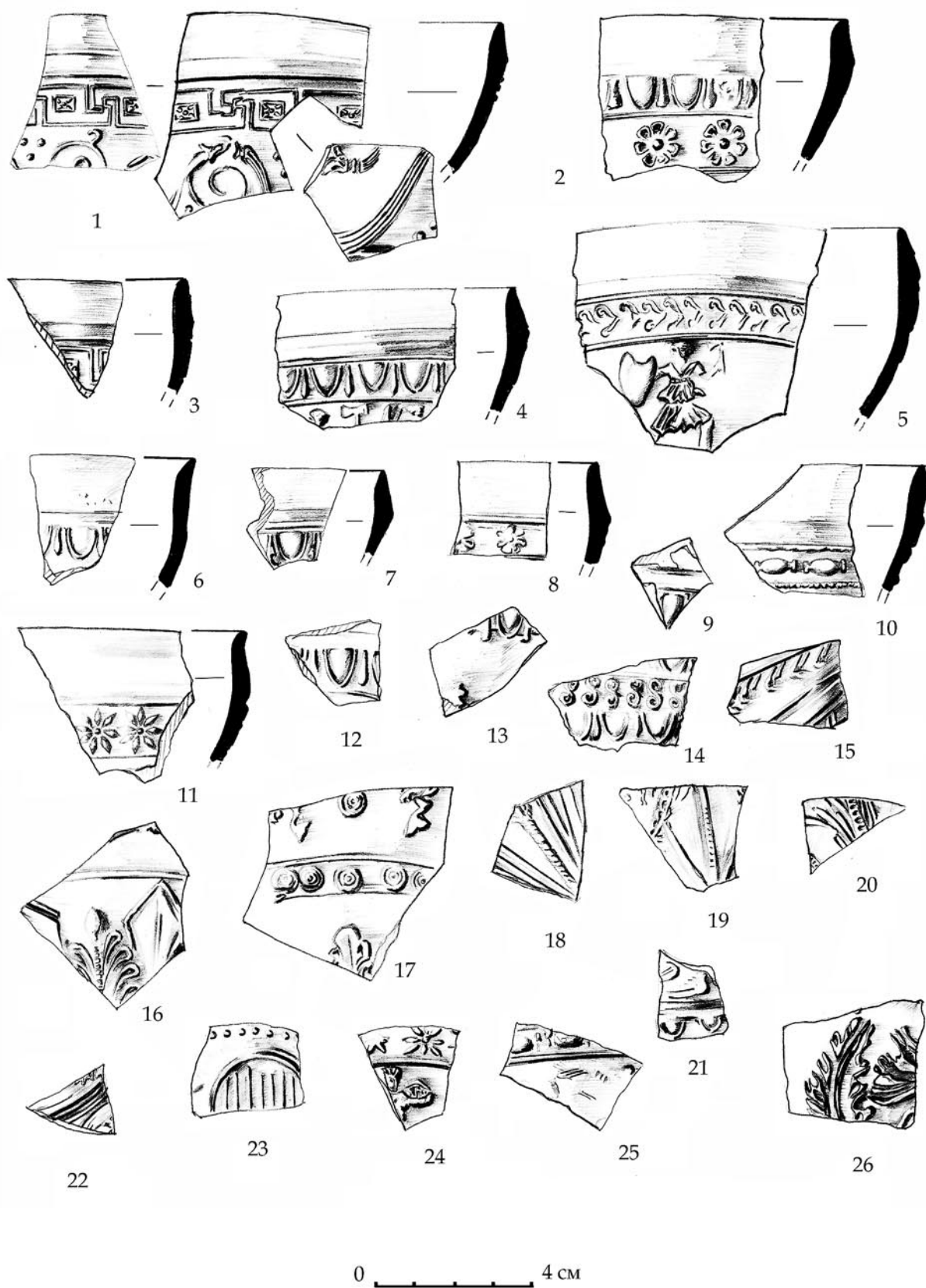

Рис. 20. Фрагменты мегарских чаш из пригородного зольника подгоризонтов Е3-Е2. Раскопки 1988 г.

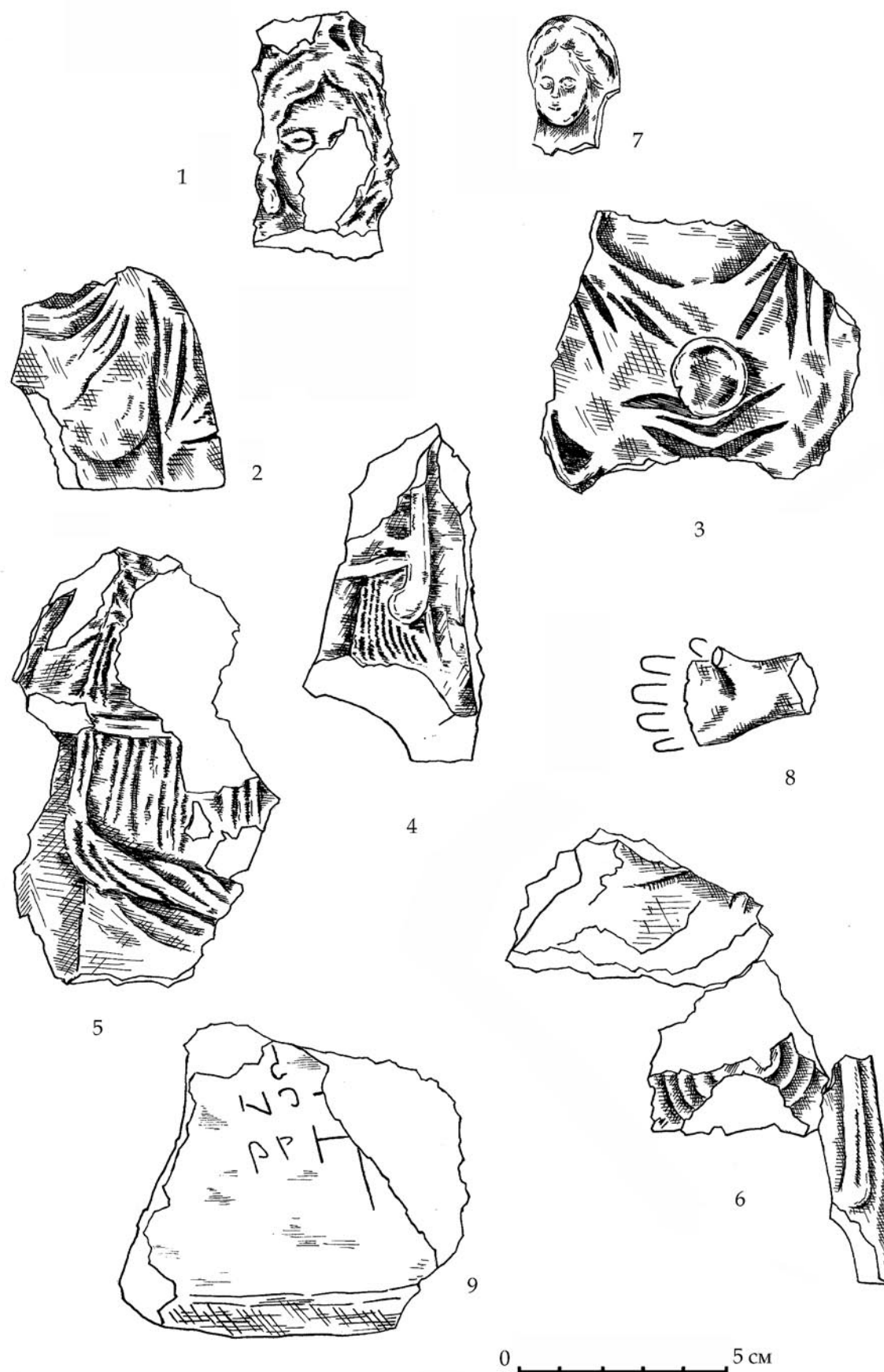

Рис. 21. Фрагменты терракот из пригородного зольника подгоризонтов Е3-Е2 (1-6) и подгоризонта Е1 (7-8). Фрагмент красной штукатурки с граффити из слоя пожара 1 (9)

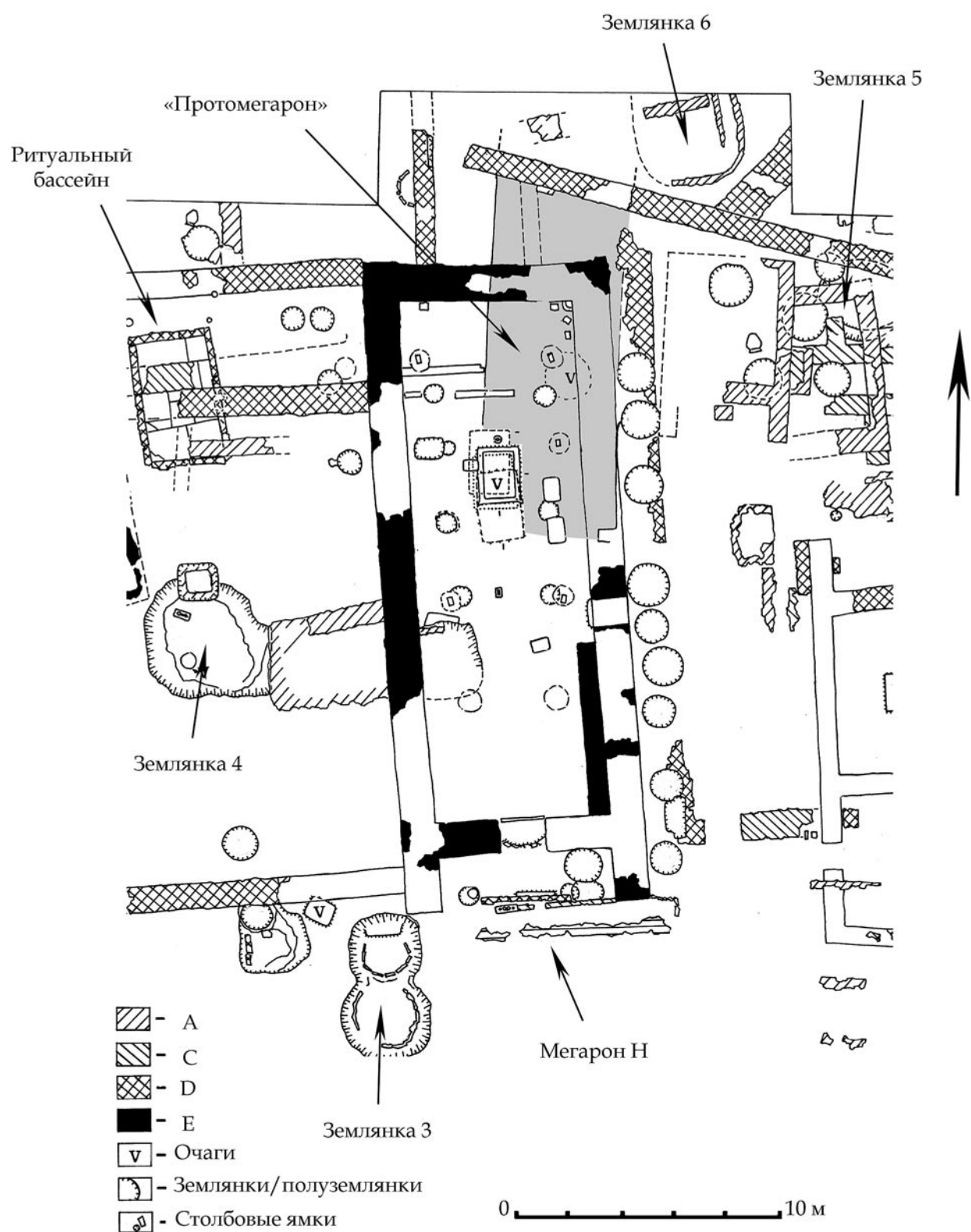

Рис. 22. План участка раскопа А-Б-В: мегарон Н. А-Е — горизонты

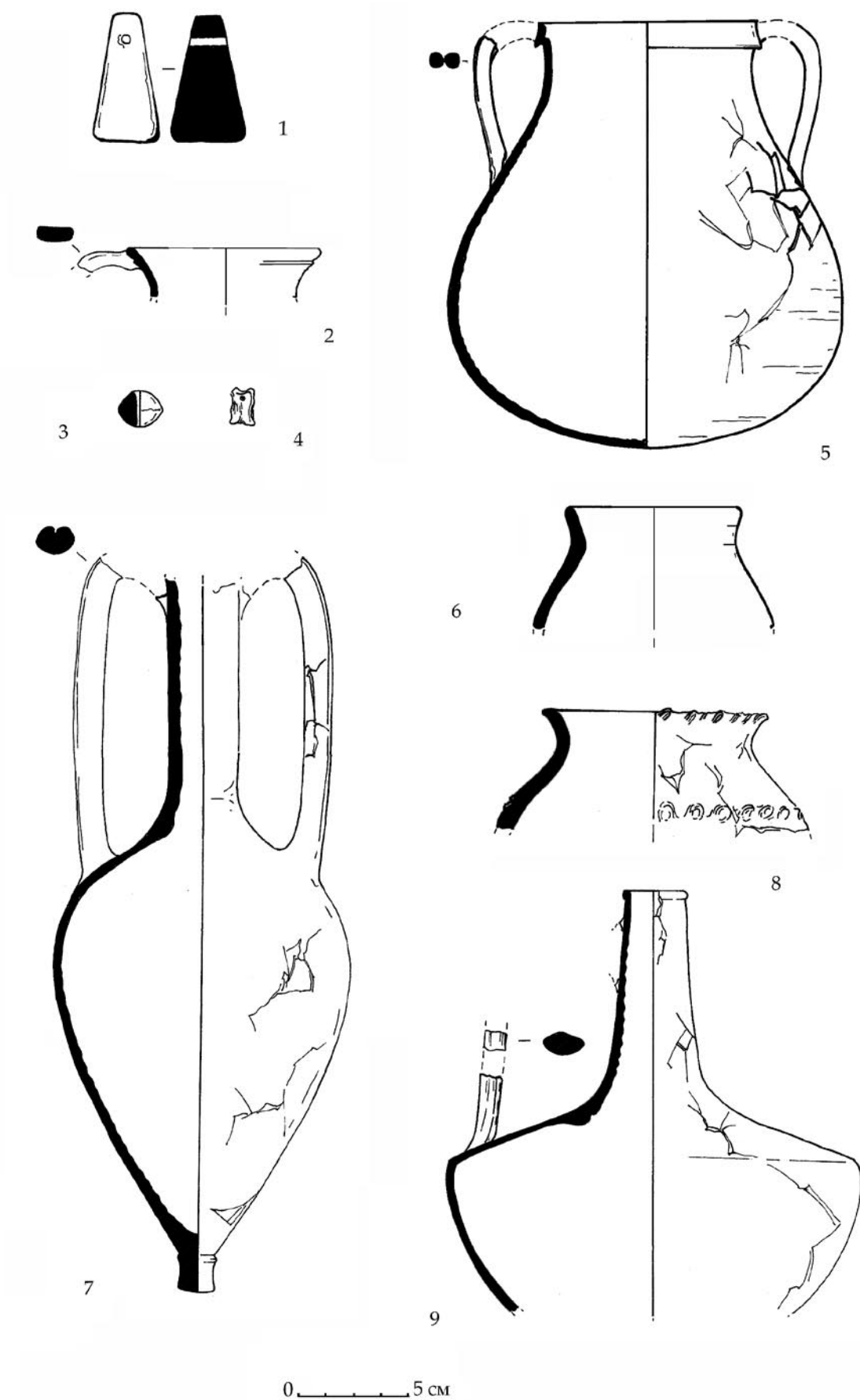

Рис. 23. Закрытый комплекс подгоризонта Е1 из постройки к востоку от мегарона Н. 1 — лепное грузило. 2 — венчик гончарного кувшина. 3 — лепное пряслице. 4 — просверленный астрагал. 5 — гончарный кухонный горшок. 6 — венчик гончарного горшка. 7 — родосская амфора. 8 — верхняя часть лепного горшка. 9 — лягинос

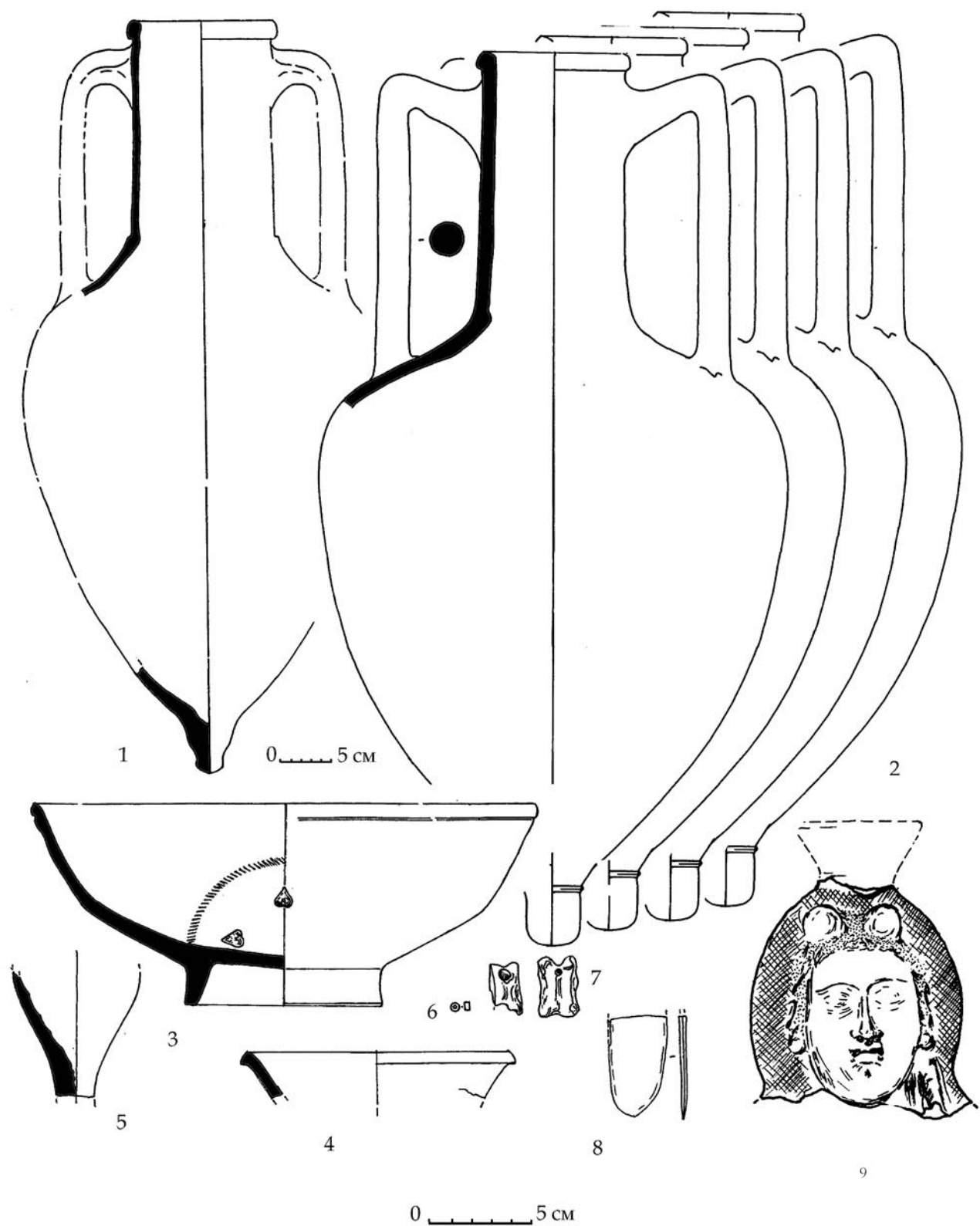

Рис. 24. Закрытый комплекс подгоризонта E1. Локальное скопление к западу от мегарона Н.
 1 — амфора неизвестного производственного центра. 2 — родосские амфоры. 3, 4 — чернолаковые чашки. 5 — нижняя часть унгентария. 6 — бусина из египетского фаянса. 7 — астрагалы. 8 — бронзовая пластинка. 9 — фрагмент фигурного фимиатерия в виде полуфигуры Деметры

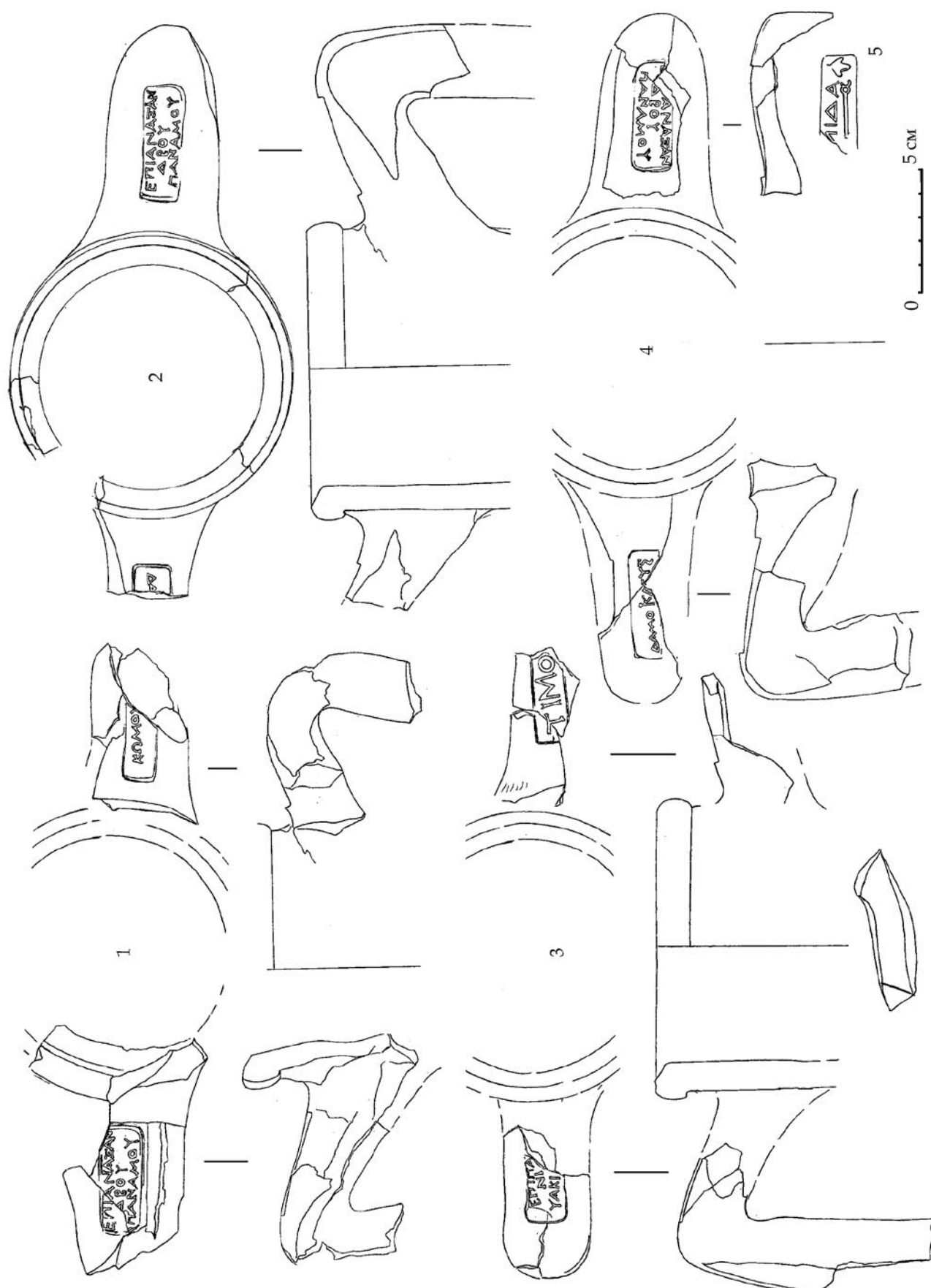

Рис. 25. Закрытый комплекс подгоризонта Е1. Локальное скопление к западу от мегарона Н.
Горловины родосских амфор с клеймеными ручками

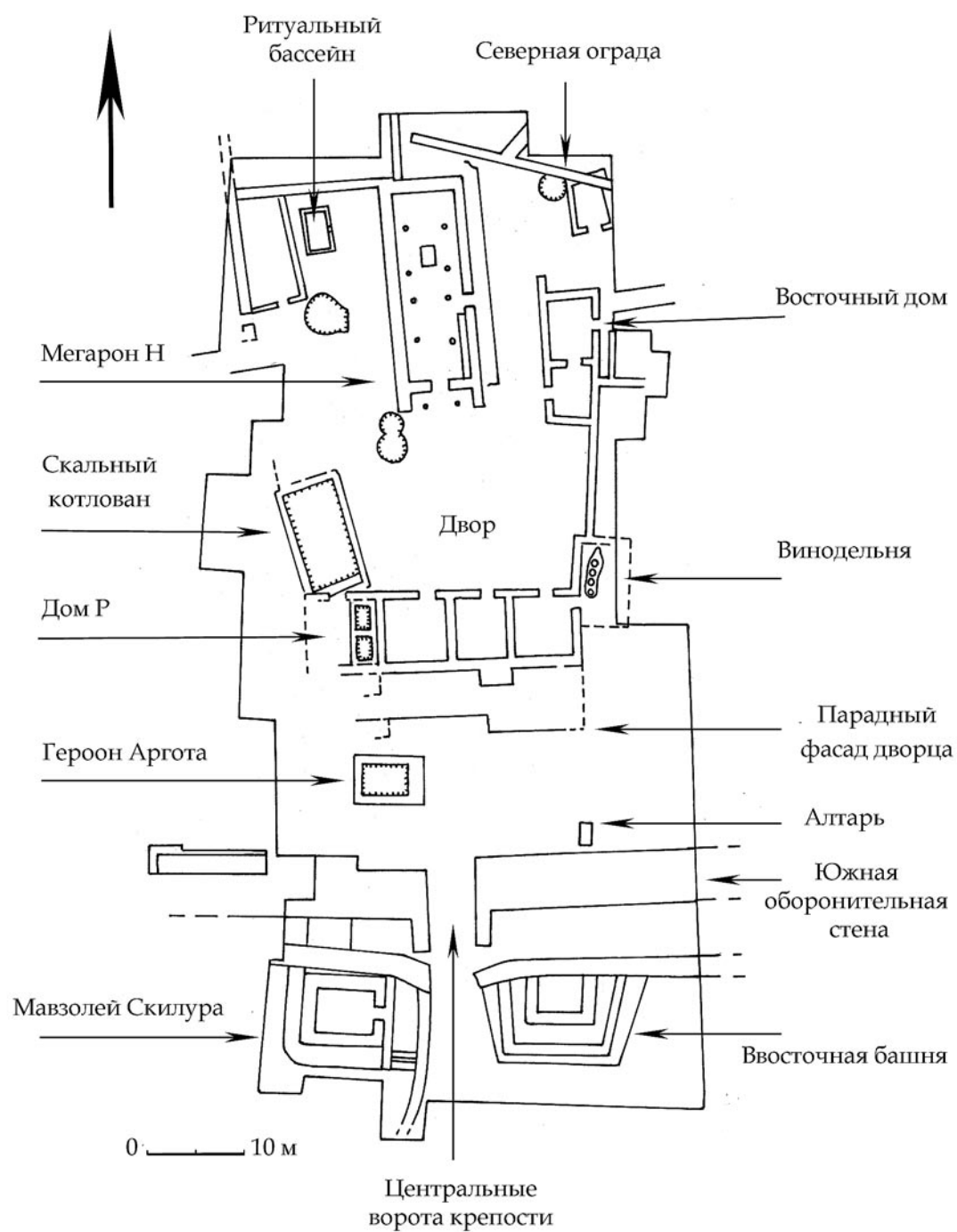

Рис. 26. План-схема Южного дворца

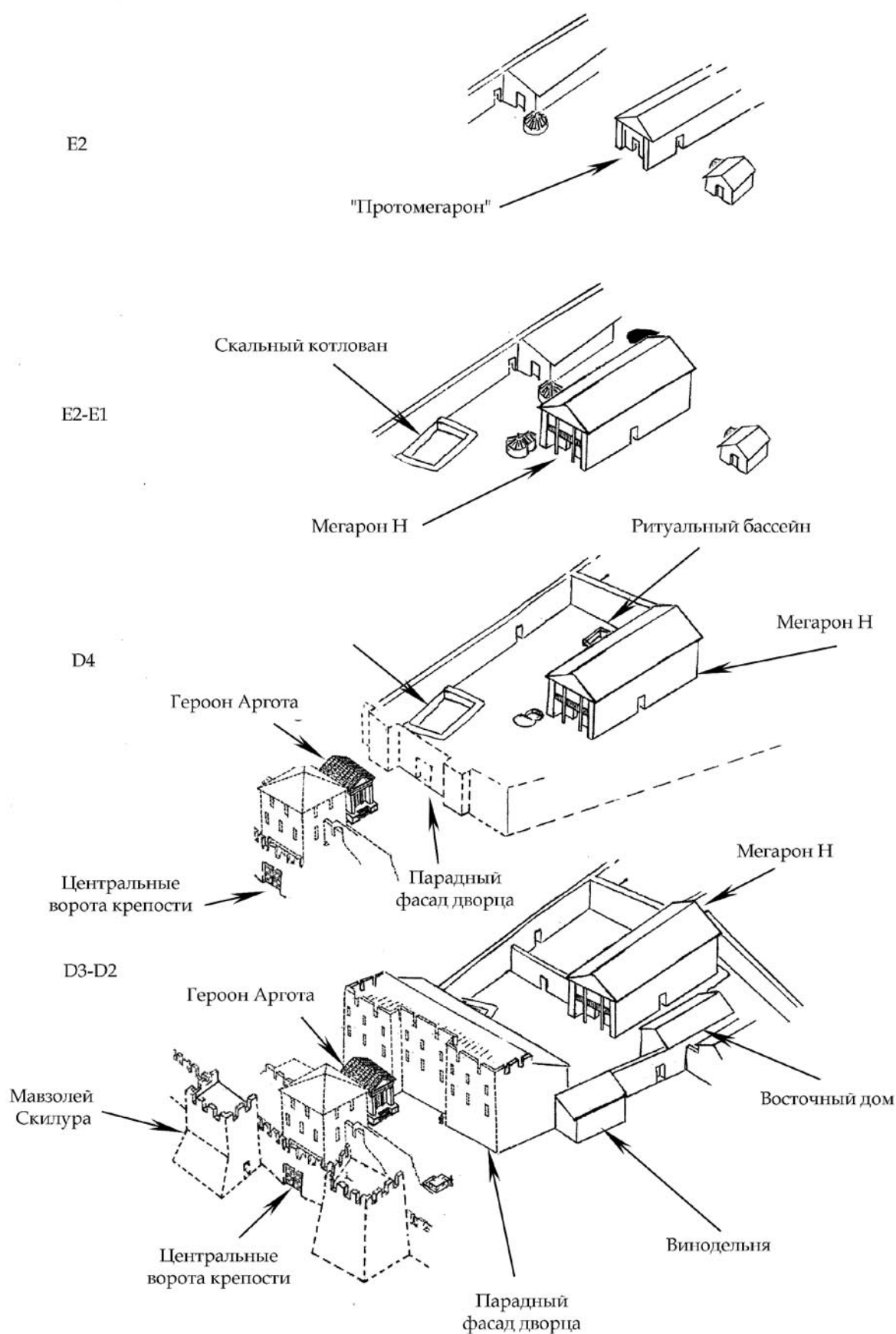

Рис. 27. Варианты реконструкции Южного дворца по периодам. D-E — горизонты

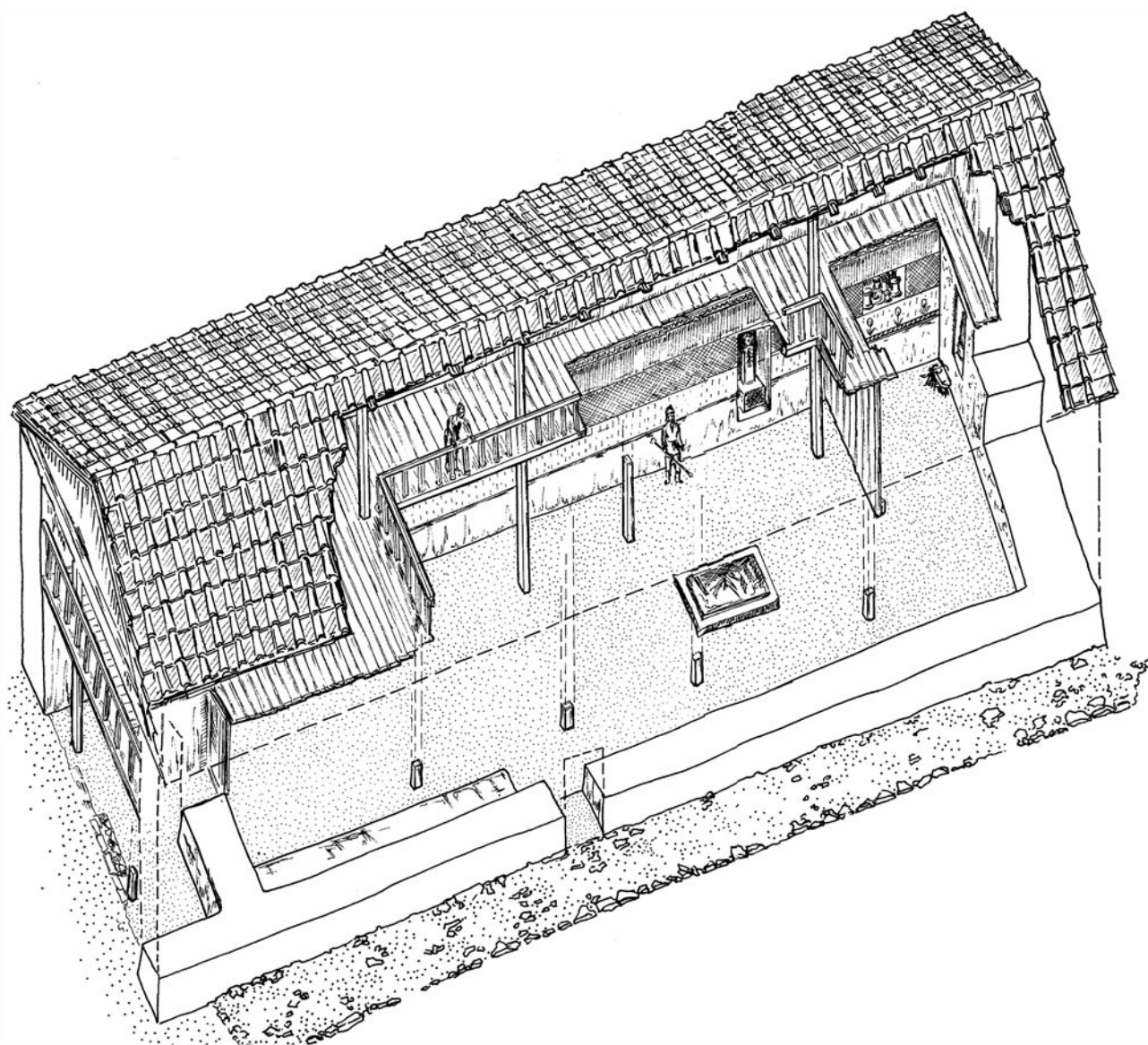

Рис. 28. Вариант реконструкции мегарона Н Южного дворца

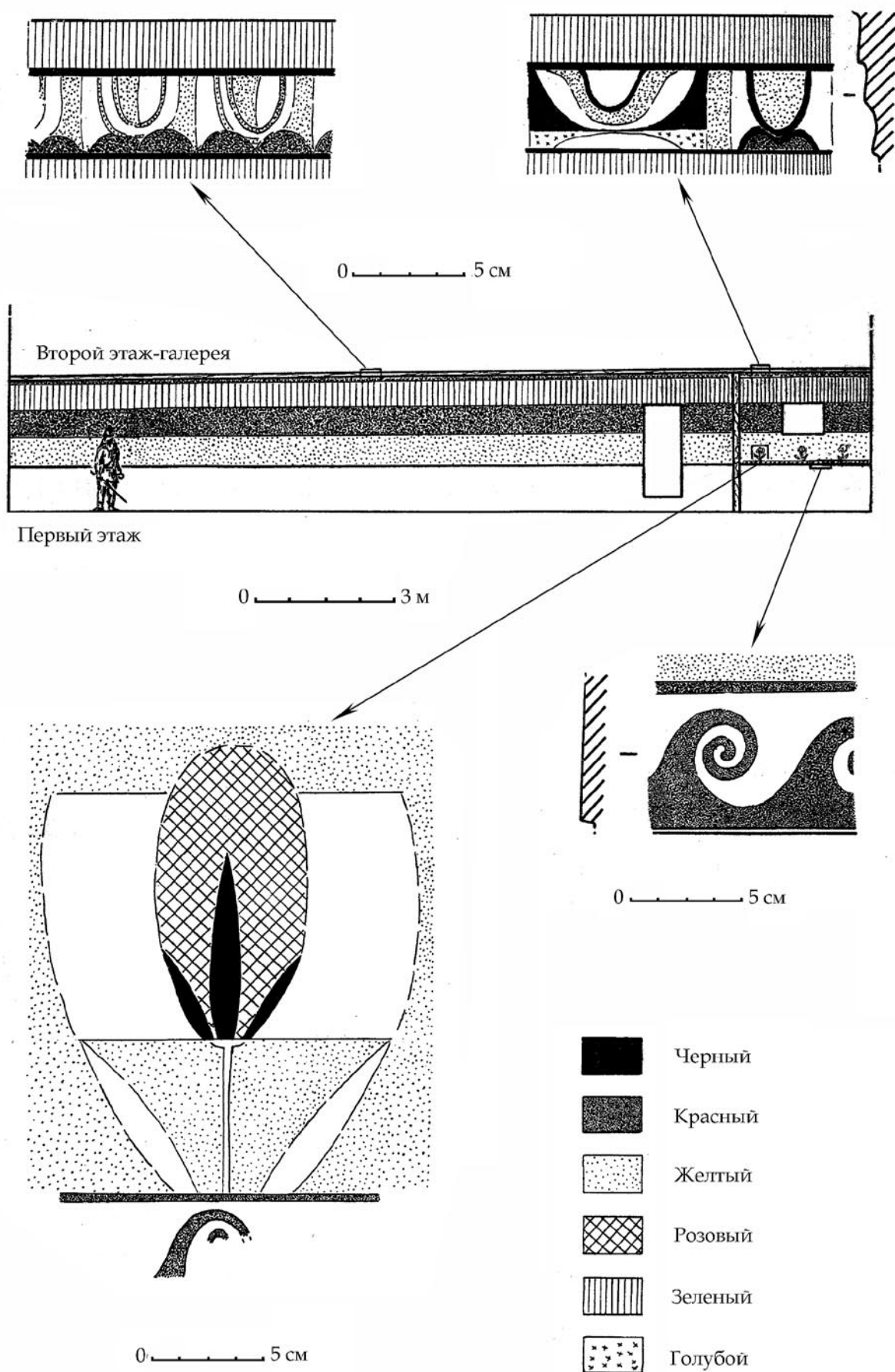

Рис. 29. Реконструкция фресковой росписи западной стены мегарона Н Южного дворца

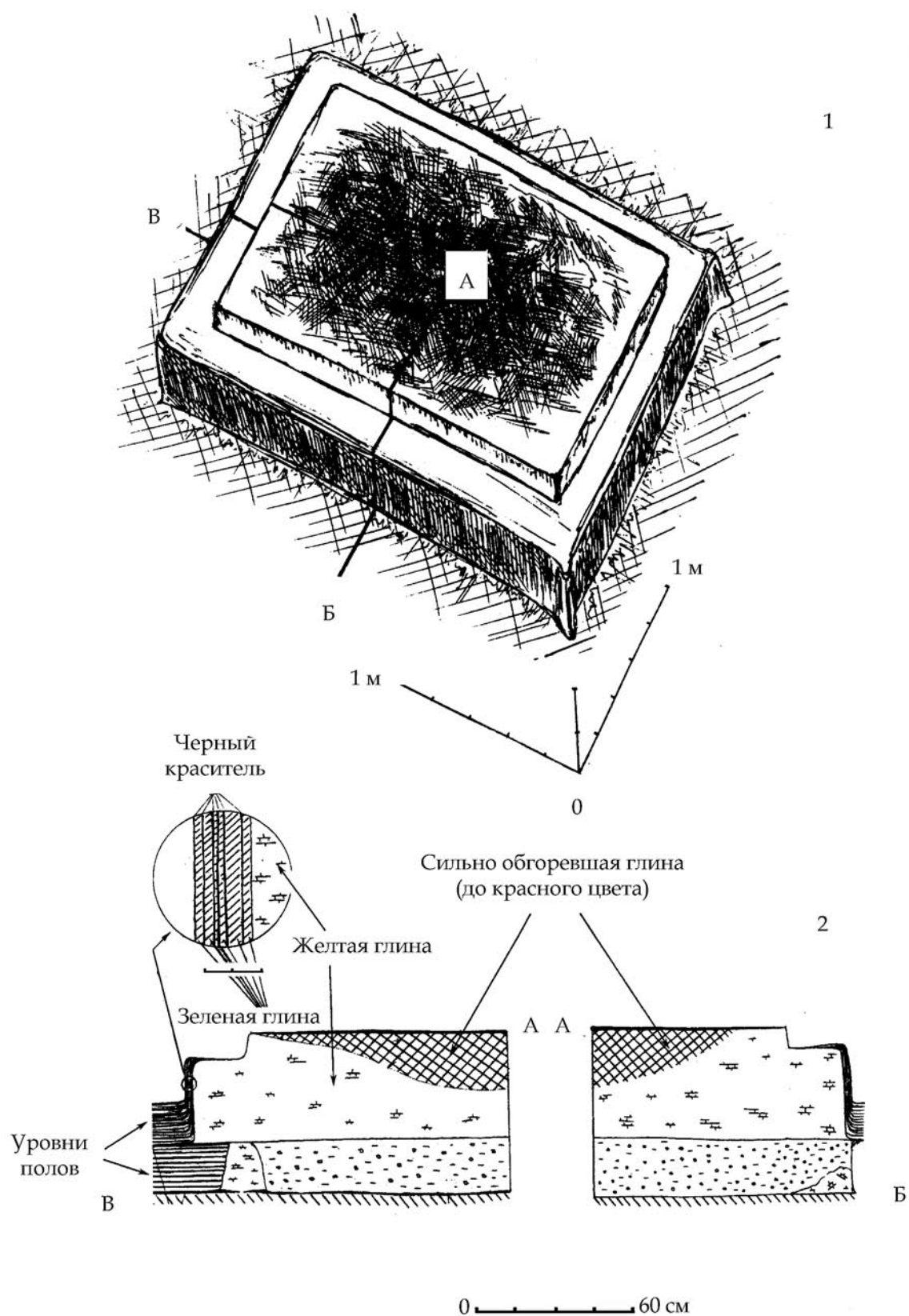

Рис. 30. Глиняный столик-очаг мегарона Н Южного дворца. Аксонометрия и разрезы

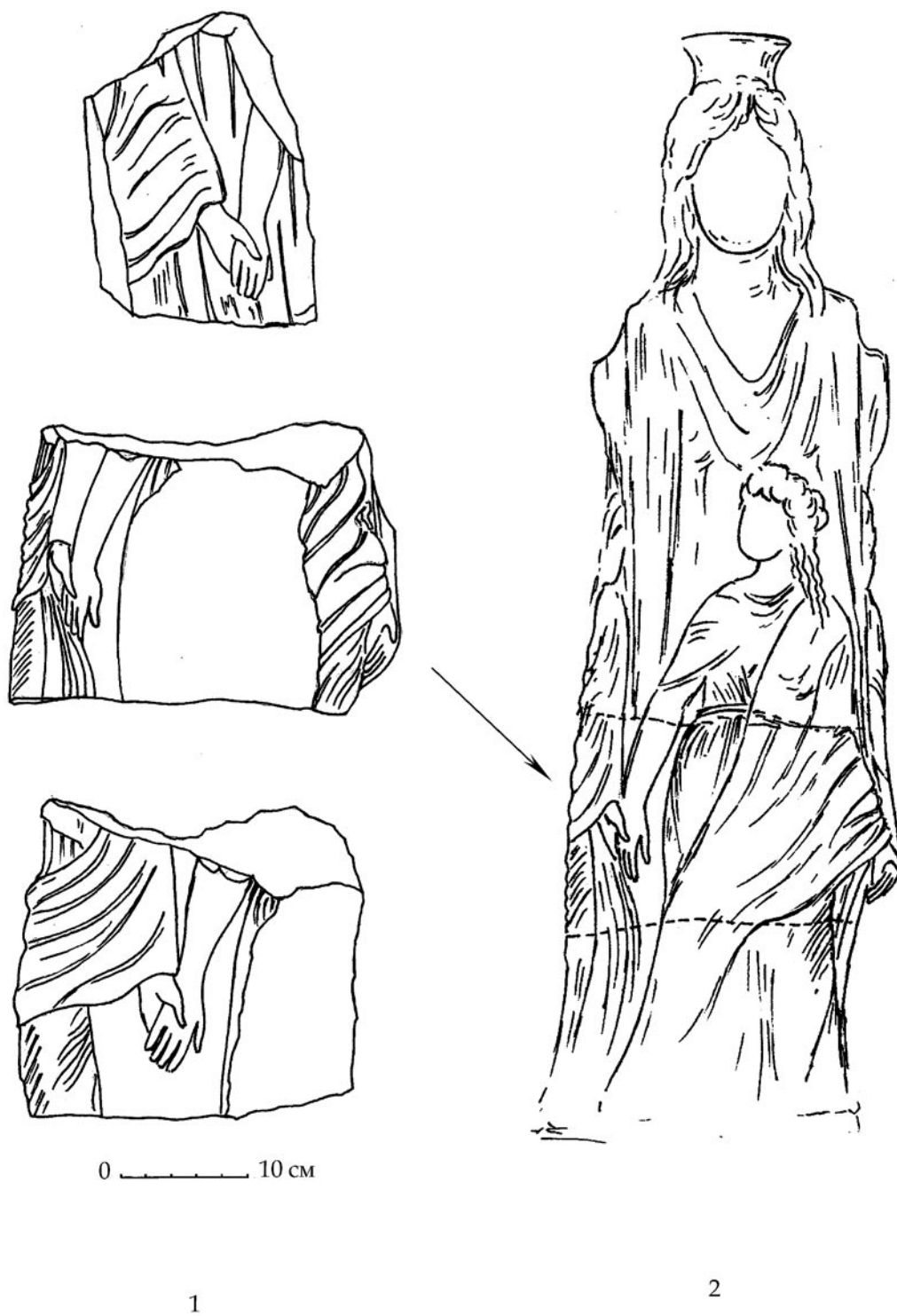
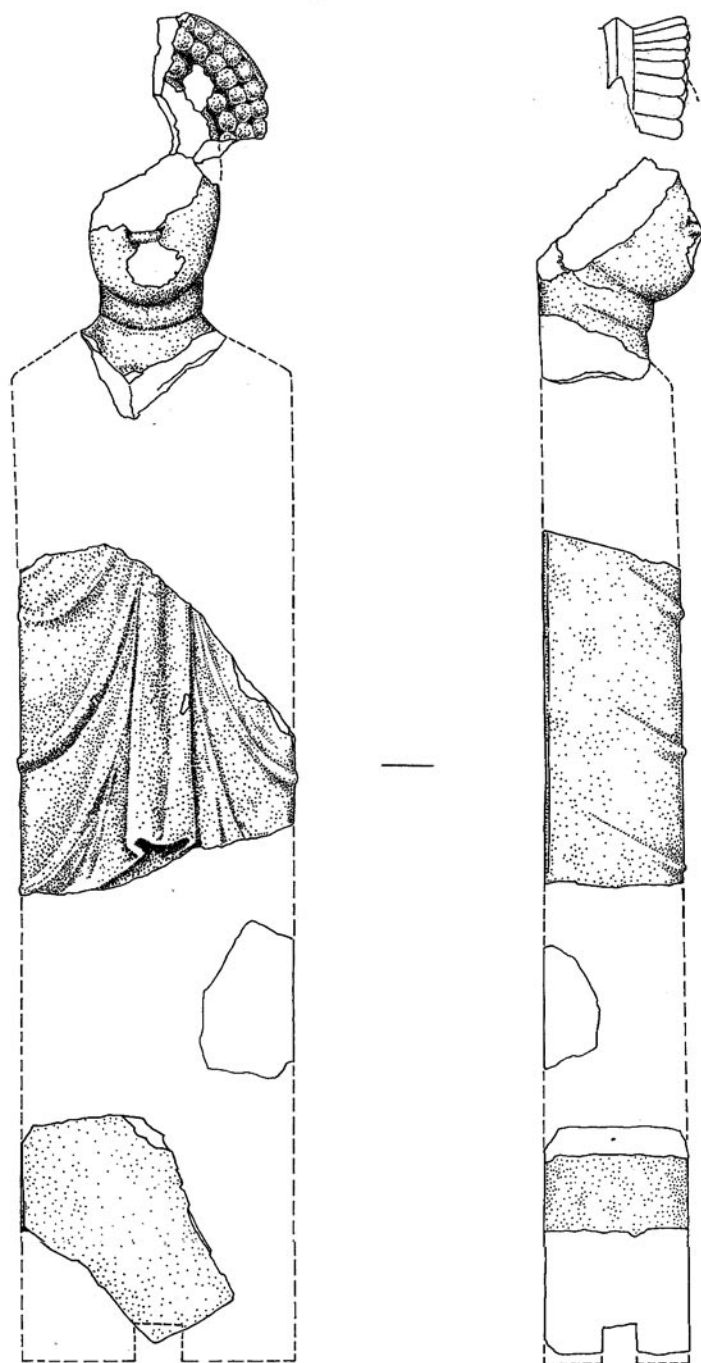
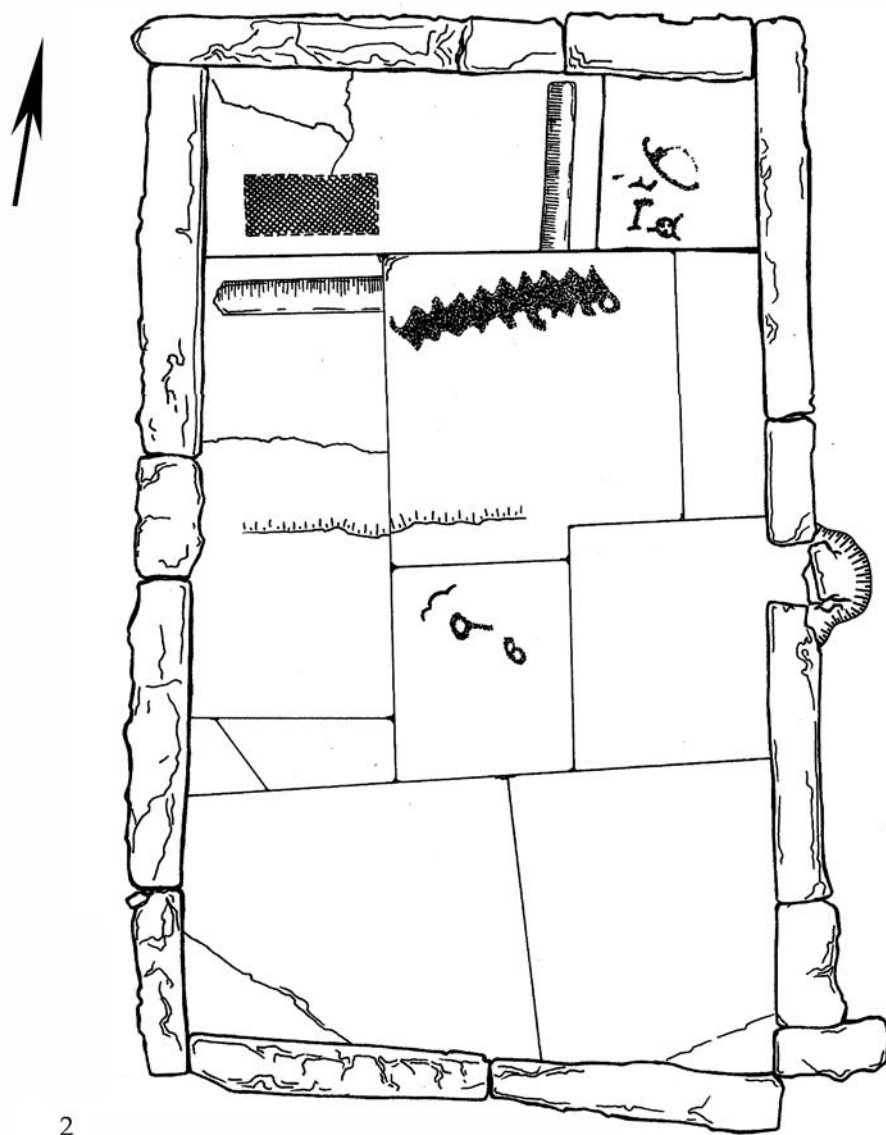
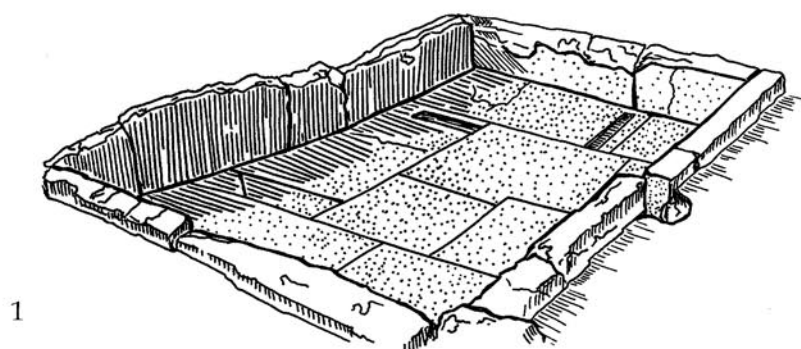

Рис. 31. Фрагмент мраморной призматической гермы Гекаты (1) и вариант ее реконструкции (2).
Мегарон Н Южного дворца

0 — 8 см

Рис. 32. Известняковая герма женского божества из мегарона Н Южного дворца

0 ————— 1 м

Рис. 33. Ритуальный бассейн подгоризонта D4 Южного дворца

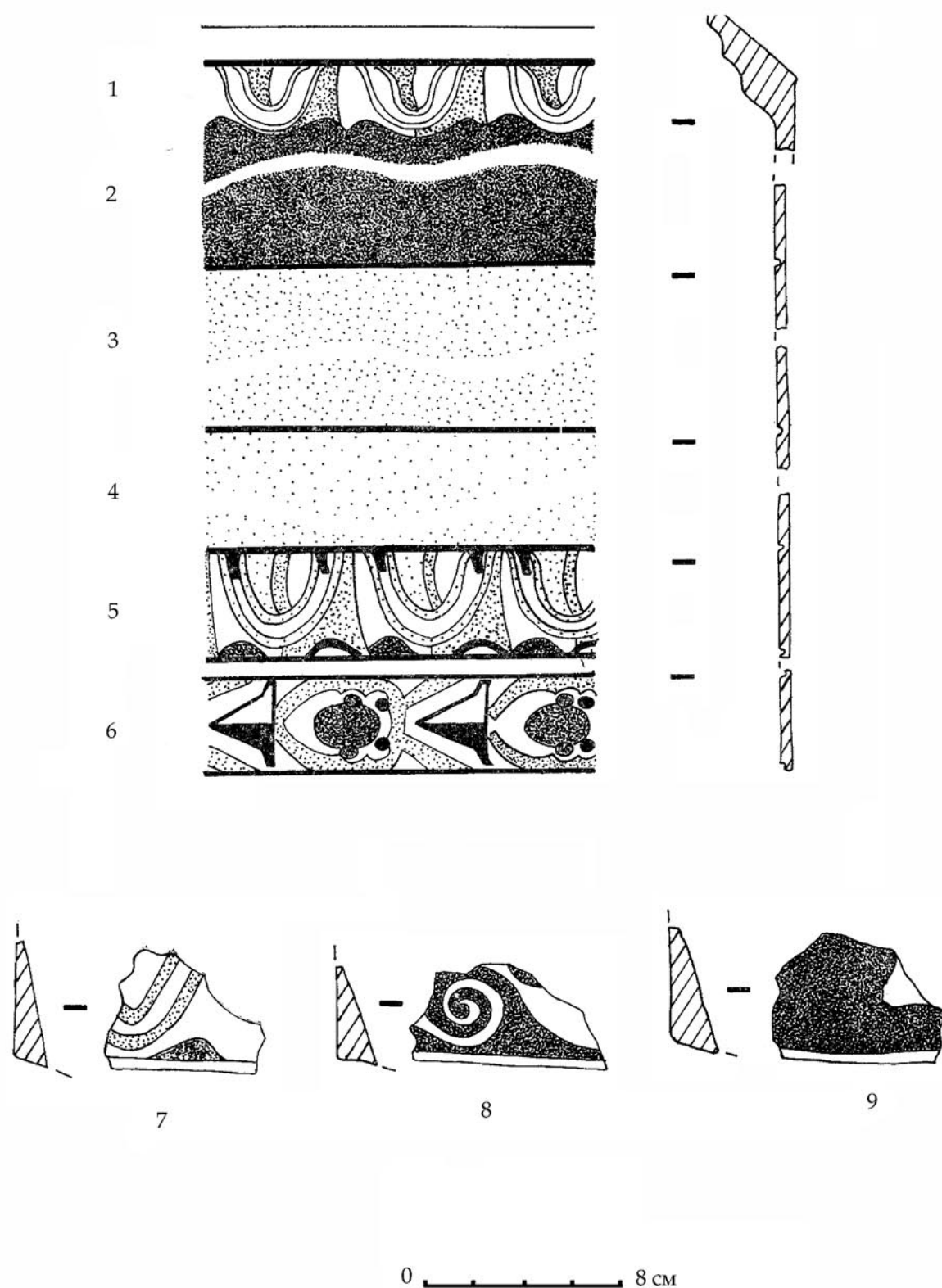

Рис. 34. Реконструкция фресковой росписи восточного помещения второго этажа «Дома Р» Южного дворца

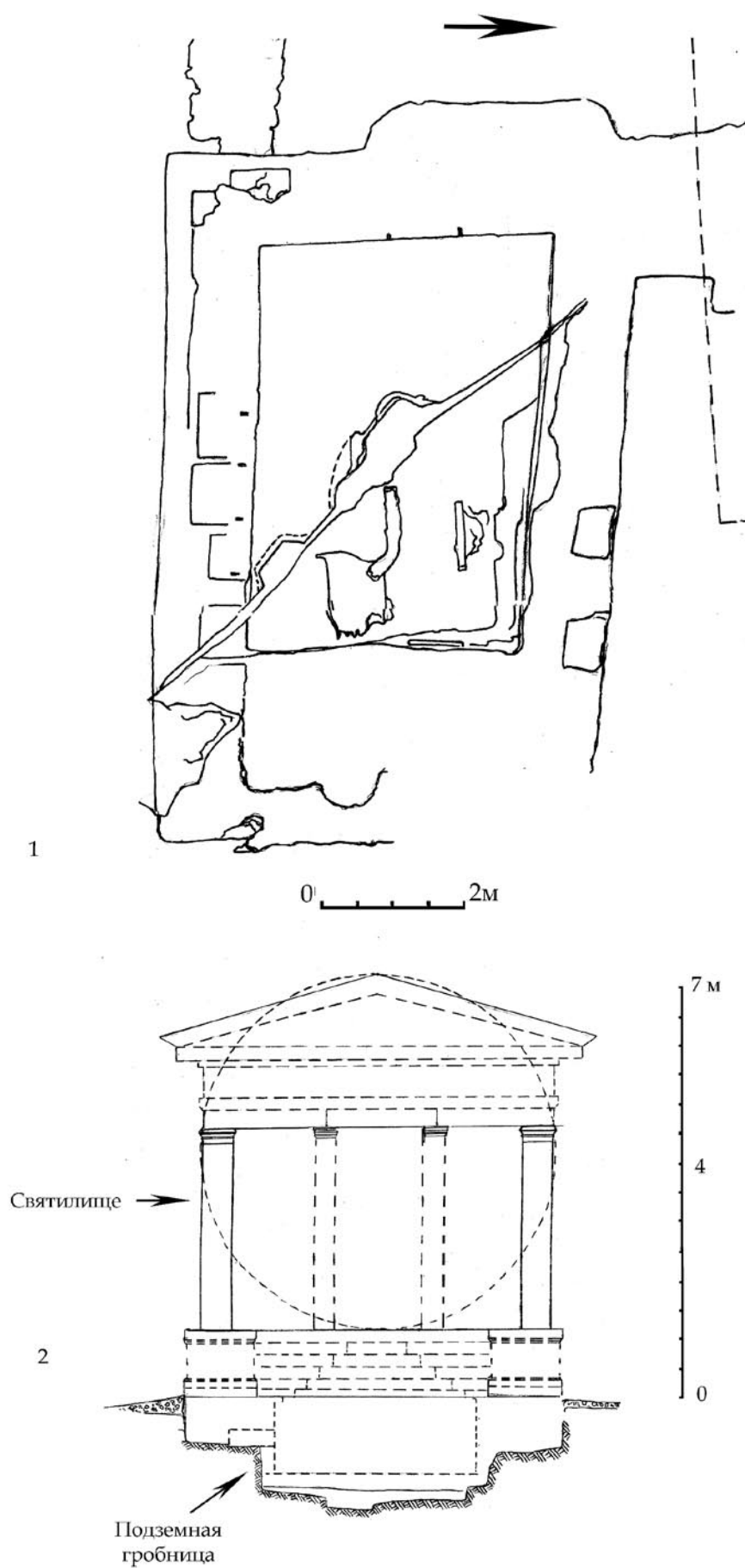

Рис. 35. 1. План котлована — остатки мавзолея-героона Аргота. 2. Вариант реконструкции восточного фасада героона Аргота

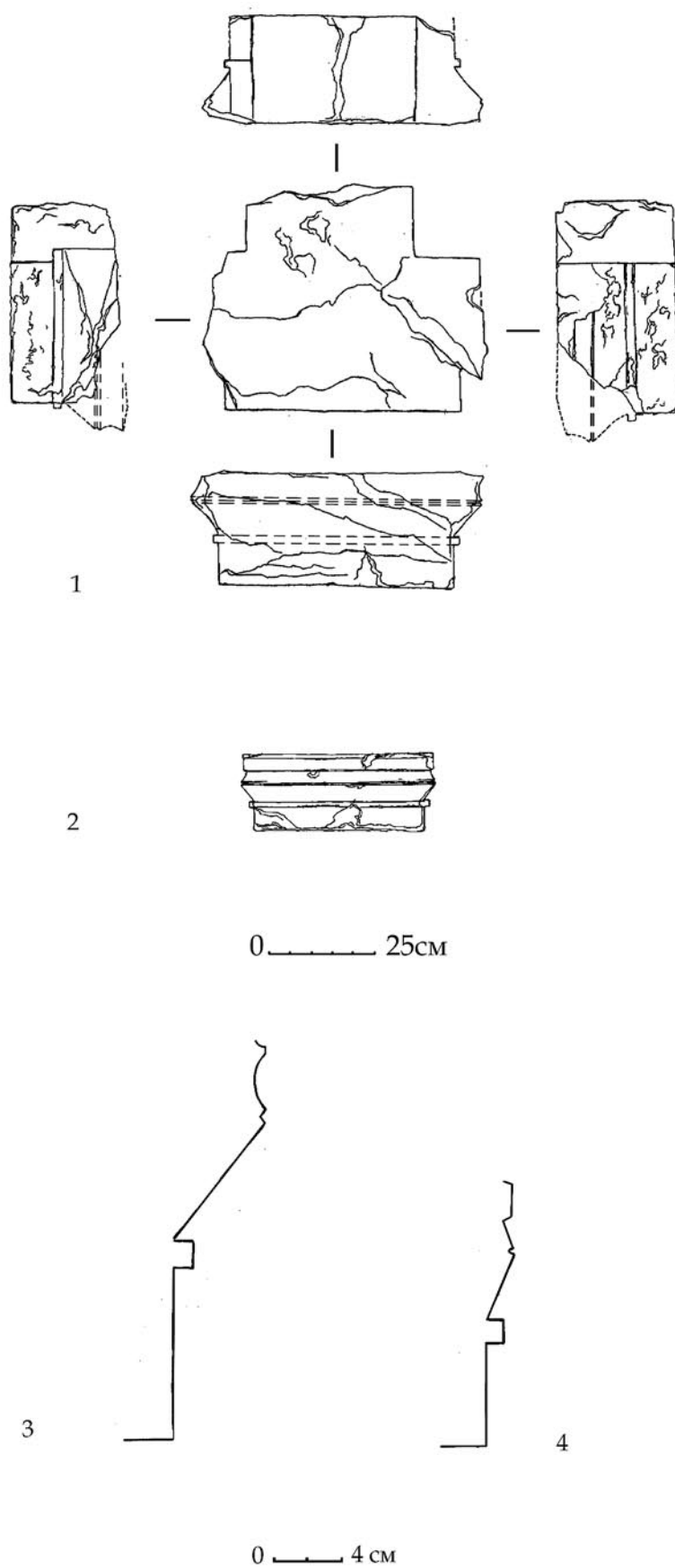

Рис. 36. Капители героона Аргота. 1, 3 — Пилястровая капитель. 2, 4 — Антовая капитель

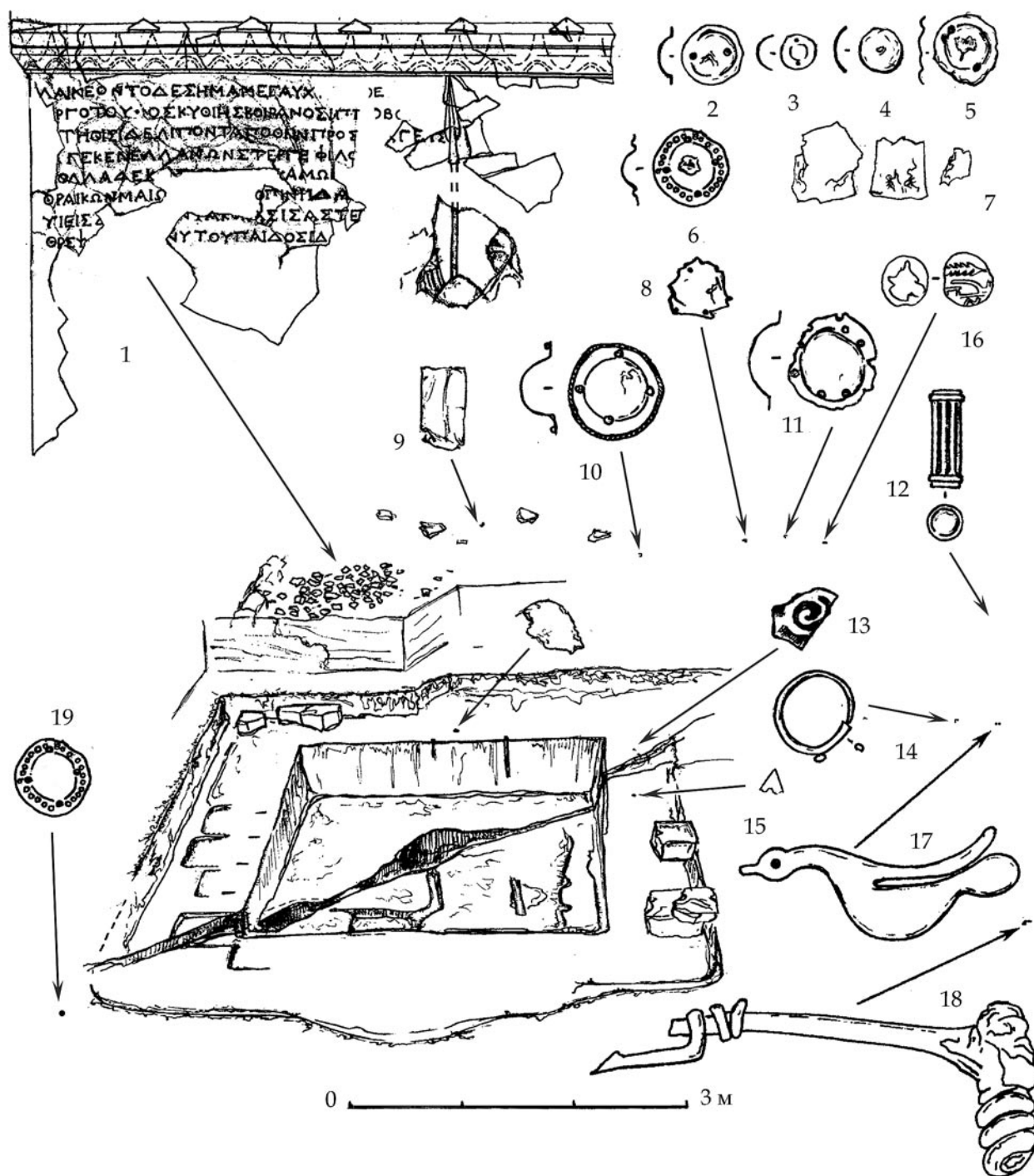

Рис. 37. Расположение находок вокруг скального котлована. 1 — фрагменты плиты с надписью и рельефом, 2-15 — золотые предметы, 16 — бронзовая монета, 17 — костяная пластинка, 18 — бронзовая фибула

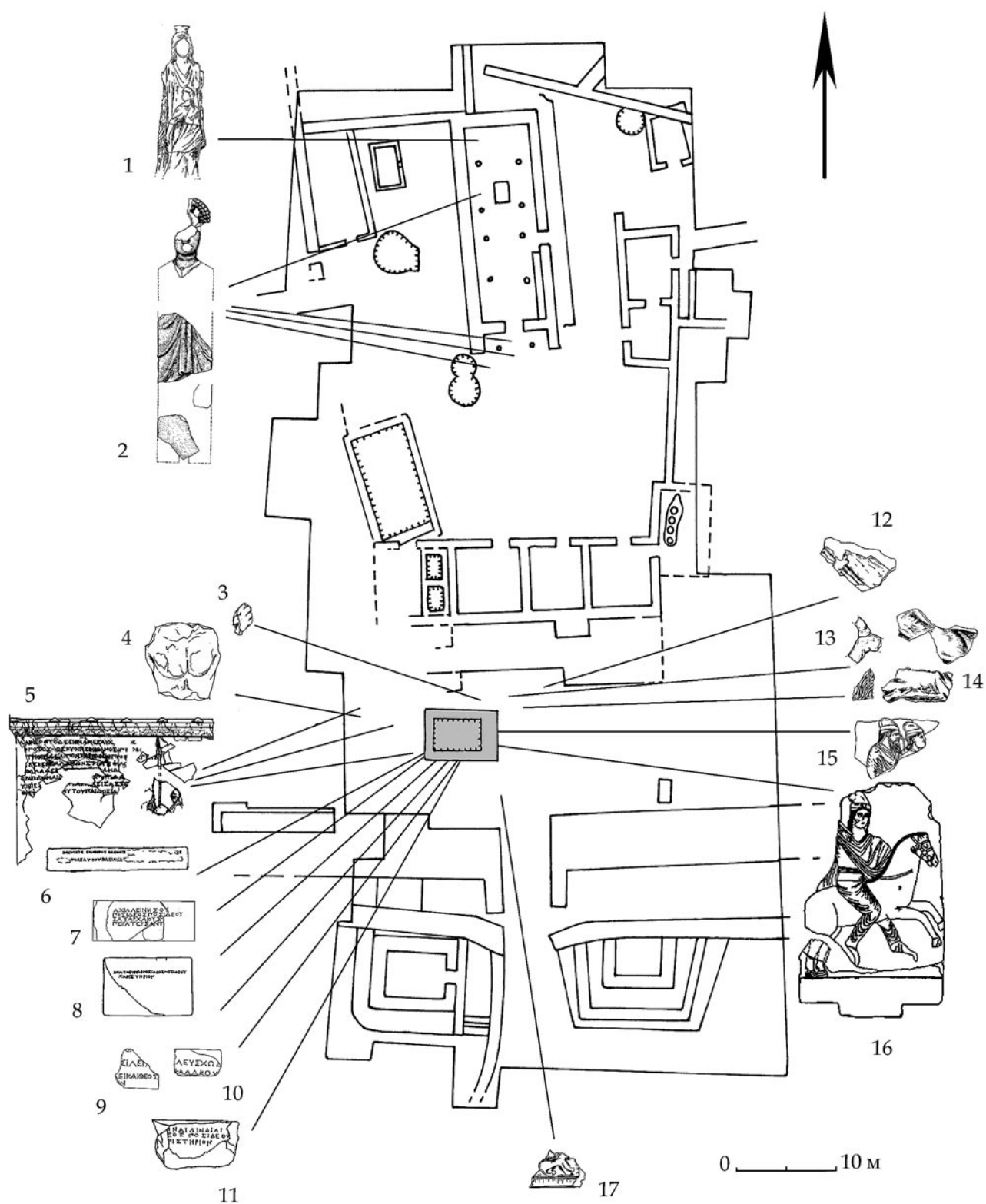

Рис. 38. Обозначение мест находок рельефов, надписей и фрагментов скульптуры на плане Южного дворца

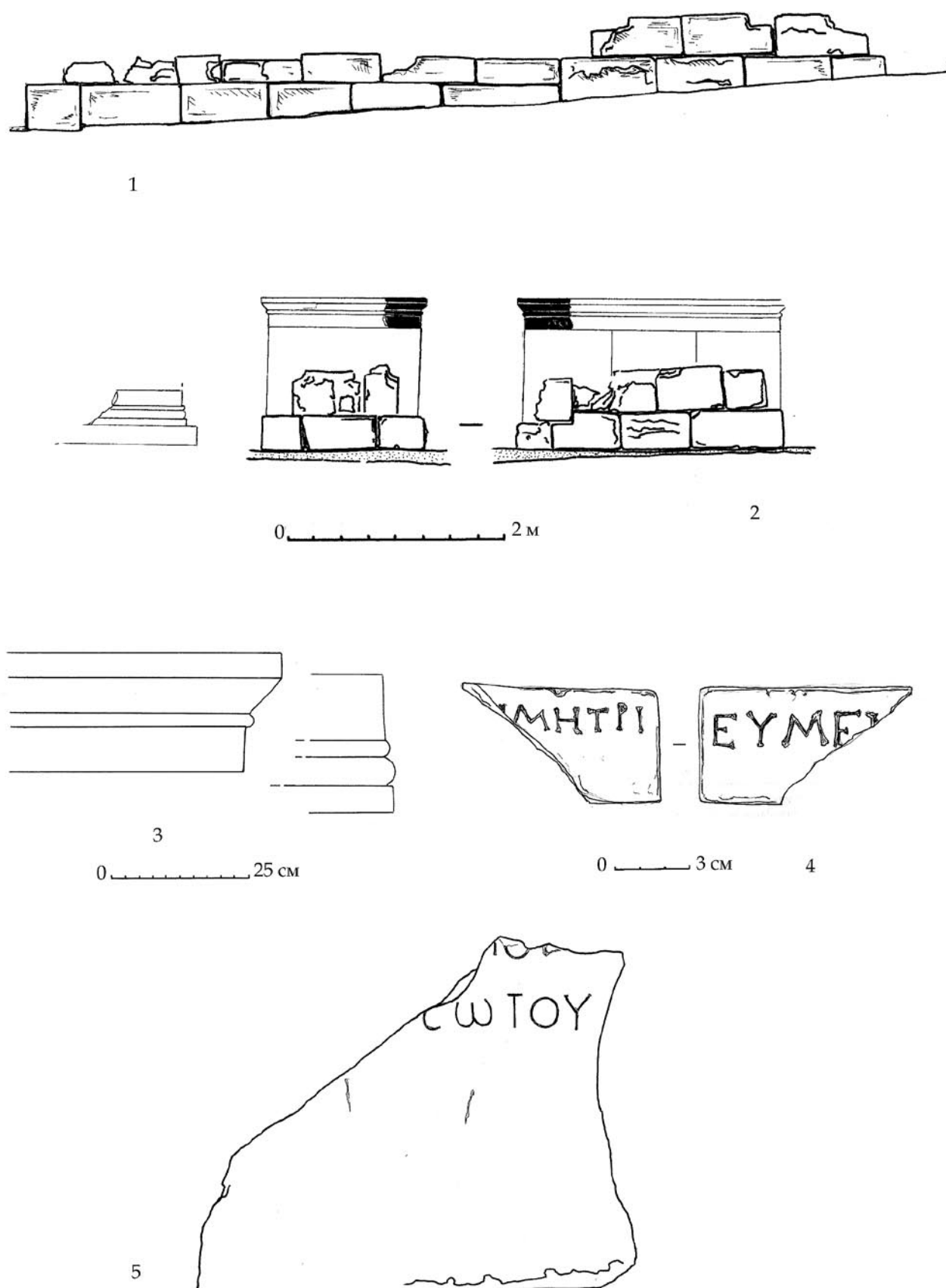

Рис. 39. Архитектурные остатки в южной части Южного дворца Неаполя скифского. 1 — участок кладки южного фасада. 2 — монументальный алтарь. 3 — архитектурные детали монументального алтаря. 4 — фрагмент мраморного алтарика (?) с греческой надписью. 5 — известняковая плита с остатками греческой надписи

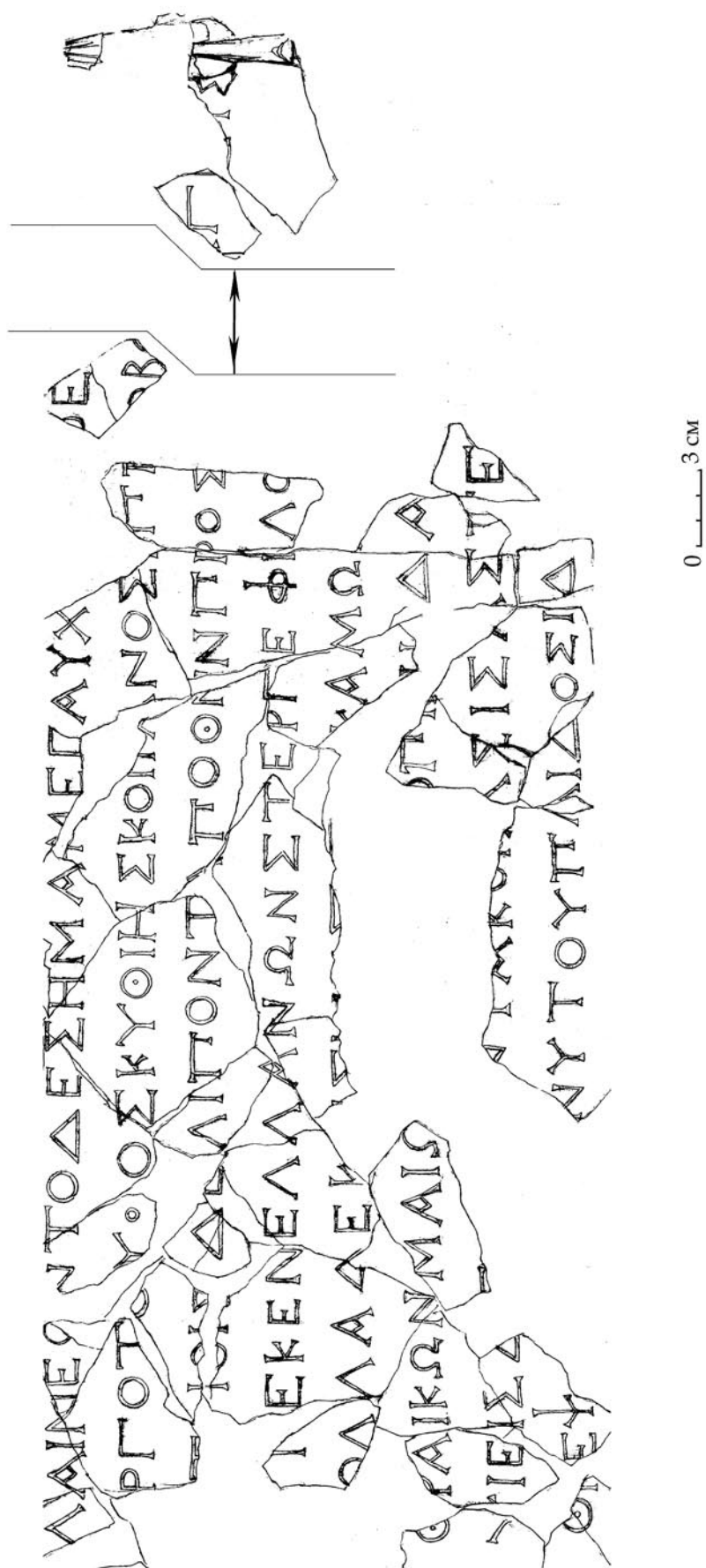

Рис. 40. Надпись, упоминающая Аргота. Прорисовка

Рис. 41. Плита с надписью, упоминающей Аргота. Фотография

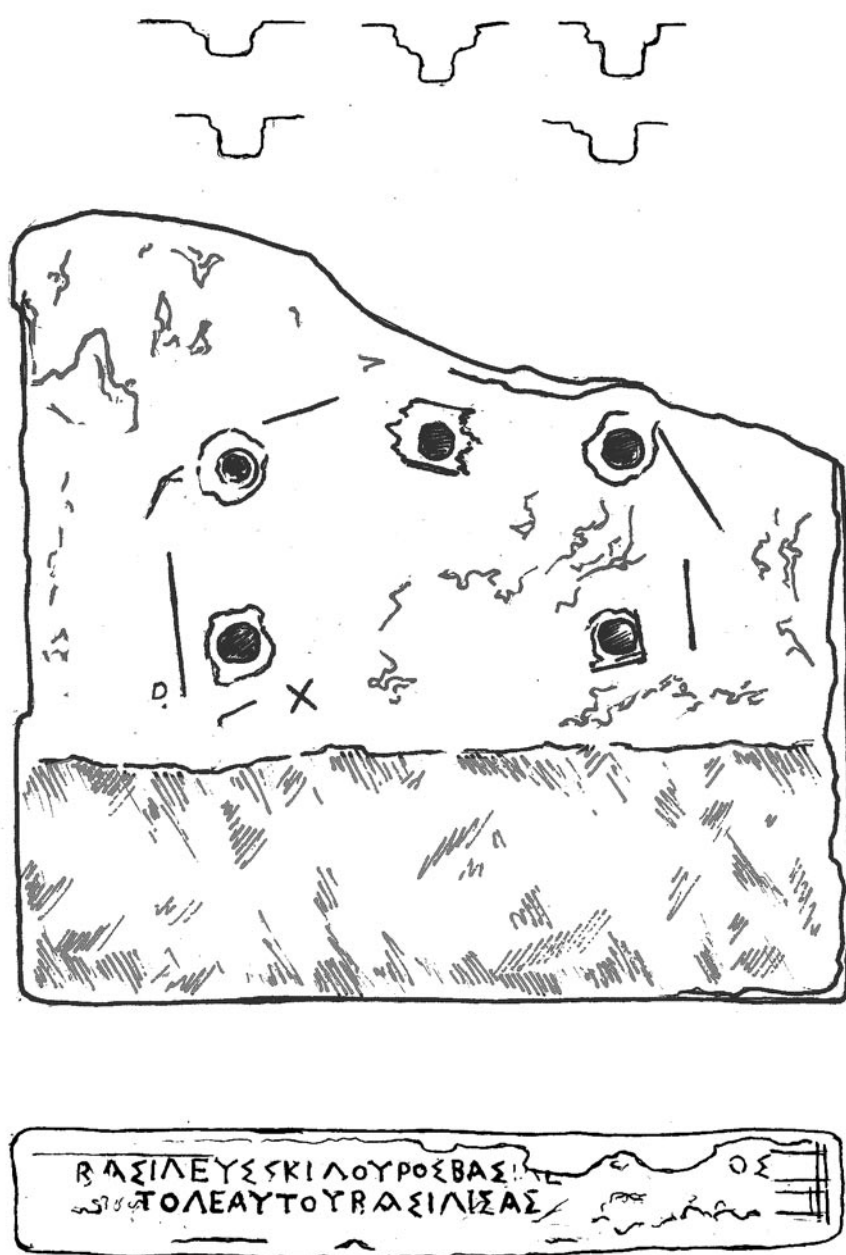

Рис. 42. Постамент с надписью, упоминающей царя Скилура

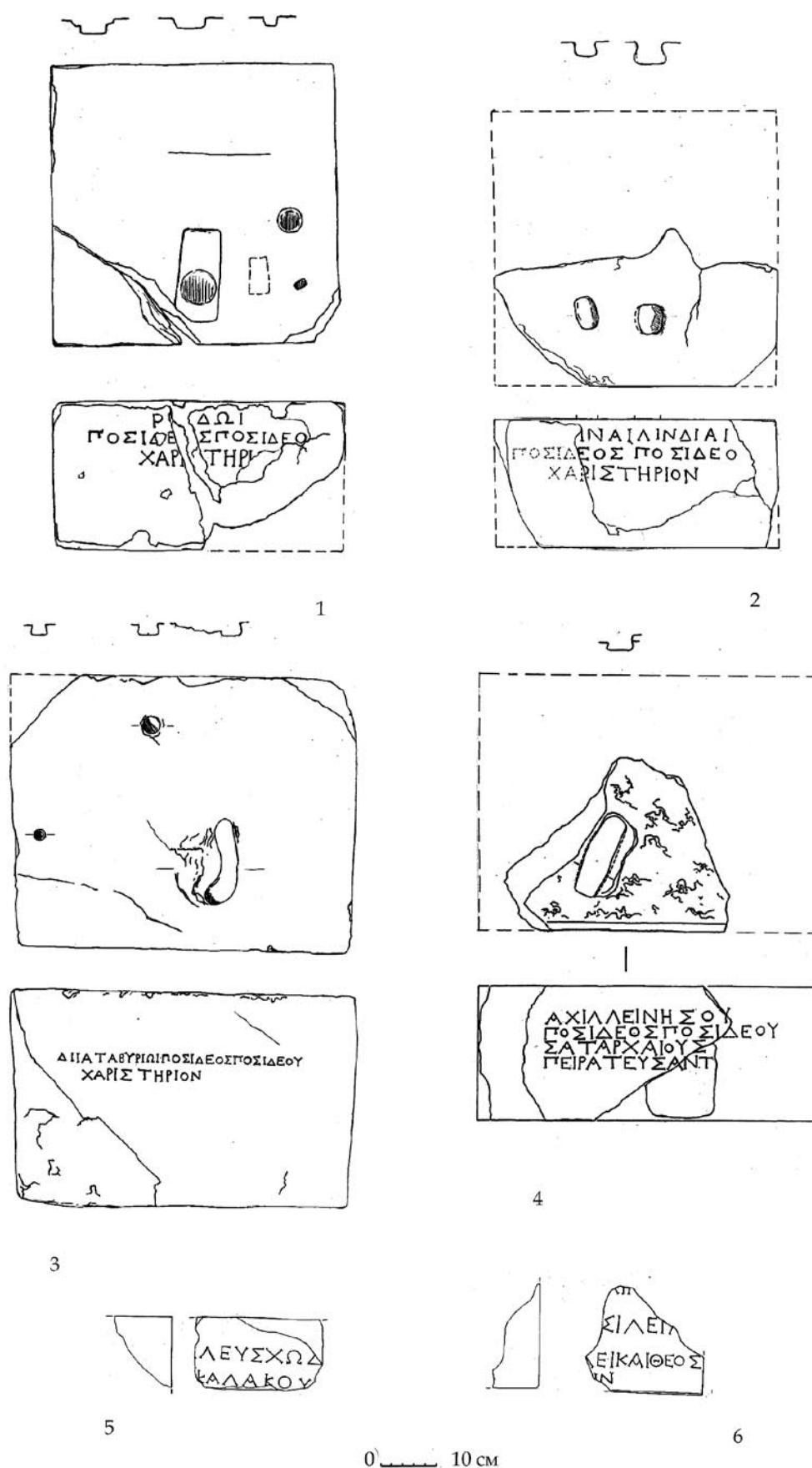

Рис. 43. Постаменты статуй с посвящениями: 1 — богине Родос. 2 — Афине Линдийской. 3 — Зевсу Атабириу. 4 — Ахиллу. 5 — надпись с упоминанием Ходарза. 6 — надпись с посвящением всем богам

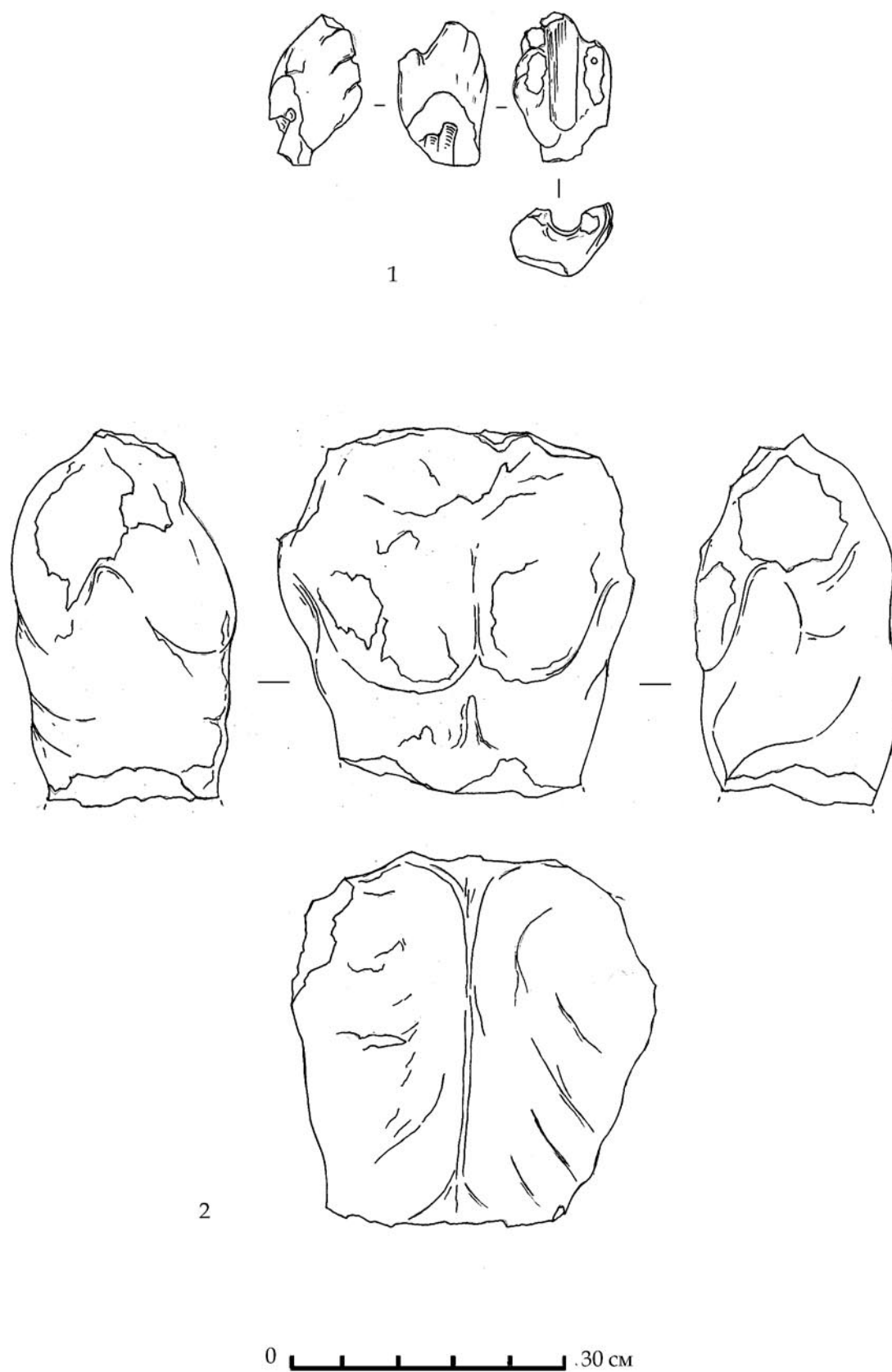

Рис. 44. Фрагменты мраморных статуй из раскопок Южного дворца. 1 — кисть женской руки.
2 — мужской торс

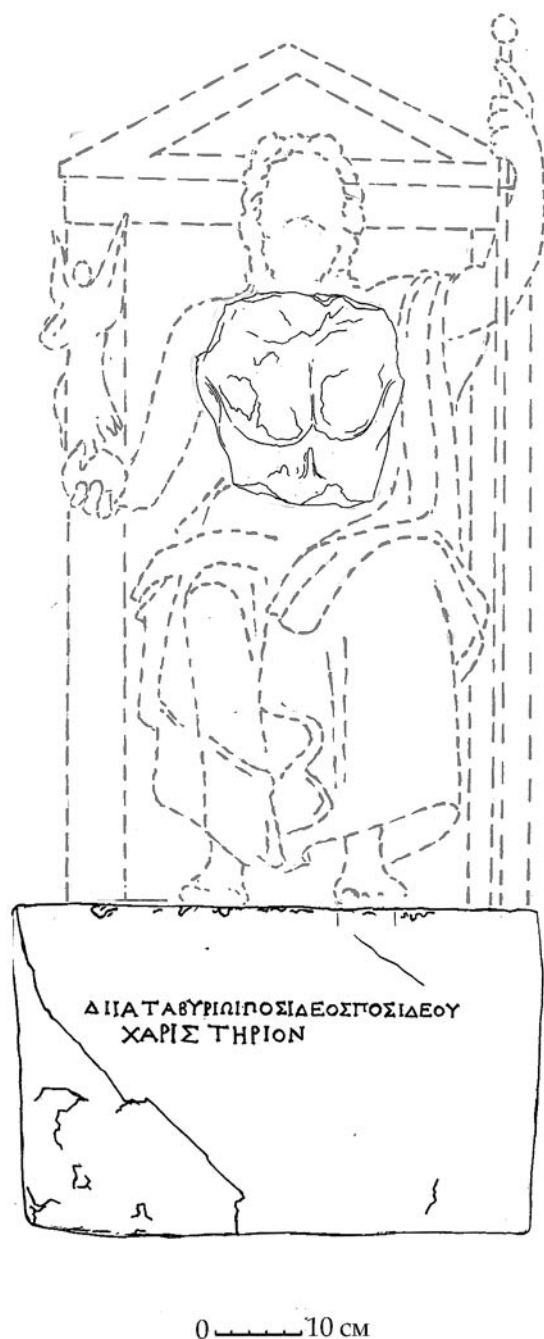

Рис. 45. Вариант реконструкции статуи Зевса Атабирия

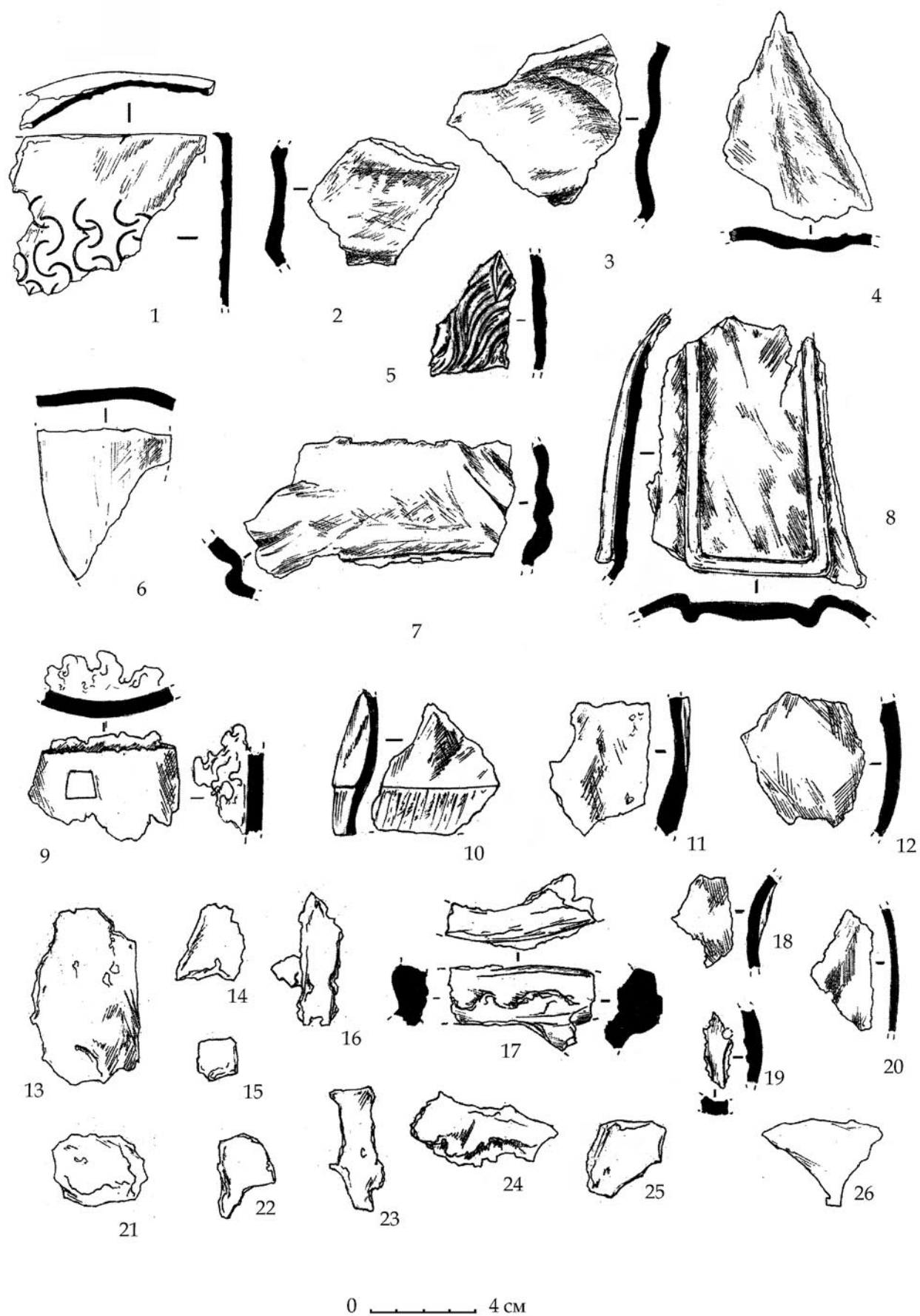

Рис. 46. Фрагменты бронзовых статуй из раскопок Южного дворца

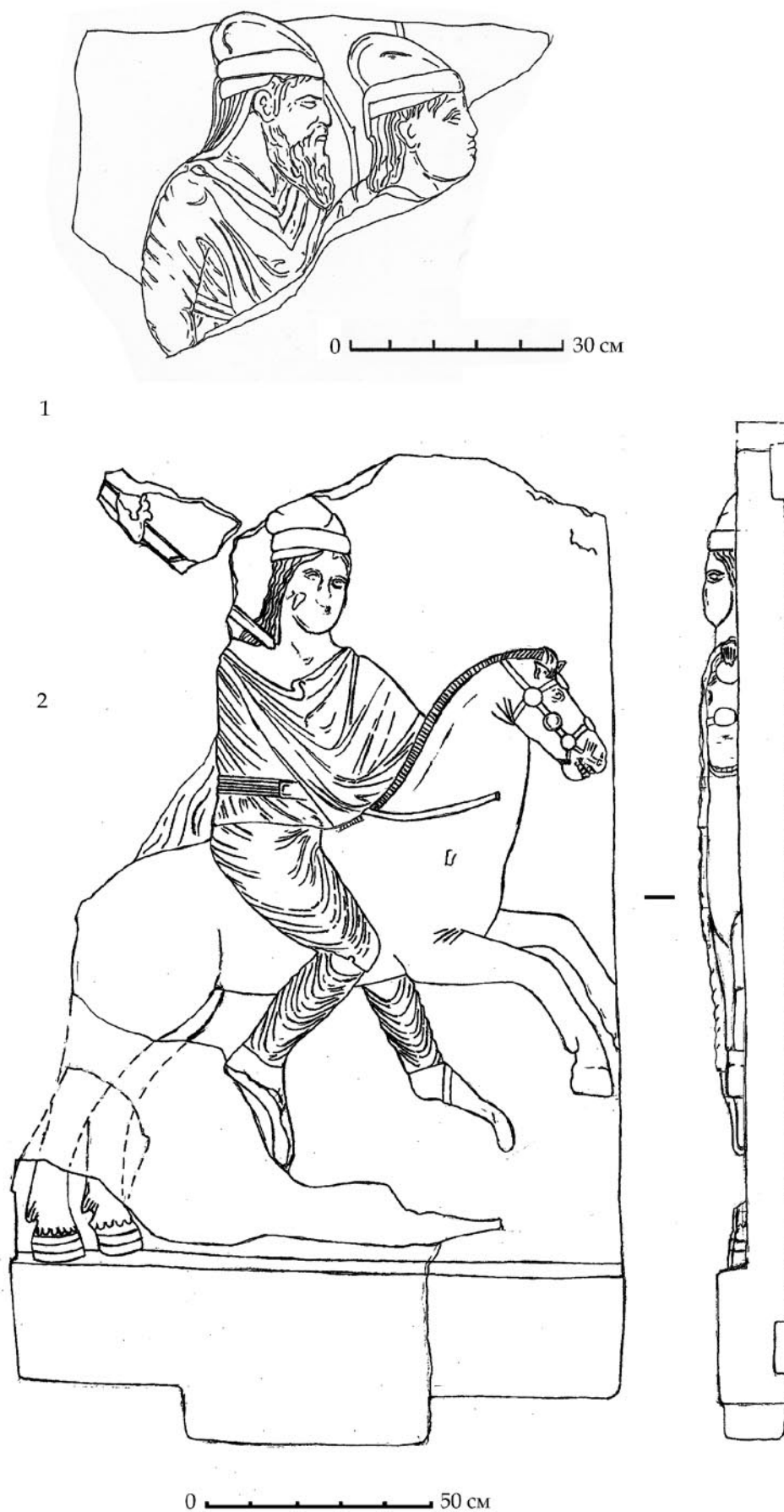

Рис. 47. 1.— фрагмент рельефа с изображением двух персонажей. Прорисовка с гипсового слепка.
2.— рельеф с изображением всадника из раскопок Южного дворца

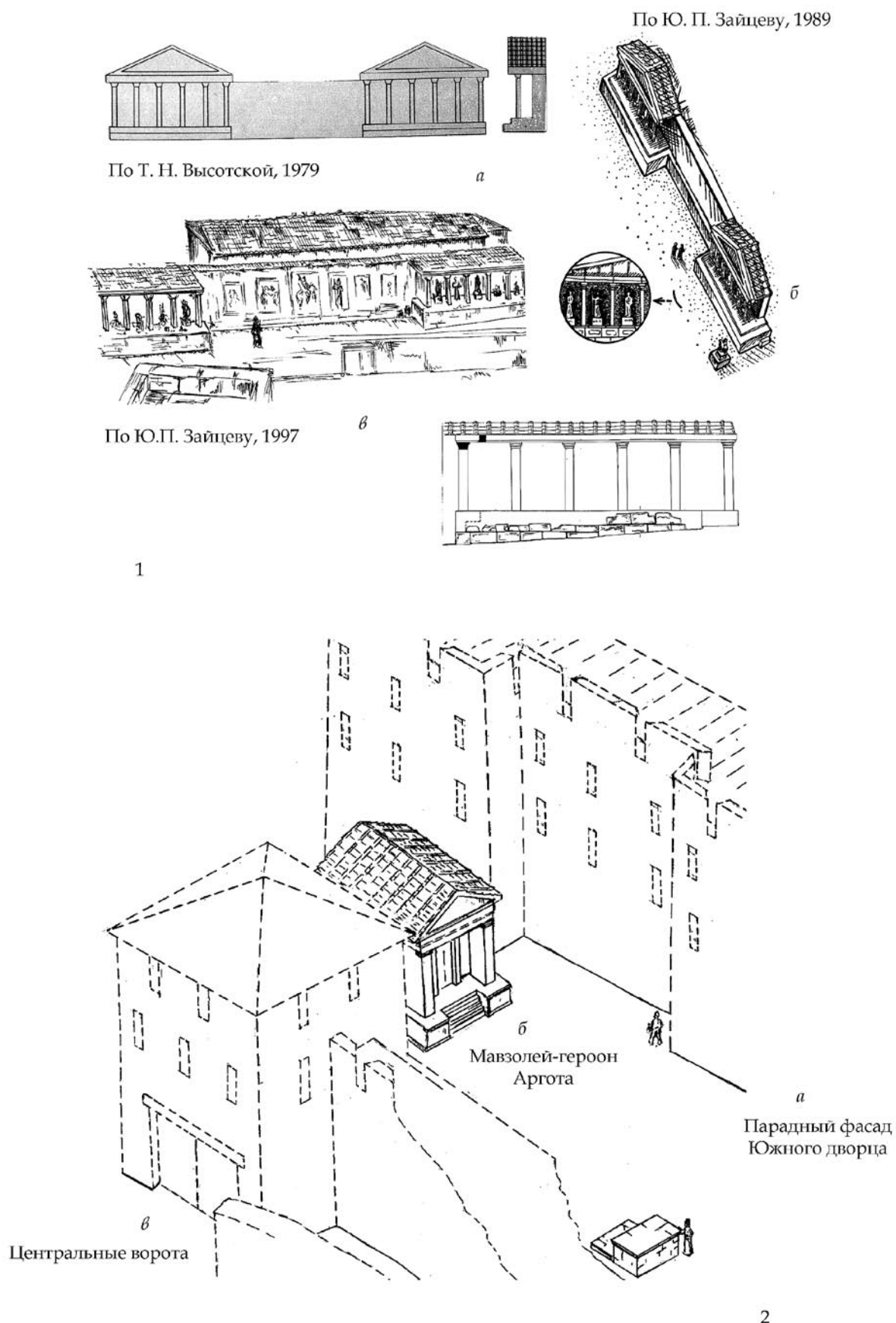

Рис. 48. 1 — варианты реконструкции «здания с портиками К» Южного дворца. 2 — новый вариант реконструкции. а — Южный фасад дворца. б — героон Аргота. в — центральные ворота крепости

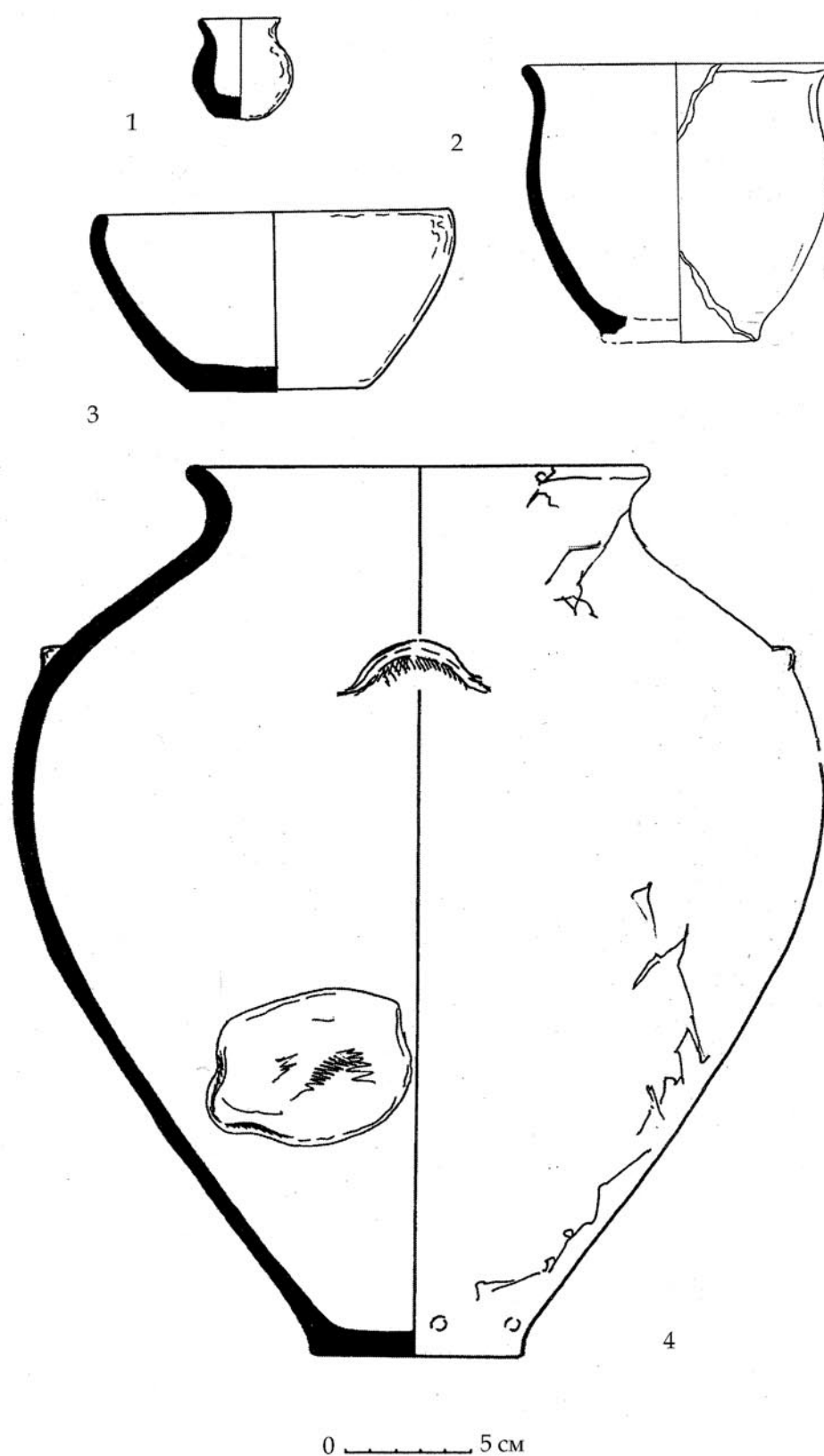

Рис. 49. Лепные сосуды горизонта Е из Южного дворца

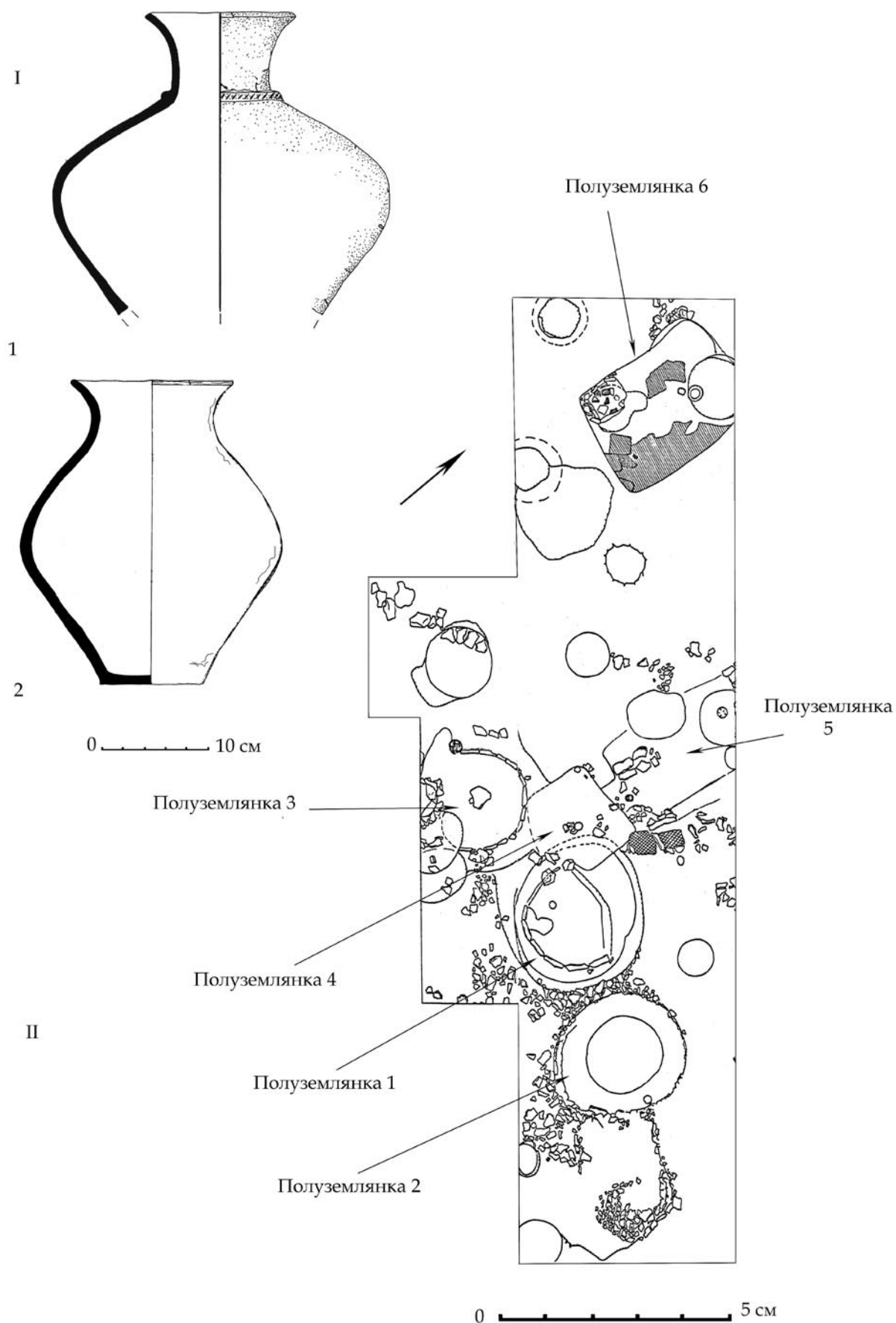

Рис. 50. I — Лепные сосуды горизонта Е из пригородного зольника. II — план землянок подгоризонта Е2 в западной части раскопа О

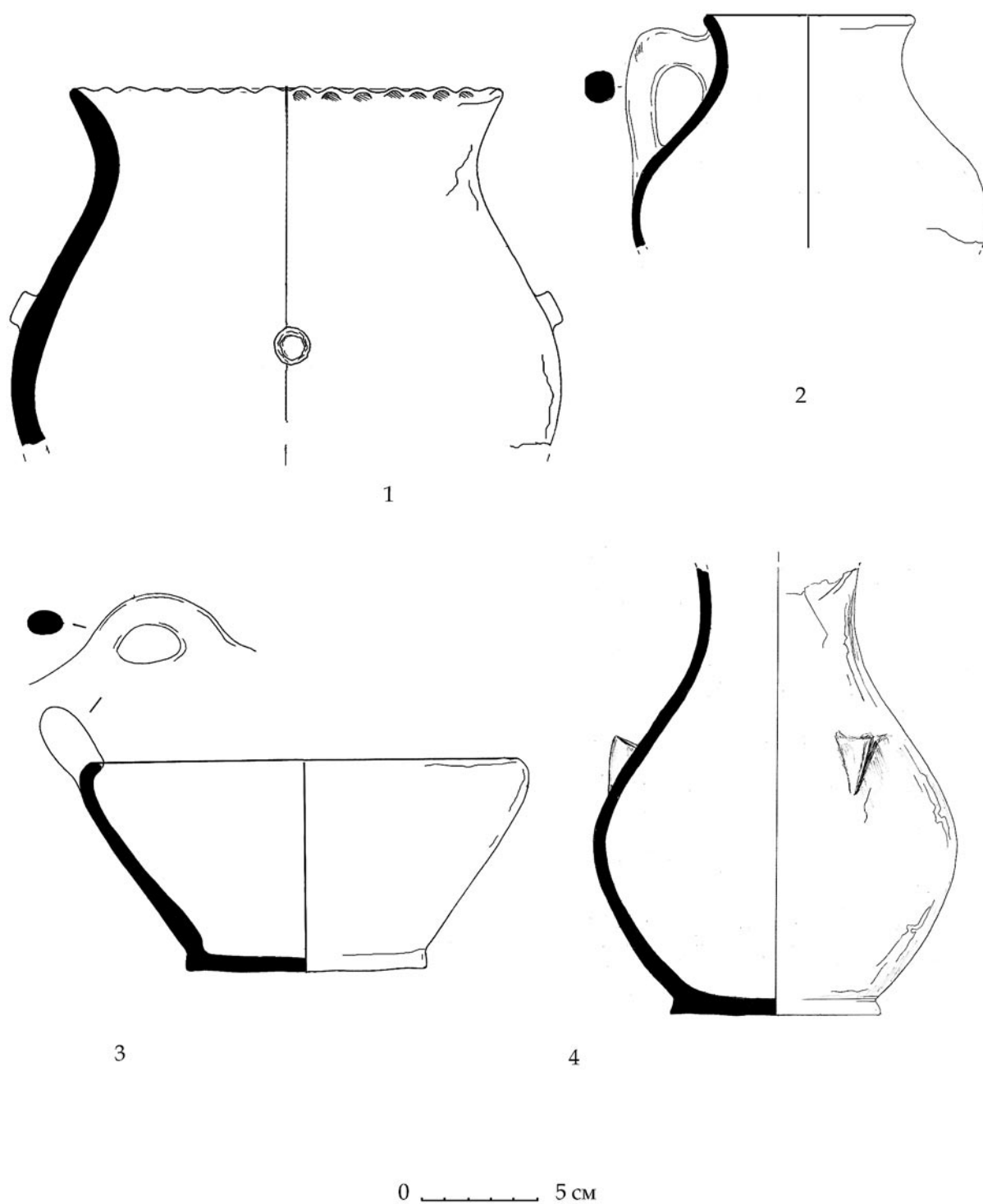

Рис. 51. Лепные сосуды горизонта D из Южного дворца

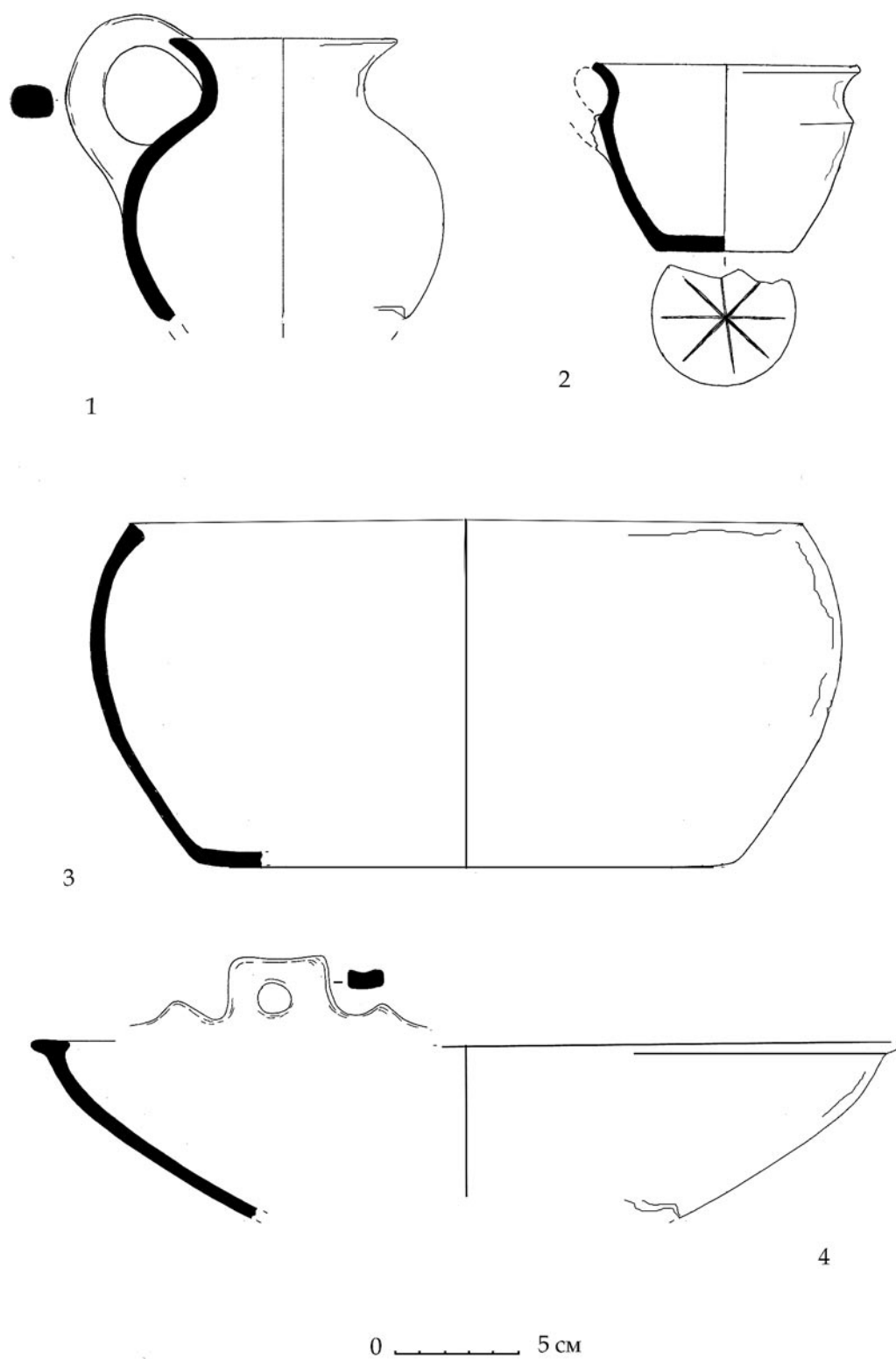

Рис. 52. Лепные сосуды горизонта D из Южного дворца

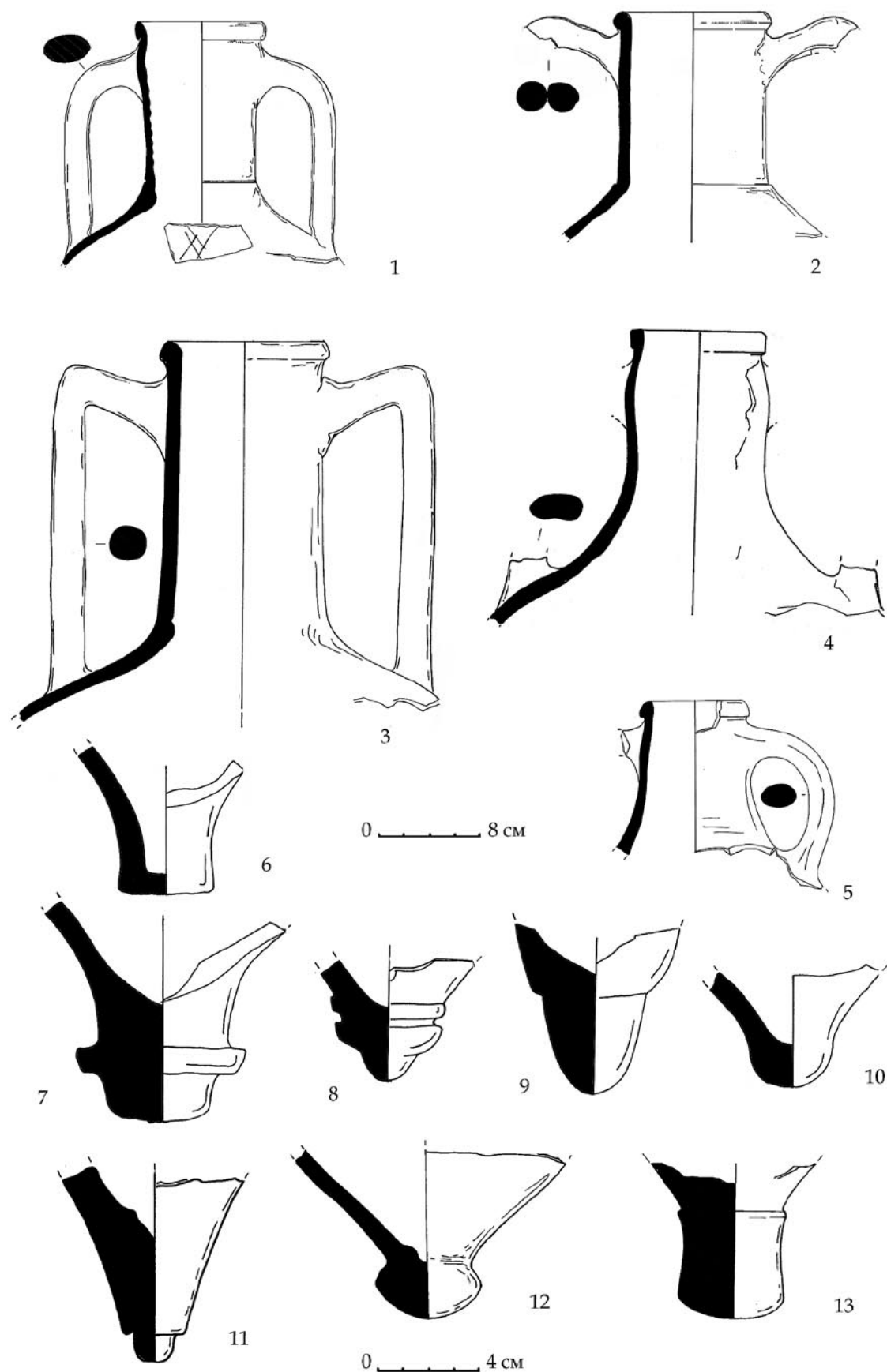
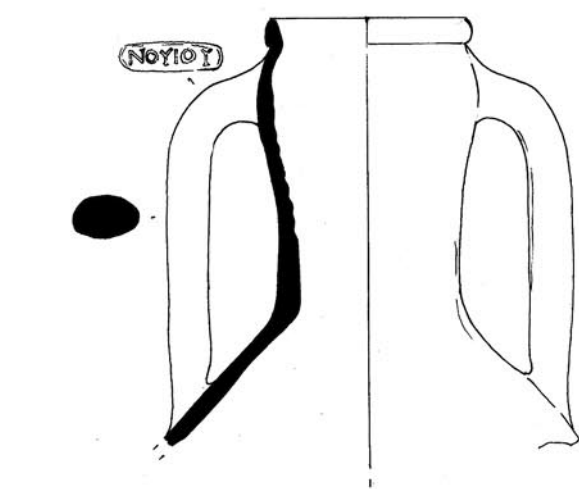
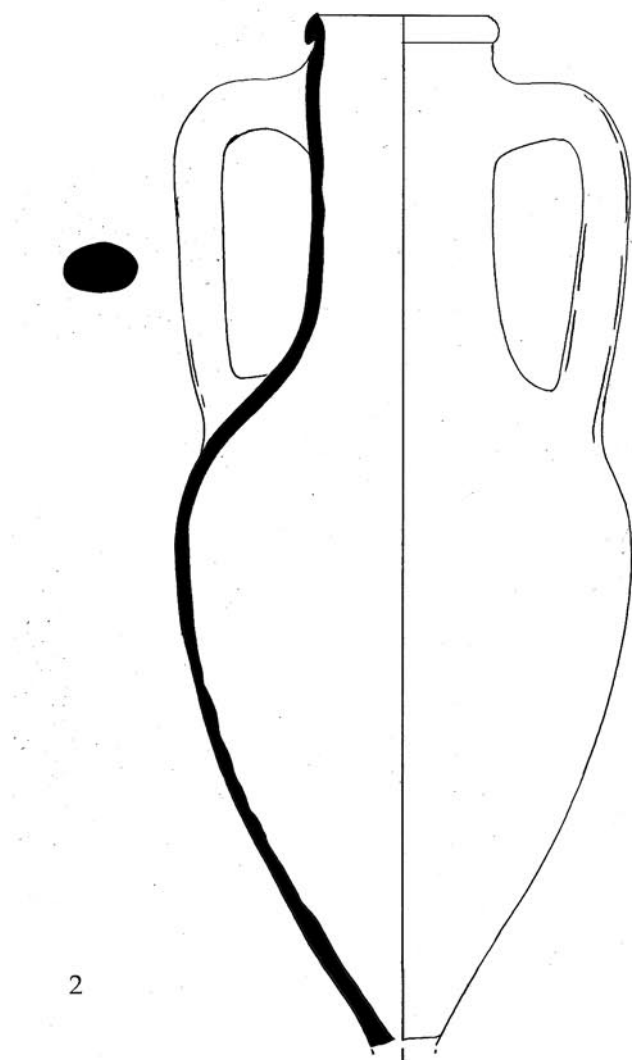

Рис. 53. Образцы амфор горизонтов D-E из Южного дворца. 1, 10 — Синопа. 2, 11 — Кос. 3, 13 — Родос. 4 — Херсонес. 5 — коричневоглиняные. 6, 8, 12 — неизвестные центры. 7 — Книд. 9 — Южный Понт (светлоглиняные)

1

2

0 8 см

54. Синопские амфоры. 1 — раскоп VIIв. 2 — ямка 42 мегарона Н, Южный дворец

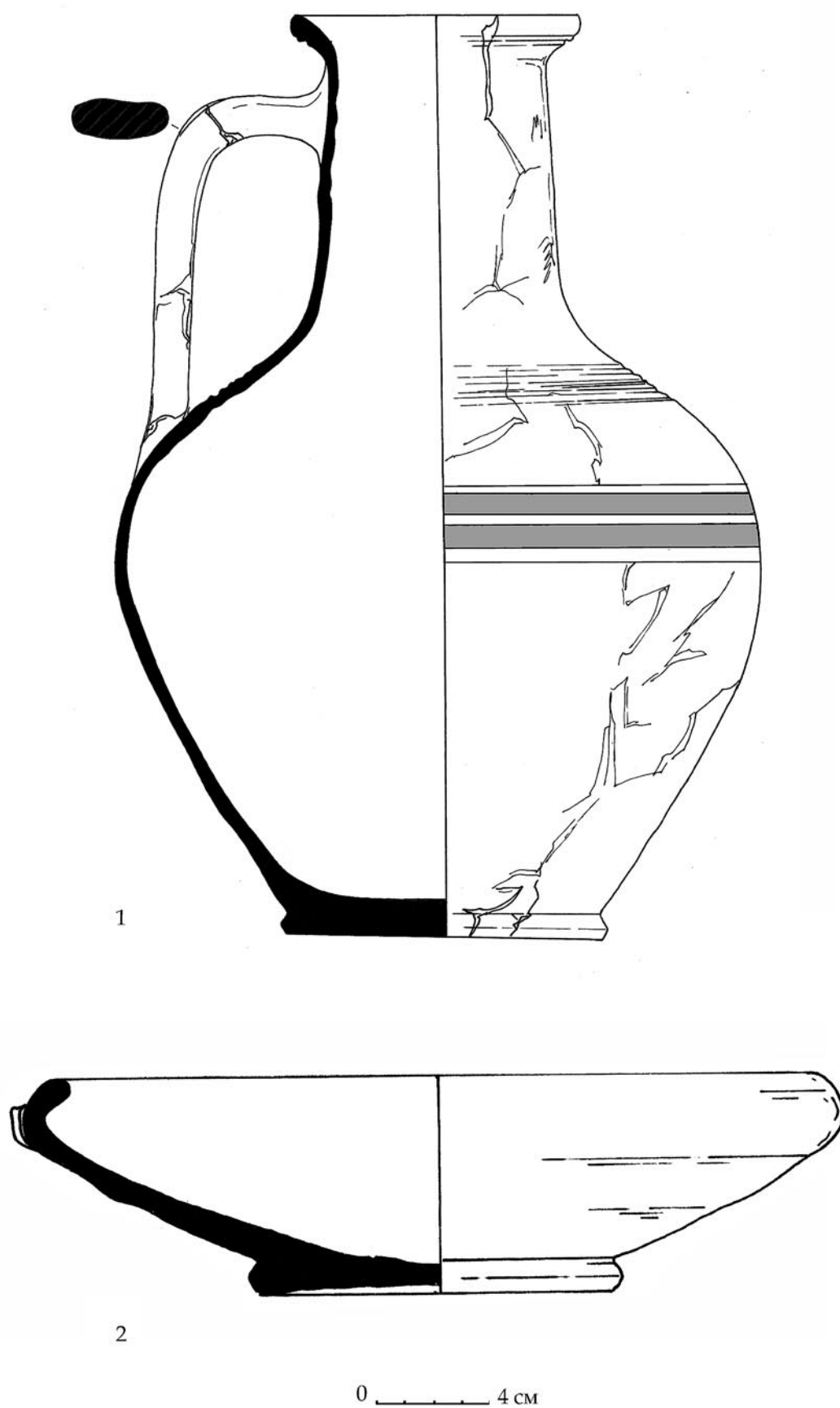

Рис. 55. Гончарные сосуды горизонта Е из Южного дворца

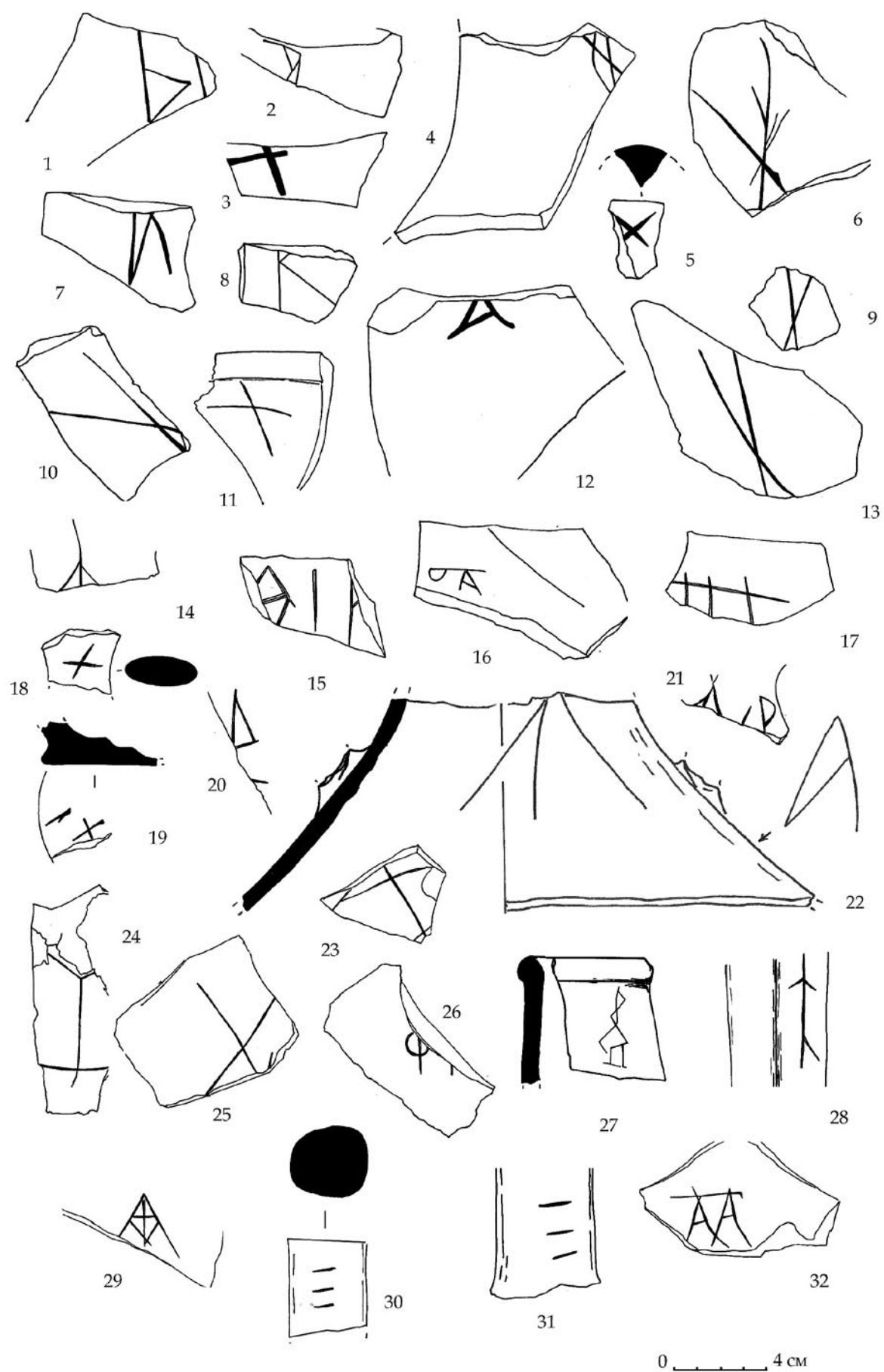

Рис. 56. Образцы граффити на стенках амфор горизонтов E-D из Южного дворца

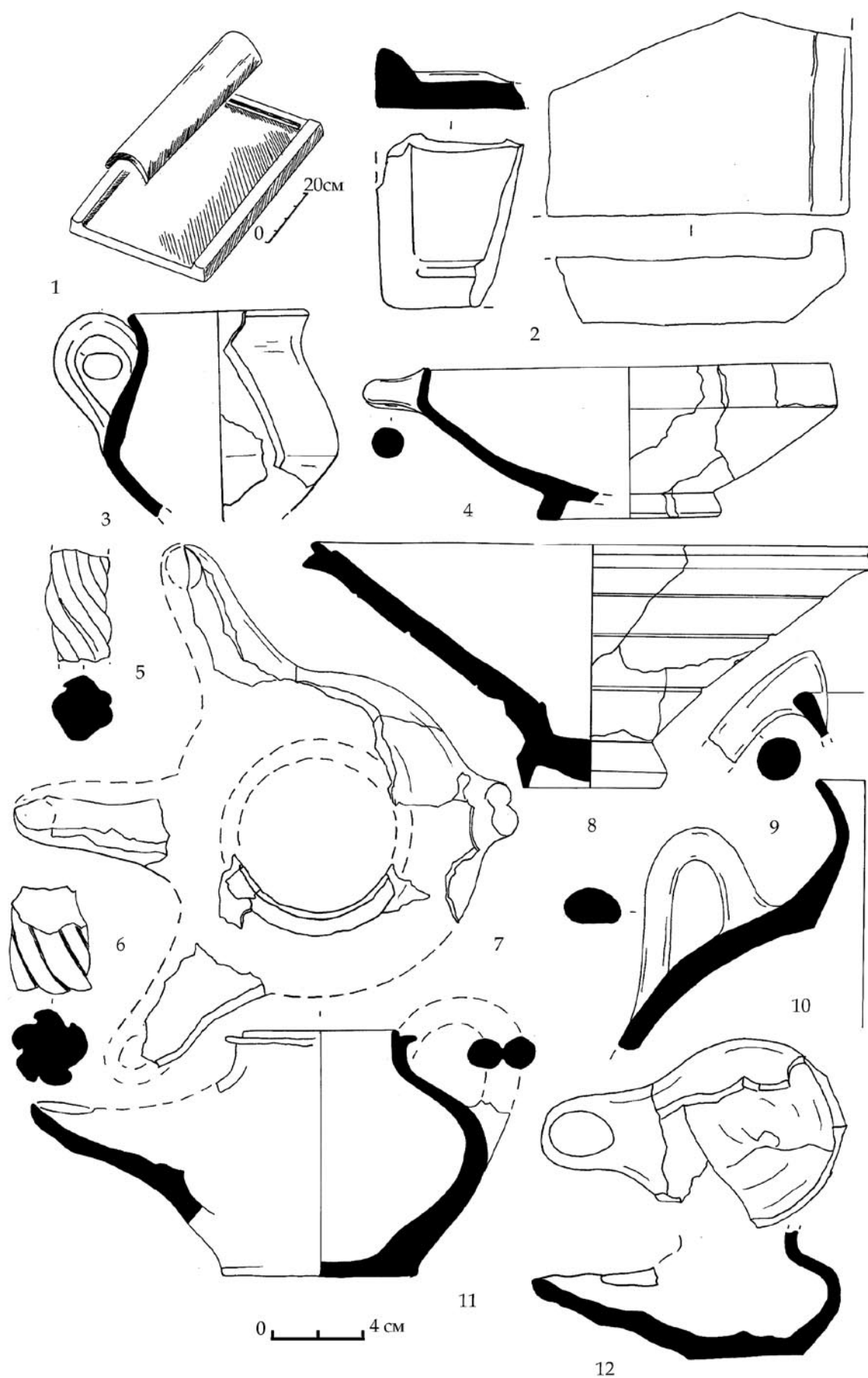

Рис. 57. Образцы предполагаемой керамической продукции горизонта E-D из Южного дворца

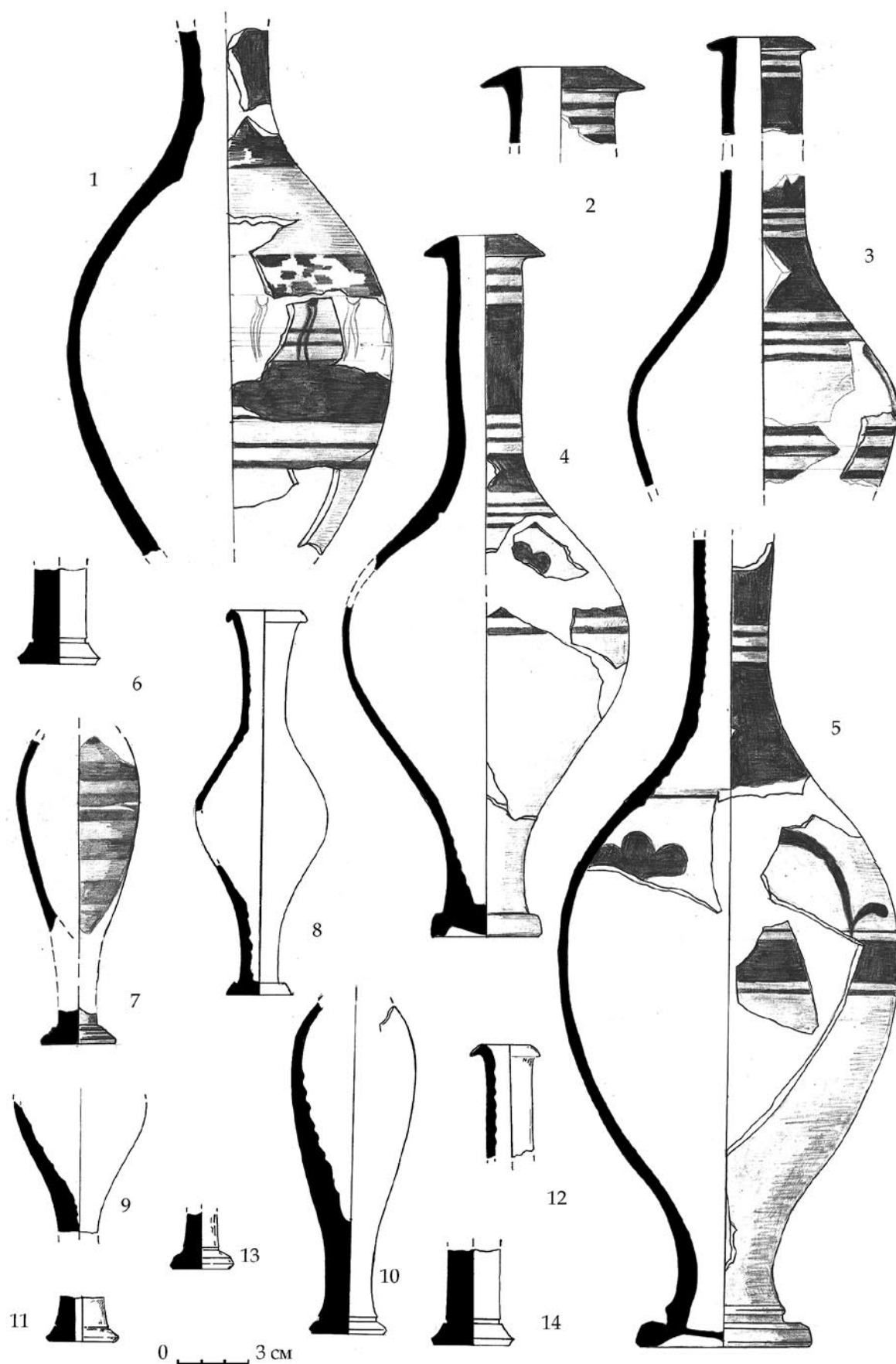

Рис. 58. Унговентарии из Южного дворца. Горизонты E-D

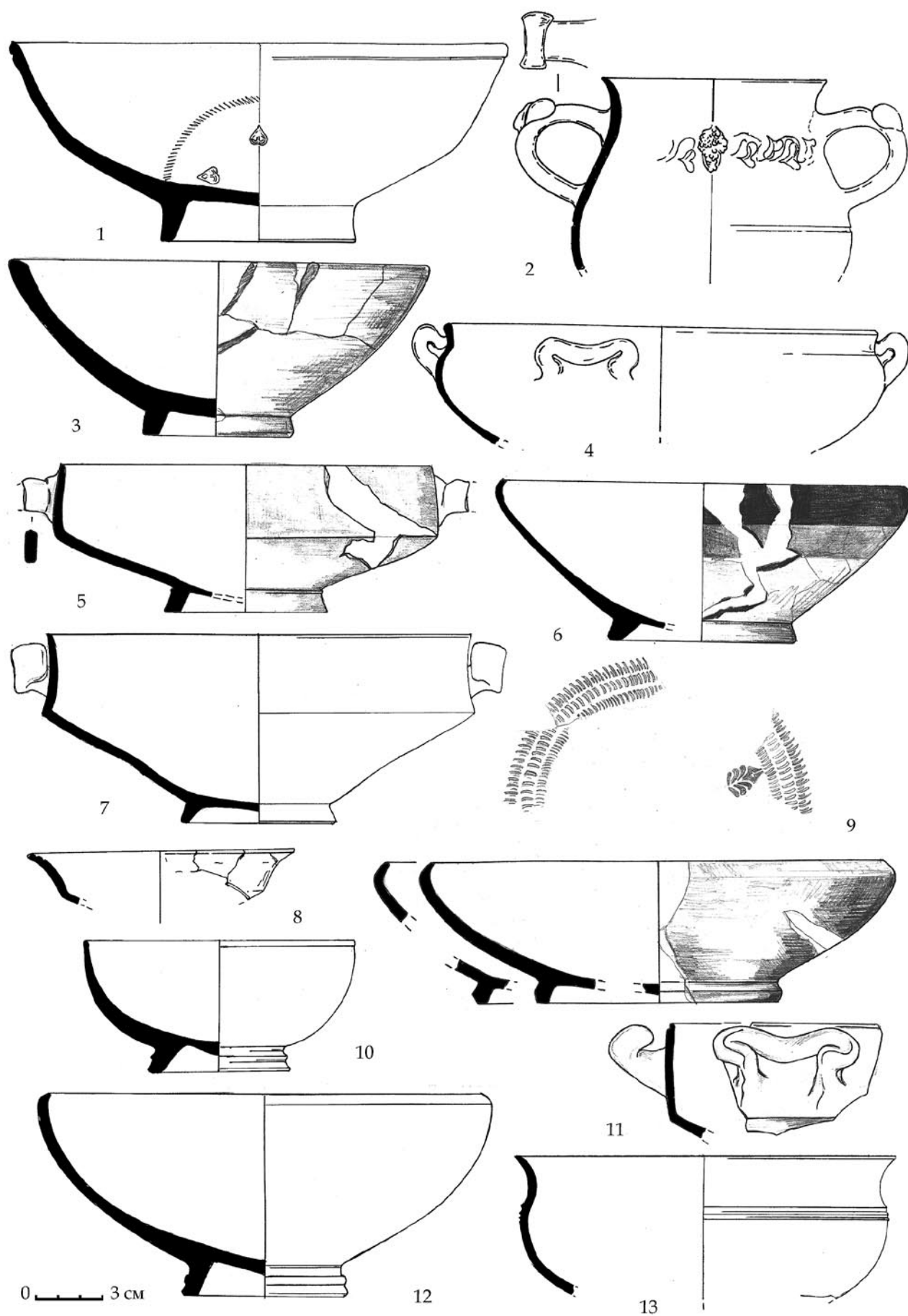

Рис. 59. Импортная керамика с лаковым покрытием (чашки) горизонтов Е-Д из Южного дворца

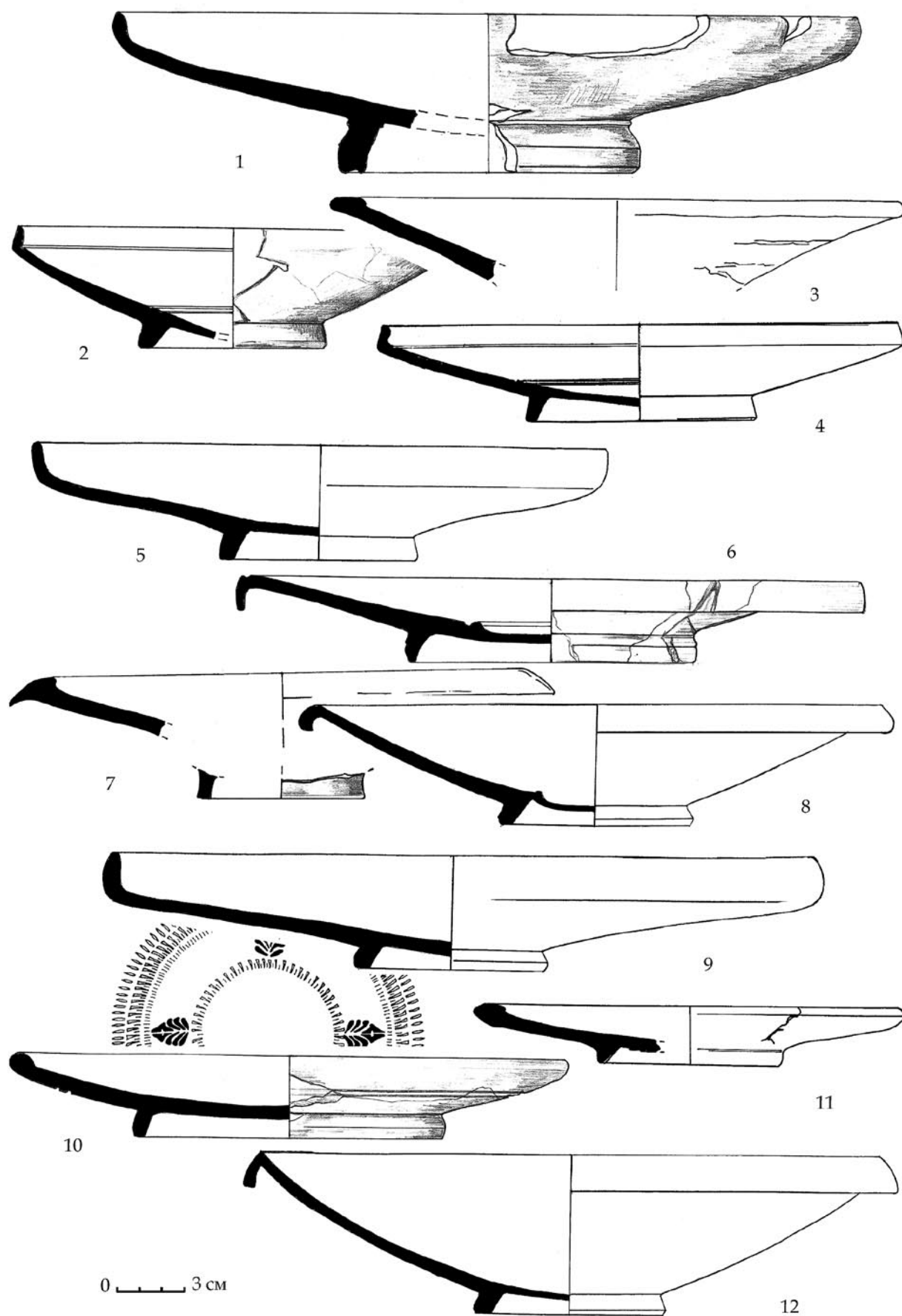

Рис. 60. Импортная керамика с лаковым покрытием (тарелки, блюда) горизонтов E-D из Южного дворца

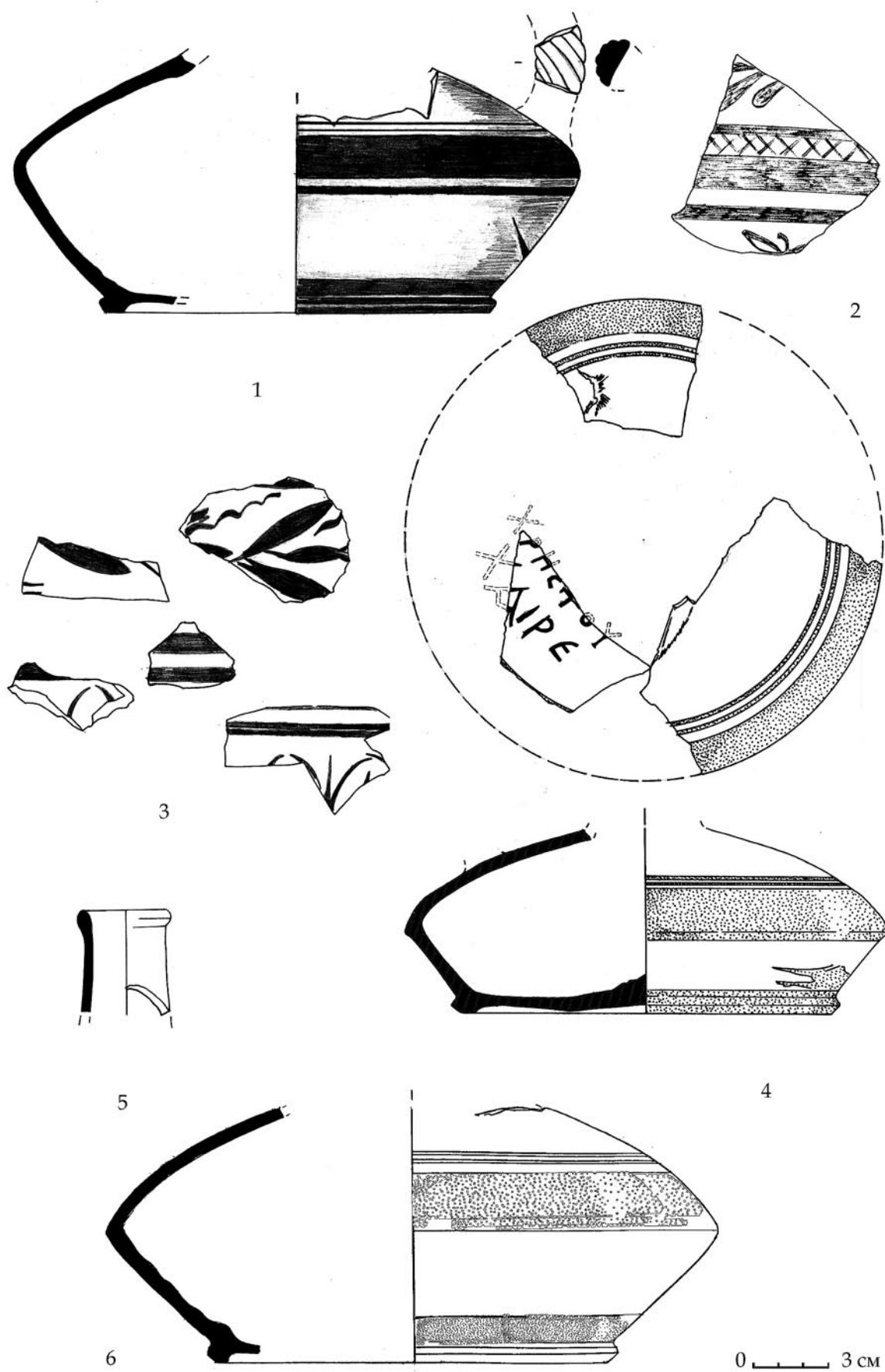

Рис. 61. Импортные лягиносы горизонтов E-D из Южного дворца

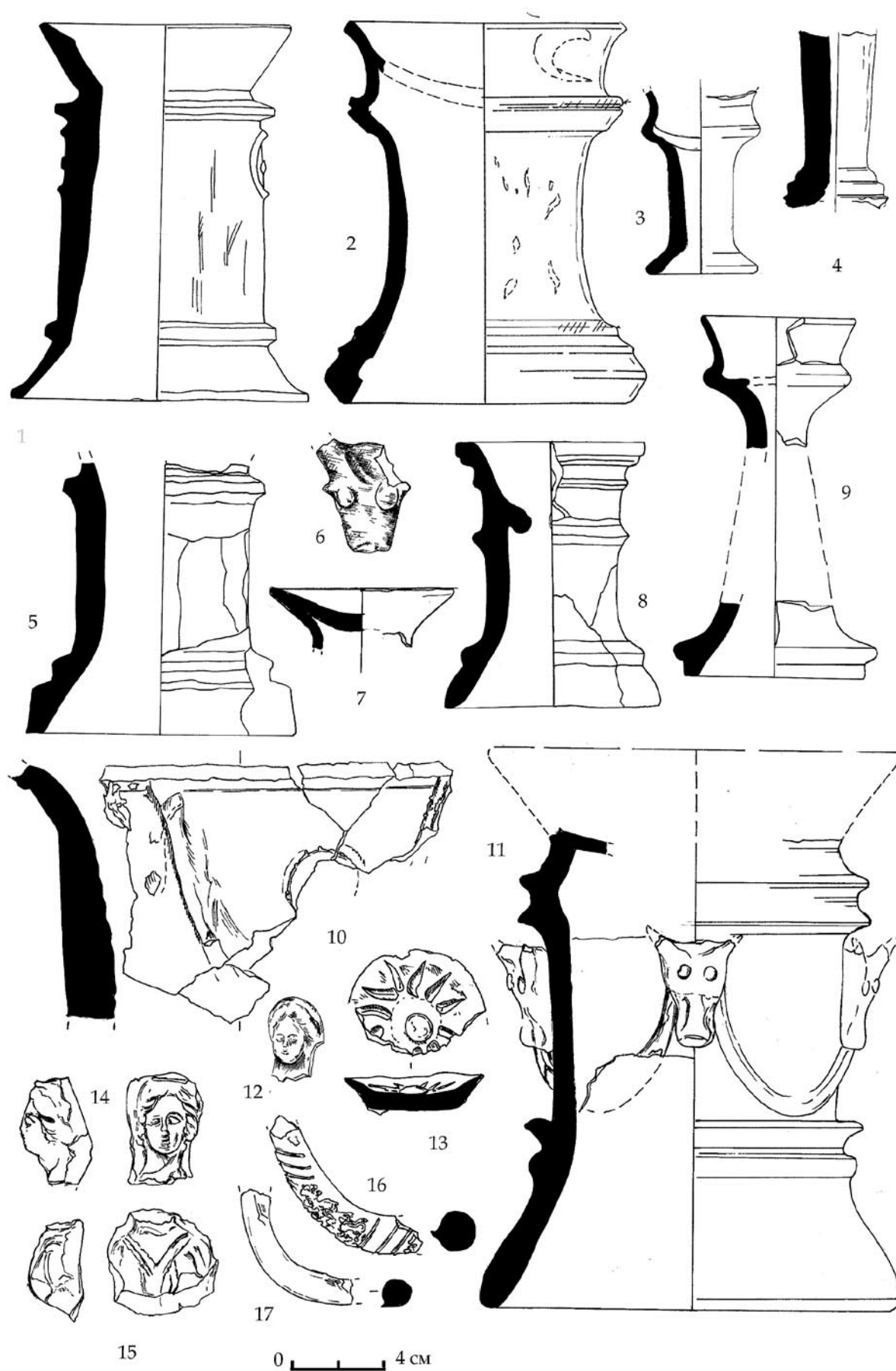

Рис. 62. Керамические алтари и их фрагменты горизонтов Е-Д из Южного дворца

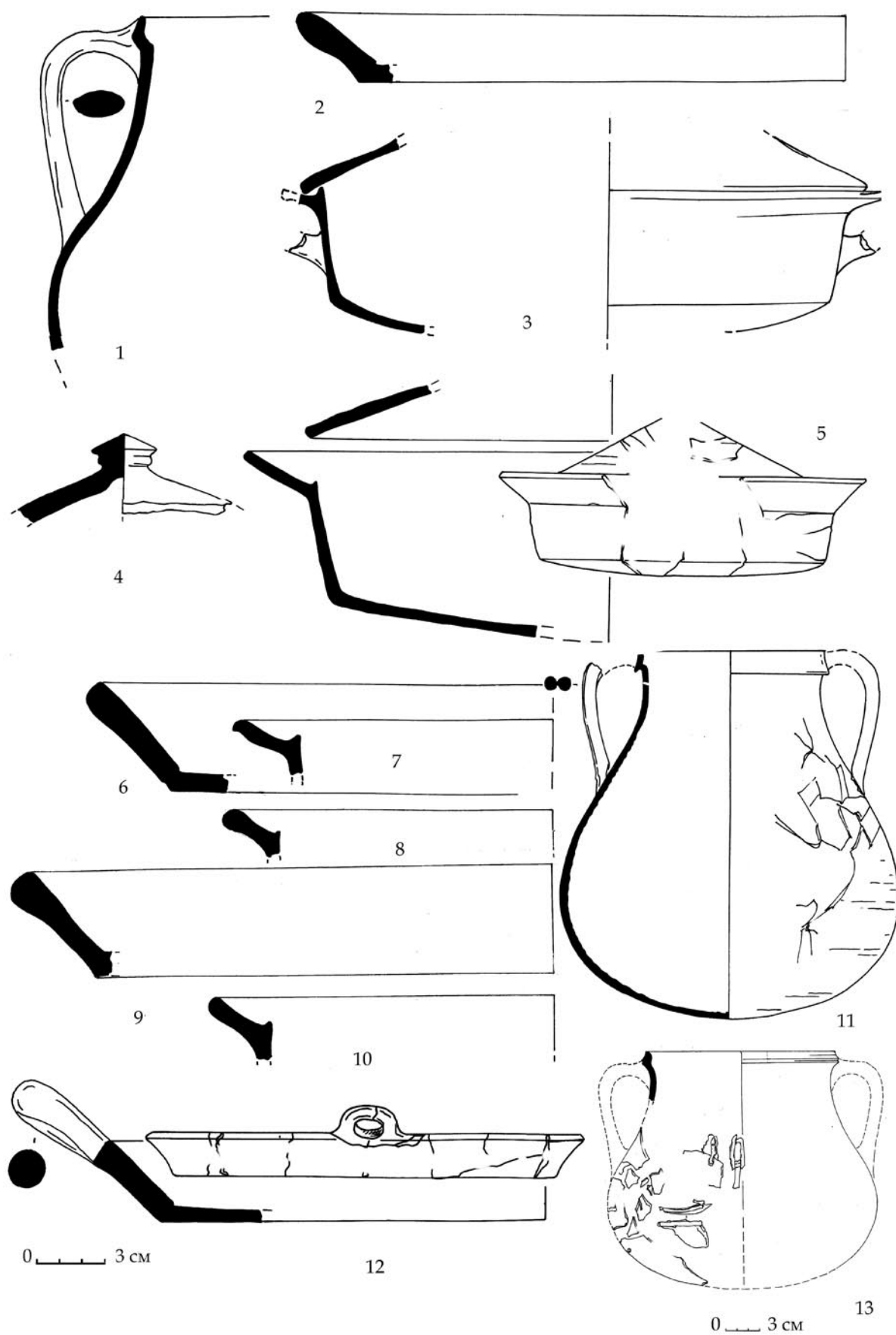

Рис. 63. Импортная кухонная керамика горизонтов E-D из Южного дворца

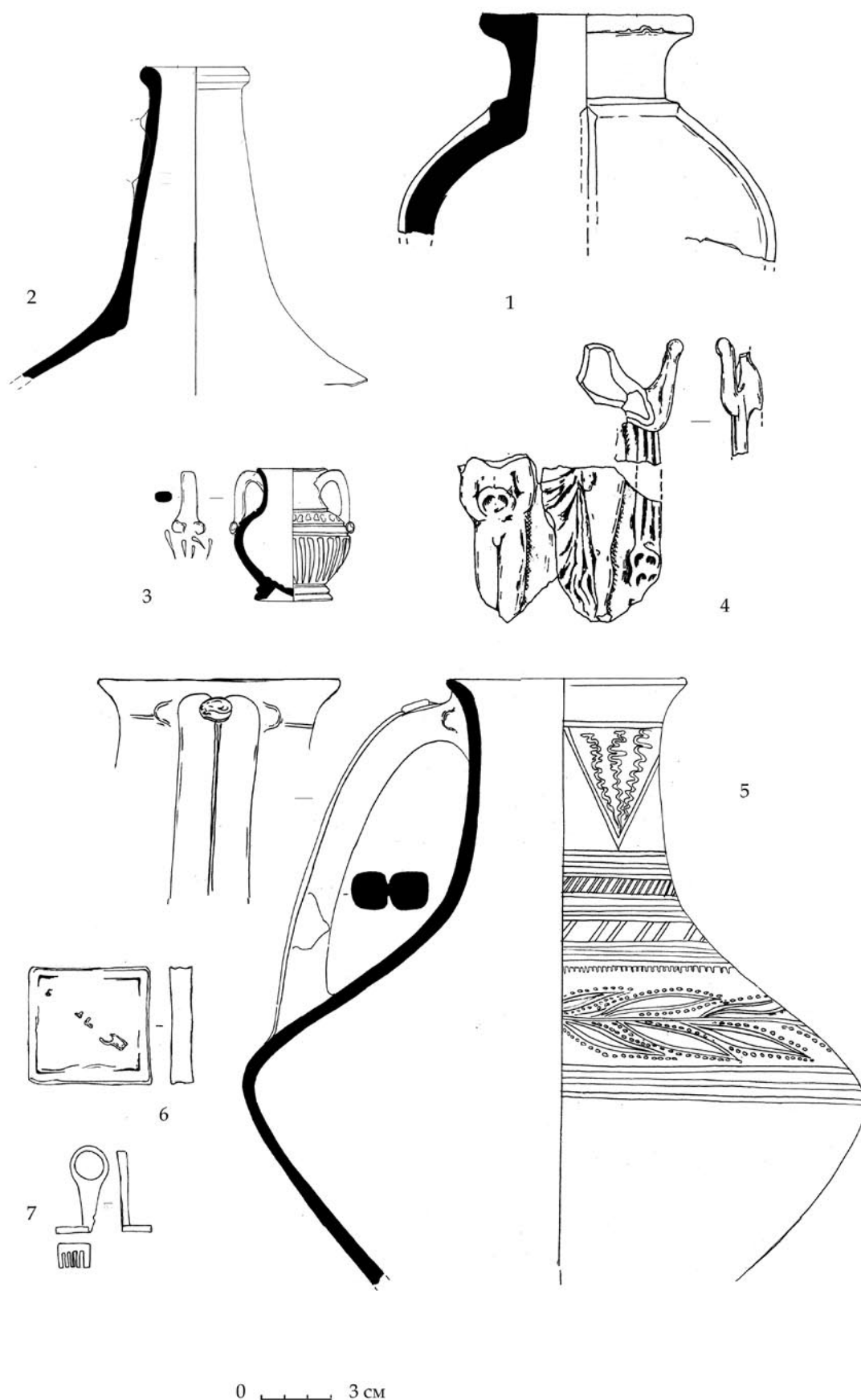

Рис. 64. Закрытый комплекс подгоризонта D1 из «Восточного дома» Южного дворца. 1 — верхняя часть лепной курильницы. 2 — горло лягиноса. 3 — миниатюрная амфора. 4 — терракота Афродиты с Эротом. 5 — расписной кувшин-лягинос. 6 — свинцовая гиря. 7 — бронзовый ключ

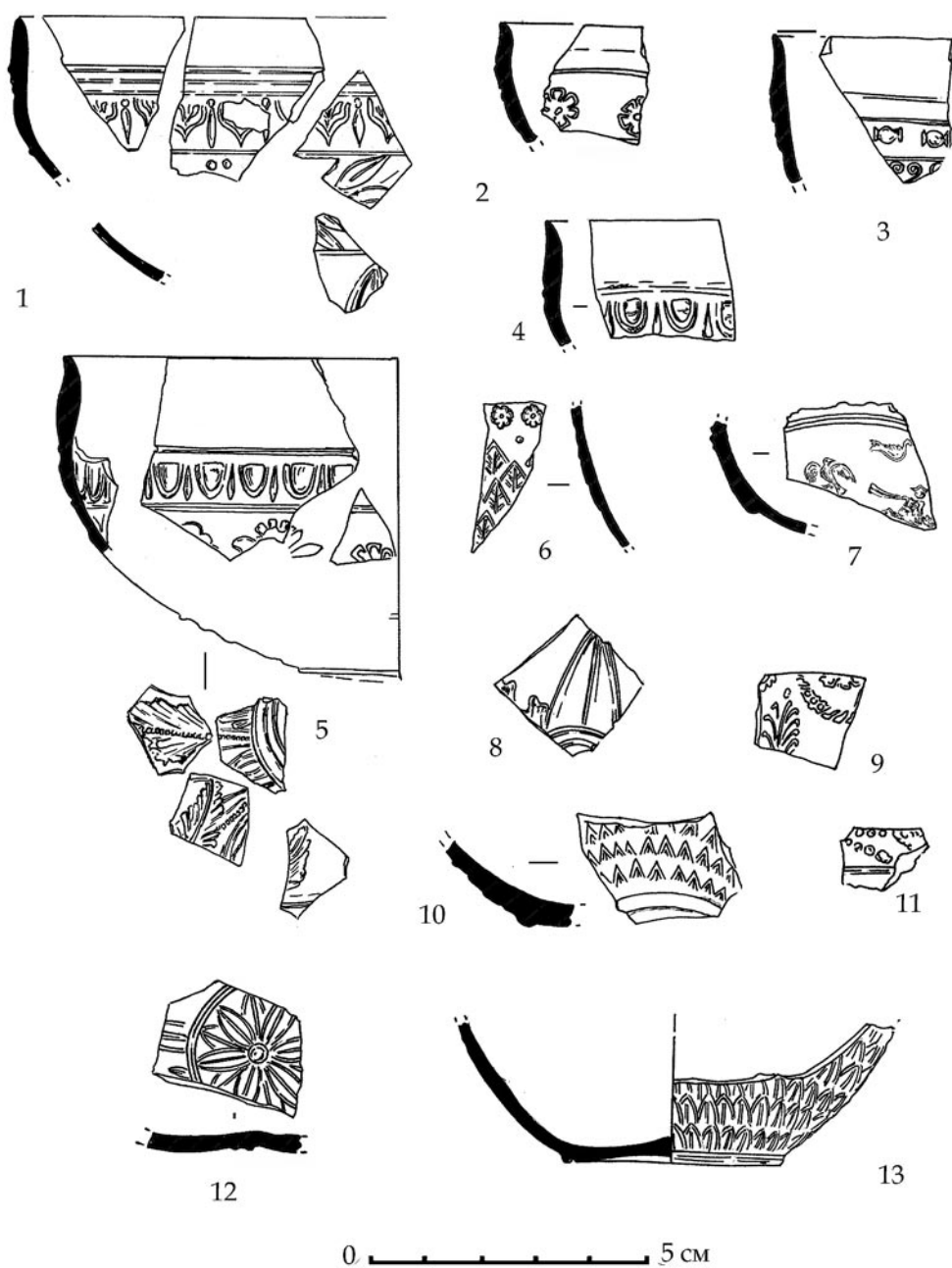

Рис. 65. Фрагменты мегарских чаш горизонта Е-Д из Южного дворца. Раскопки 1992-1993 г.

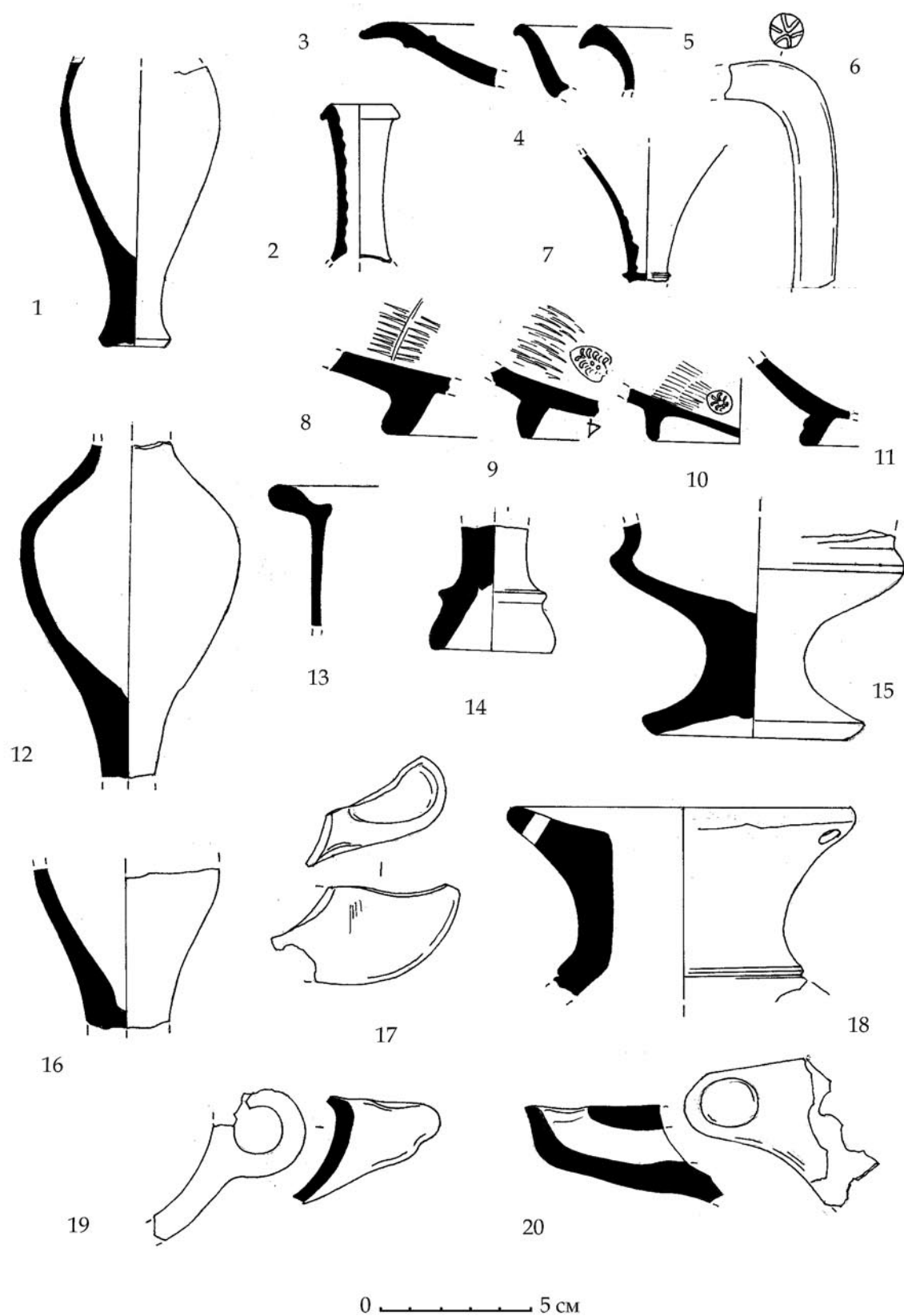

Рис. 66. Некоторые находки горизонта Е из раскопа Д

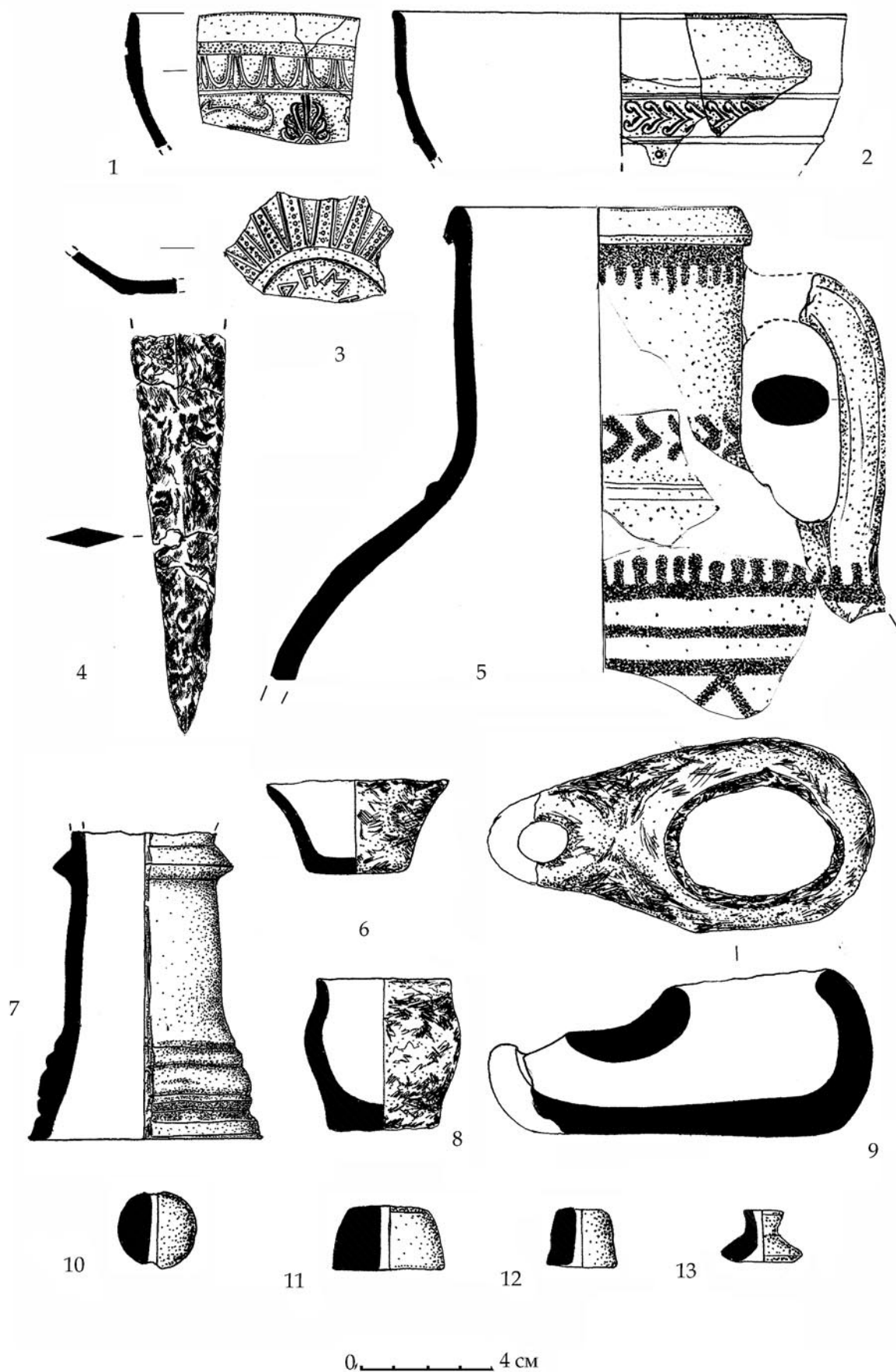

Рис. 67. Находки горизонтов E-D из раскопа VIIв.

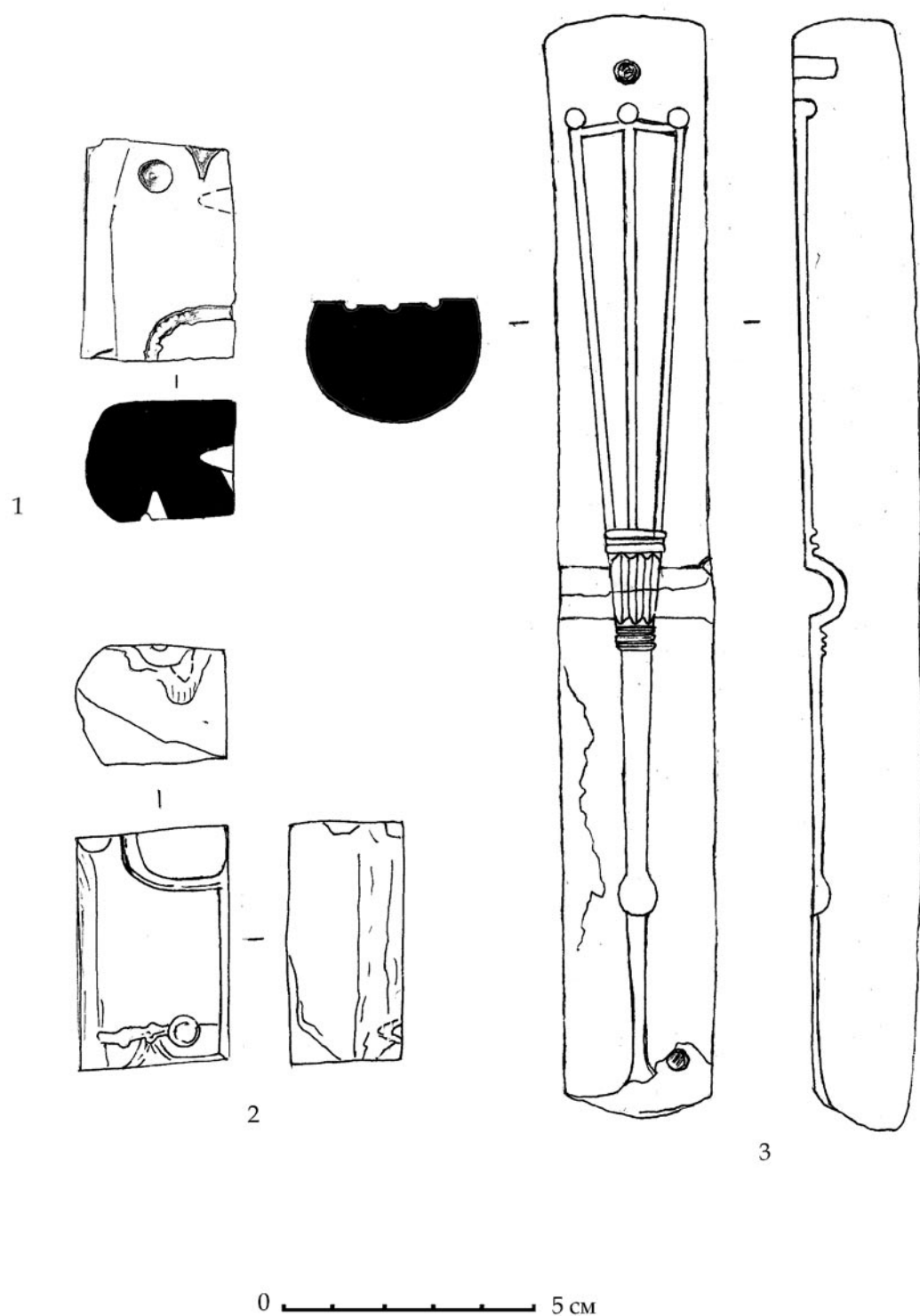

Рис. 68. Литейные формы из ручек родосских амфор горизонтов E-D. 1, 2 — раскоп Б.
3 — раскоп Е

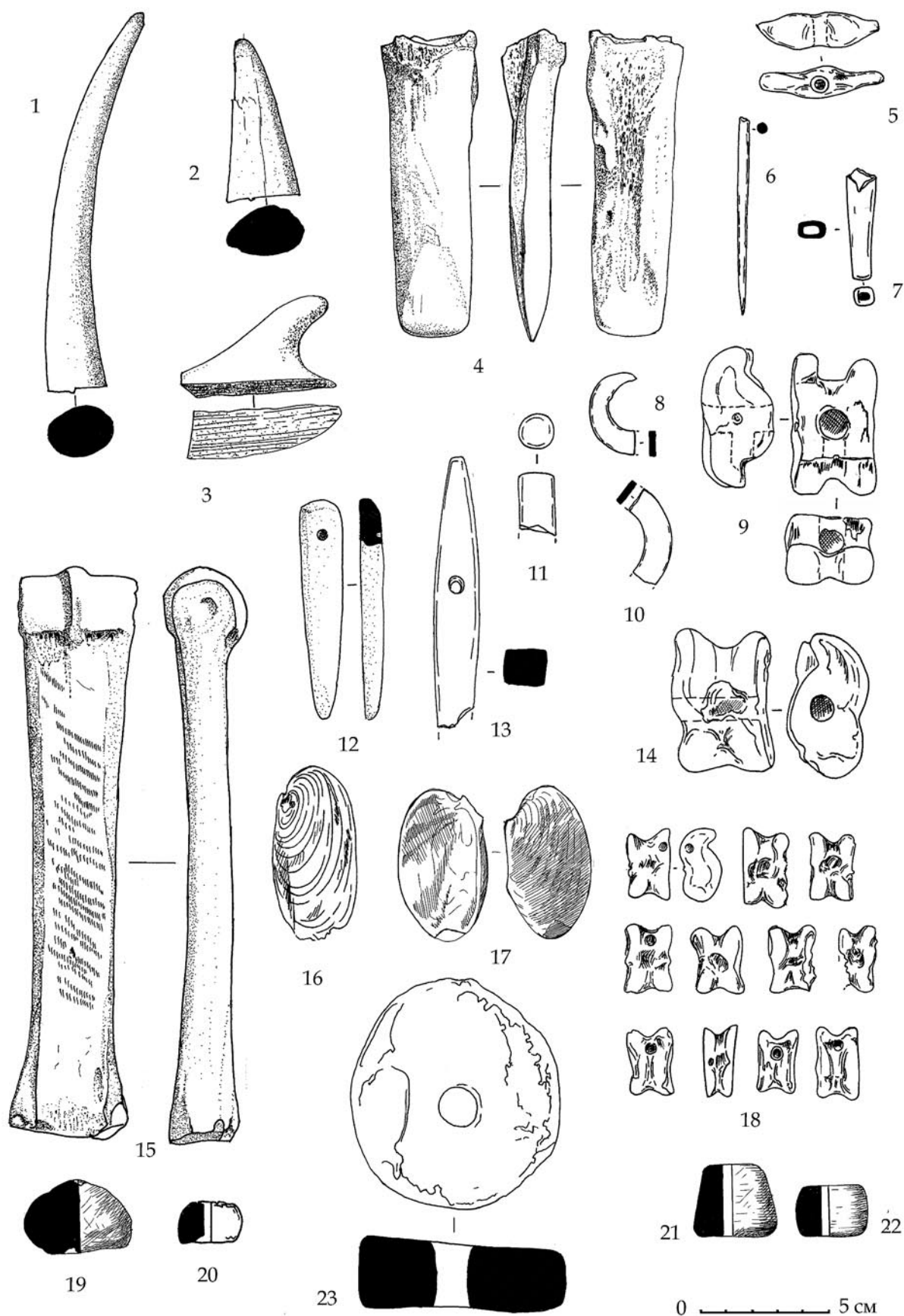

Рис. 69. Изделия из кости, камня, глины и раковин горизонтов Е-Д из различных раскопов

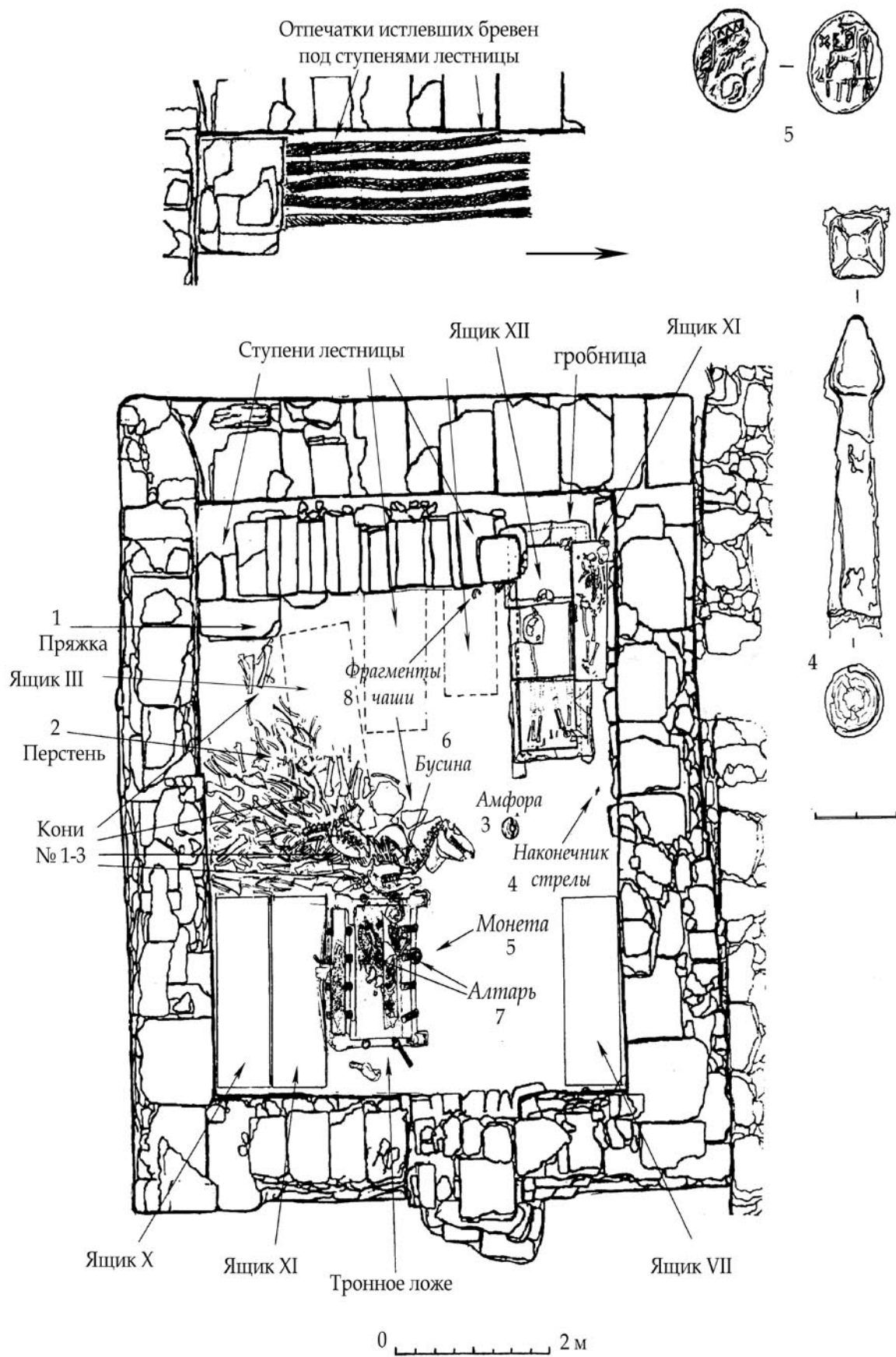

Рис. 70. План нижнего яруса мавзолея и некоторые находки с поверхности пола

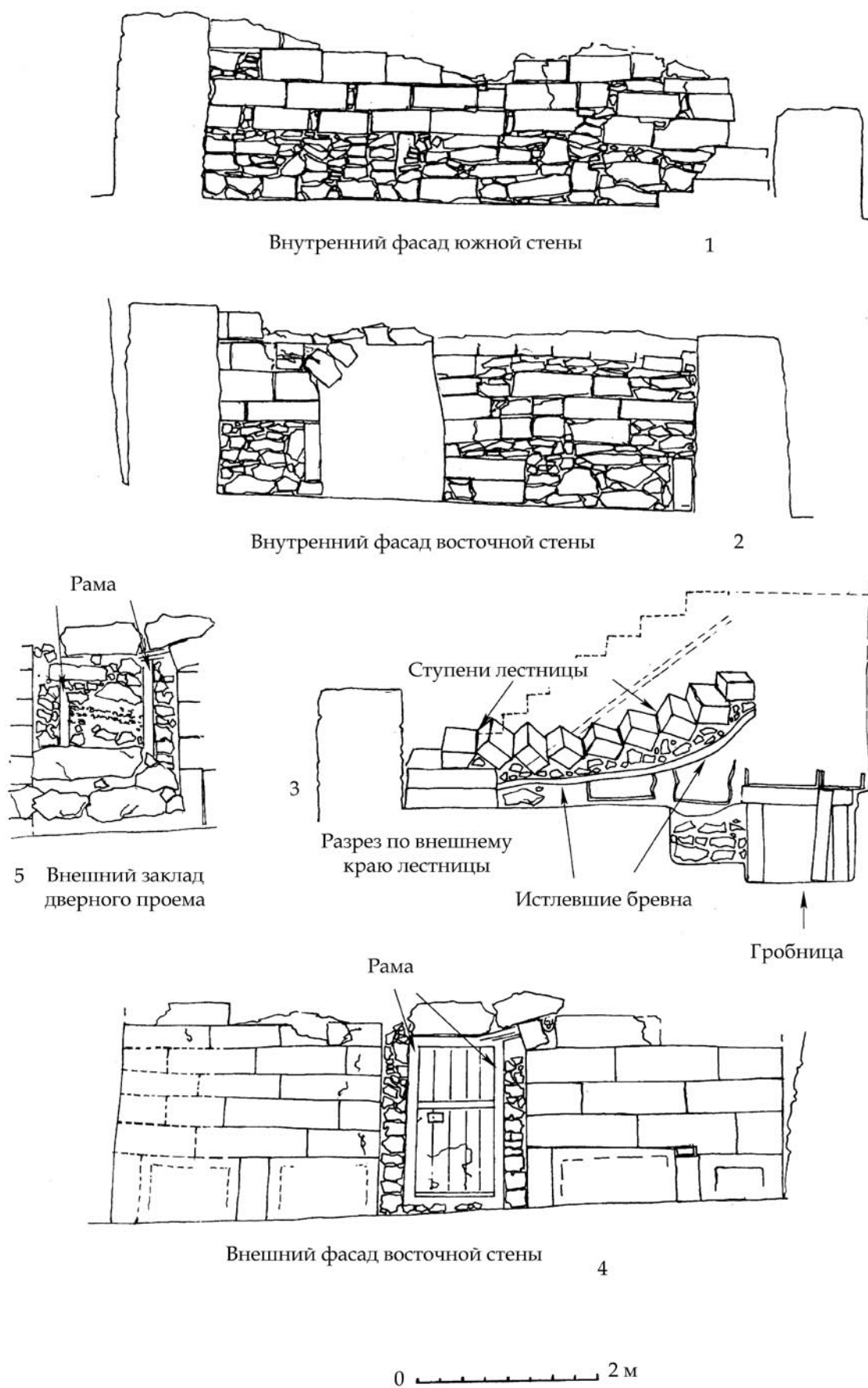

Рис. 71. Фасировки стен мавзолея

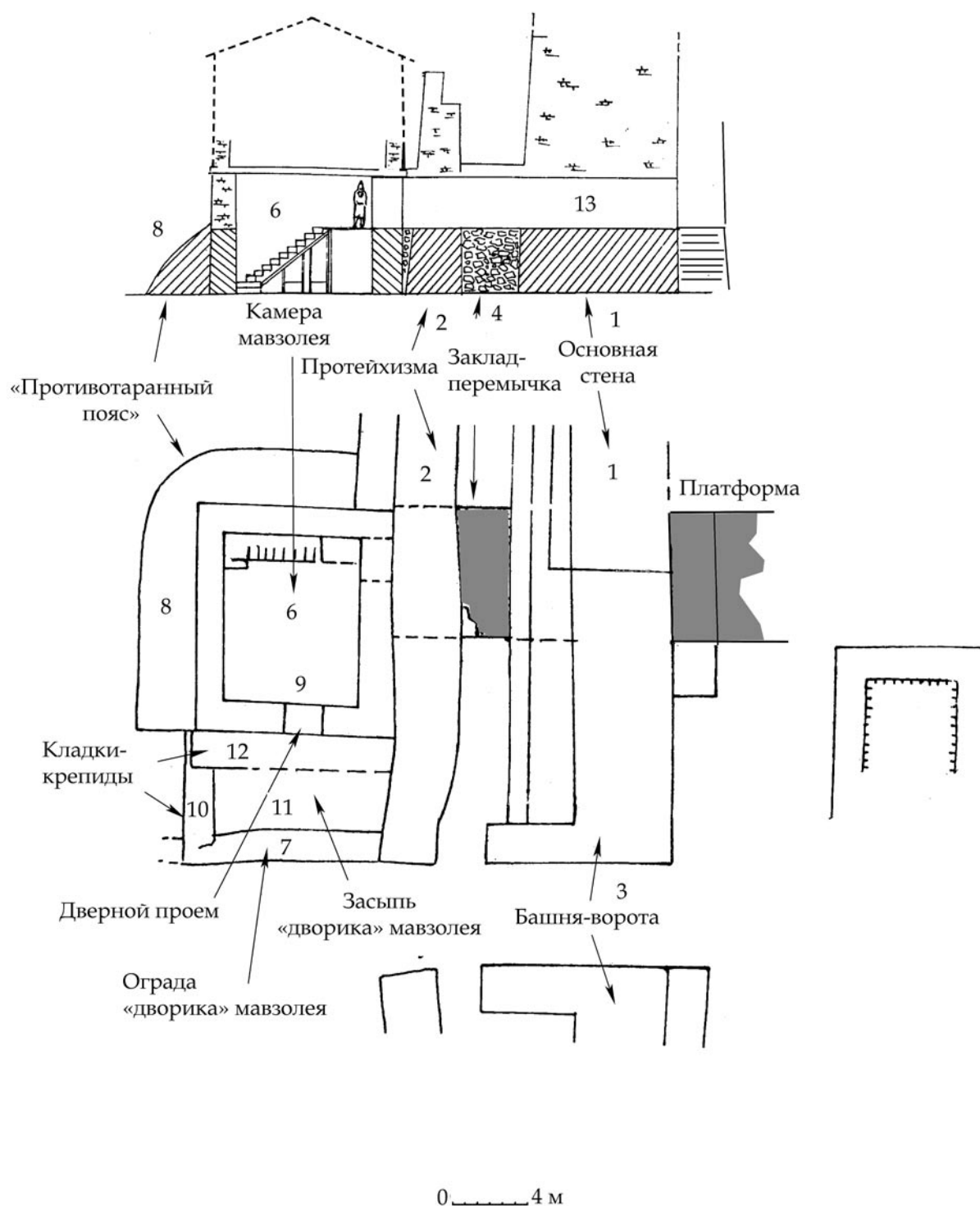

Рис. 72. План-реконструкция мавзолея в системе оборонительных сооружений центральных ворот

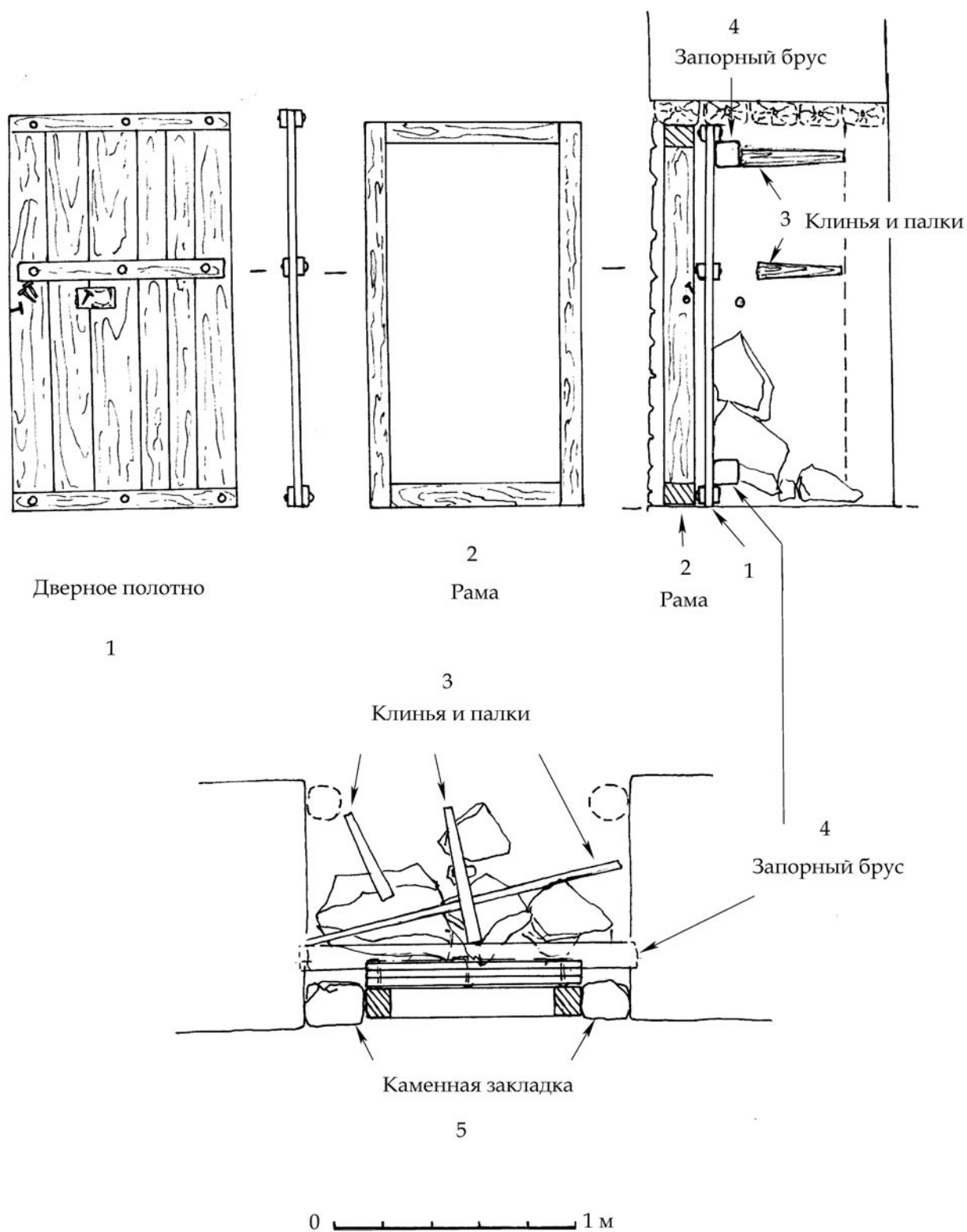

Рис. 73. Дверной проем мавзолея

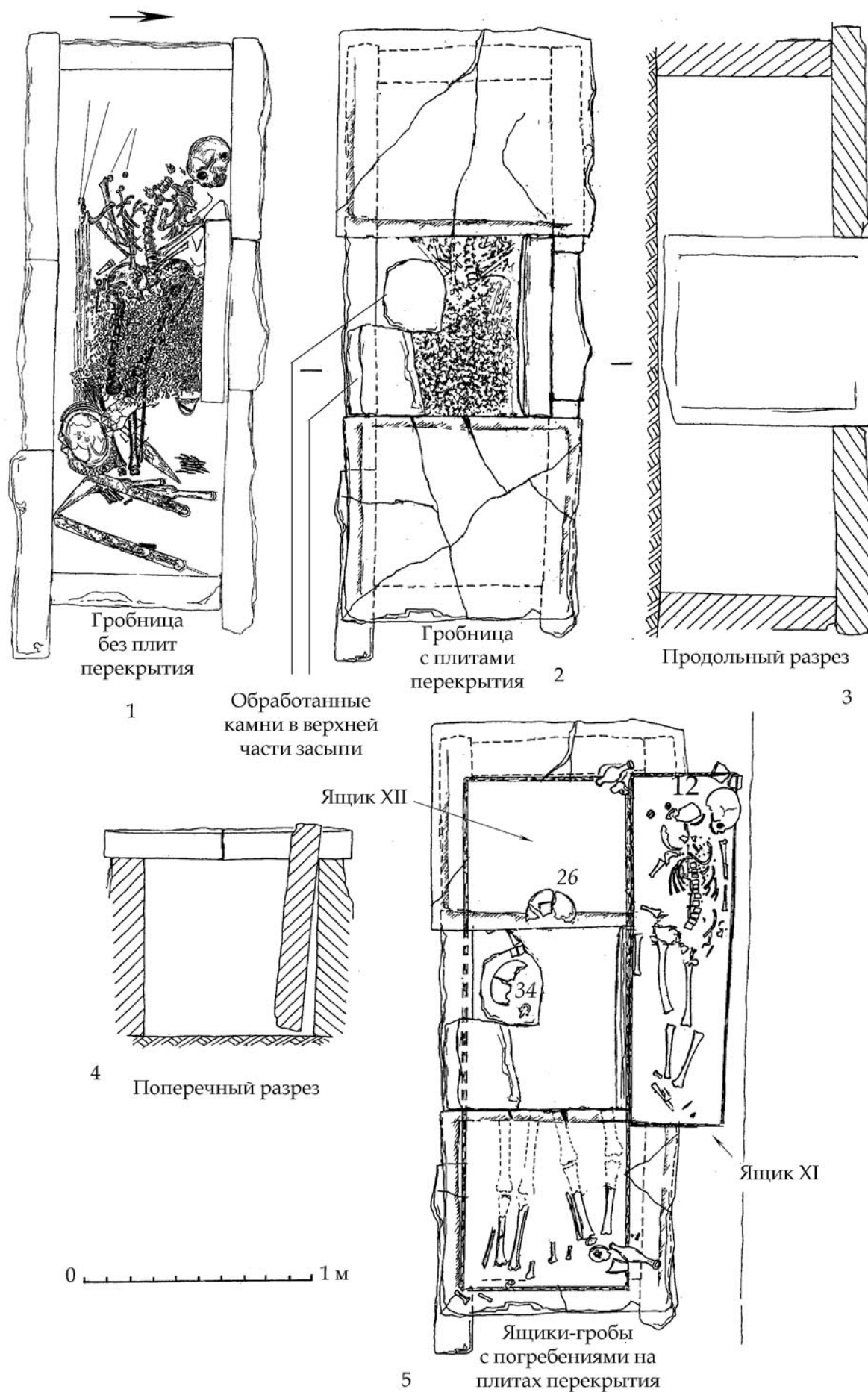

Рис. 74. Каменная гробница мавзолея. Планы, разрезы, фасировка

Чертеж О. И. Домбровского

Рис. 75. Каменная гробница мавзолея. План погребения

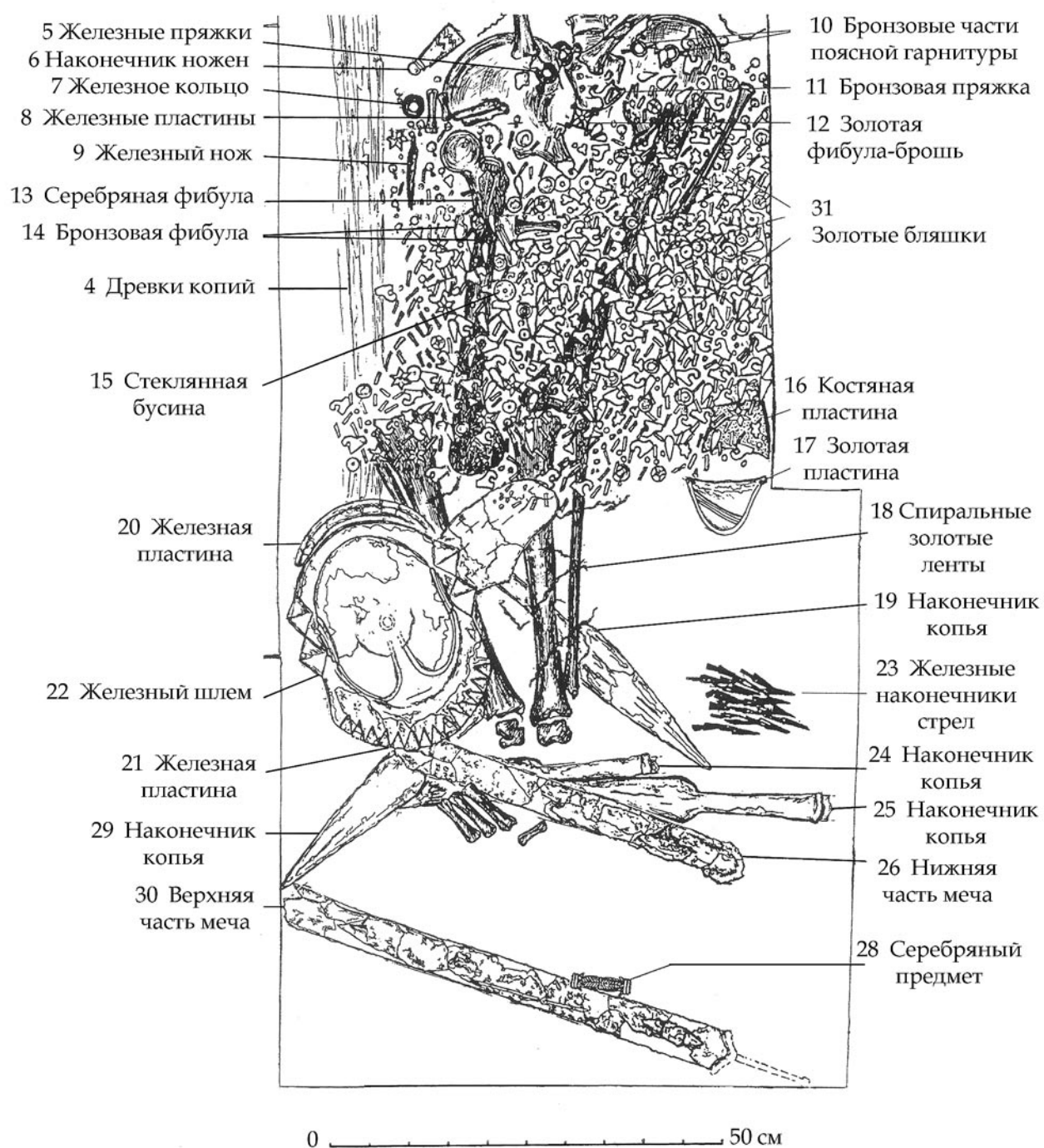

Рис. 76. Каменная гробница мавзолея. План погребения. Деталь

1

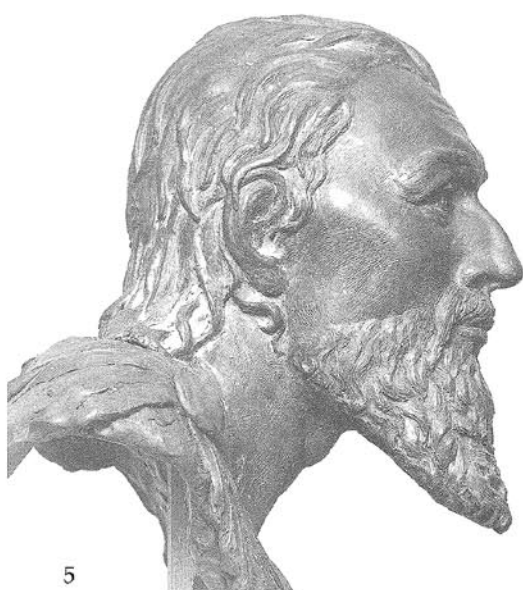
2

3

4

5

6

Рис. 77. 1 — Череп из каменной гробницы. Фото 1946 г. 2 — Череп из каменной гробницы. Рисунок М. М. Герасимова. 3–6 — Реконструкция лица по черепу из каменной гробницы. Варианты М. М. Герасимова

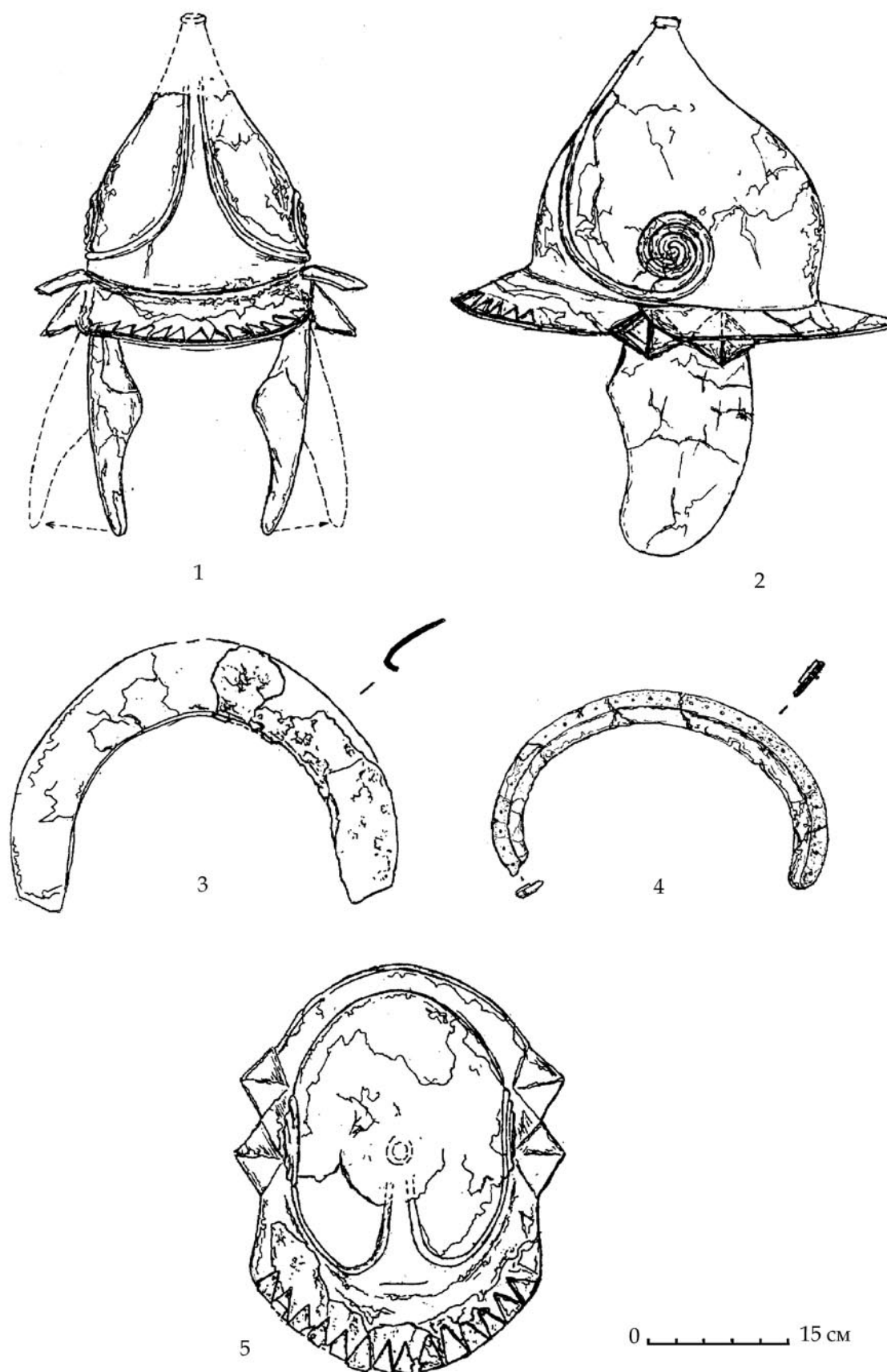

Рис. 78. Шлем из каменной гробницы мавзолея

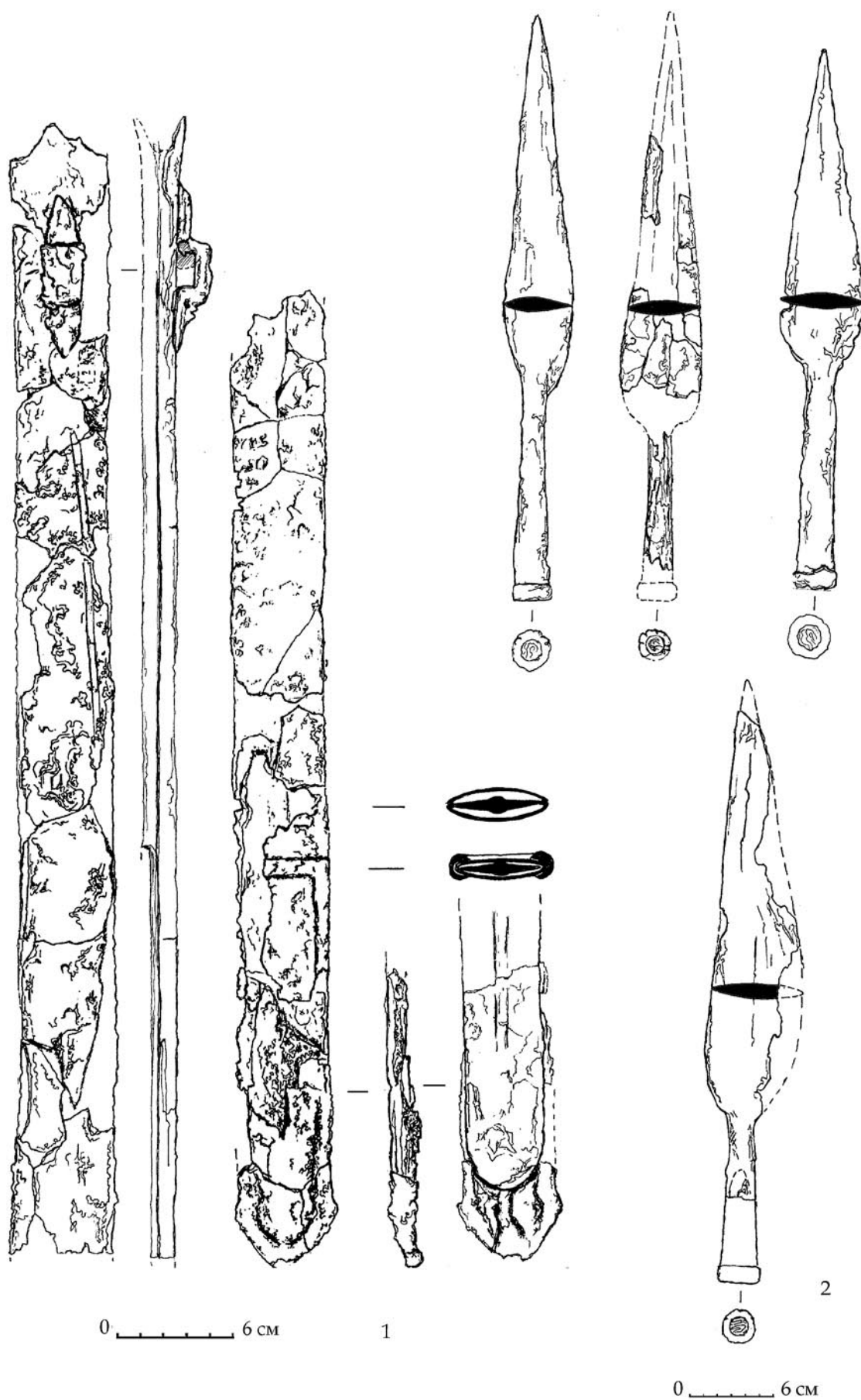

Рис. 79. Меч и копья из каменной гробницы мавзолея

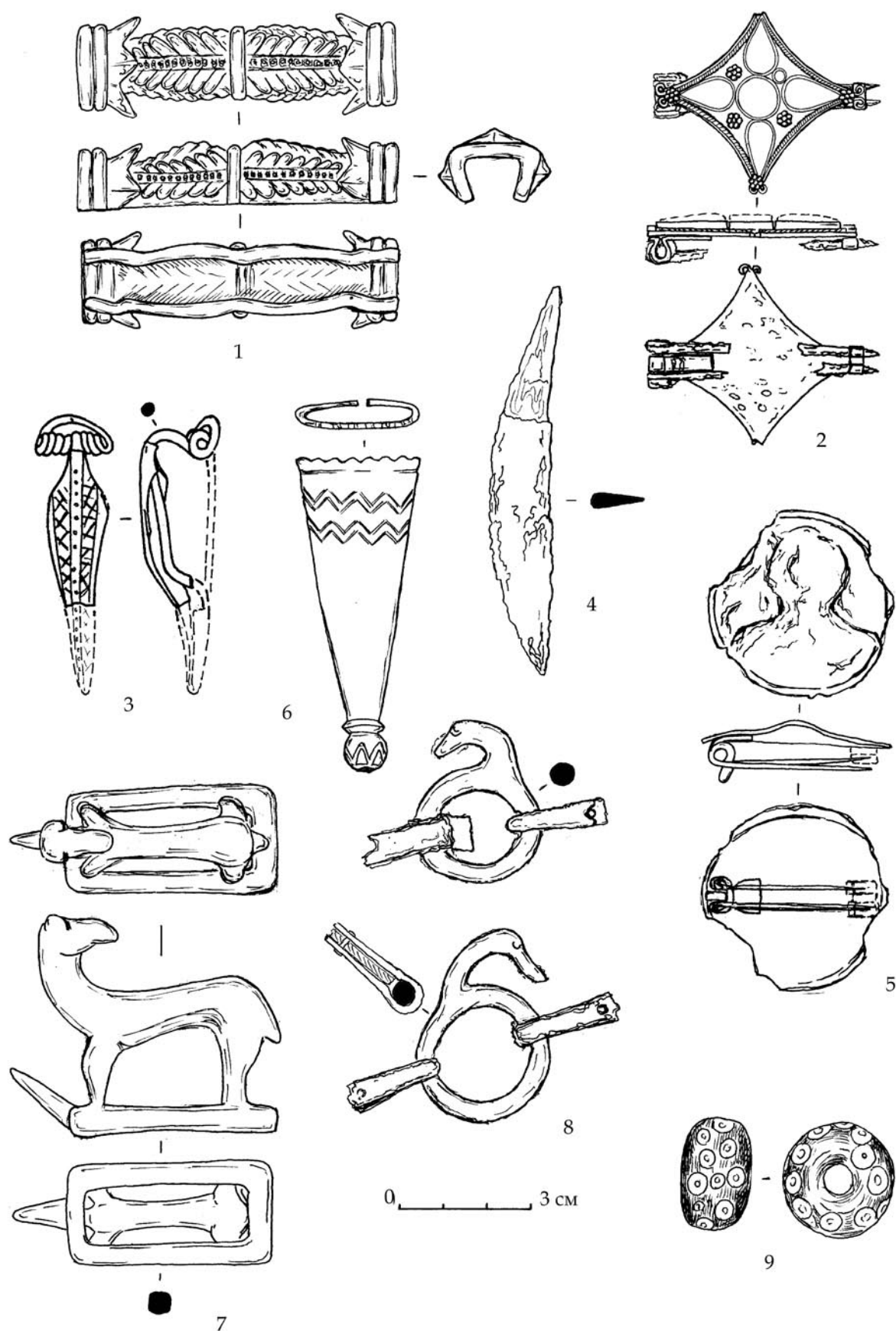

Рис. 80. Находки из каменной гробницы мавзолея

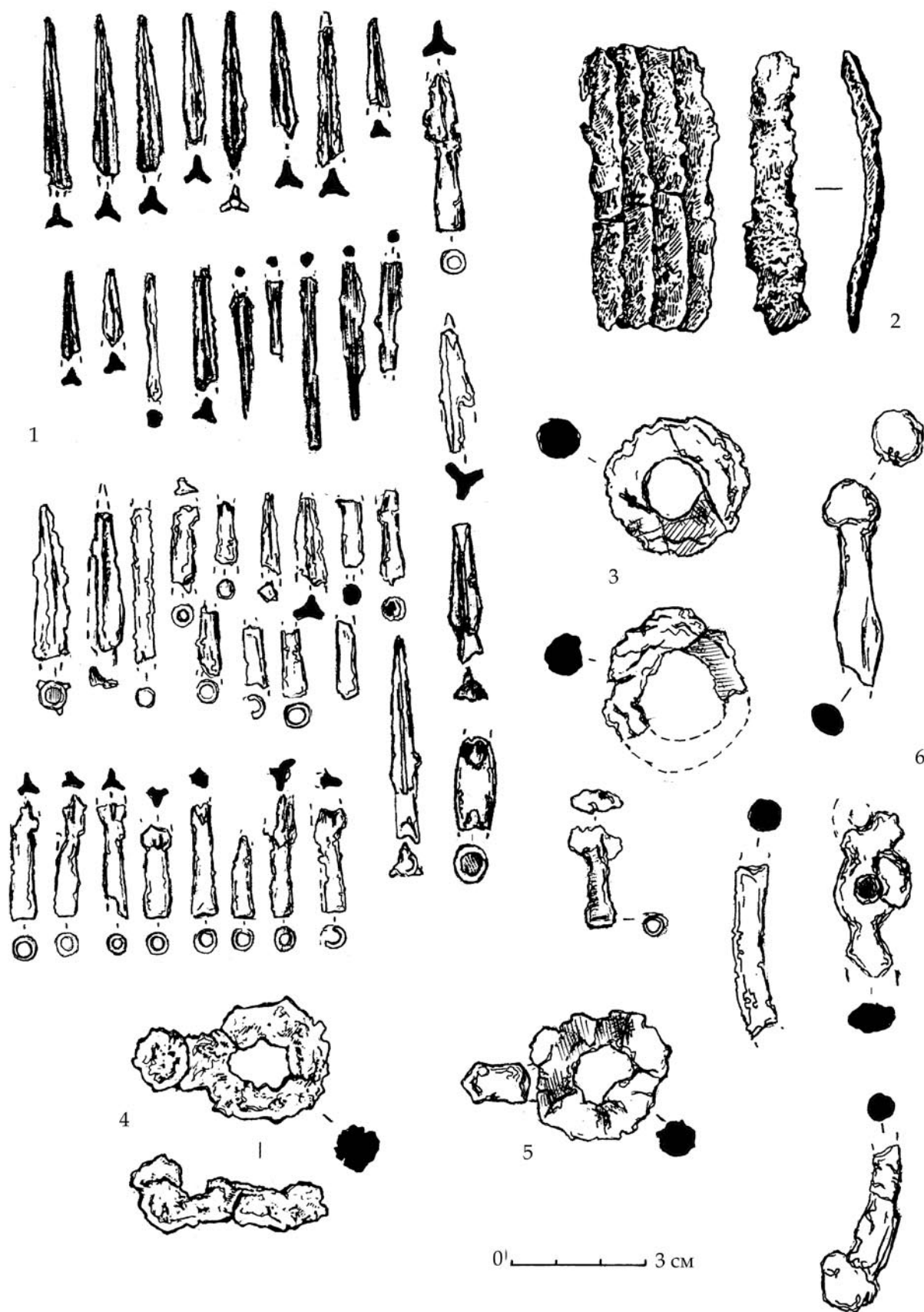

Рис. 81. Предметы из железа из каменной гробницы мавзолея

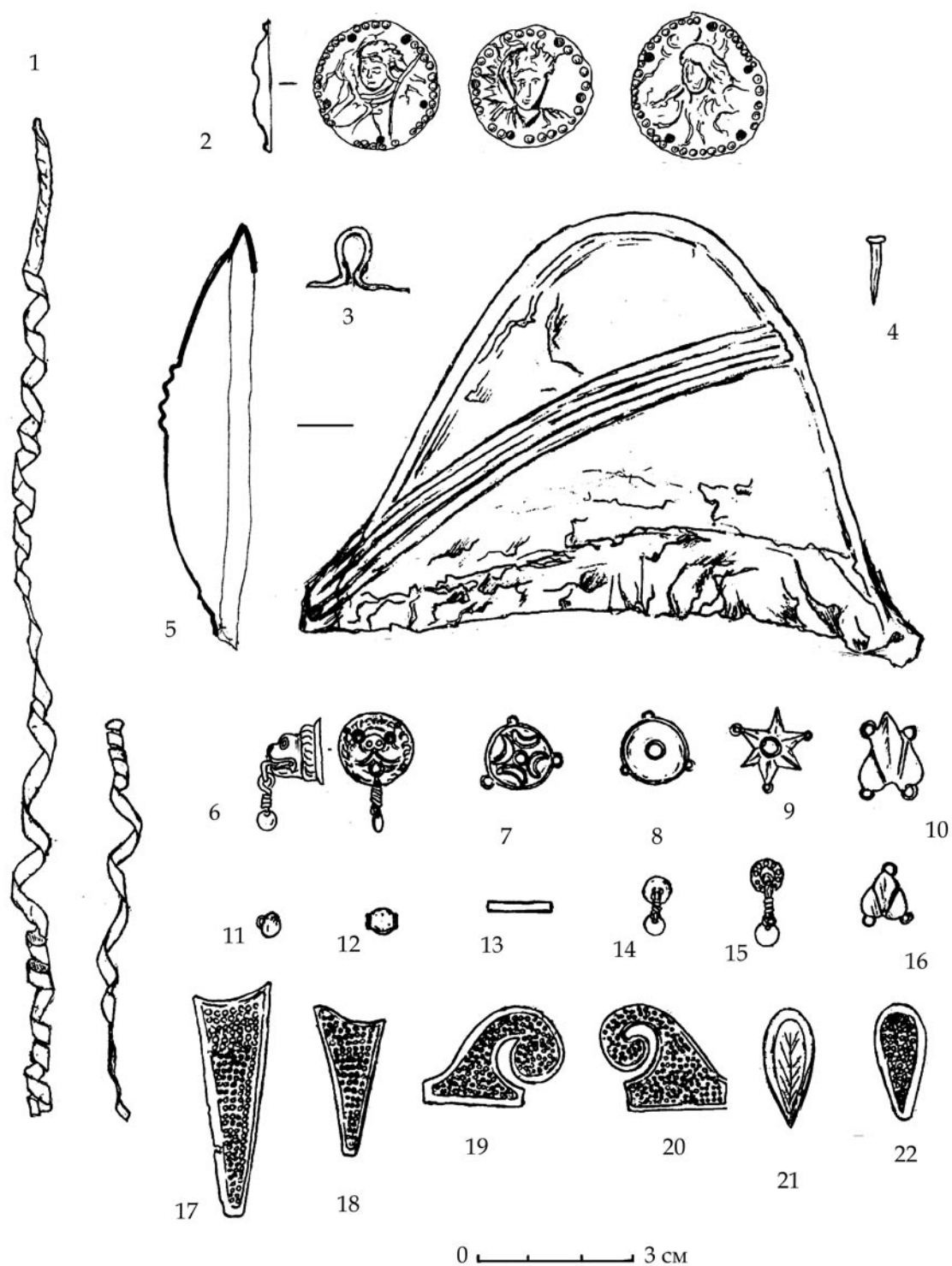

Рис. 82. Золотые украшения из каменной гробницы мавзолея

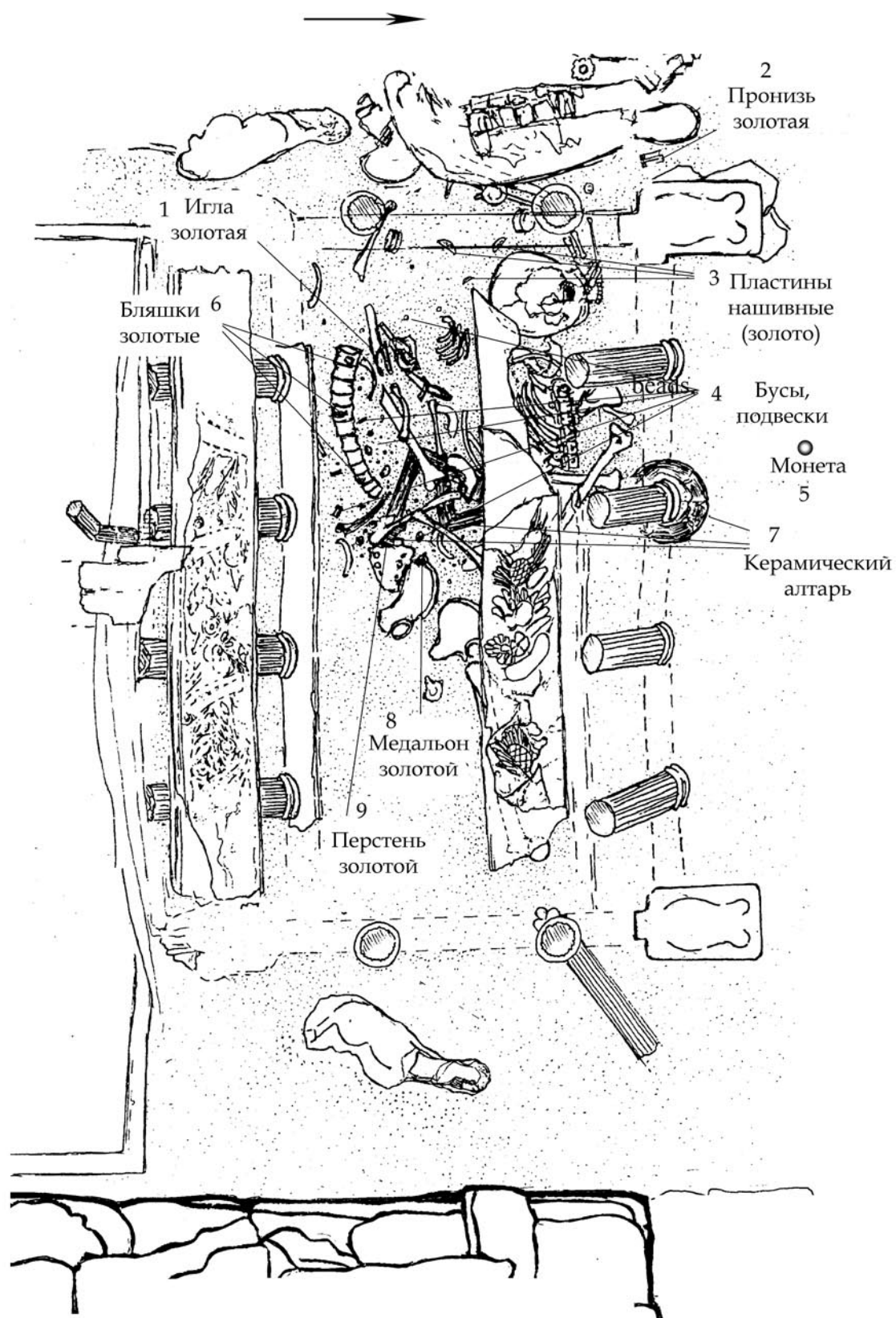

Рис. 83. План расположения остатков тронного ложа из мавзолея с обозначением находок и костных останков

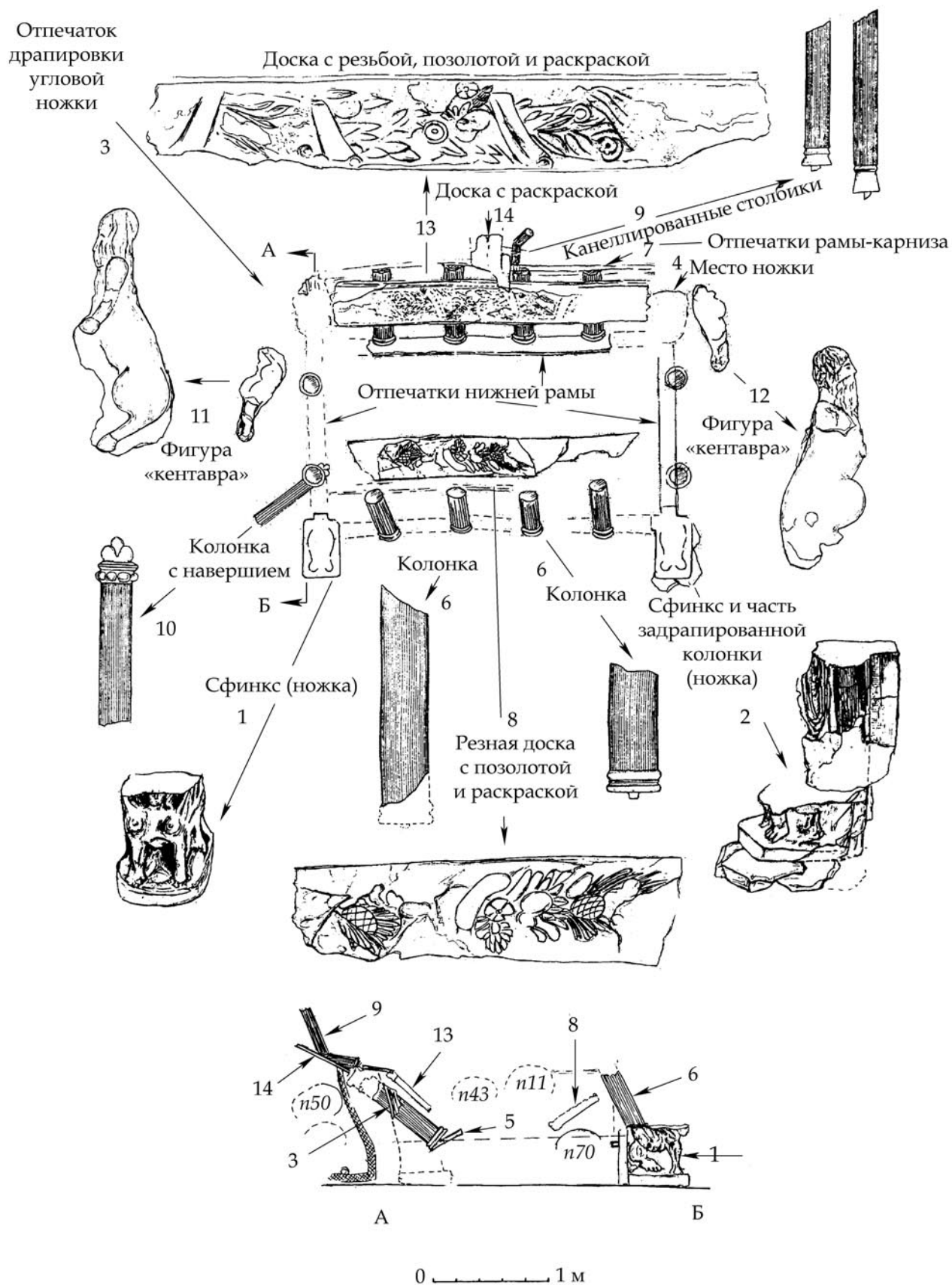

Рис. 84. План расположения деталей тронного ложа из мавзолея

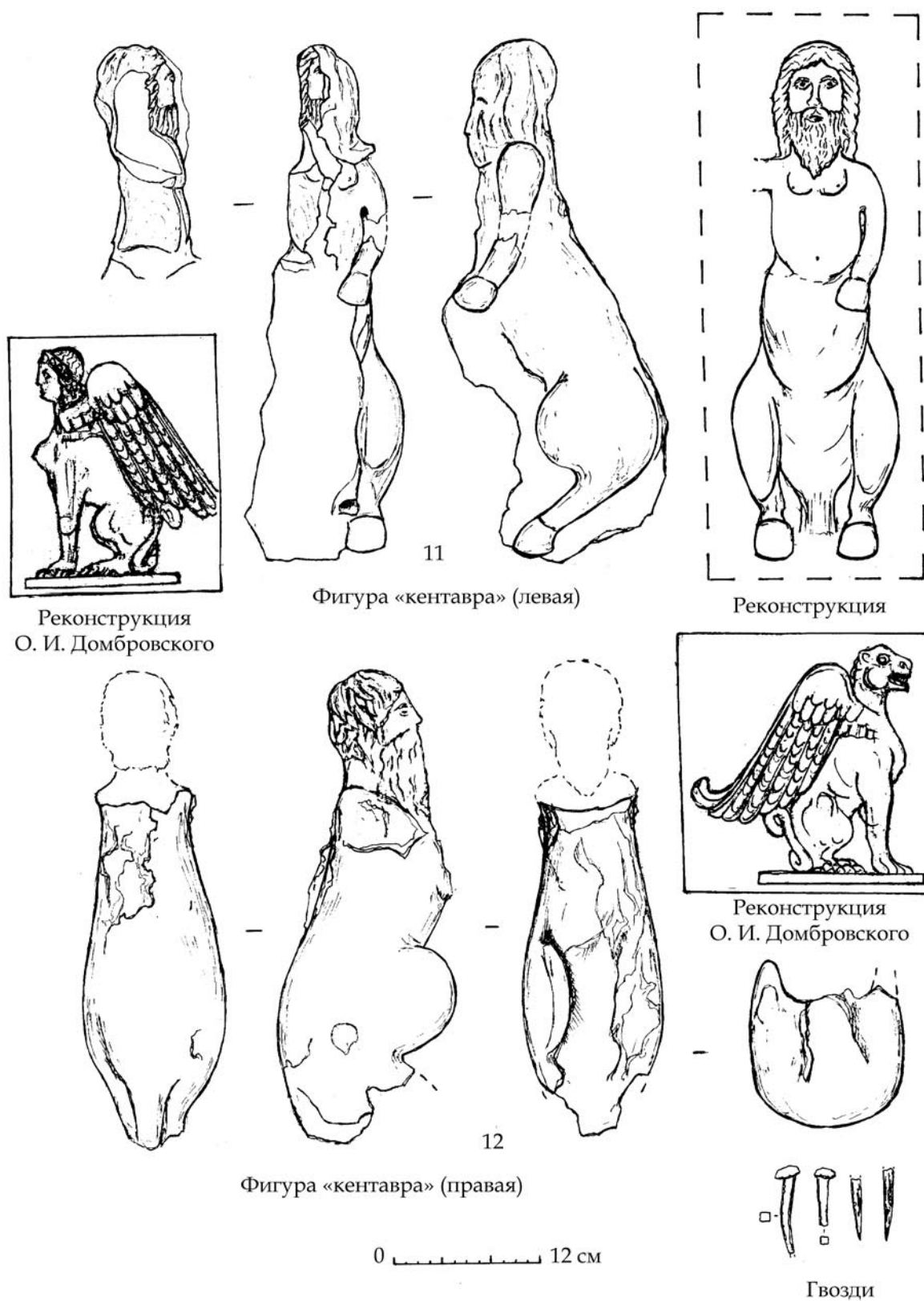

Рис. 85. Резные детали тронного ложа из мавзолея

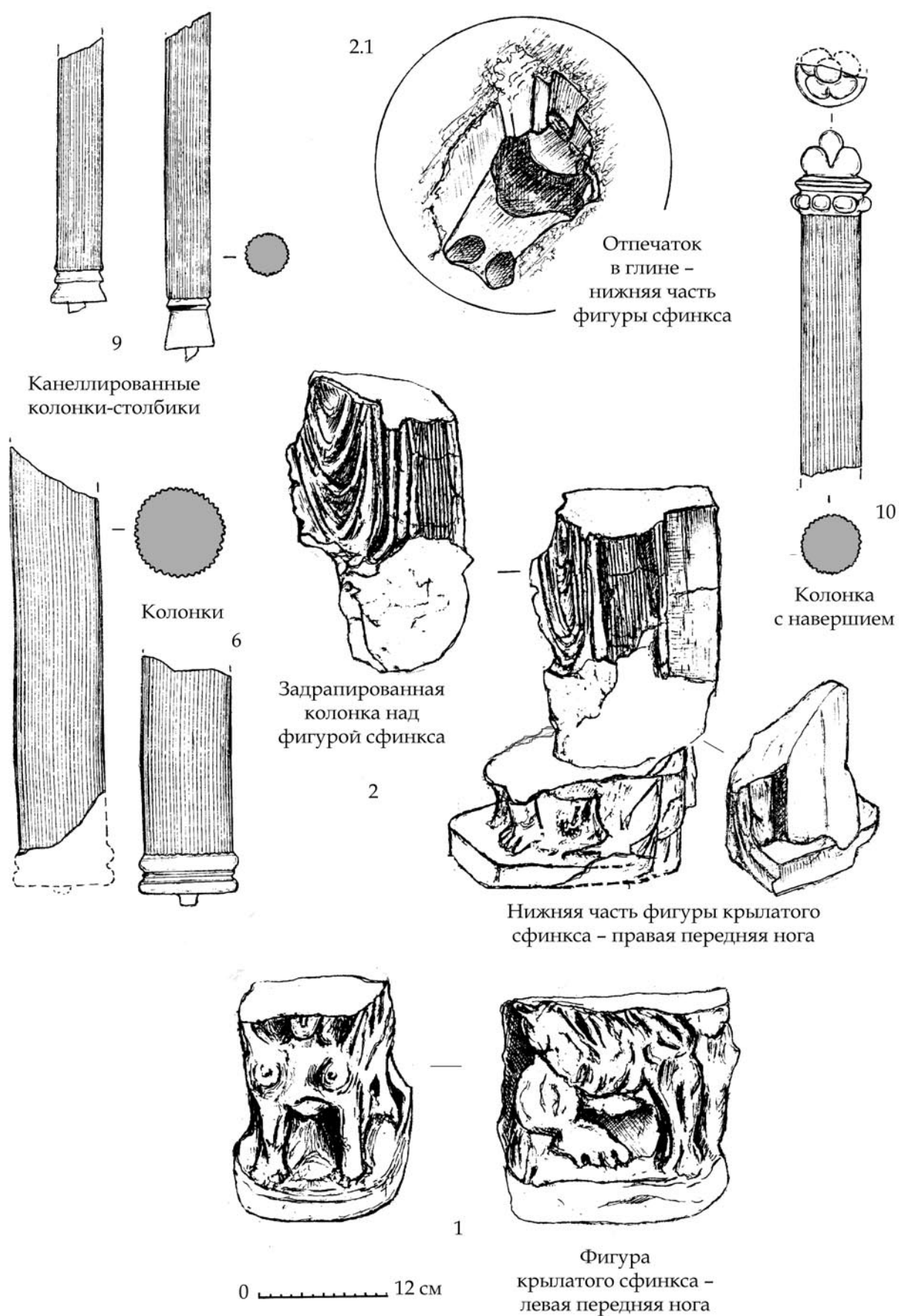

Рис. 86. Резные детали тронного ложа из мавзолея

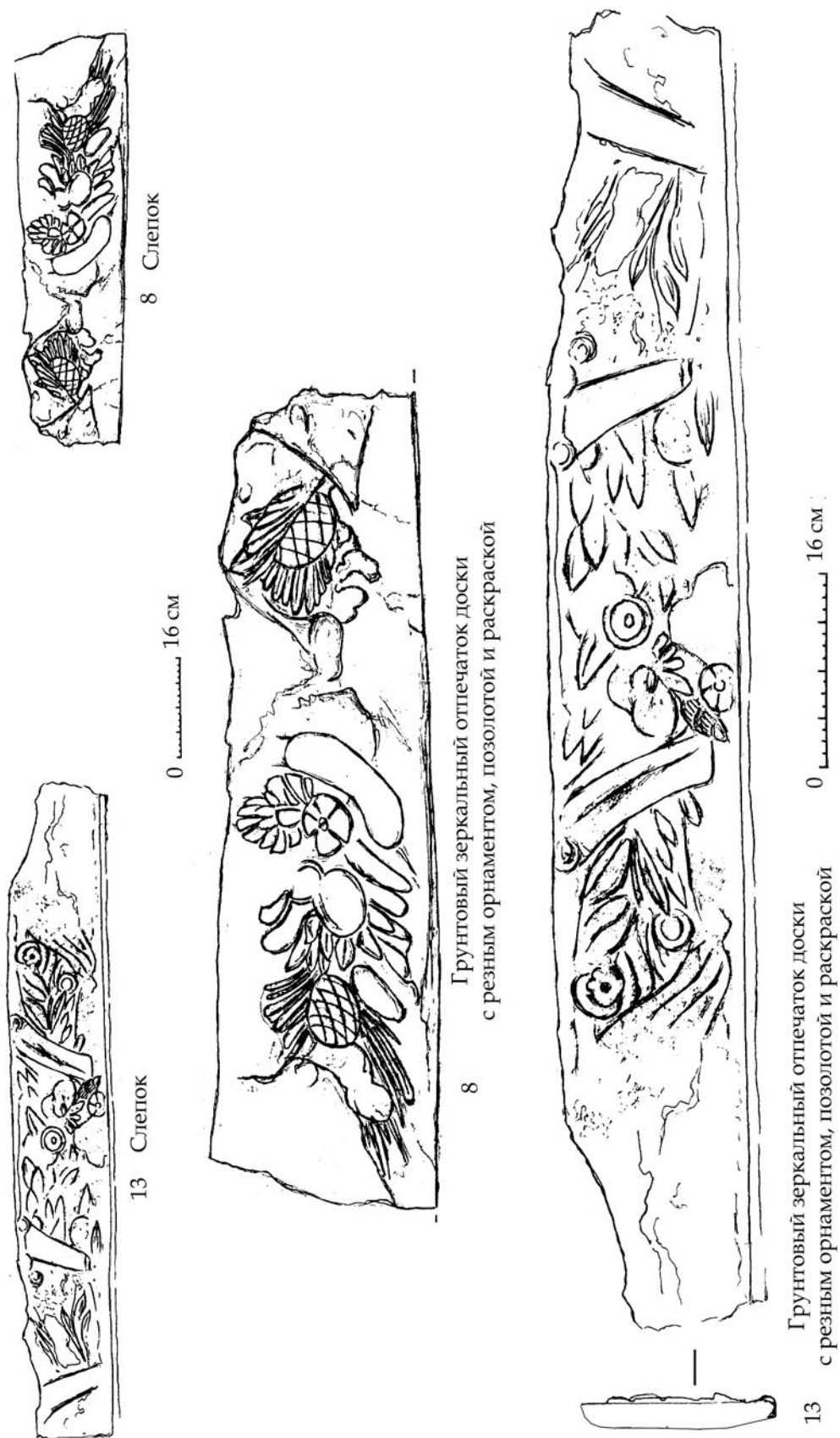
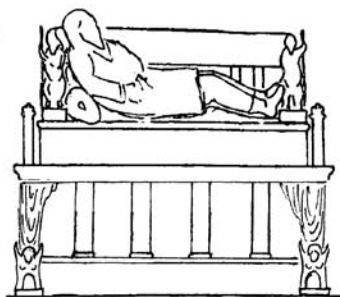

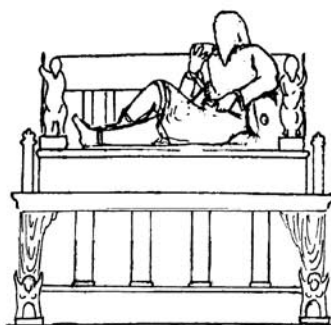
Рис. 87. Резные детали тронного ложа из мавзолея

1

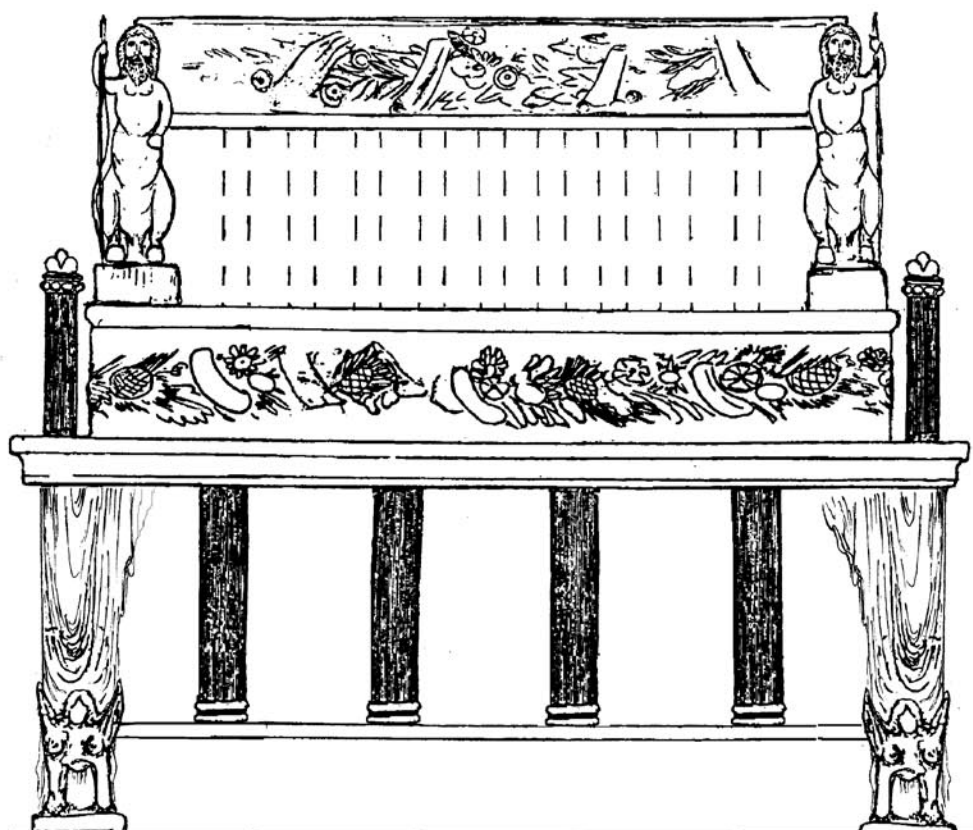

2

3

Варианты использования тронного ложа

4

0 ————— 50 см

Рис. 88. Вариант реконструкции тронного ложа из мавзолея

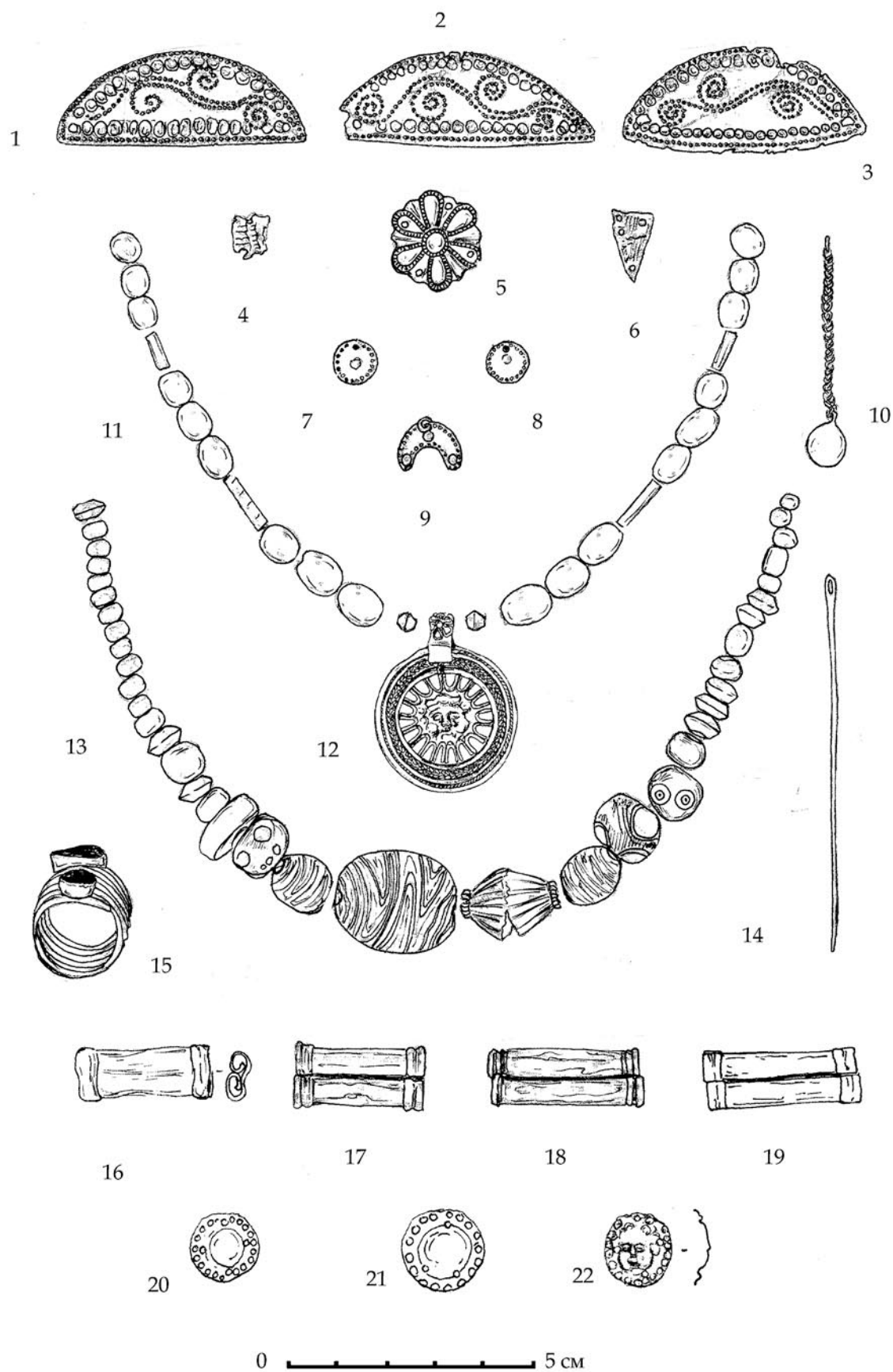

Рис. 89. Находки из-под тронного ложа в мавзолее

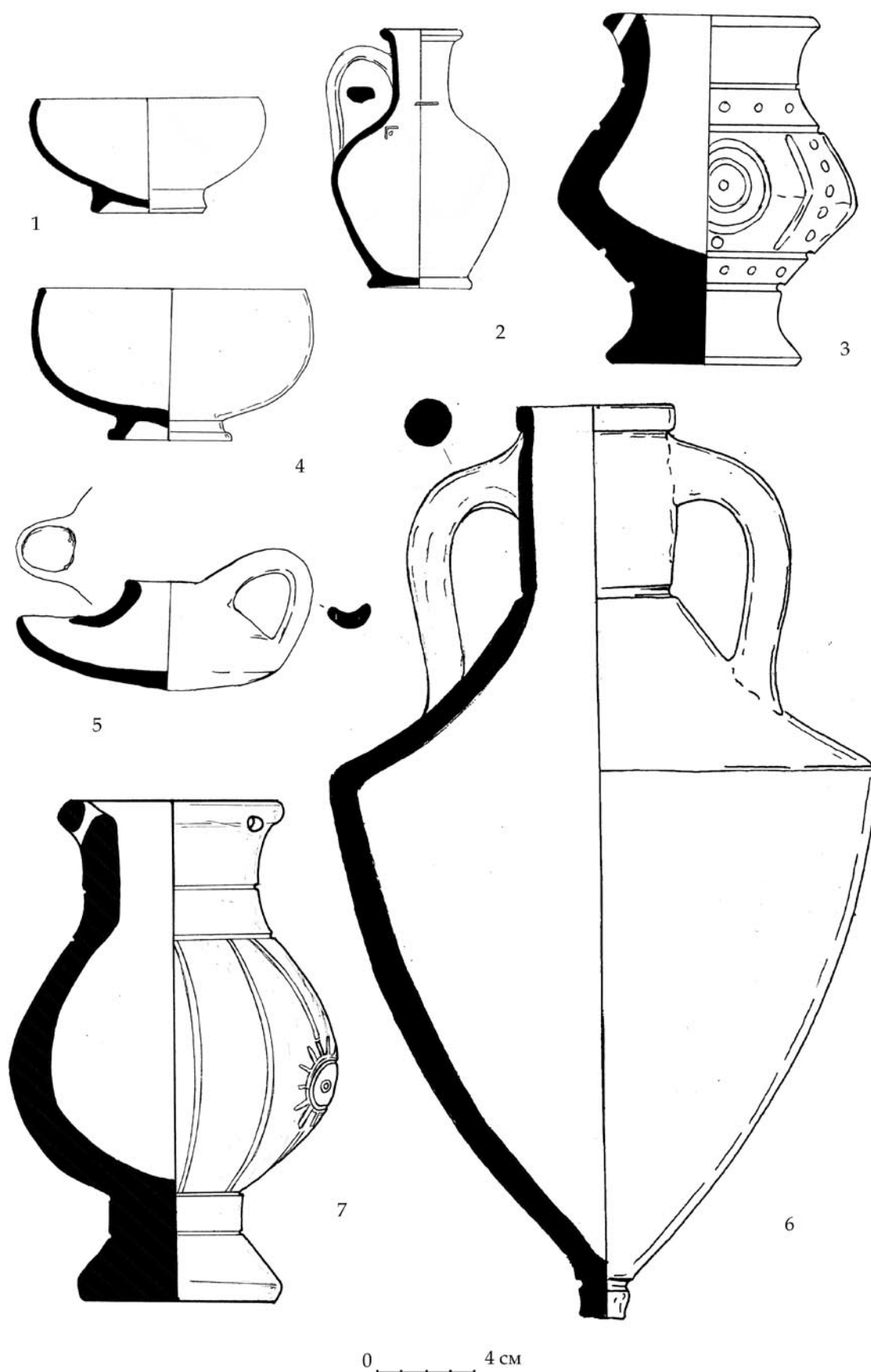

Рис. 90. Сосуды из погребений мавзолея. 1 — ящик XII. 2, 3 — ящик III. 4, 6 — пол камеры мавзолея. 5 — ящик X. 7 — ящик II

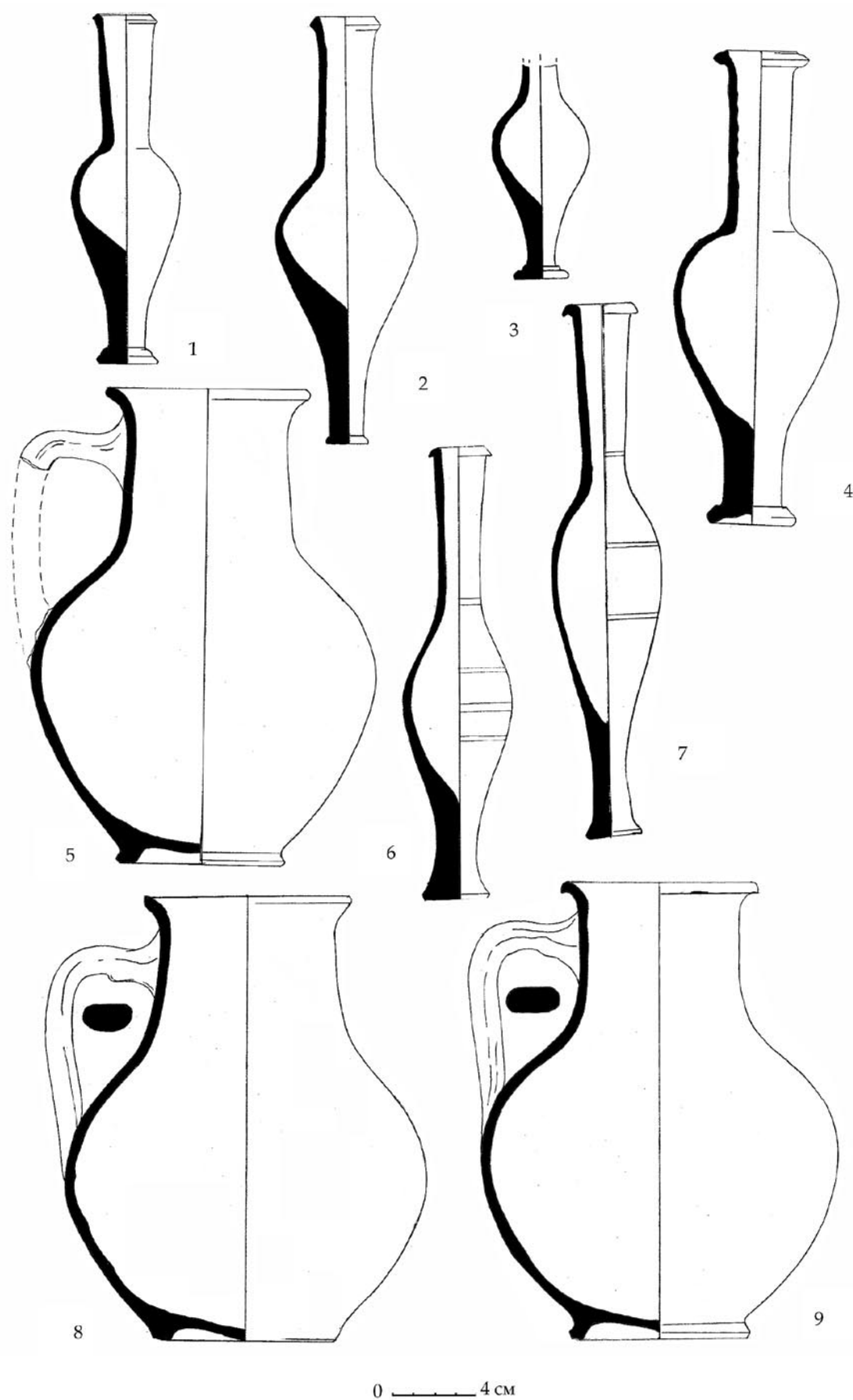

Рис. 91. Сосуды из погребений мавзолея. 1, 6 — ящик XII. 2 — ящик III. 3 — ящик II. 4 — ящик XI. 5, 7, 8 — ящик X. 9 — ящик X, погребение 16

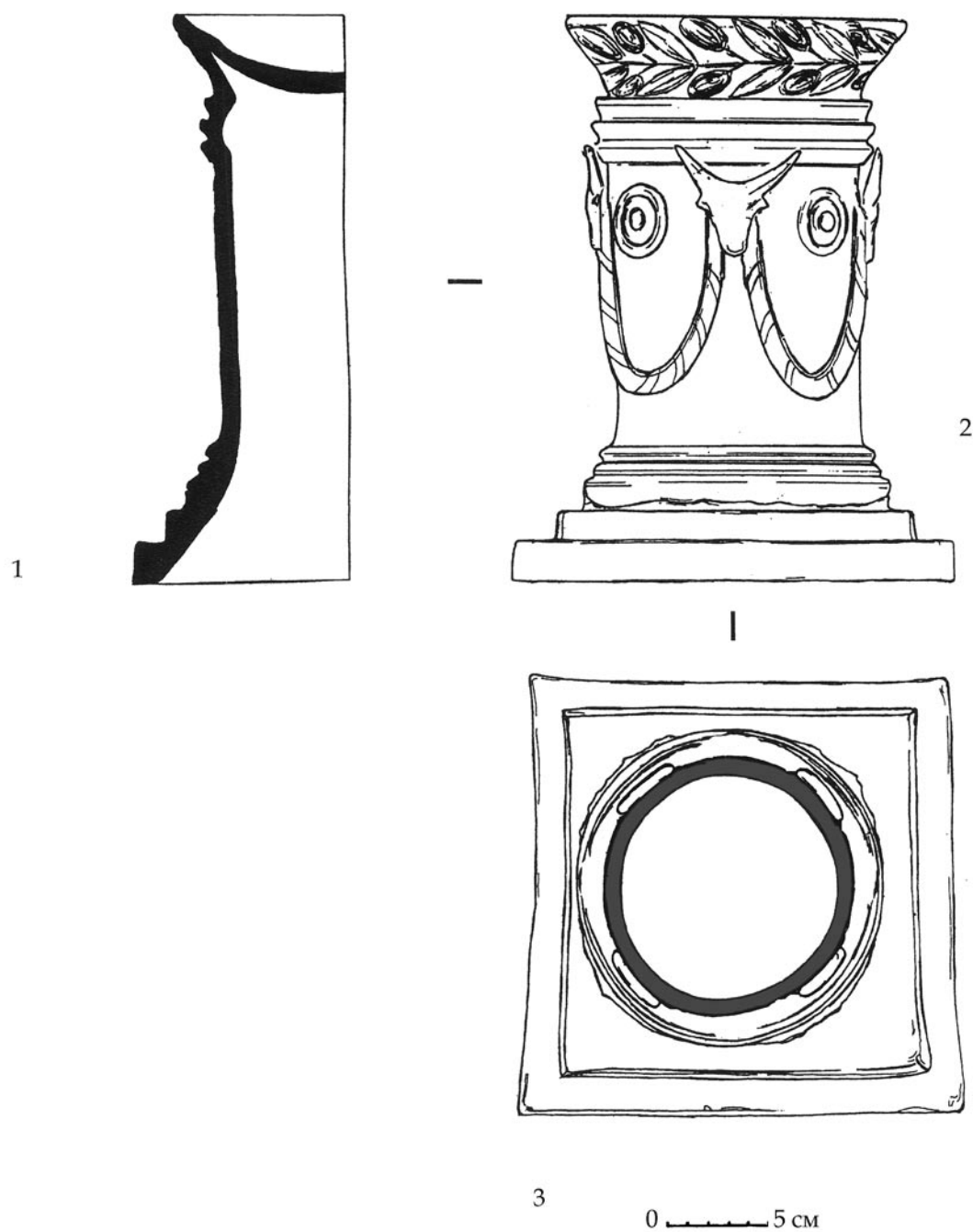

Рис. 92. Керамический алтарь из мавзолея

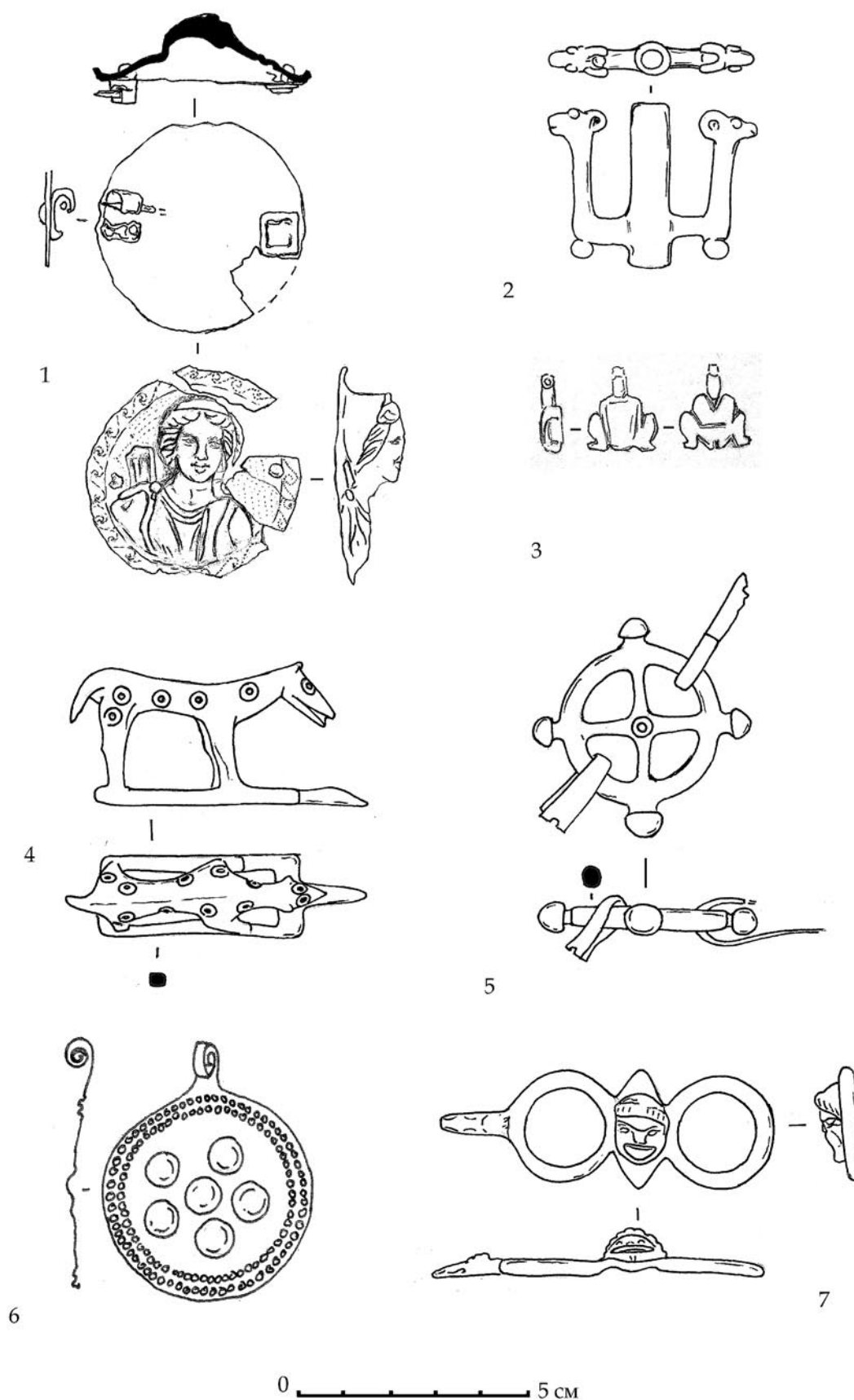

Рис. 93. Некоторые находки из погребений мавзолея. 1 — ящик VII. 2 — погребение 3. 3 — ящик II. 4, 5 — ящик II, погребение 30. 6 — ящик III. 7 — погребение 19

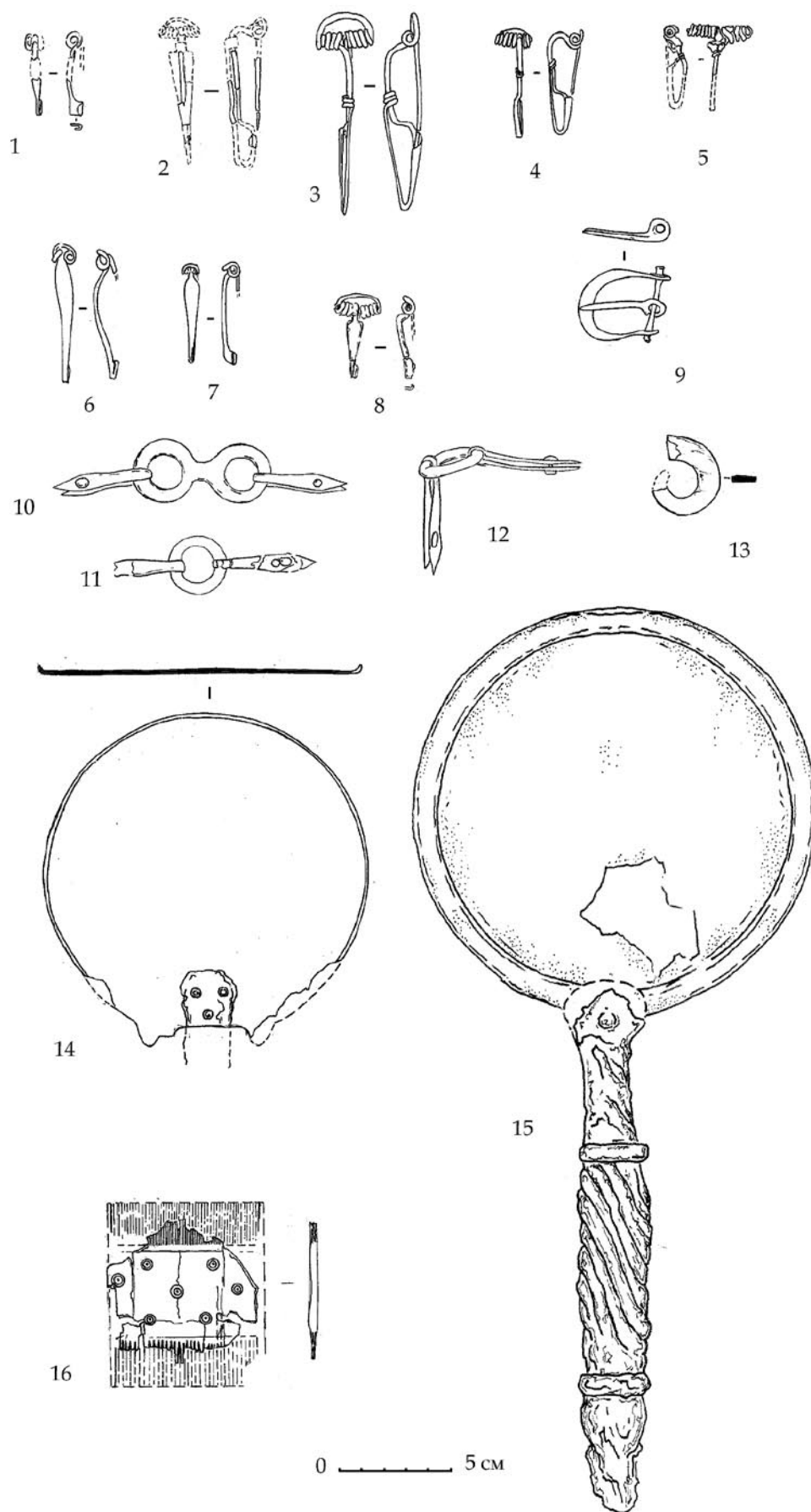

Рис. 94. Некоторые находки из погребений мавзолея. 1, 2, 10-12 — ящик I. 3, 5, 7, 14 — ящик VII. 4, 6 — ящик X. 9 — ящик IX. 13 — ящик II. 15 — ящик III. 16 — ящик XV

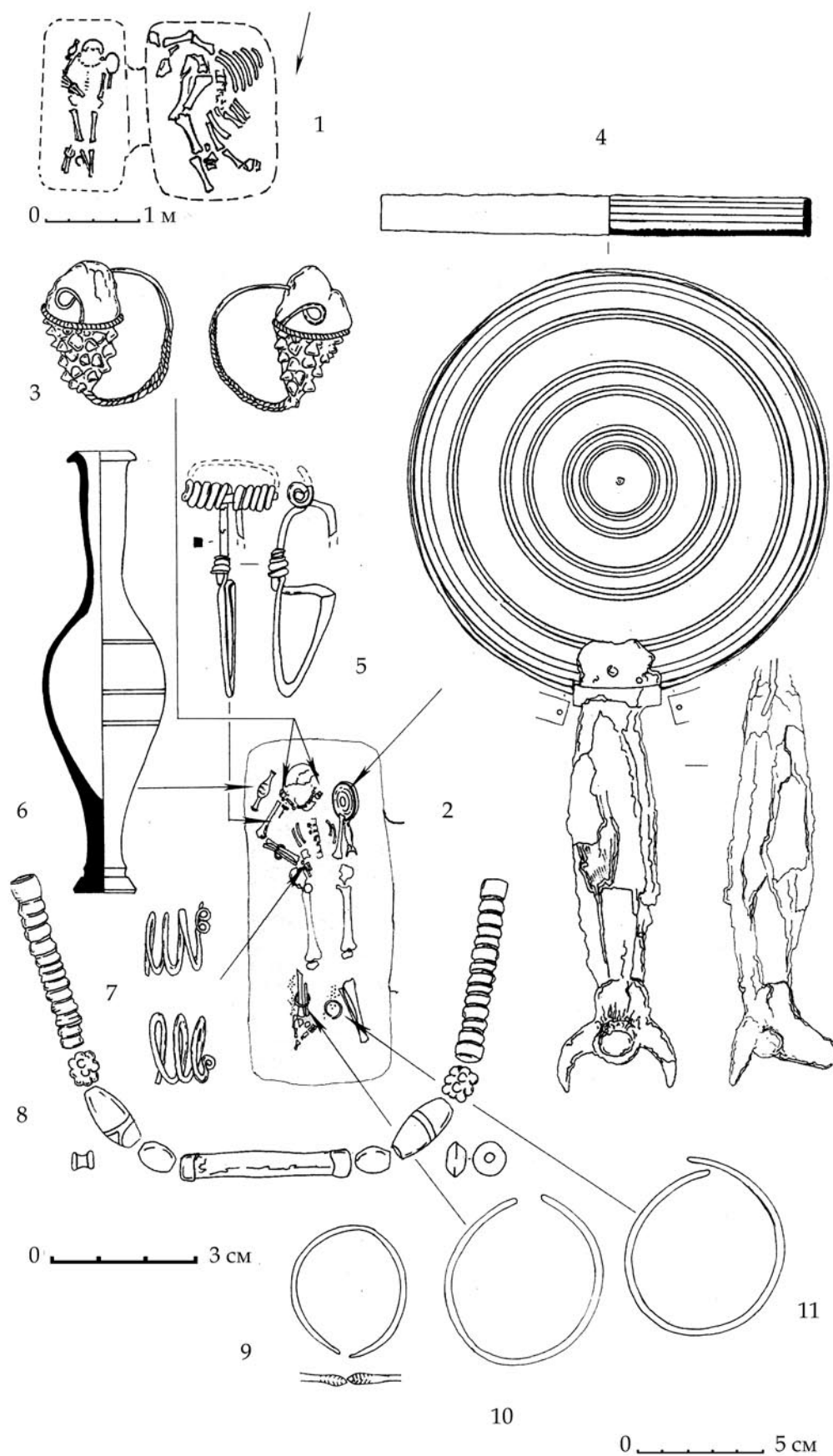

Рис. 95. Погребение № 21 Восточного некрополя Неаполя скифского. План и находки

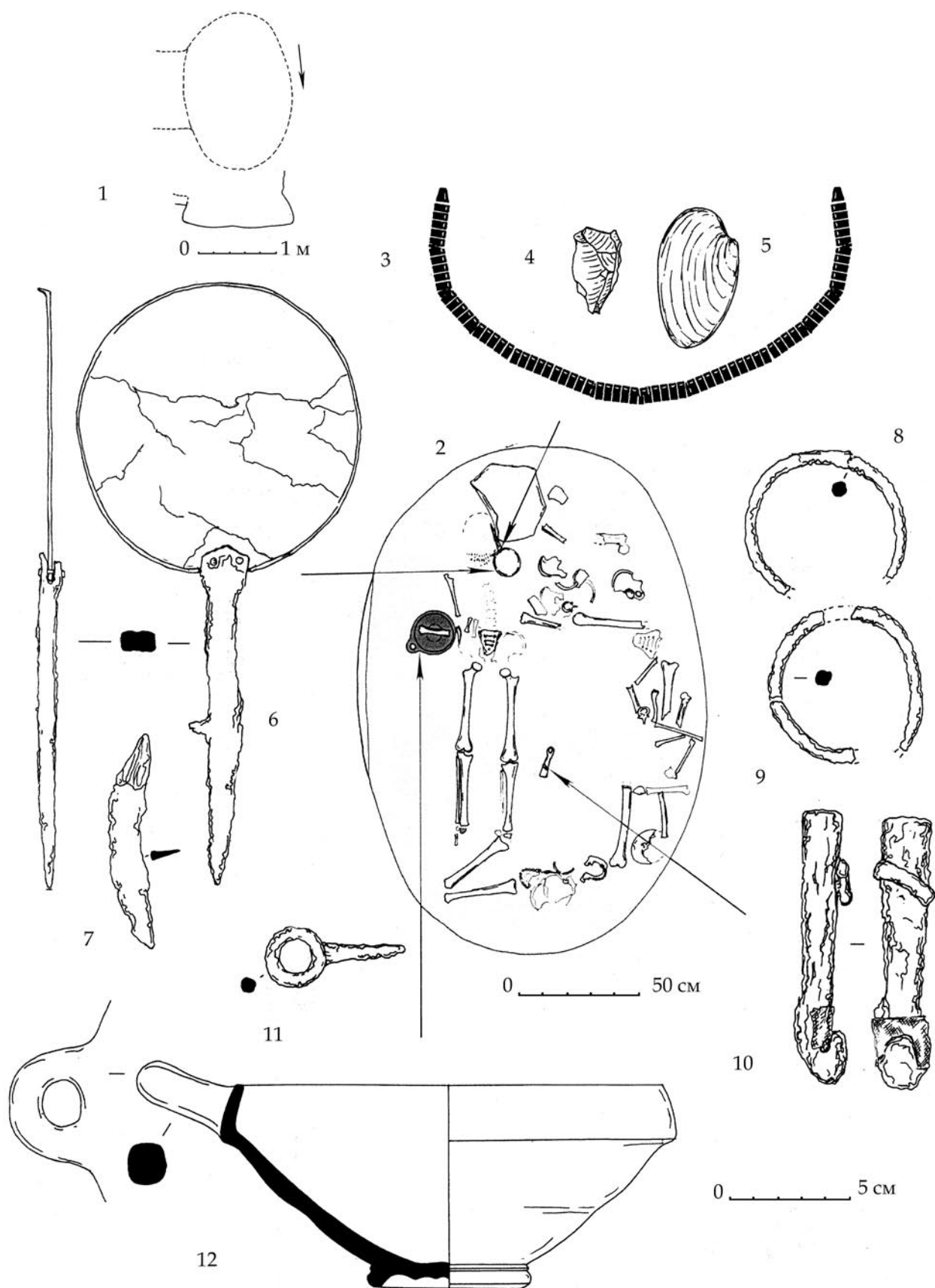

Рис. 96. Погребение № 57/1982 Восточного некрополя Неаполя скифского. План и находки

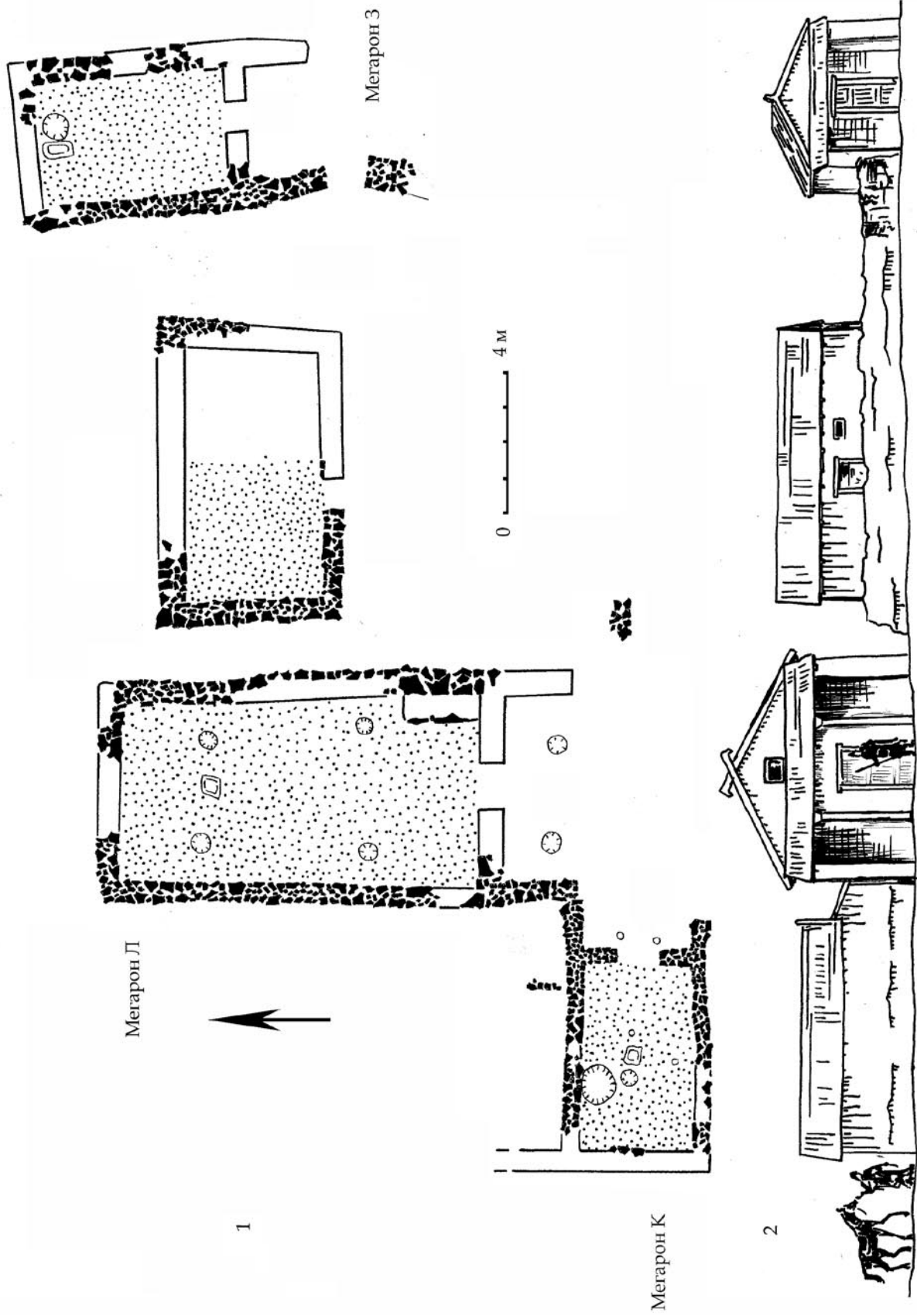

Рис. 97. Мегароны 3, К, Л горизонта С на пригородной территории. План и вариант реконструкции

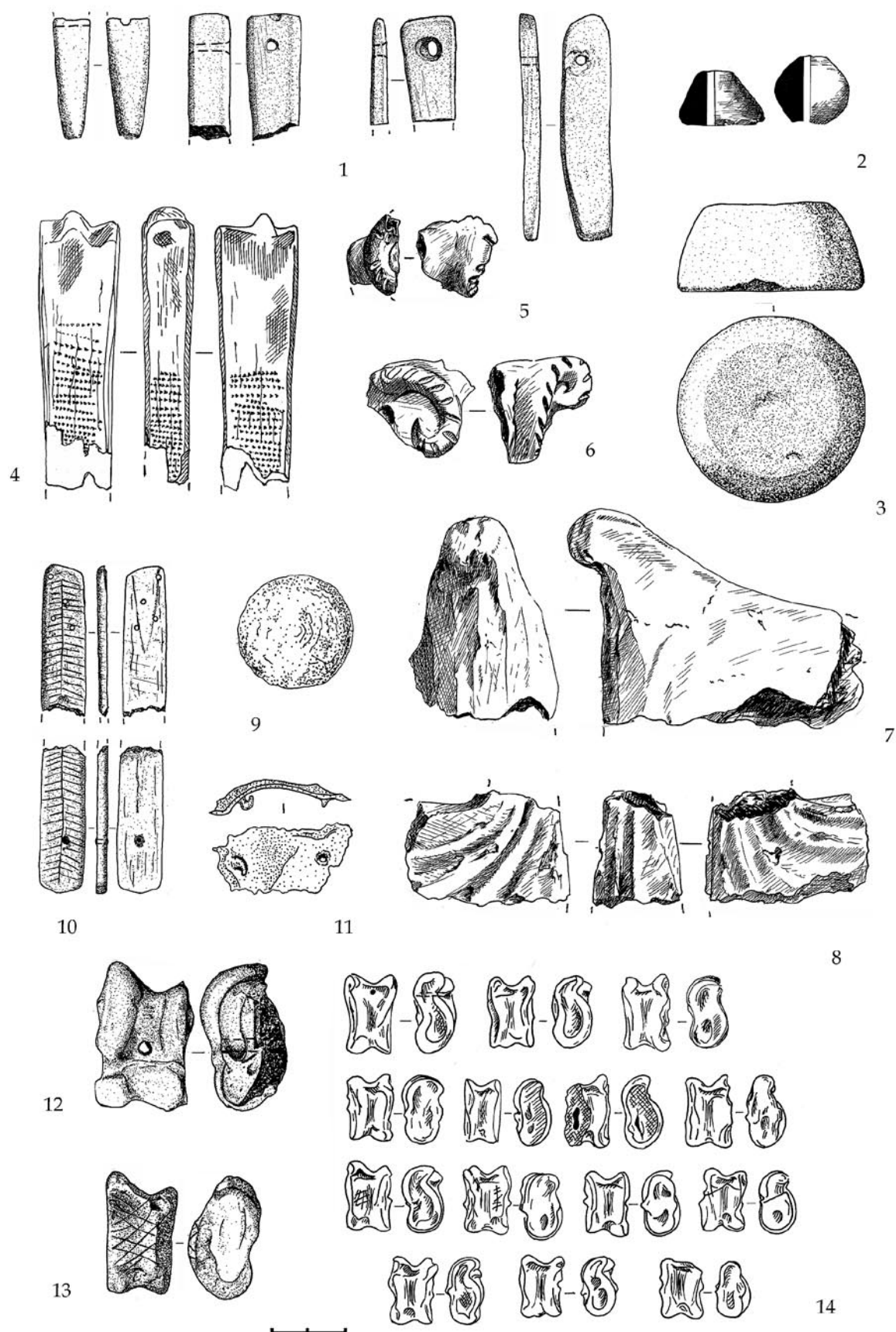

Рис. 98. Некоторые находки из раскопок мегаронов 3, К, Л. 1 — точильные камни. 2 — пряслица. 3 — зернотерка. 4 — костяной напильник. 5-8 — фрагменты зооморфных лепных фигур. 9 — каменный шар. 10 — костяные пластины с гравировкой. 11 — свинцовая скрепа. 12-14 — астрaгалы

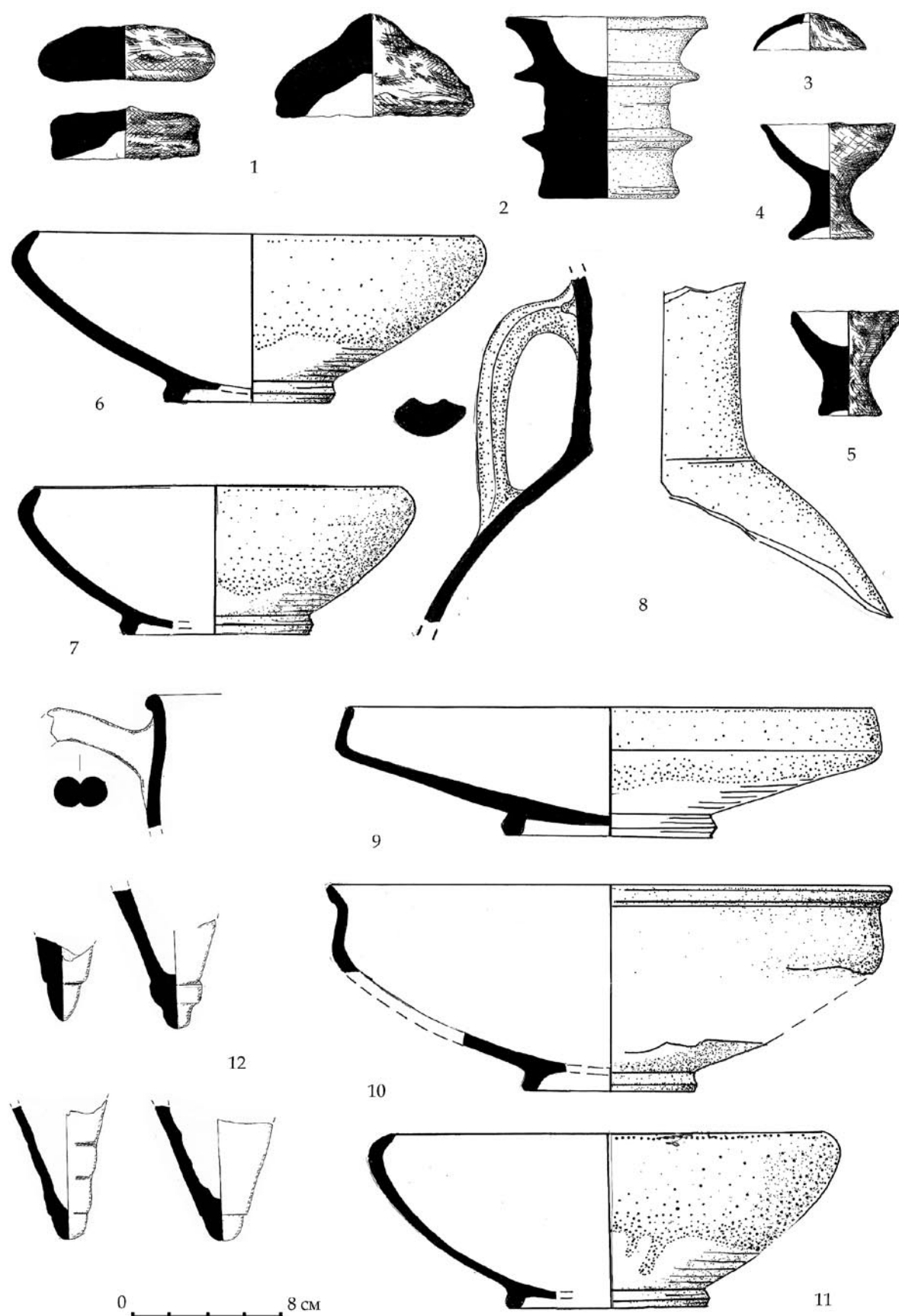

Рис. 99. Закрытый комплекс из строя пожара 3/4 у мегаронов 3, К, Л. 1 — лепные предметы. 2 — лепная курильница. 3 — лепная крышка. 4-5 — лепные светильники. 6-7, 11 — краснолаковые чашки. 8-10 — гончарная керамика с серым лощением. 12 — фрагменты светлоглиняных амфор

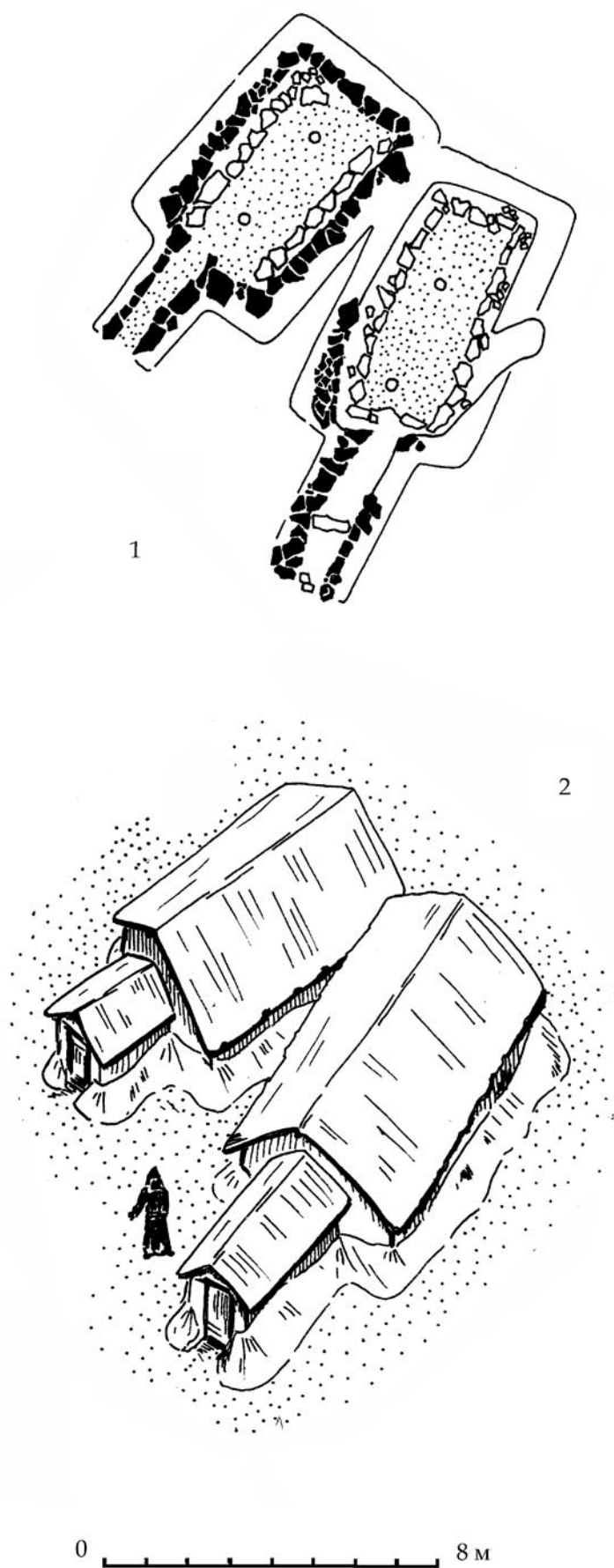

Рис. 100. Землянки №№ 1 и 2 горизонта С под зольником № 3. 1 — план.
2 — вариант реконструкции

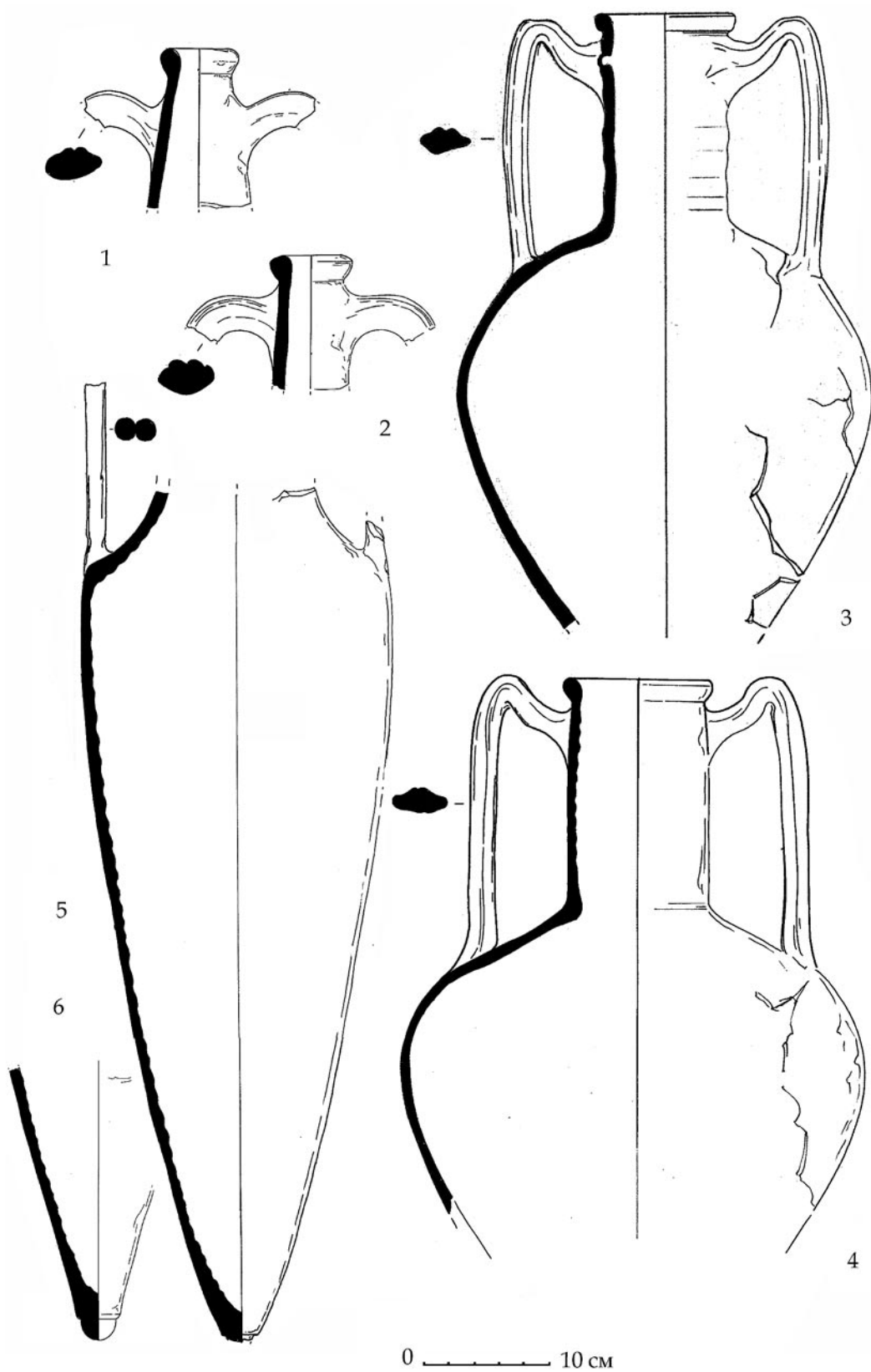

Рис. 101. Светлоглиняные амфоры горизонта С. Раскоп А-Б-В

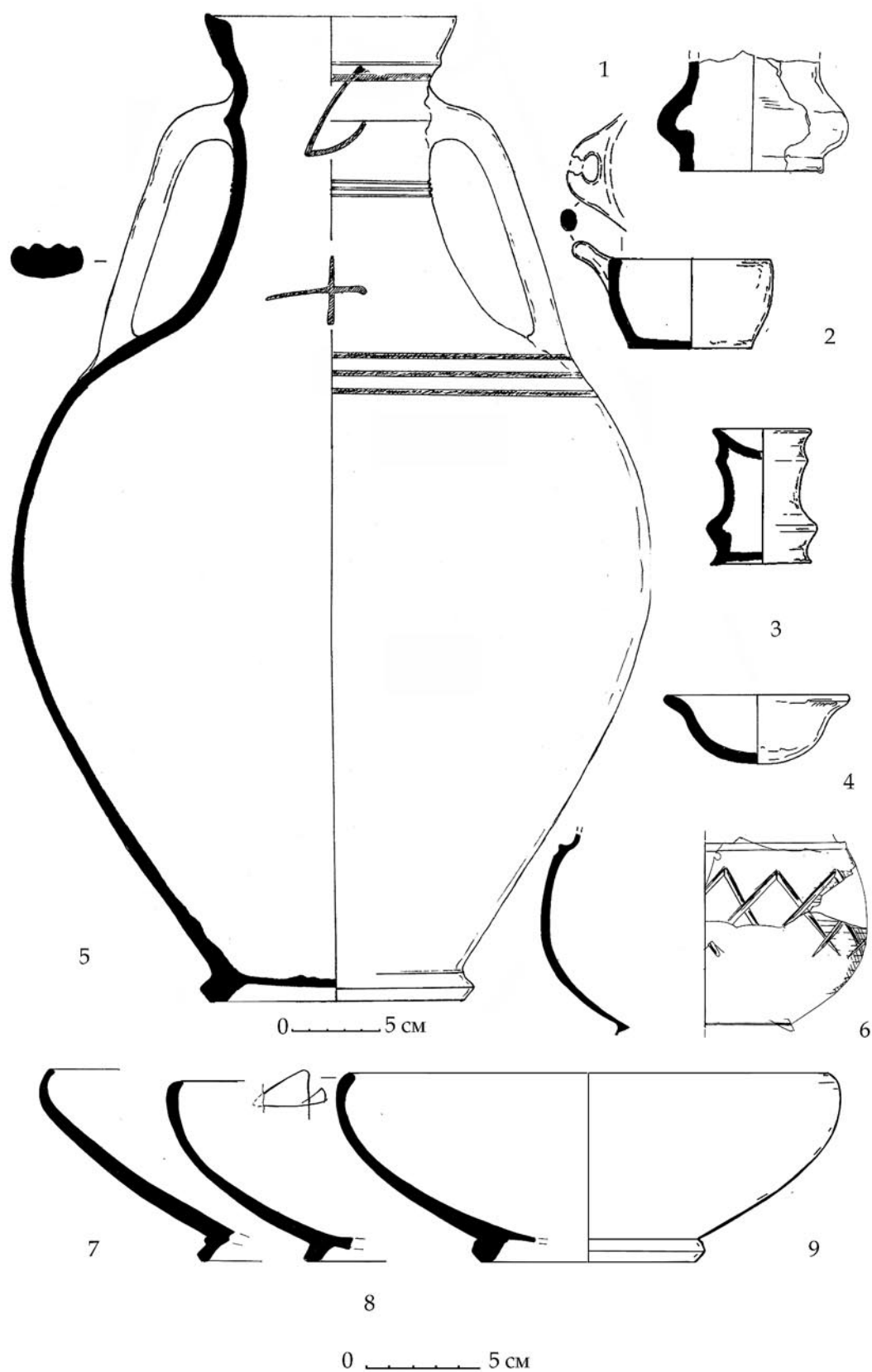

Рис. 102. Гончарные (1, 3, 5, 6), краснолаковые (7-9) и лепные (2, 4) сосуды горизонта С. 1-3 — мегарон Н, слой пожара 4. 4 — слой горизонта С на раскопе Б. 5 — погребение младенца в квадрате 90 раскопа А. 6-9 — комплекс мегаронов З, К, Л

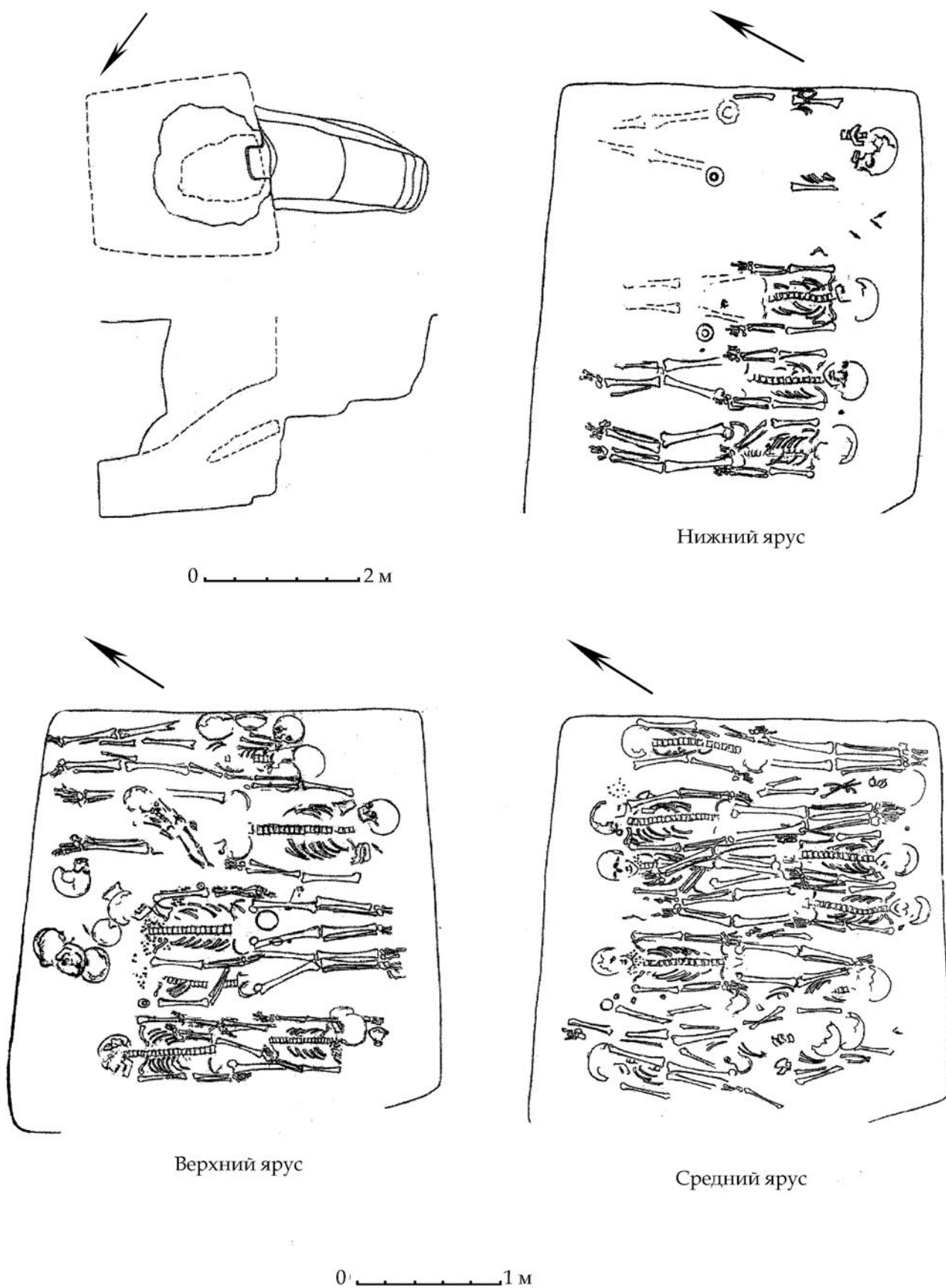

Рис. 103. Склеп № 155 Битакского некрополя (по А. Е. Пуздровскому, 2002)

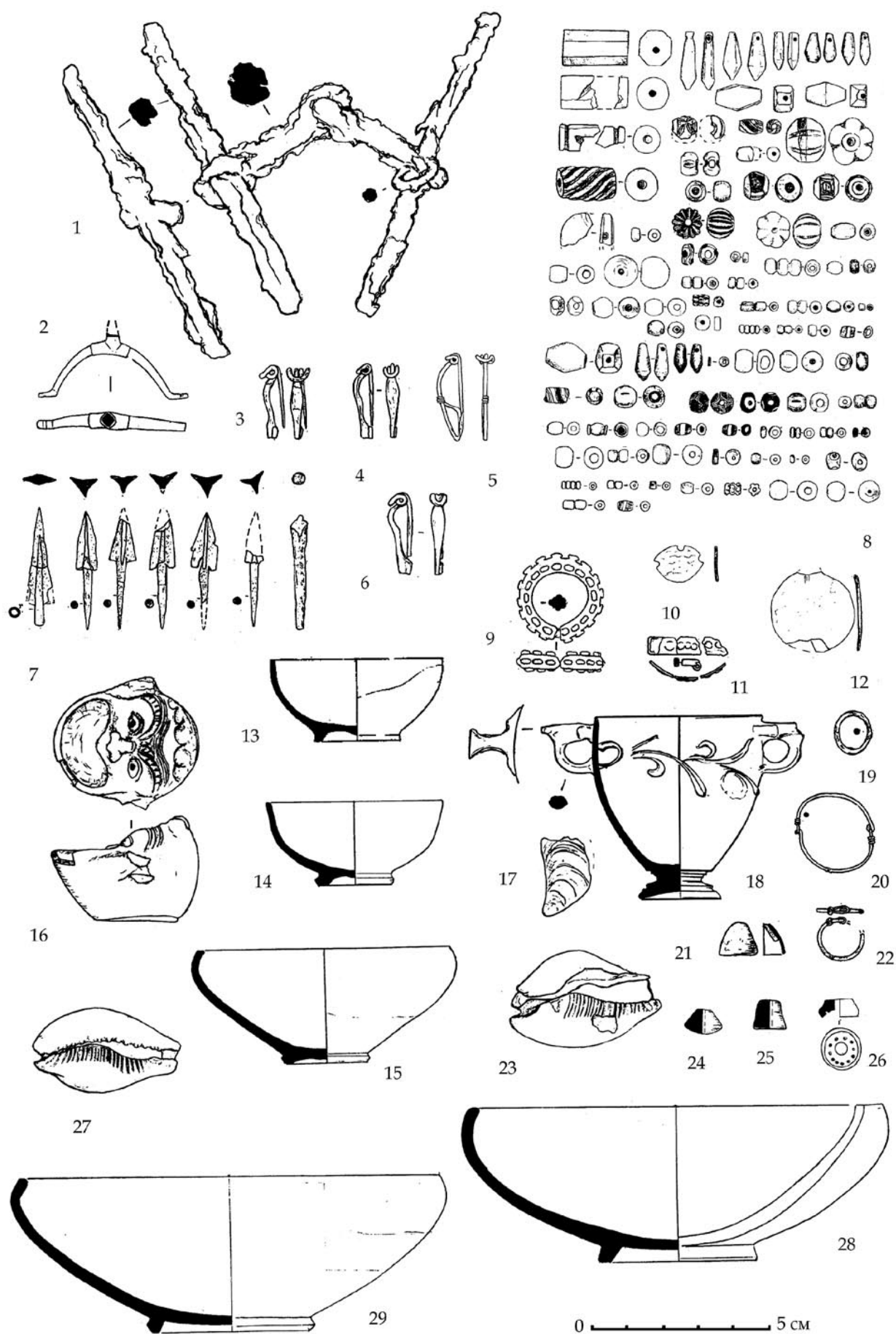

Рис. 104. Находки из склепа № 155 Битакского некрополя (по А. Е. Пуздровскому, 2002)

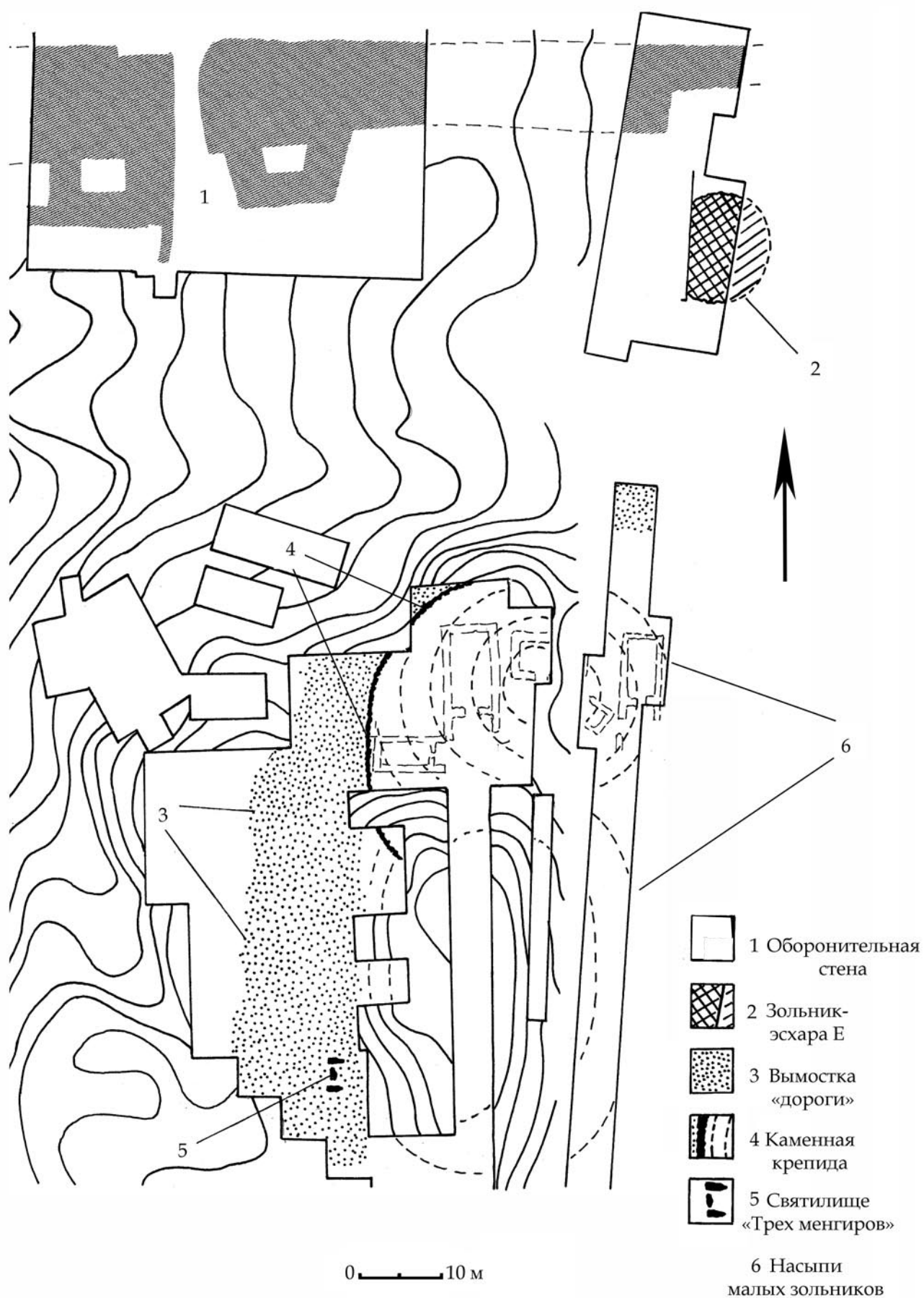
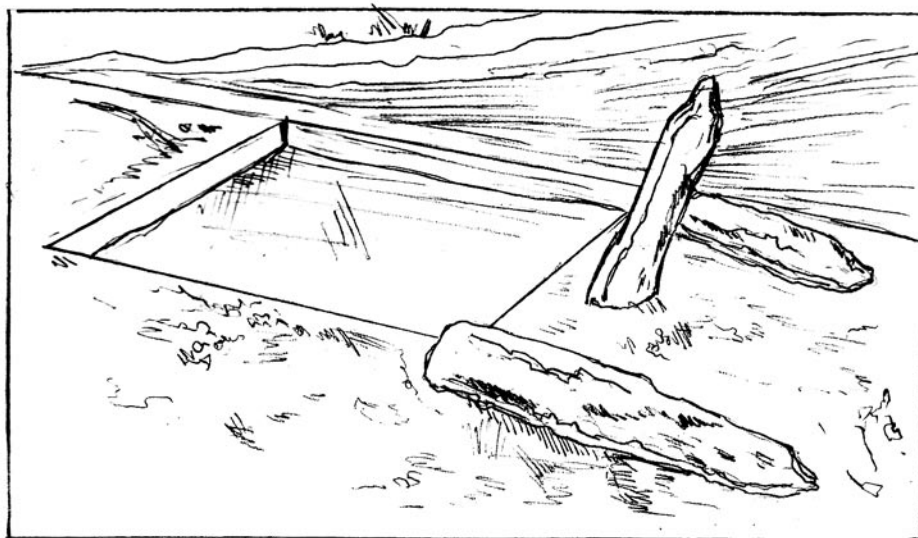
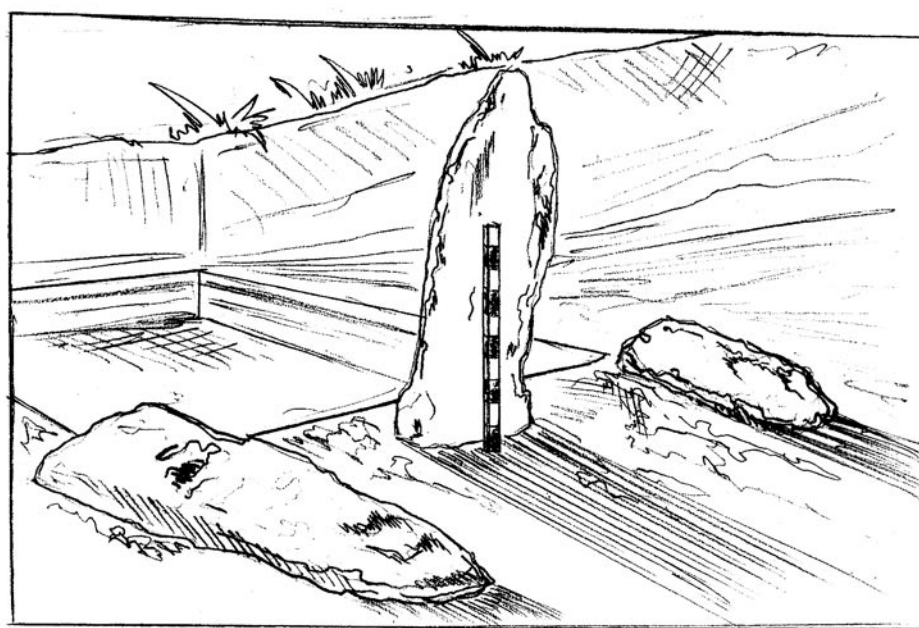

Рис. 105. План расположения объектов горизонта В на раскопах зольника № 3

1

2

Рис. 106. Святилище Трех менгиров подгоризонта В2 на зольнике № 3.
Прорисовки по фотографиям 1979 г.

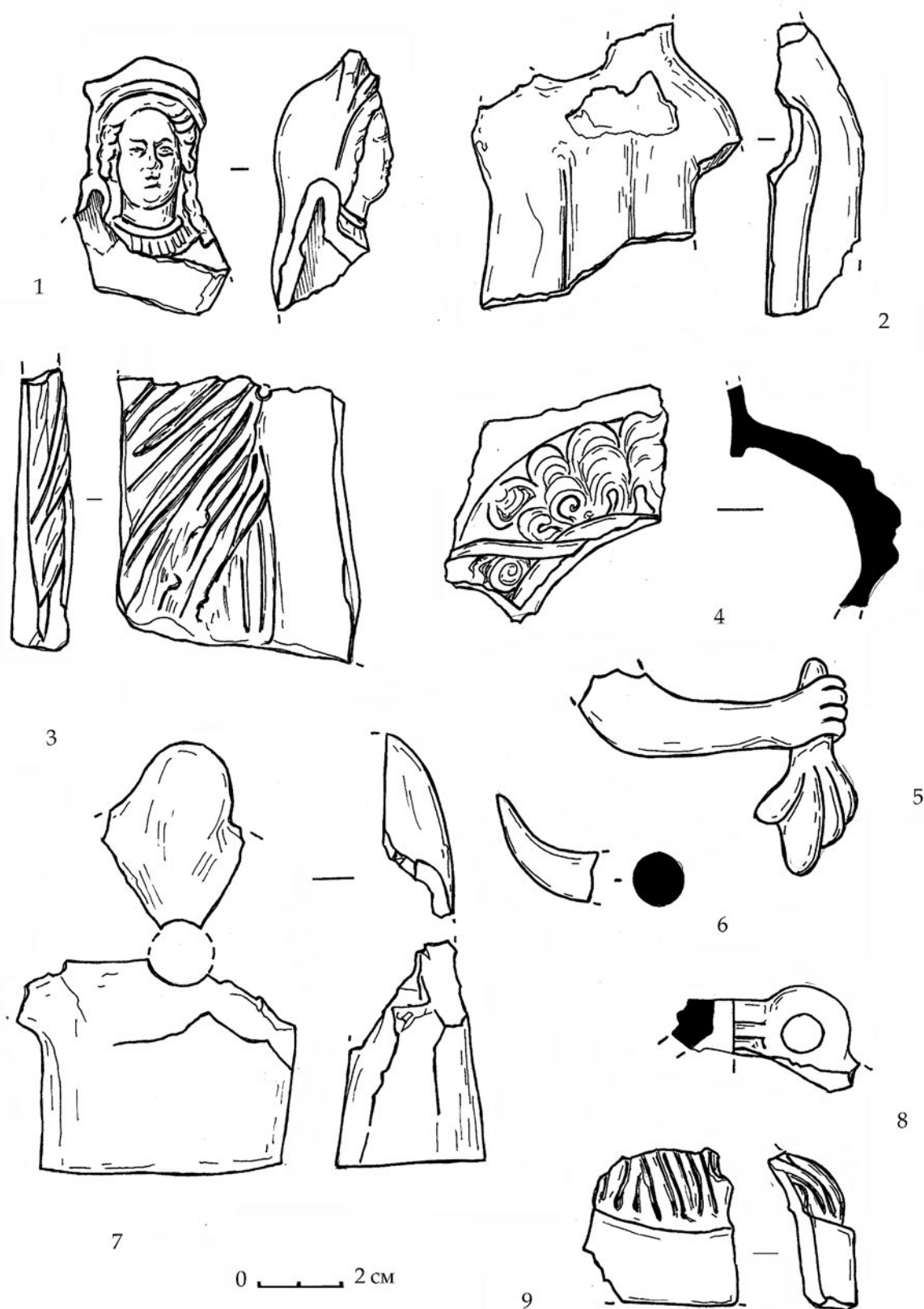

Рис. 107. Фрагменты терракот из зольника Е горизонта В

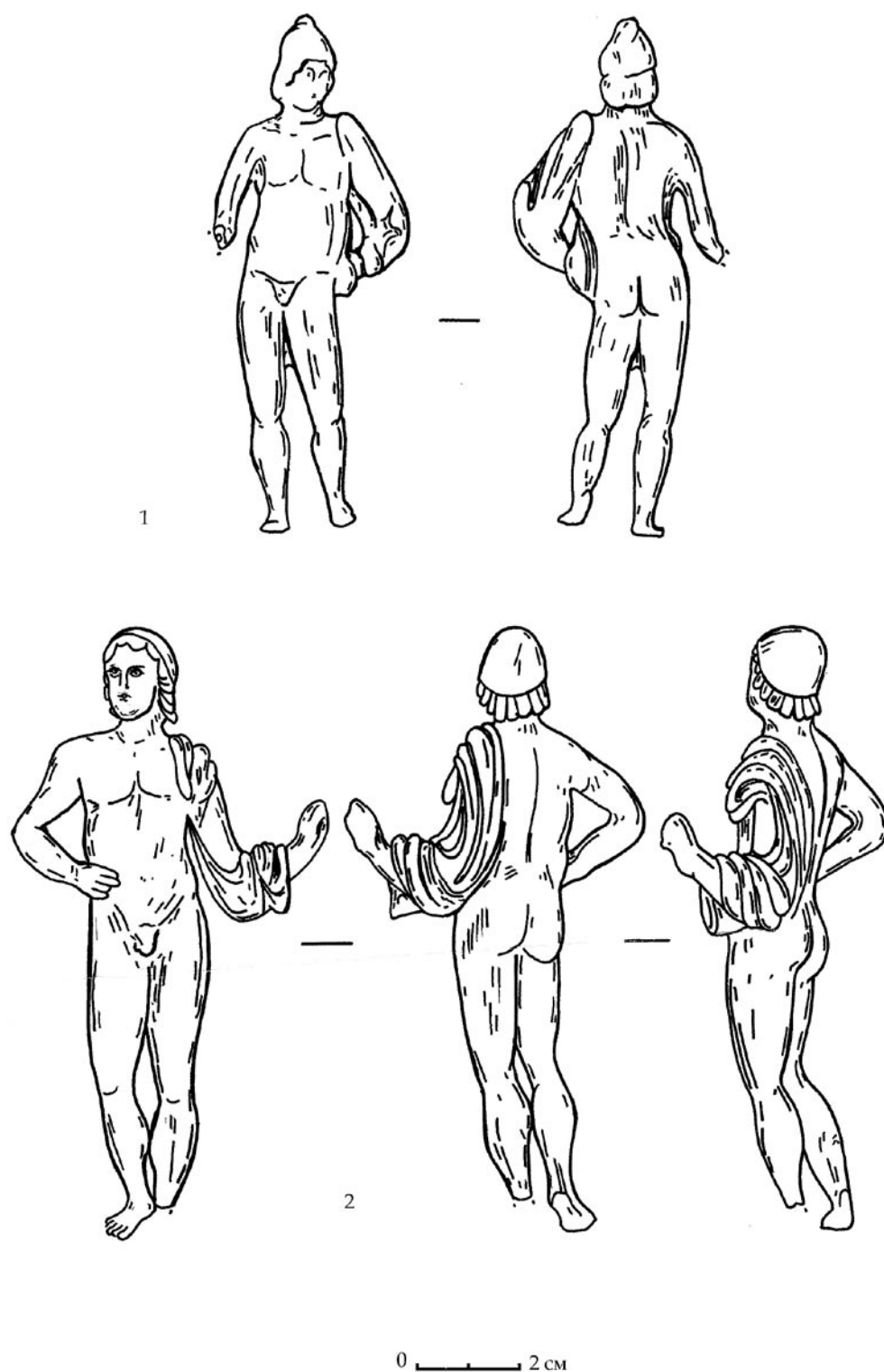

Рис. 108. Бронзовые статуэтки Диоскуров из зольника Е горизонта В

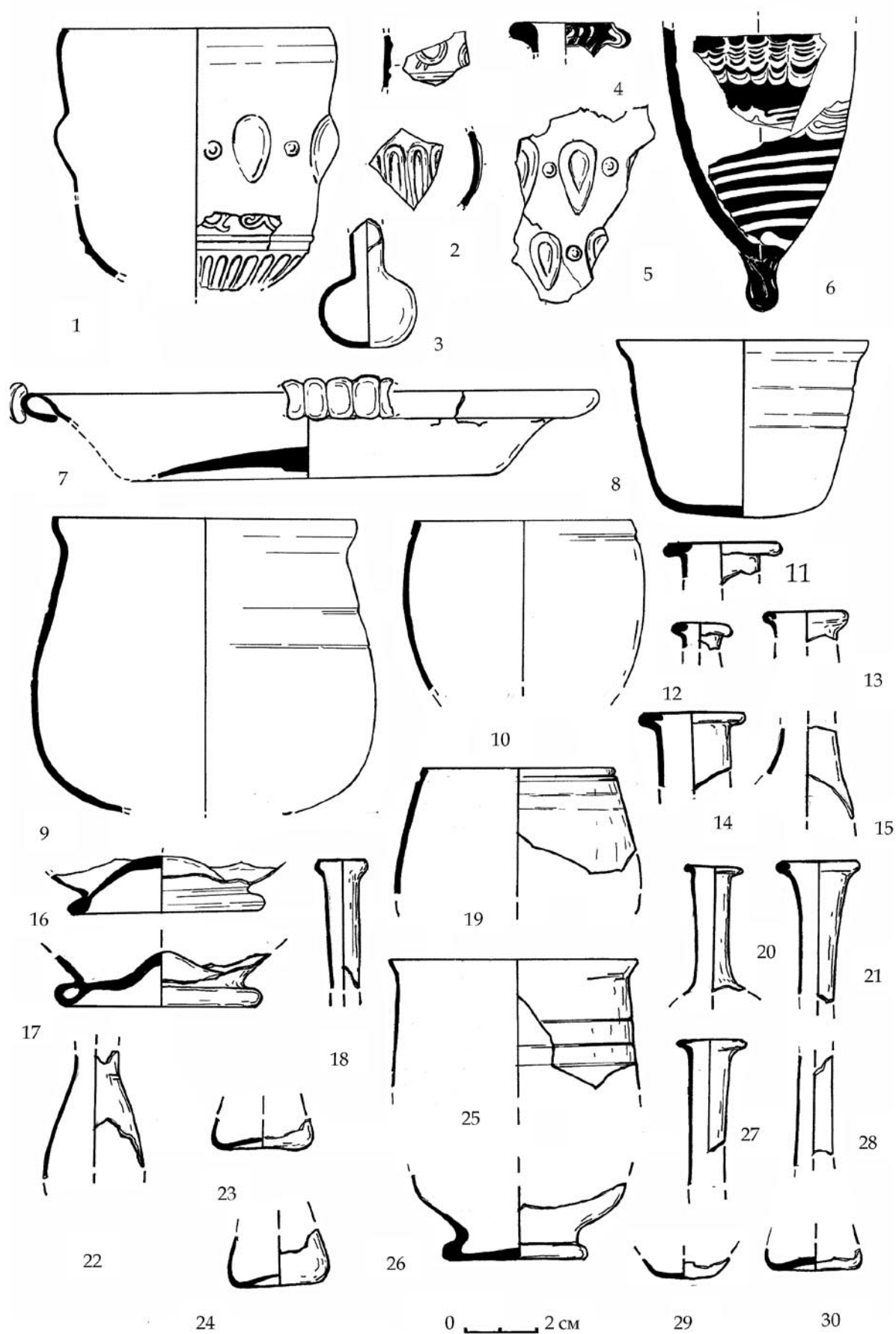

Рис. 109. Фрагменты стеклянных сосудов из зольника Е

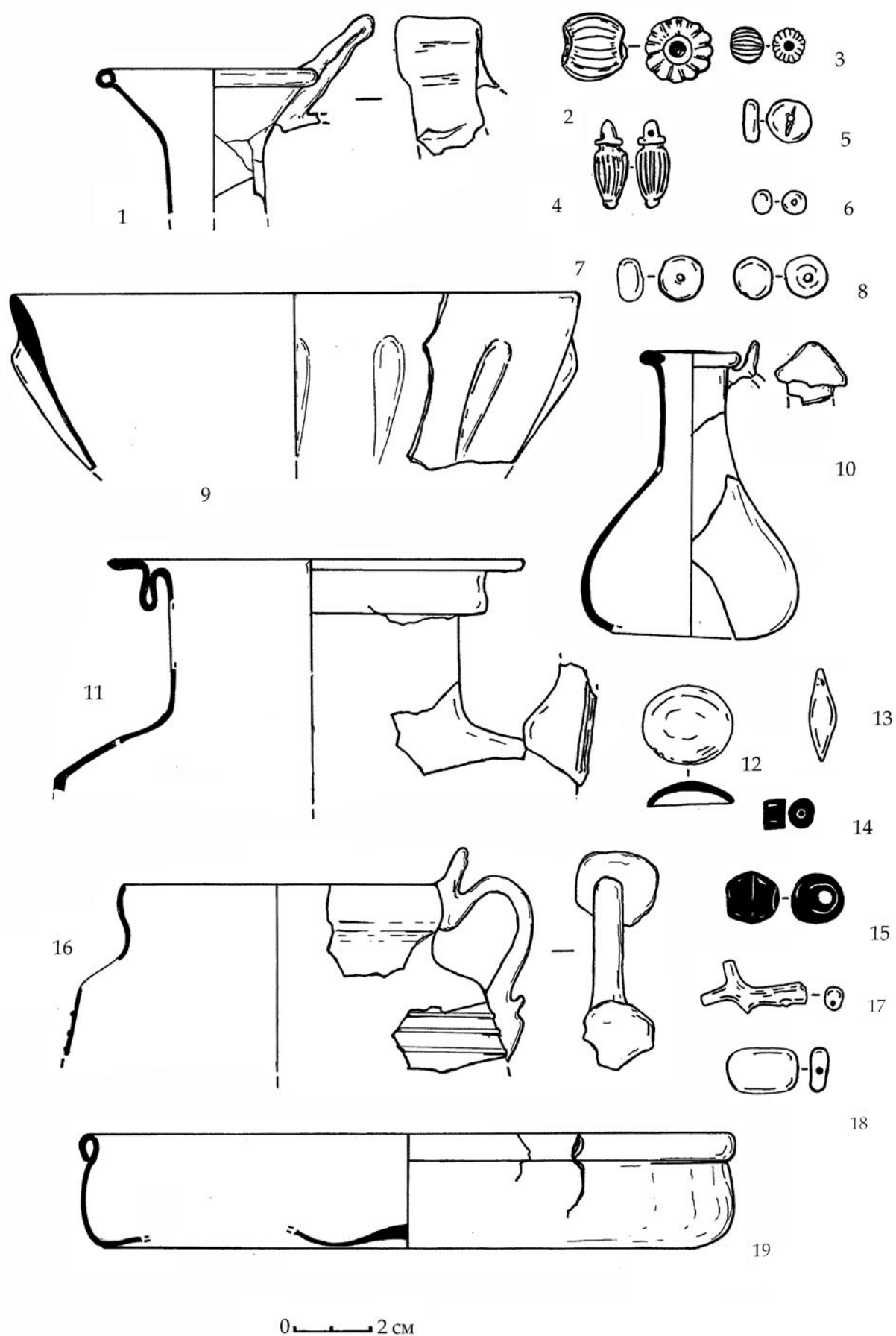

Рис. 110. Фрагменты стеклянных сосудов (1, 9-11, 16, 19) и бусы (2-8, 13-15, 17-18) из зольника Е горизонта В. 12 — стеклянная вставка

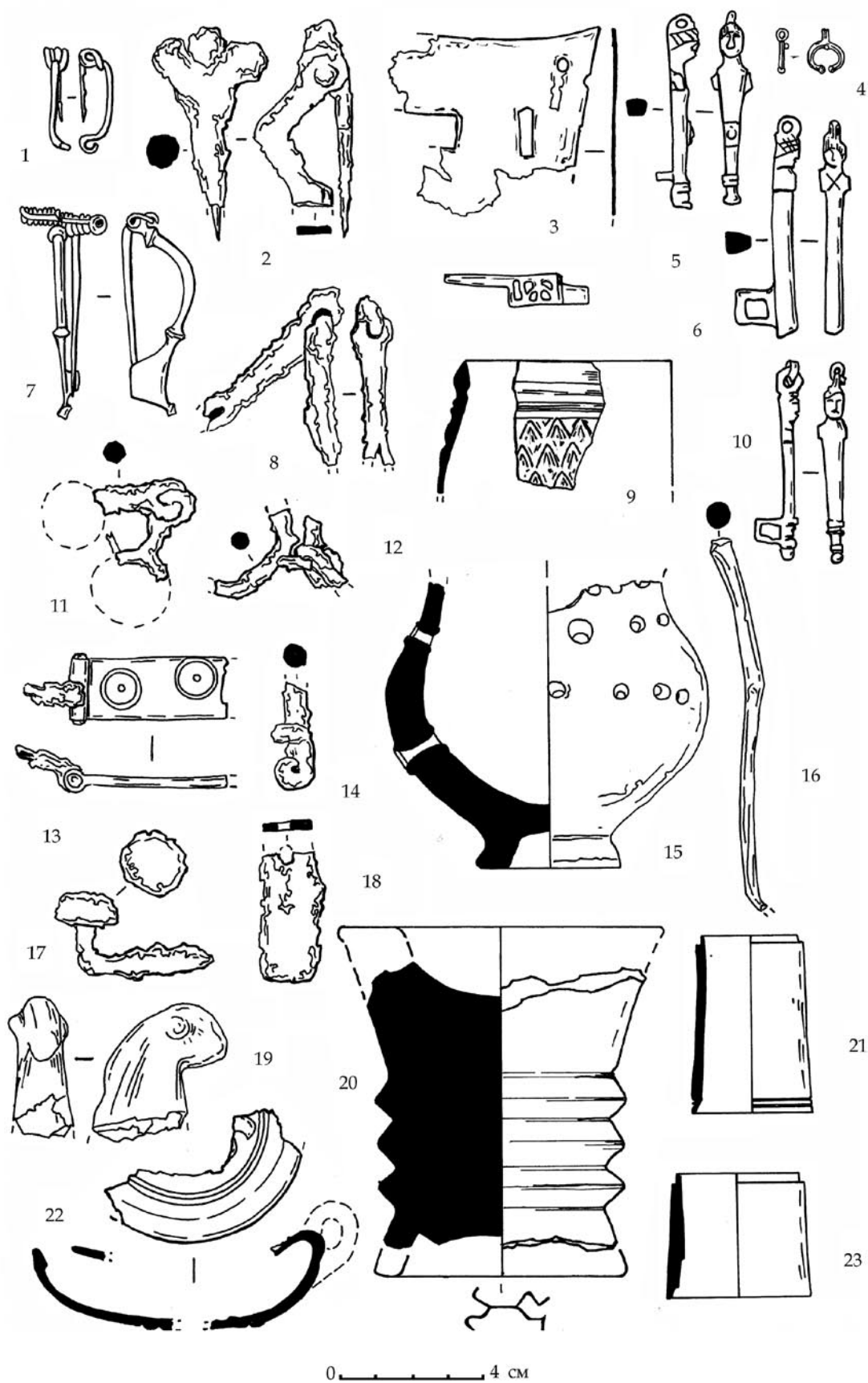

Рис. 111. Находки из зольника Е горизонта В. 1, 2, 8 — фибулы. 3, 5-7, 11 — бронзовые детали шкатулок. 4 — золотая подвеска. 9, 12, 13, 15, 18-19 — фрагменты железных предметов. 10 — фрагмент рельефного сосуда с зеленой поливой. 11 — бронзовый щиток пряжки. 16 — лепная курильница. 17 — бронзовый стержень. 20 — фрагмент лепной зооморфной фигурки. 21 — курильница из мела. 22, 24 — фрагменты костяных пиксид. 23 — фрагменты краснолакового светильника

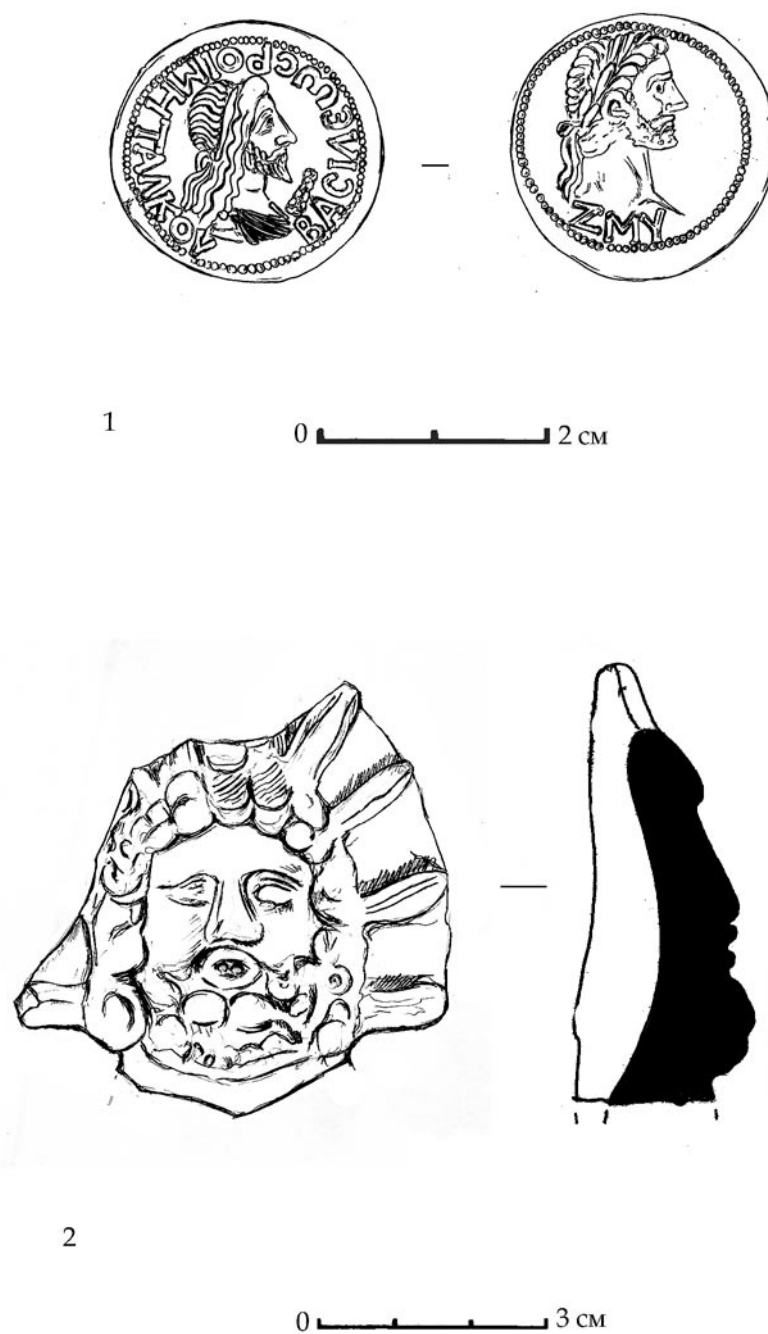

Рис. 112. Индивидуальные находки из зольника № 3. 1 — Золотой статер боспорского царя Риметалка (150/151 гг. н. э.) из зольника № 3. 2 — фрагмент терракоты

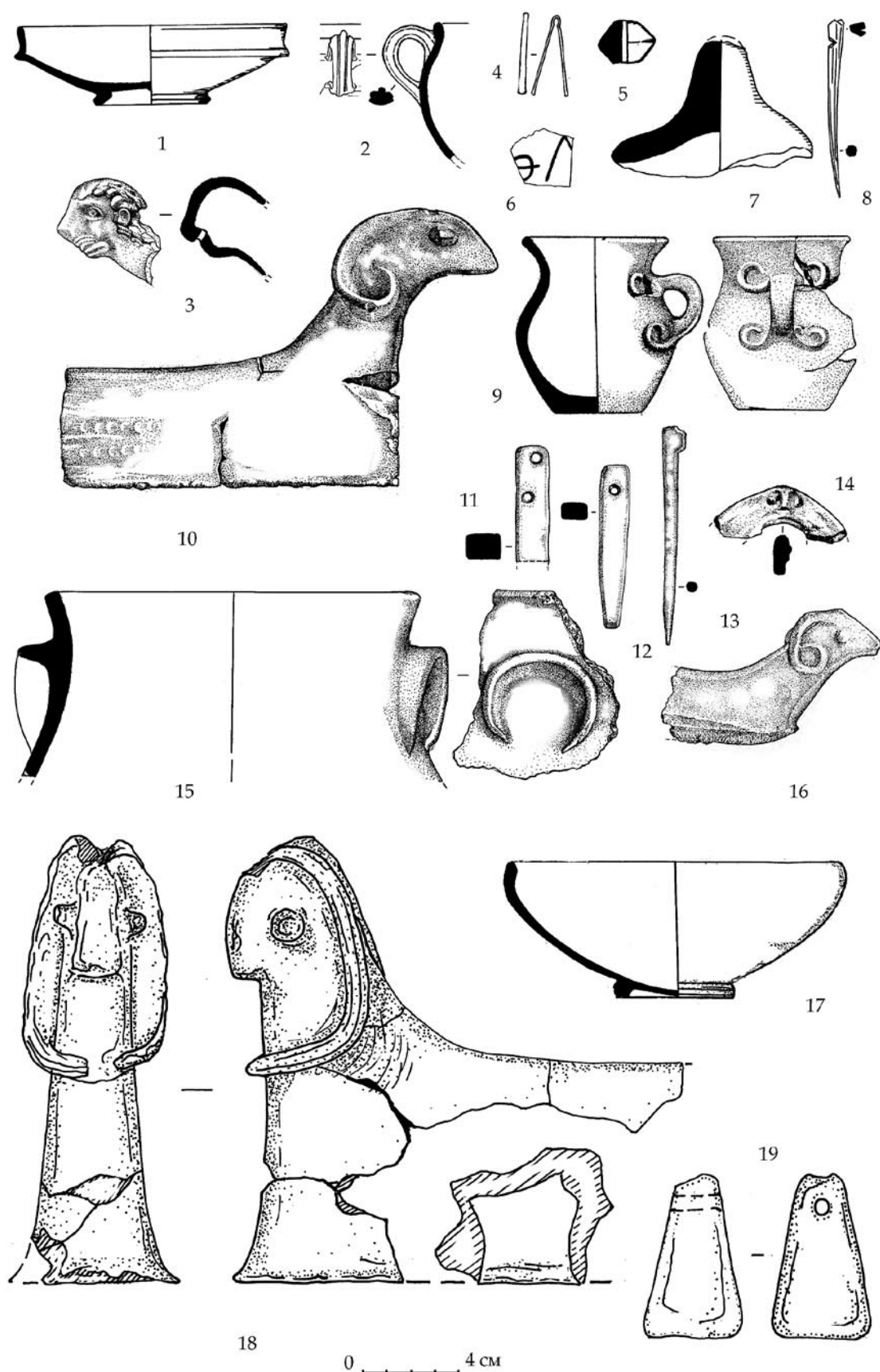

Рис. 113. Некоторые находки горизонта В из зольника № 3. 1-3, 17 — краснолаковые сосуды. 4 — бронзовый пинцет. 5 — лепное пряслице. 6 — граффити на стенке амфоры. 7 — лепной предмет. 8, 12 — костяные шилья. 9, 14, 15 — лепные сосуды. 10, 16, 18 — лепные зооморфные фигуры. 11 — точильные камни. 19 — глиняное грузило

Рис. 114. Некоторые находки горизонта В из разных раскопов. 1-3 — лепные сосуды, найденные вместе в СВ части раскопа А-Б-В. 4 — фрагмент черепицы с изображениями черной краской (сажа) из зольника № 3 горизонта В. 5 — точильный камень с изображением, нанесенным черной краской (сажа) из зольника № 3 горизонта В. 6-9 — находки из ямы № 31 раскопа А-Б-В: краснолаковый сосуд (6), фрагменты зооморфных лепных фигур (7, 9), и горловина амфоры с дипинти красной краской (8)

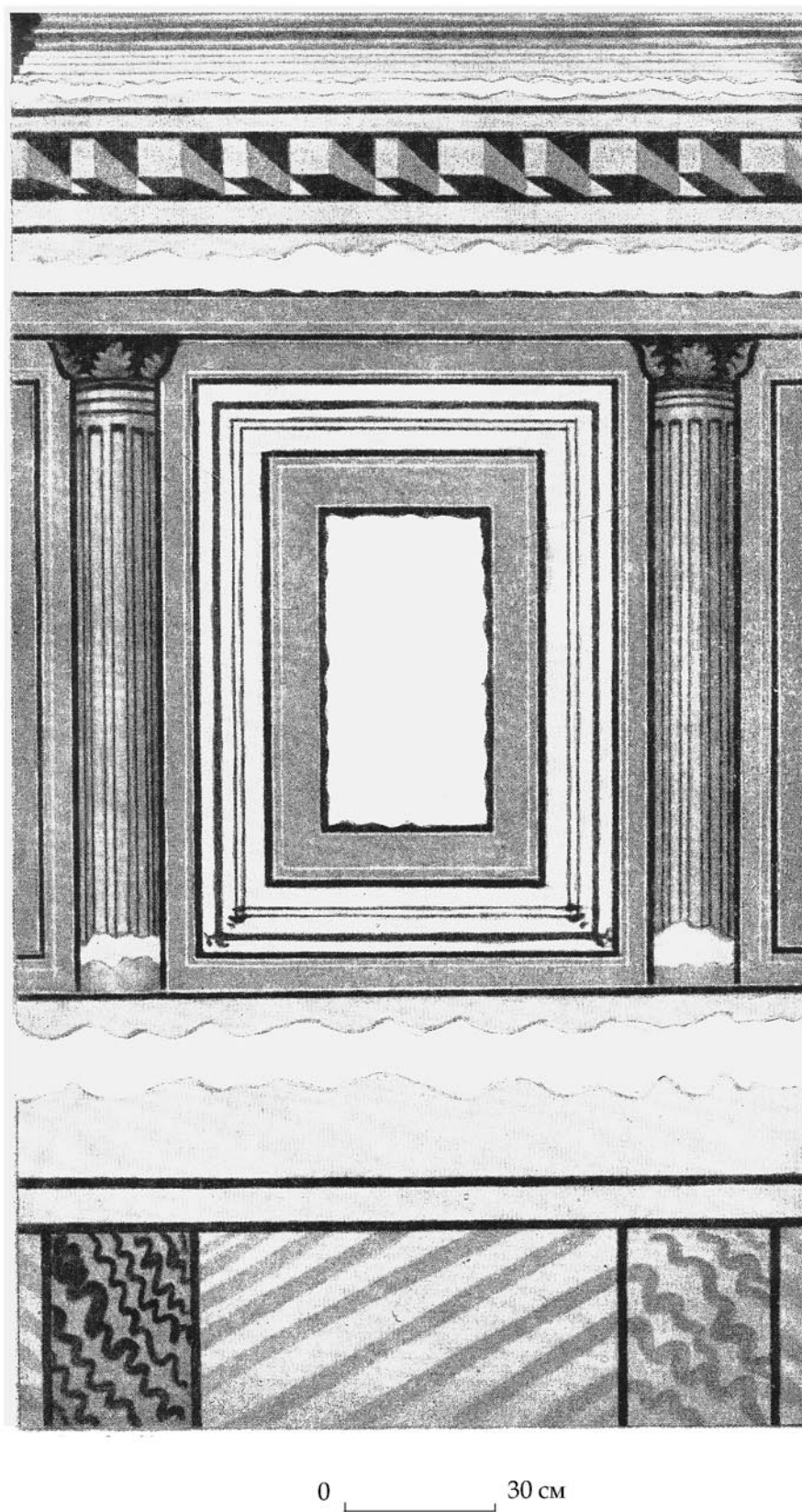

Рис. 115. Реконструкция фресковой росписи мегарона А горизонта В (по И. В. Яценко, 1960)

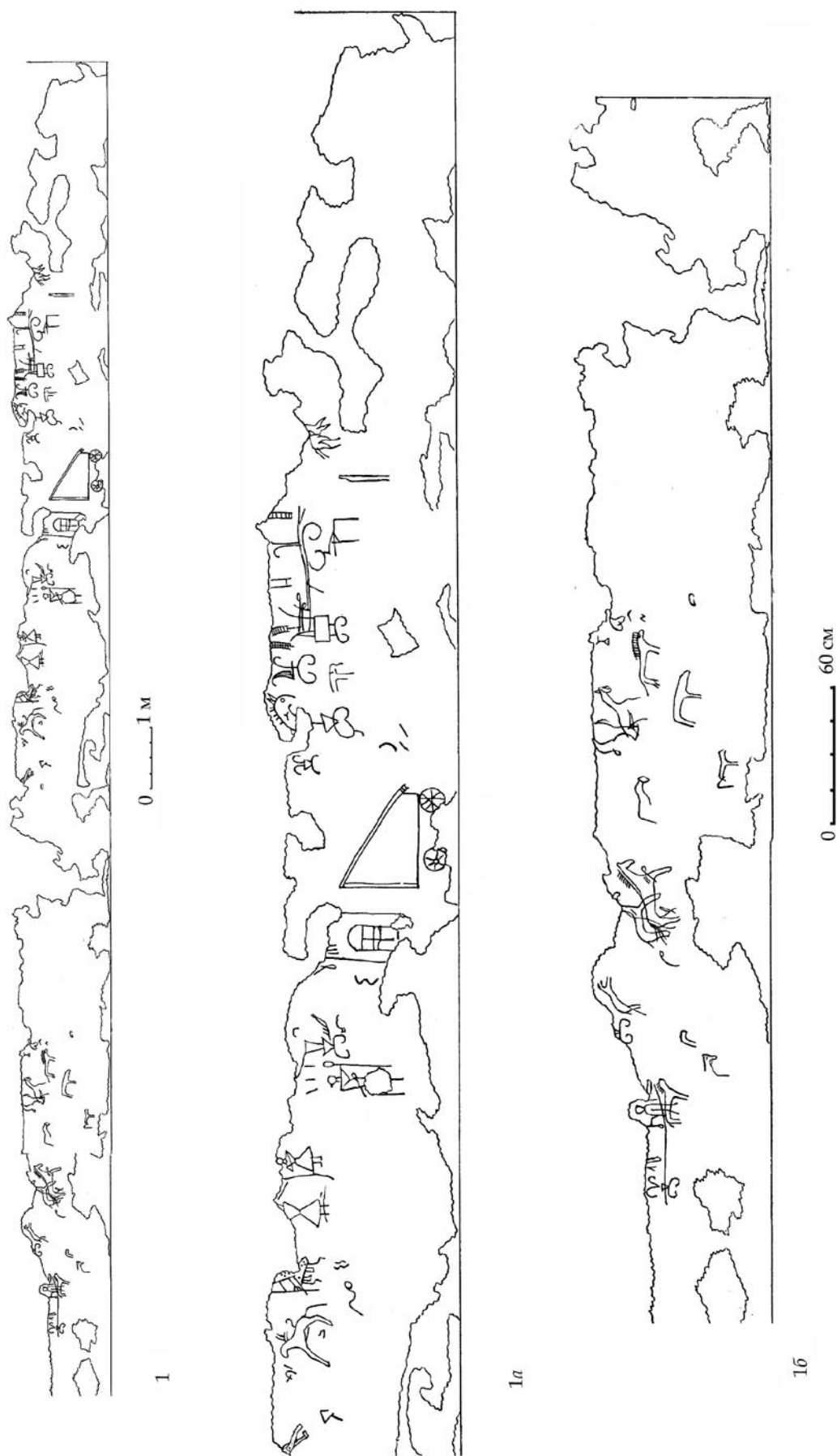
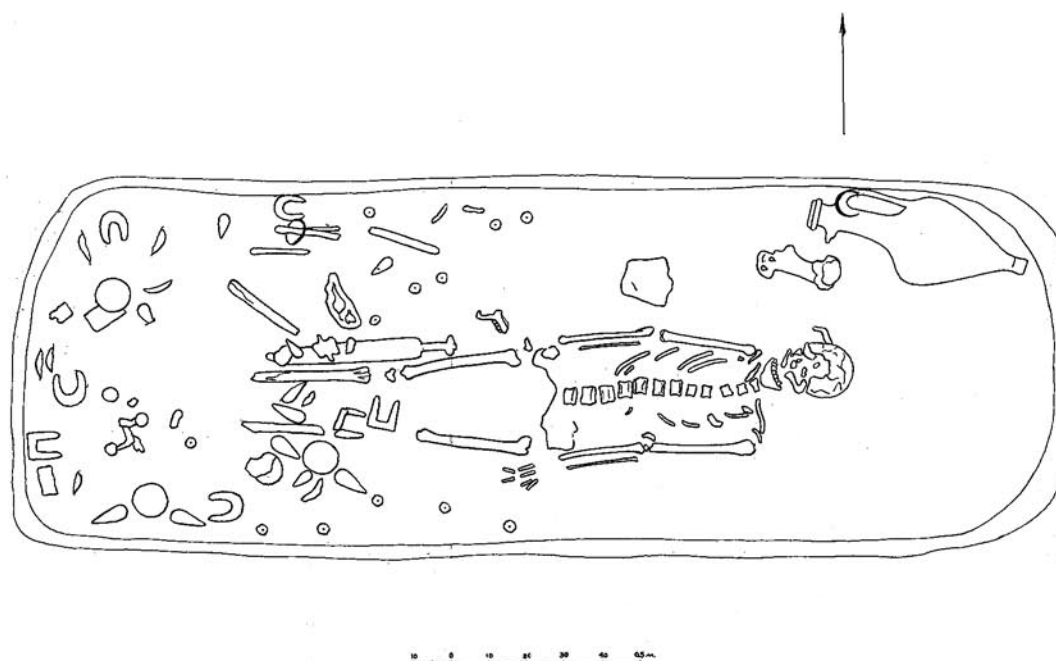

Рис. 116. Граффити на западной стене мегарона А горизонта В (по О. Д. Дашевской, 1962)

1

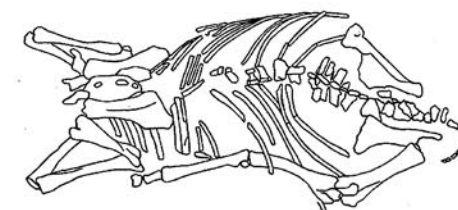
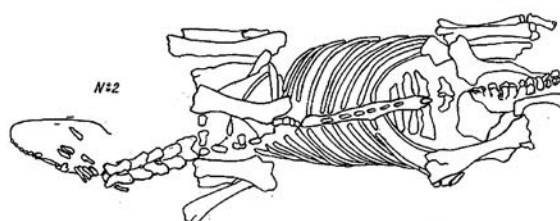

Рис. 30.

2

Рис. 117. План погребения в скальной могиле горизонта В на раскопе А-Б-В (1). Планы сопровождающих конских погребений №№ 2, 3 (2). Рисунки А. Н. Карасева

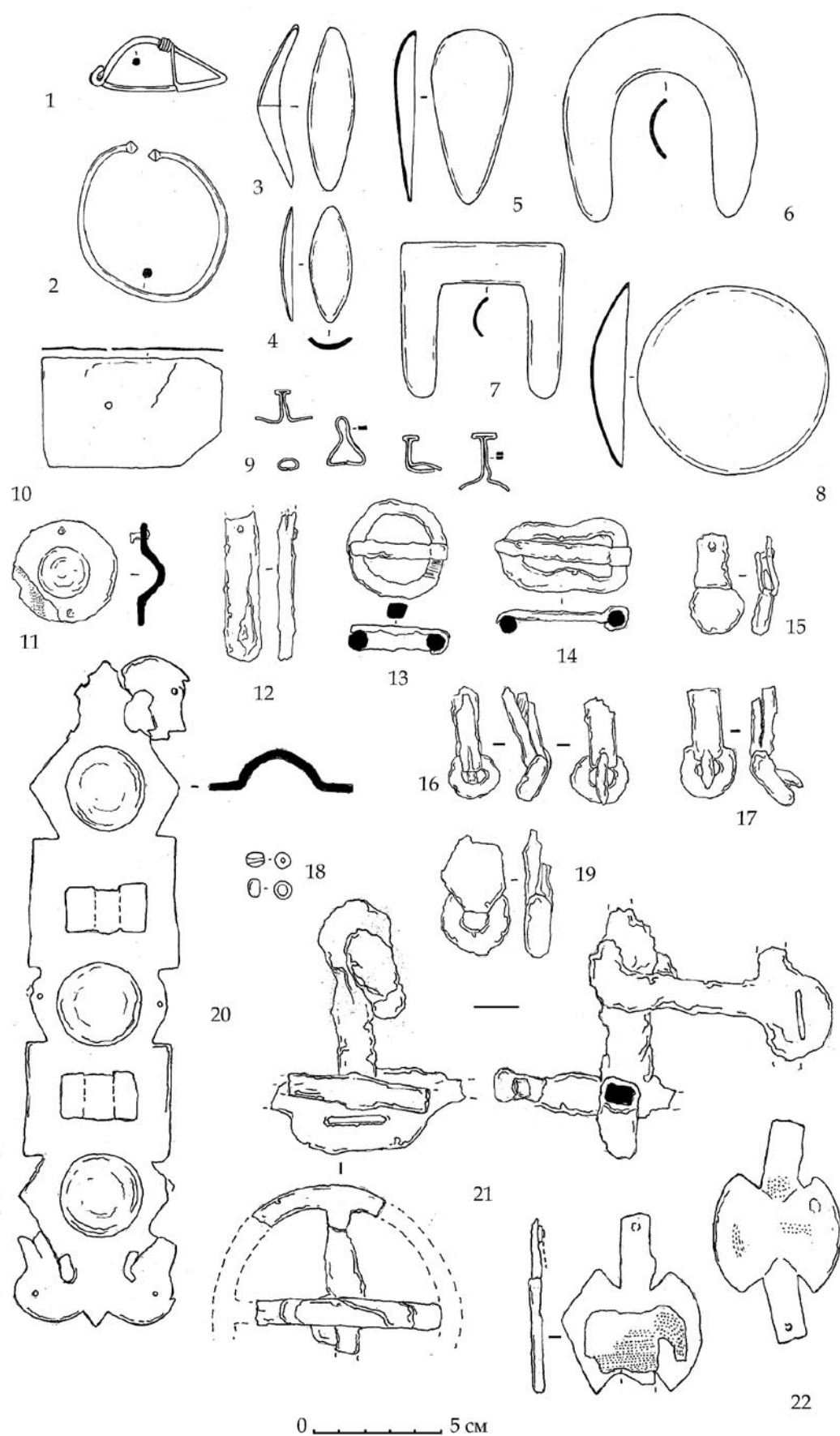

Рис. 118. Некоторые находки из скальной могилы горизонта В на раскопе А-Б-В

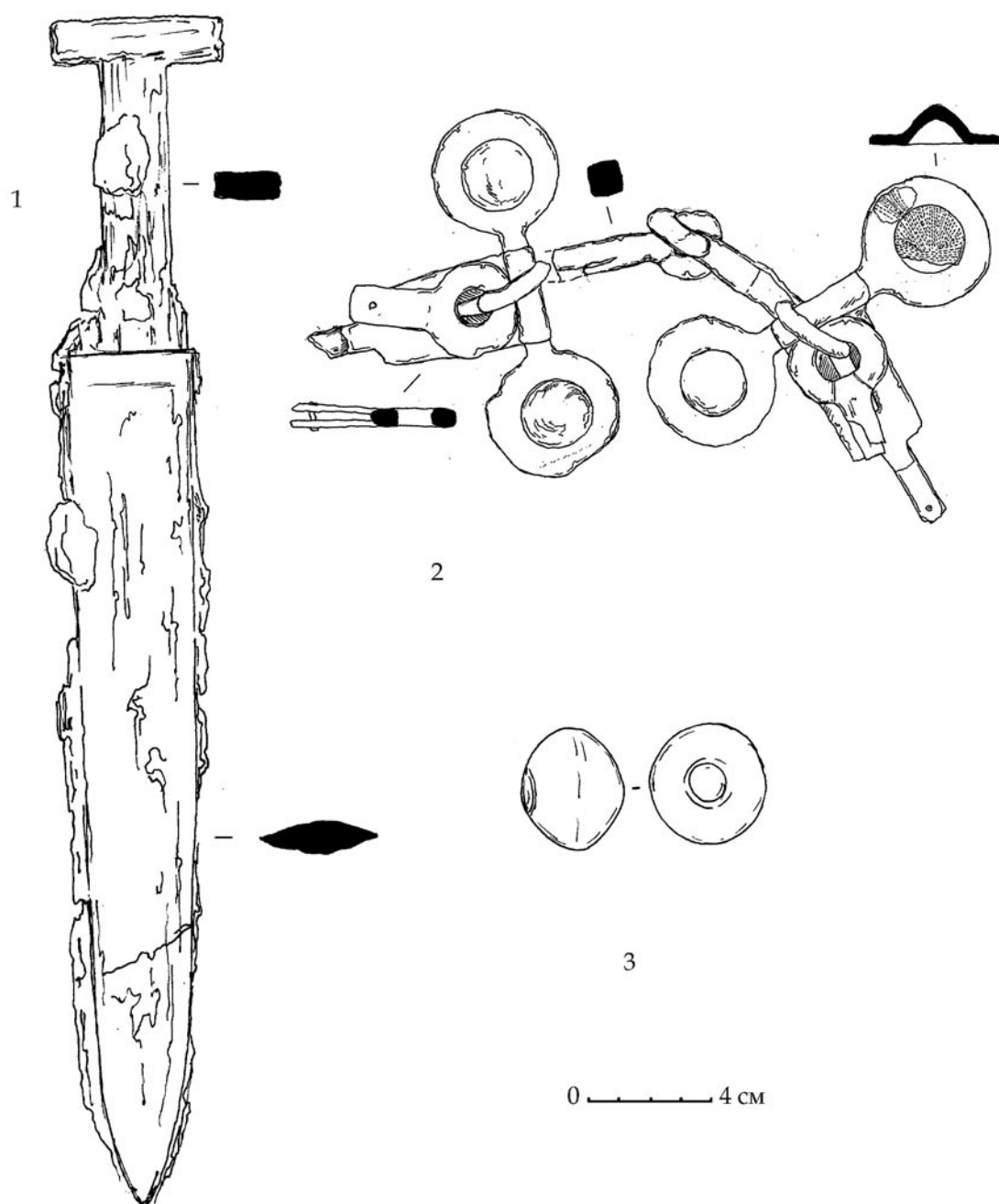
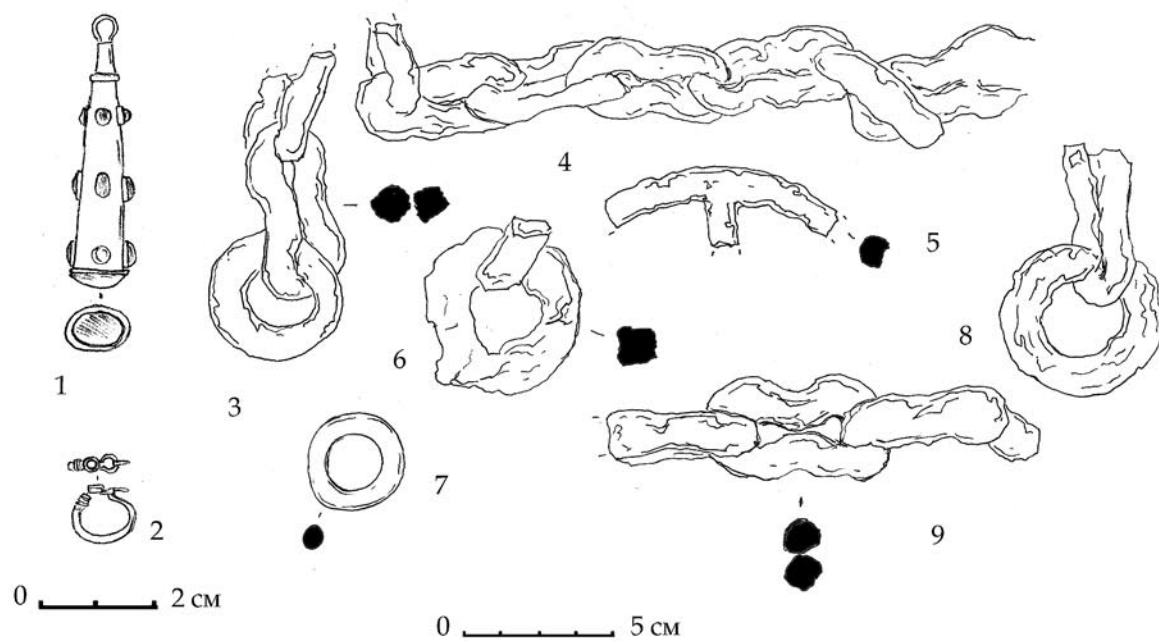
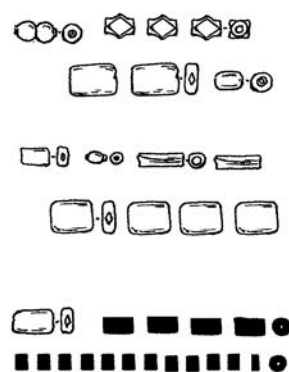

Рис. 119. Предметы из скальной могилы. 1 — кинжал. 2 — железные удила с псалиями.
3 — халцедоновая бусина

I

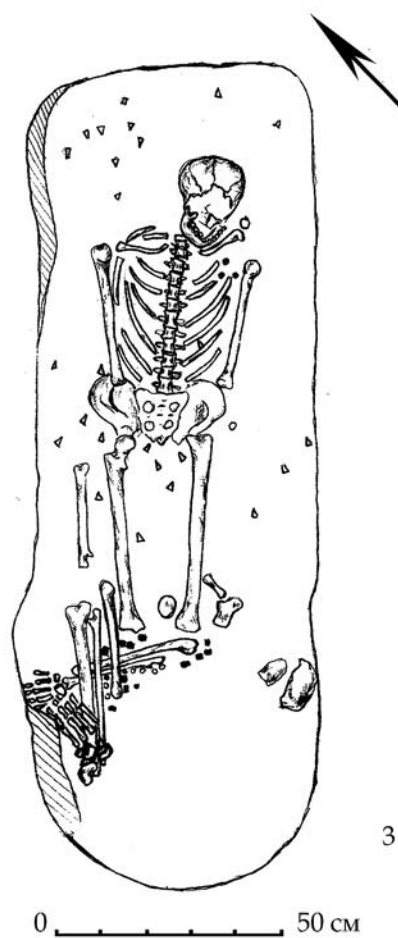

1

2

0 5 cm

3

0 50 cm

II

Рис. 120. I. 1, 2 — находки из детского погребения горизонта В на раскопе А-Б-В. II. Погребение в скальной могиле горизонта В на раскопе VIIв. Находки (1, 2) и план (3)

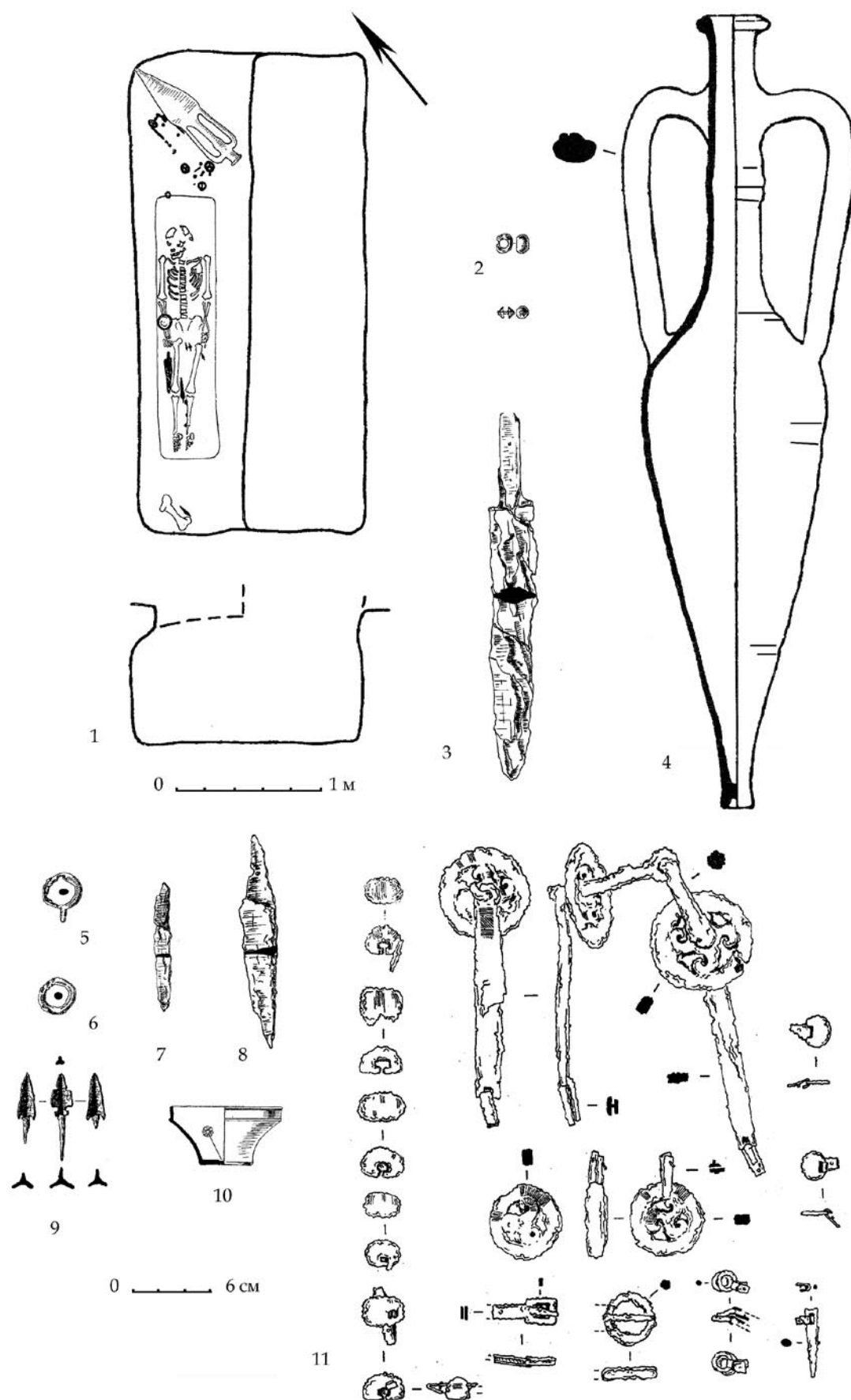

Рис. 121. Могила № 120 Битакского некрополя. План и находки (по А. Е. Пуздровскому, 2001)

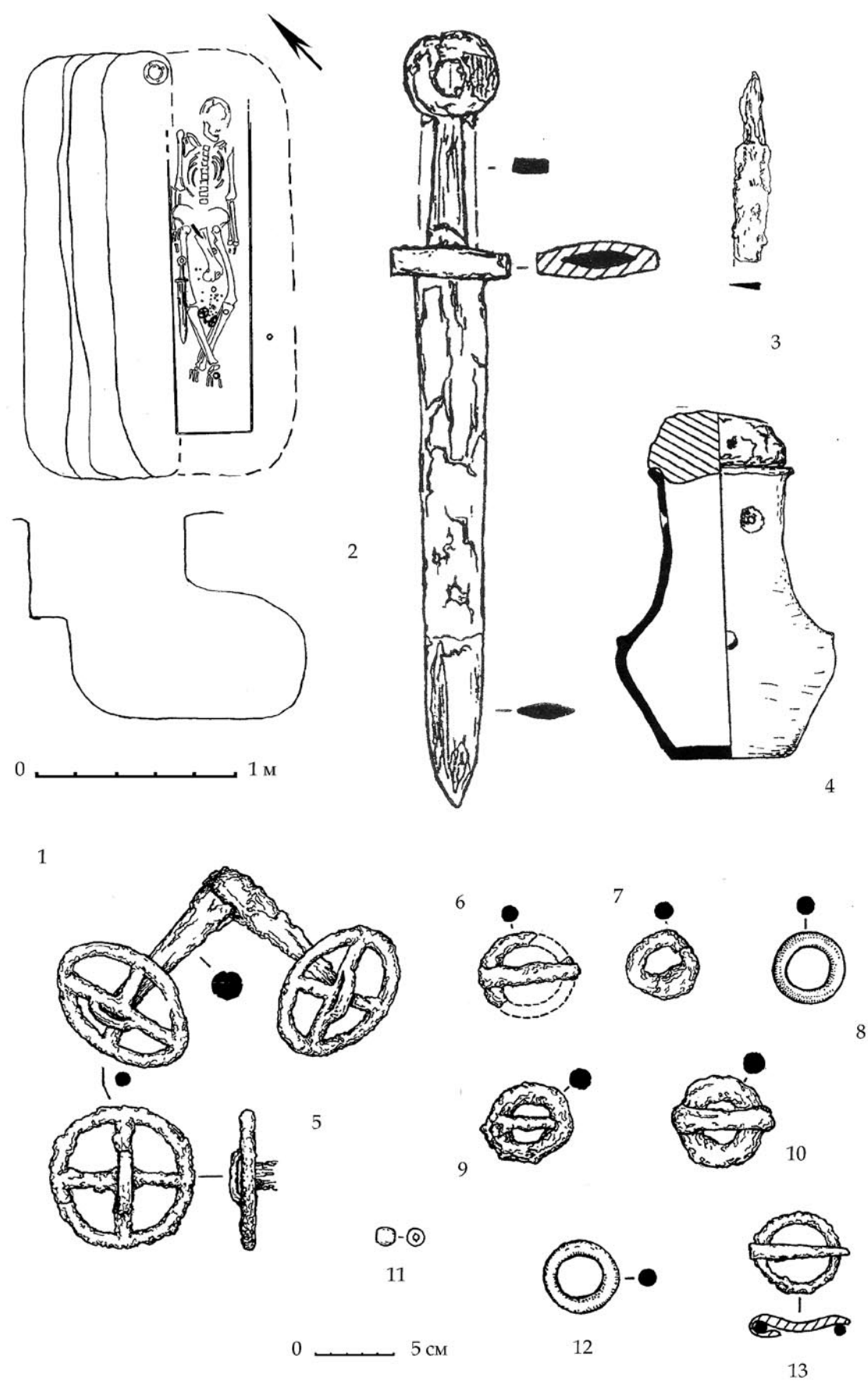

Рис. 122. Могила № 172 Битакского некрополя. План и находки (по А. Е. Пуздровскому, 2001)

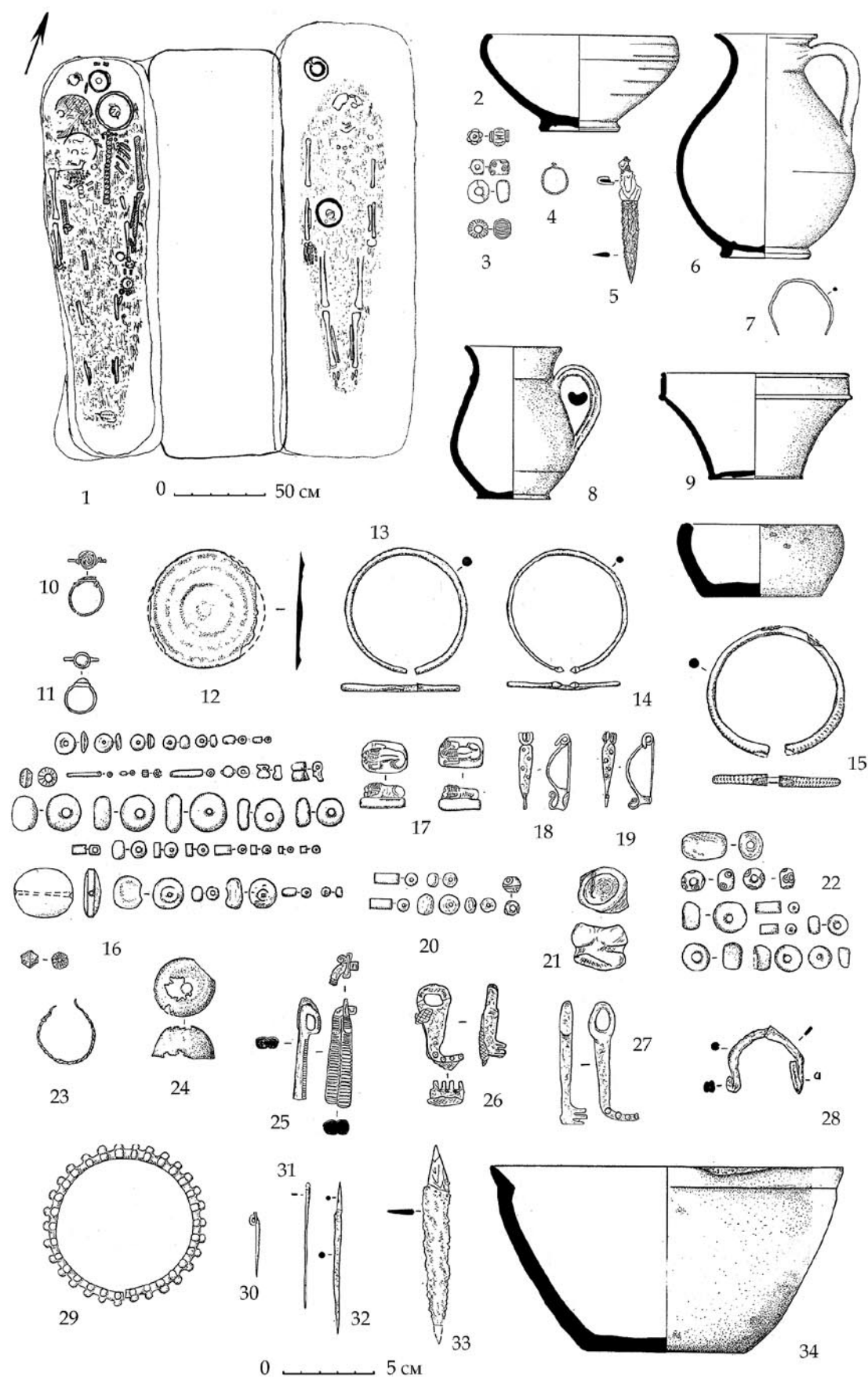

Рис. 123. Могила 71/1983 Восточного некрополя Неаполя скифского (по А. Е. Пуздровскому, 1992)

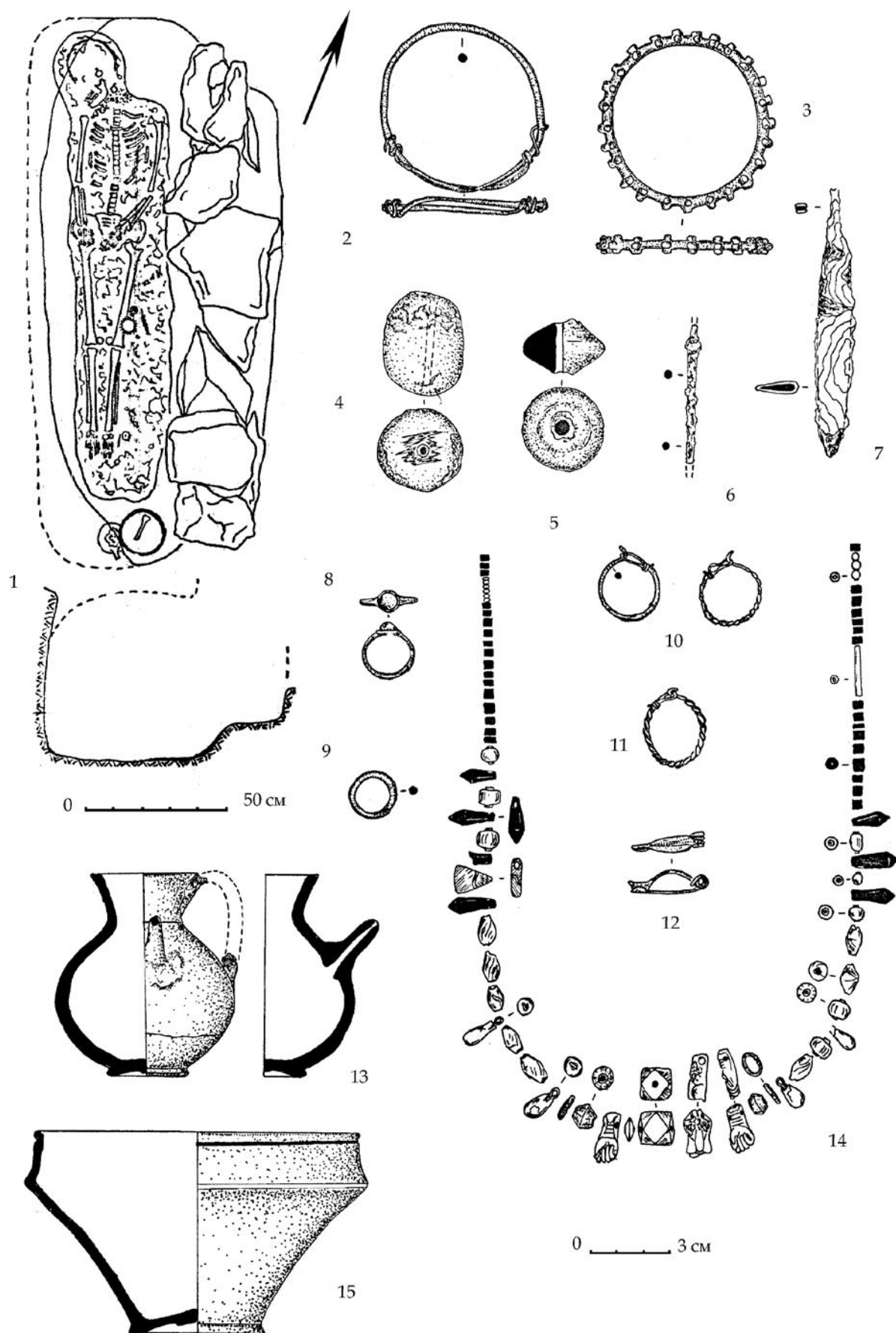
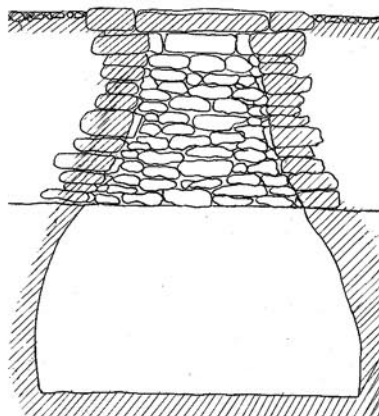
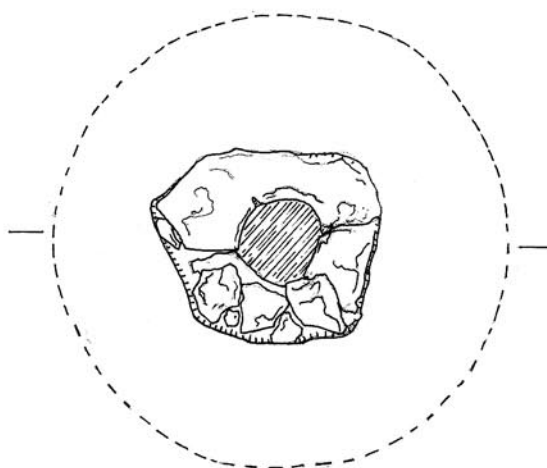

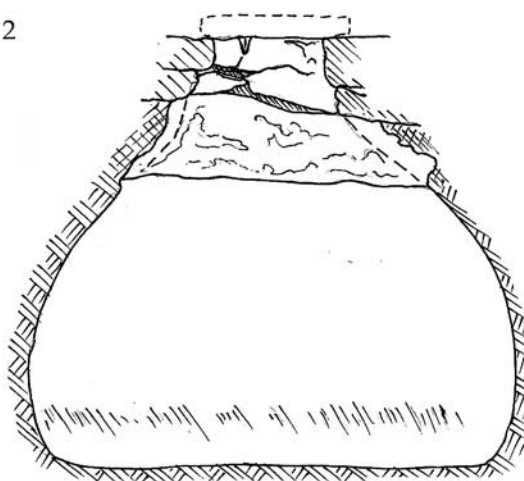
Рис. 124. Могила 73/1983 Восточного некрополя Неаполя скифского (по А. Е. Пуздровскому, 1992)

1

2

0 1 м

Рис. 125. 1 — зерновая яма горизонта А на раскопе А-Б-В. Рисунок А. Н. Карасева 1949 г.
2 — зерновая яма в строительной траншее в юго-восточной части городища. Раскопки 1985 г.

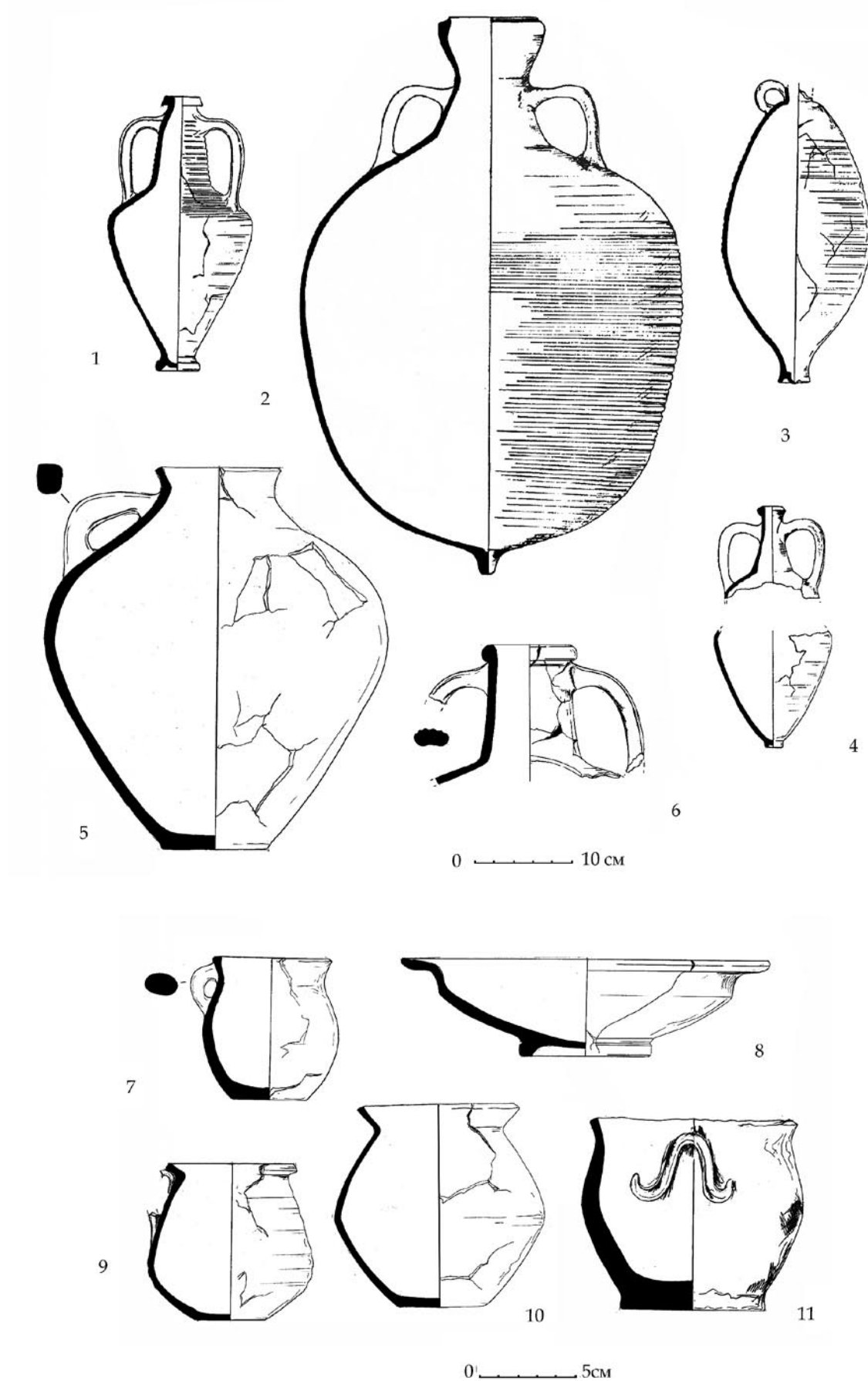

Рис. 126. Закрытый керамический комплекс подгоризонта А1 на раскопе А-Б-В

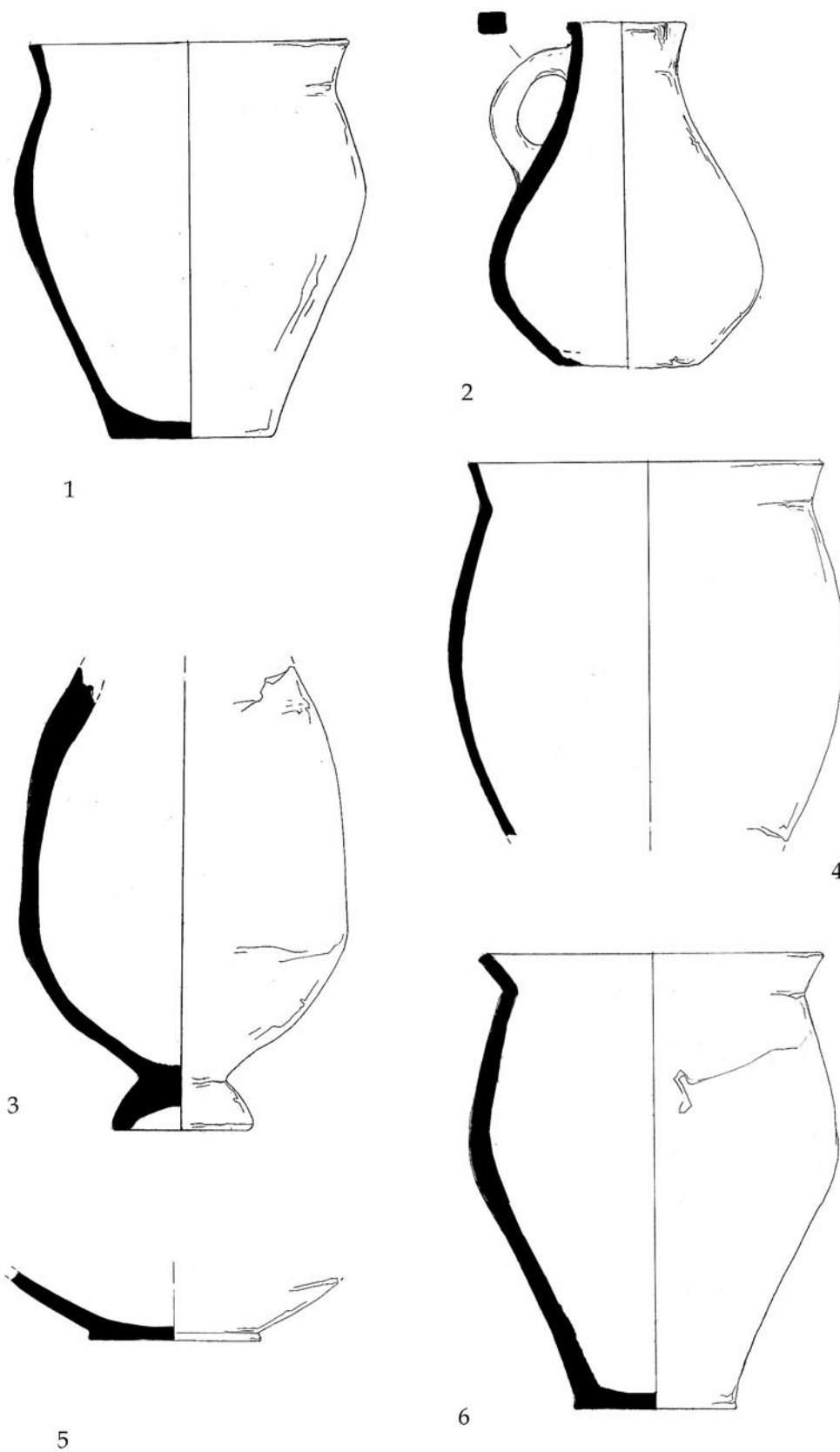

Рис. 127. Лепные сосуды из раскопа А-Б-В. Горизонт А

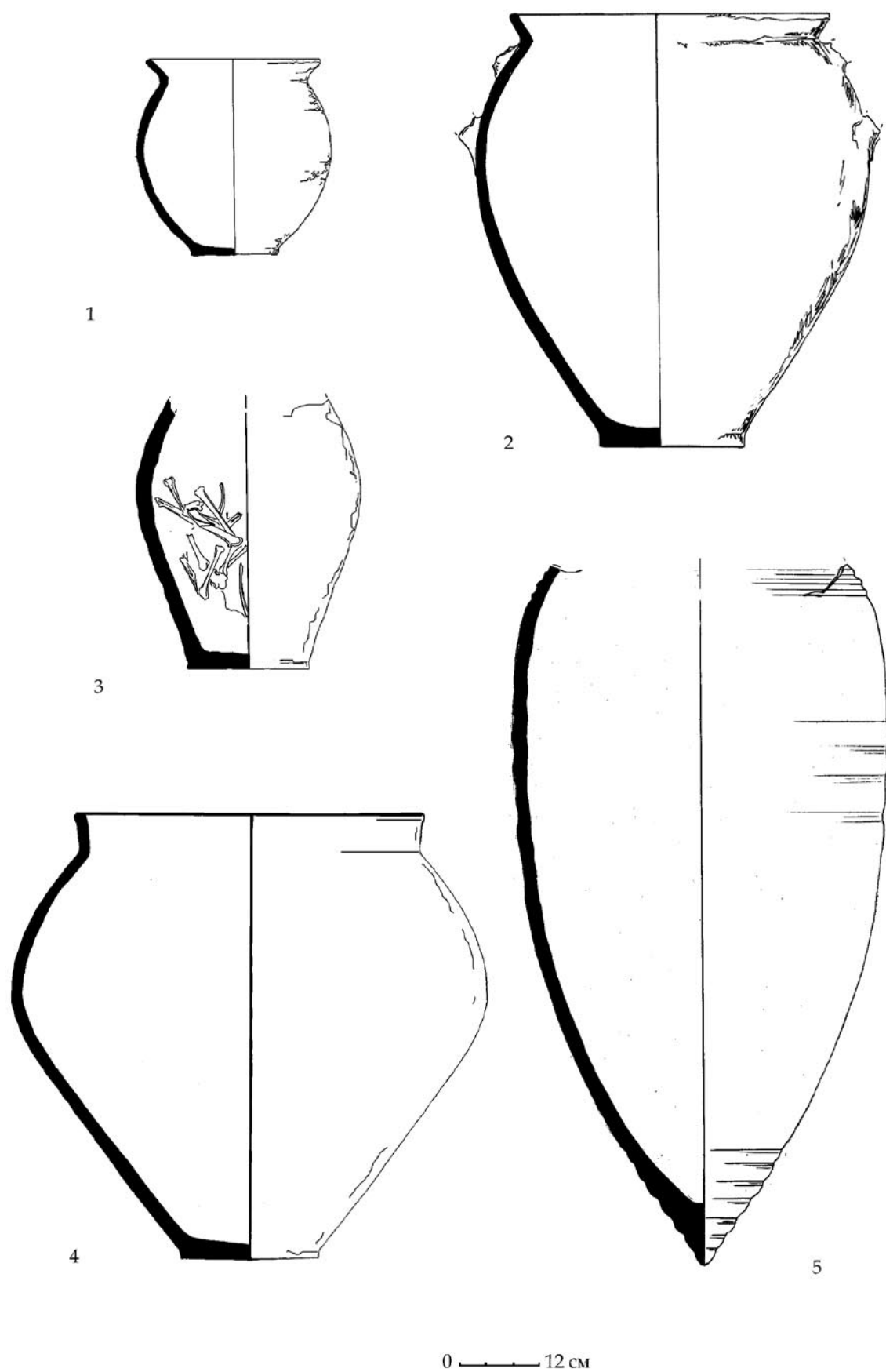

Рис. 128. Лепные сосуды и амфора из раскопа А-Б-В. Горизонт А

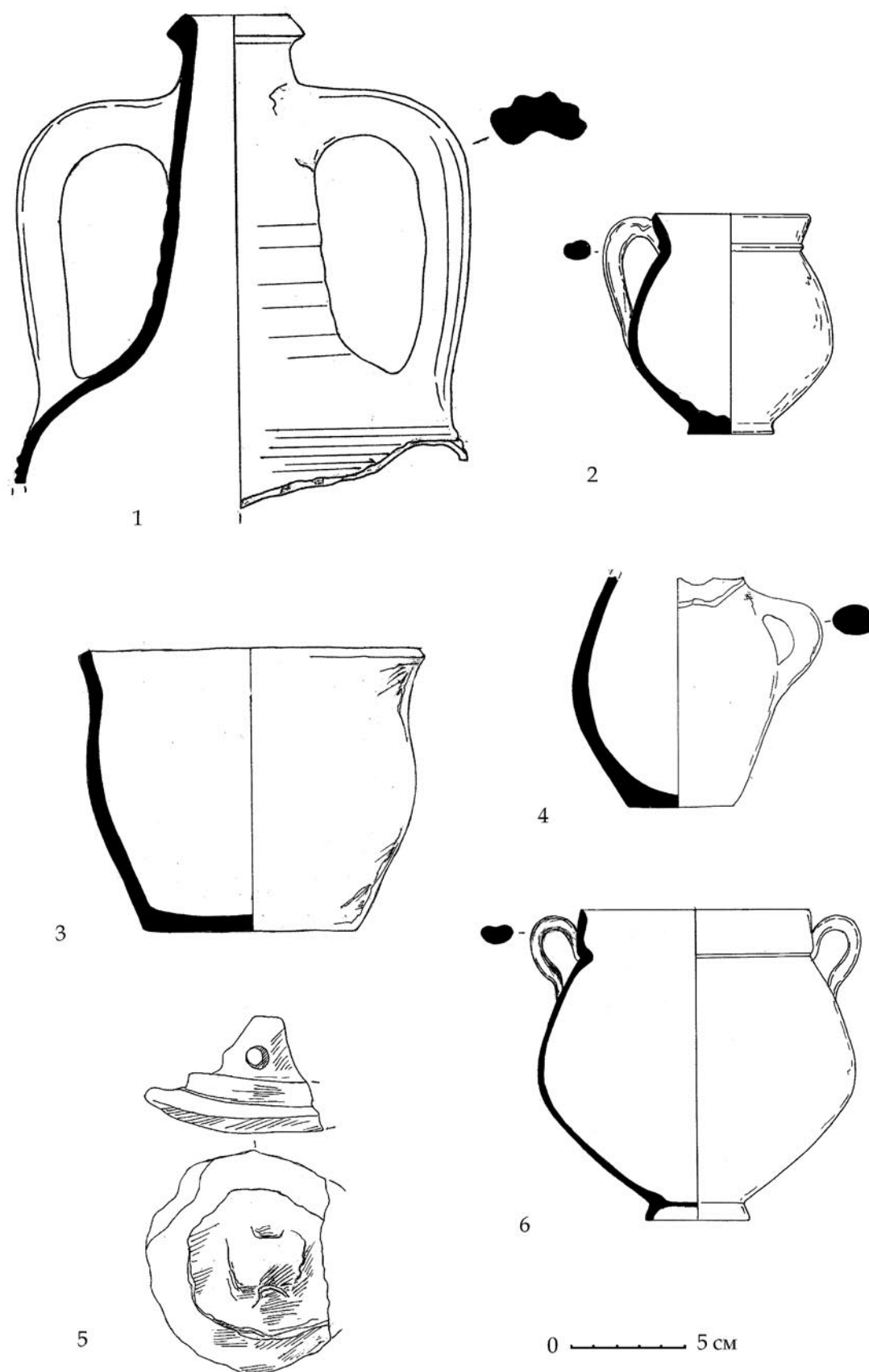

Рис. 129. Амфора, краснолаковые и лепные сосуды из раскопа А-Б-В. Горизонт А

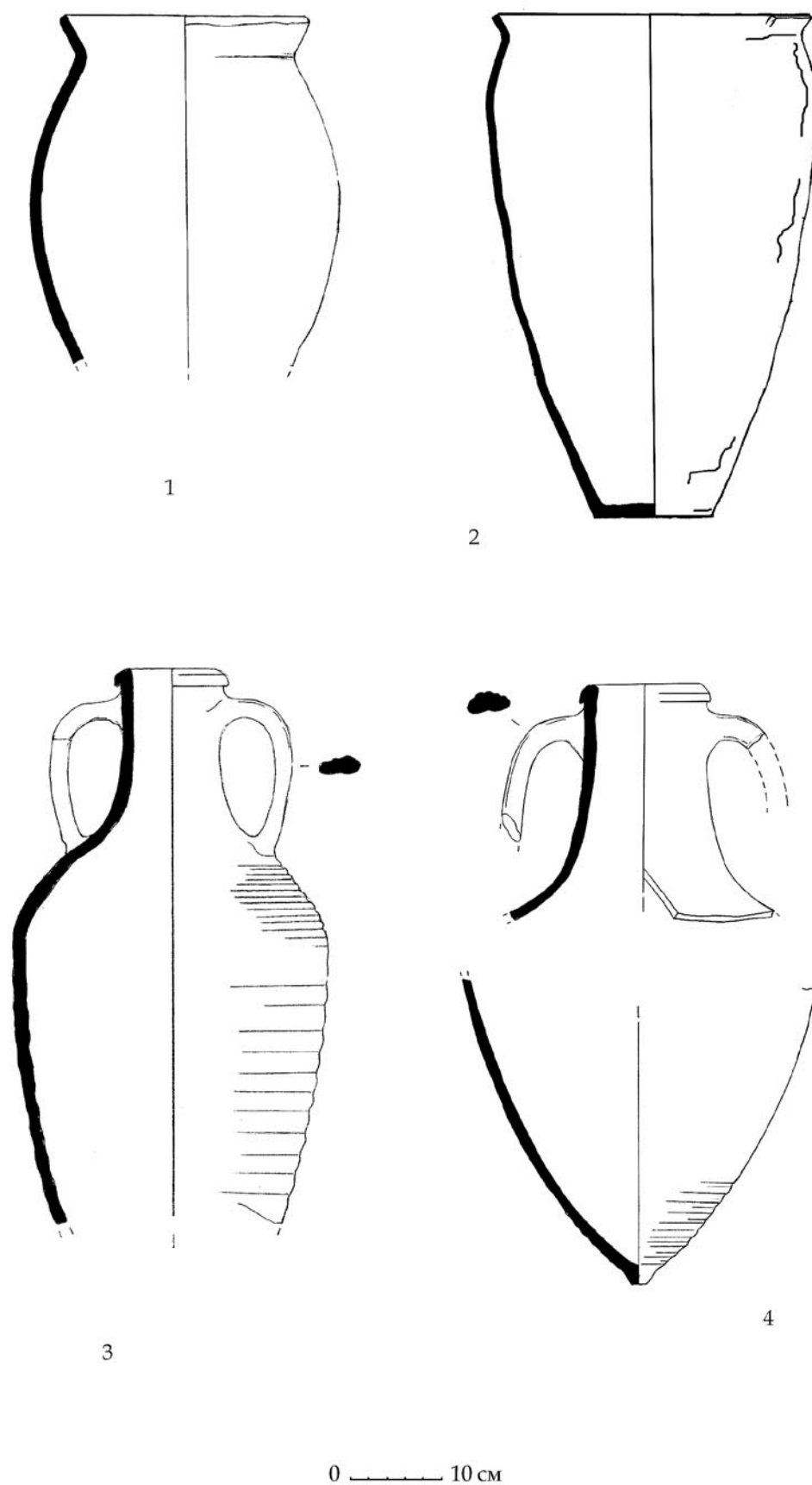

Рис. 130. Керамические сосуды подгоризонта А1 из разных раскопов

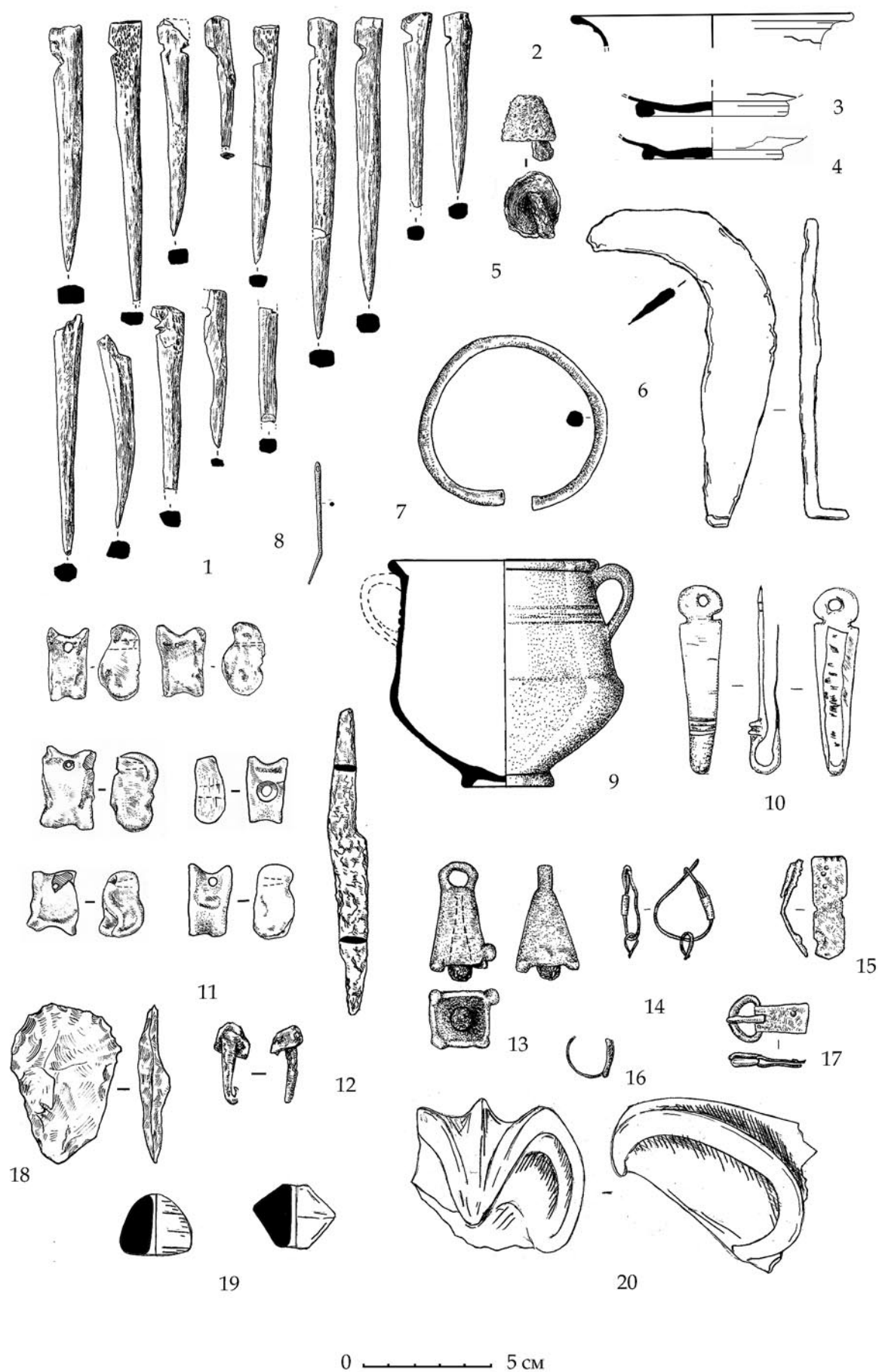

Рис. 131. Находки горизонта А с разных раскопов. 1-5, 7-9, 11-19 — раскопы VII, VIIа, VIIб, VIIв. 6 — раскоп О. 10 — раскоп VI. 20 — раскоп А-Б-В.

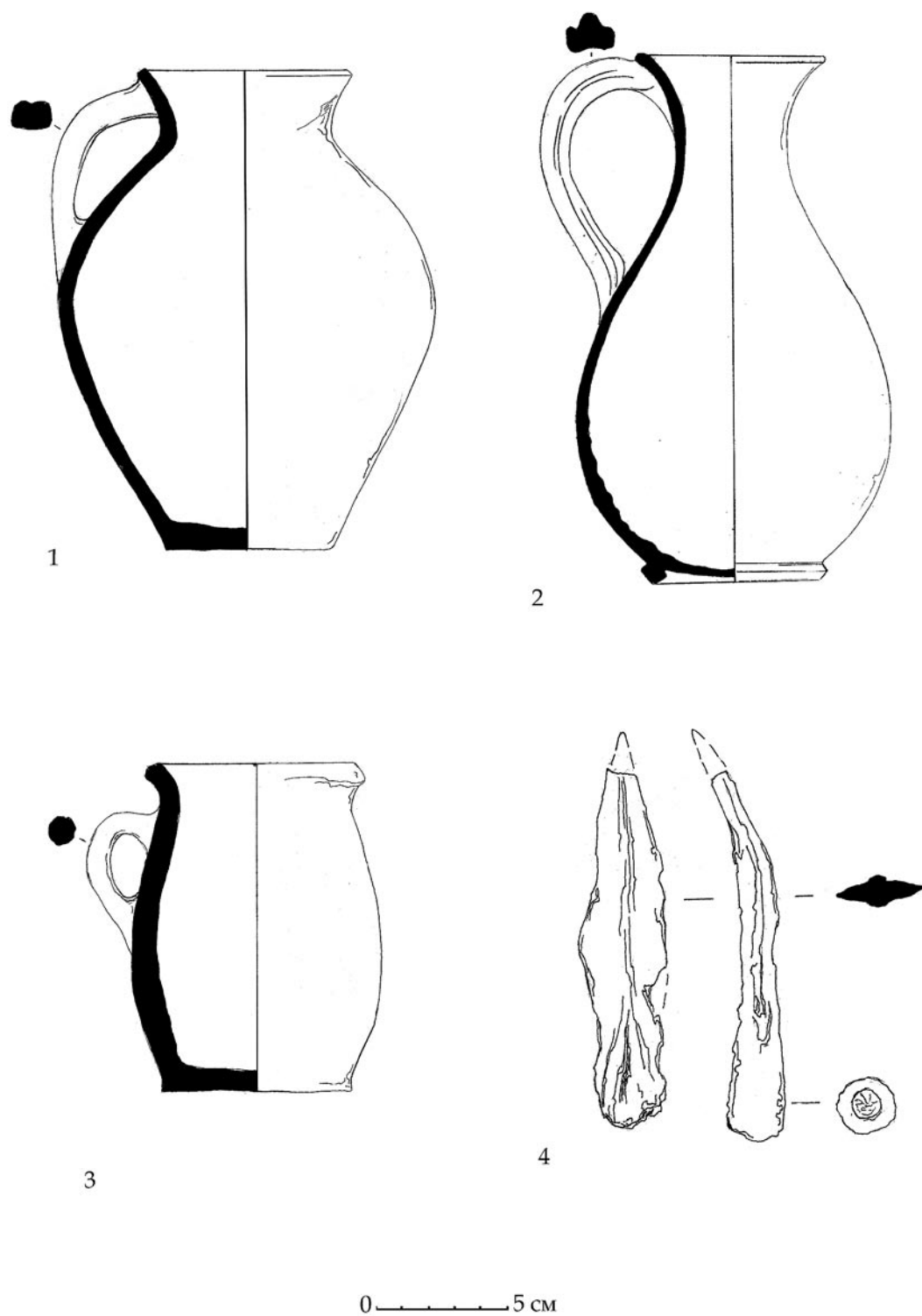

Рис. 132. Находки подгоризонта А1 из раскопа Д. 1, 3 — лепные сосуды. 2 — краснолаковый кувшин. 4 — железный наконечник копья

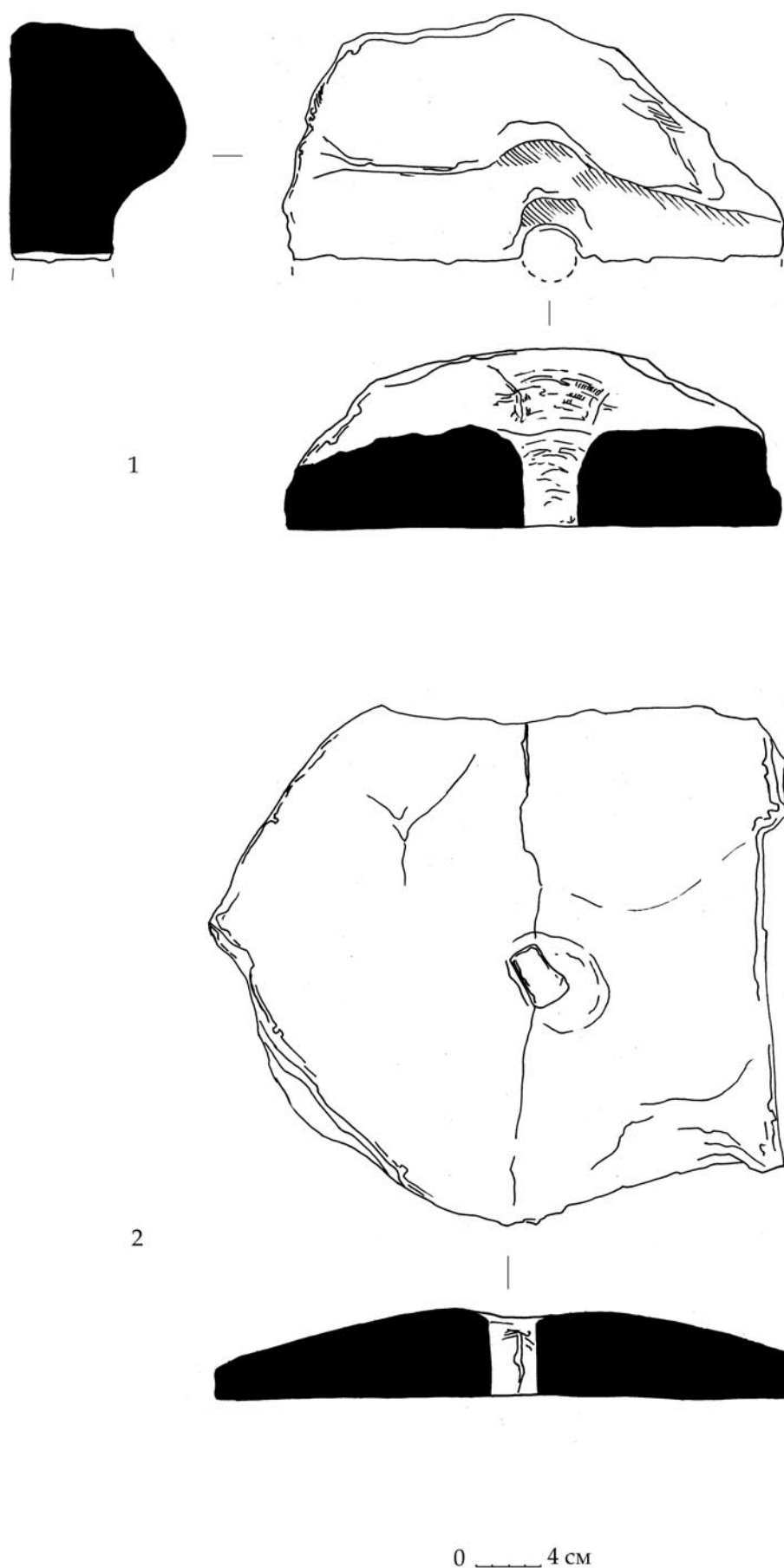
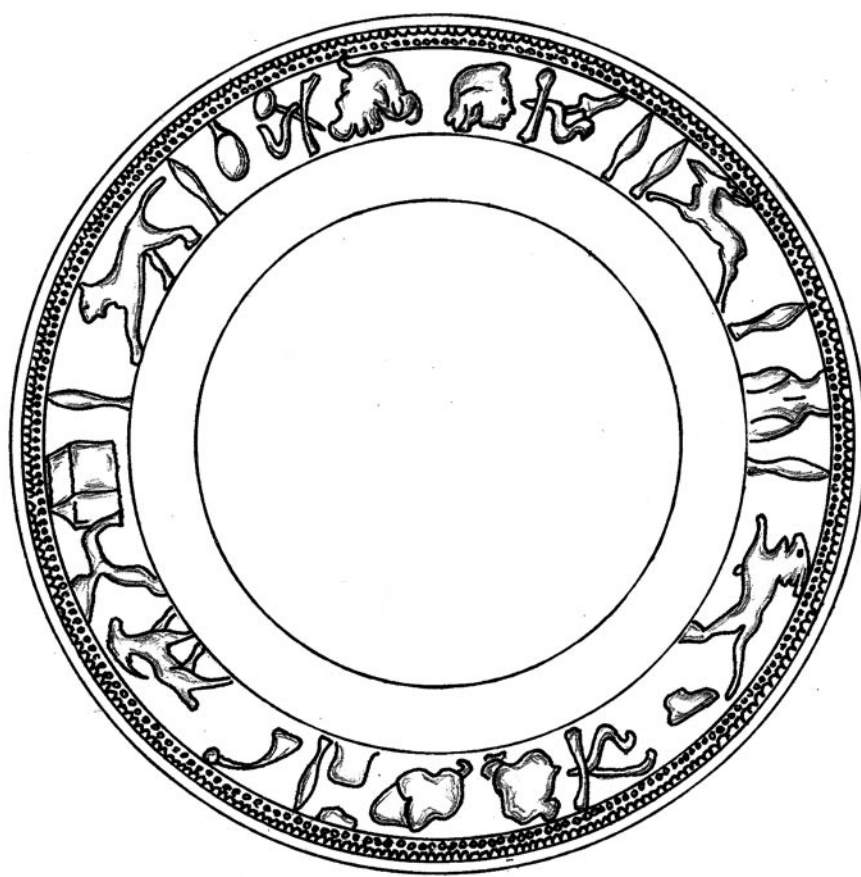

Рис. 133. Фрагменты каменных жерновов из раскопа А-Б-В. Горизонт А

1

⚭ Κ
 ΒΑΣΙΛΙΣ
 ΗΣΓΗΠΑ
 ΠΥΡΗΩΣ

2

0 ————— 3 cm

Рис. 134. Серебряная тарелка боспорской царицы Гипеперии из раскопа Д подгоризонта А1
(по И. В. Яценко, 1962)

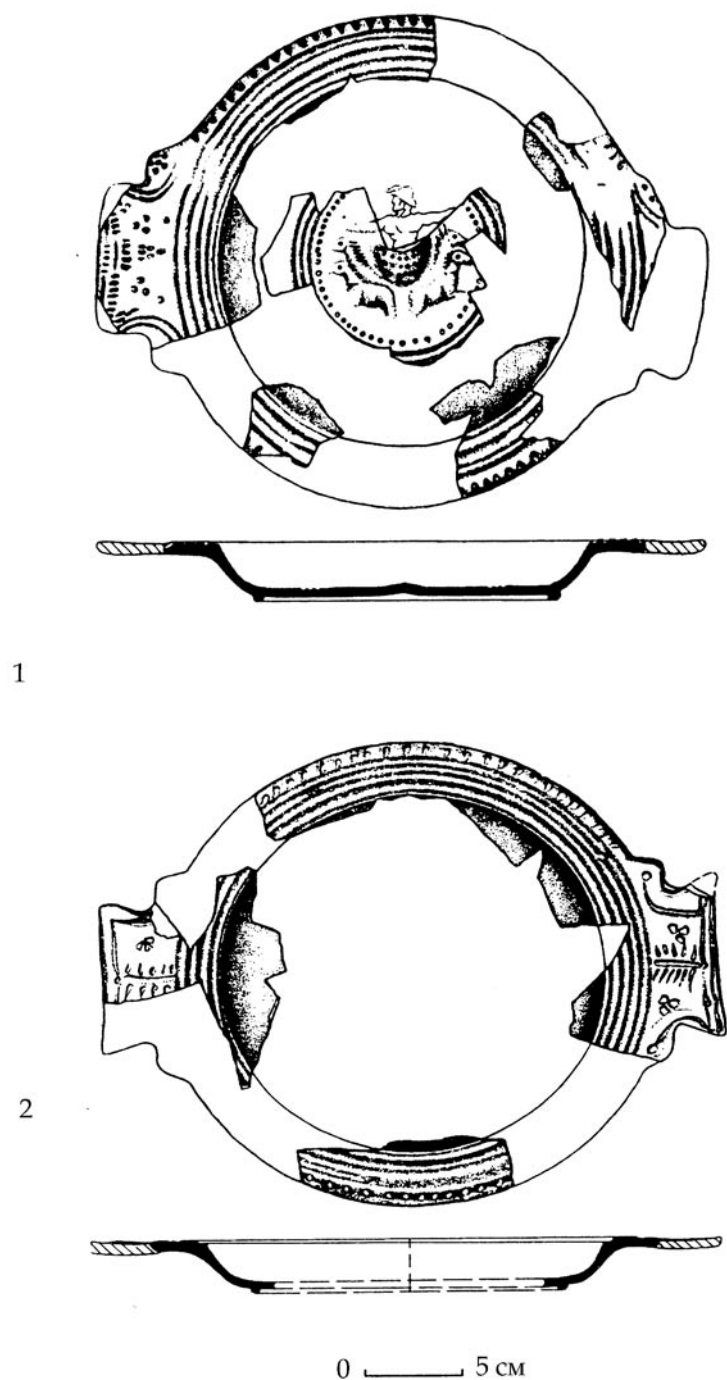

Рис. 135. Краснолаковые блюда из закрытого комплекса подгоризонта А1. Раскоп Д (по И. И. Гущиной, Д. В. Журавлеву, К. Б. Фирсову, 2001)

Рис. 136. Склеп № 9 Восточного некрополя. Интерьер. Акварель О. И. Домбровского. 1946 г.

Рис. 137. Деталь росписи склепа № 9 Восточного некрополя. Изображение музыканта (1) и вариант реконструкции его костюма (2)

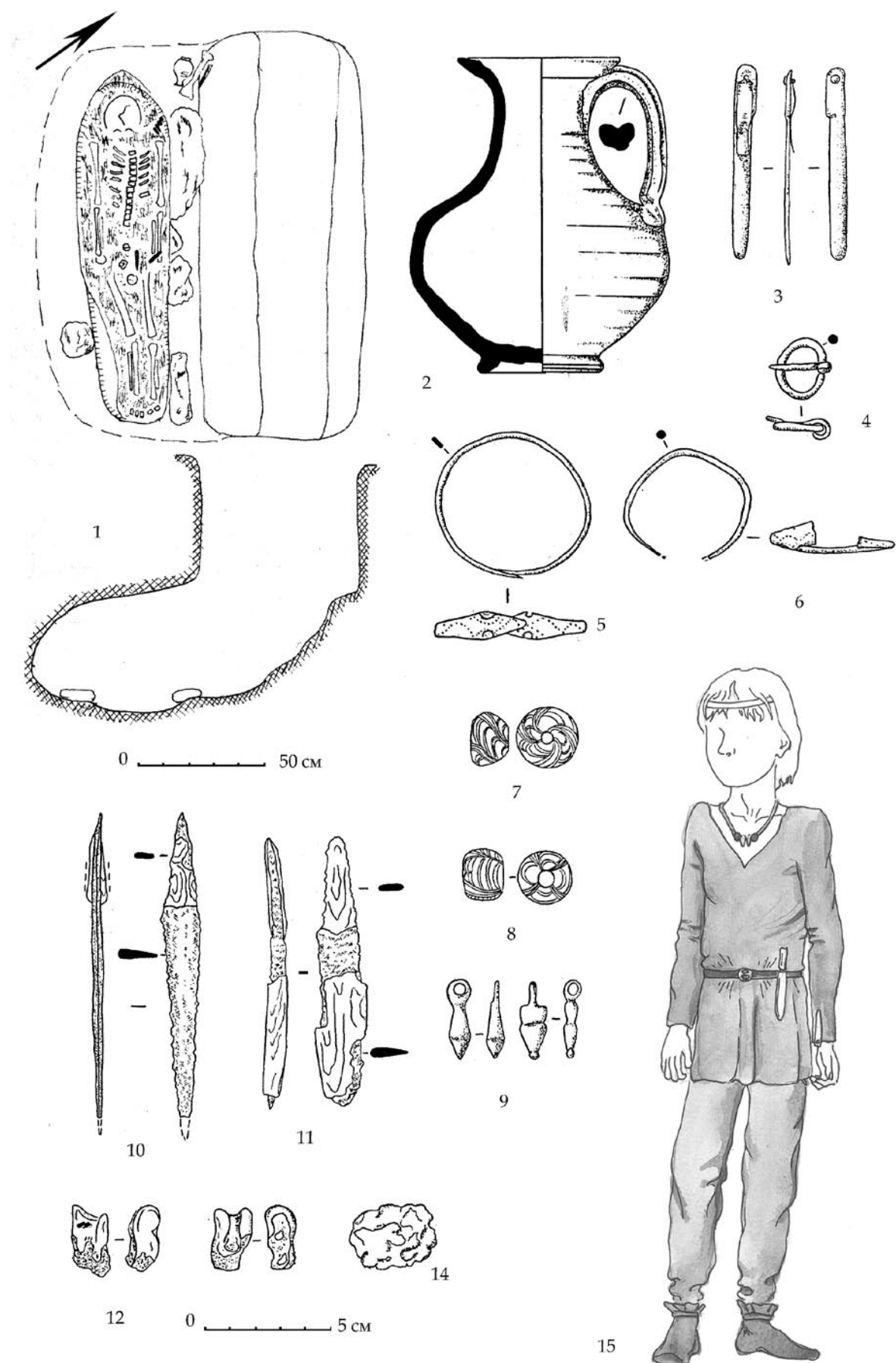

Рис. 138. Могила № 70/1983 Восточного некрополя. План и находки (по А. Е. Пуздровскому, 1992).
Реконструкция костюма подростка из могилы № 70/1983 Восточного некрополя (15)

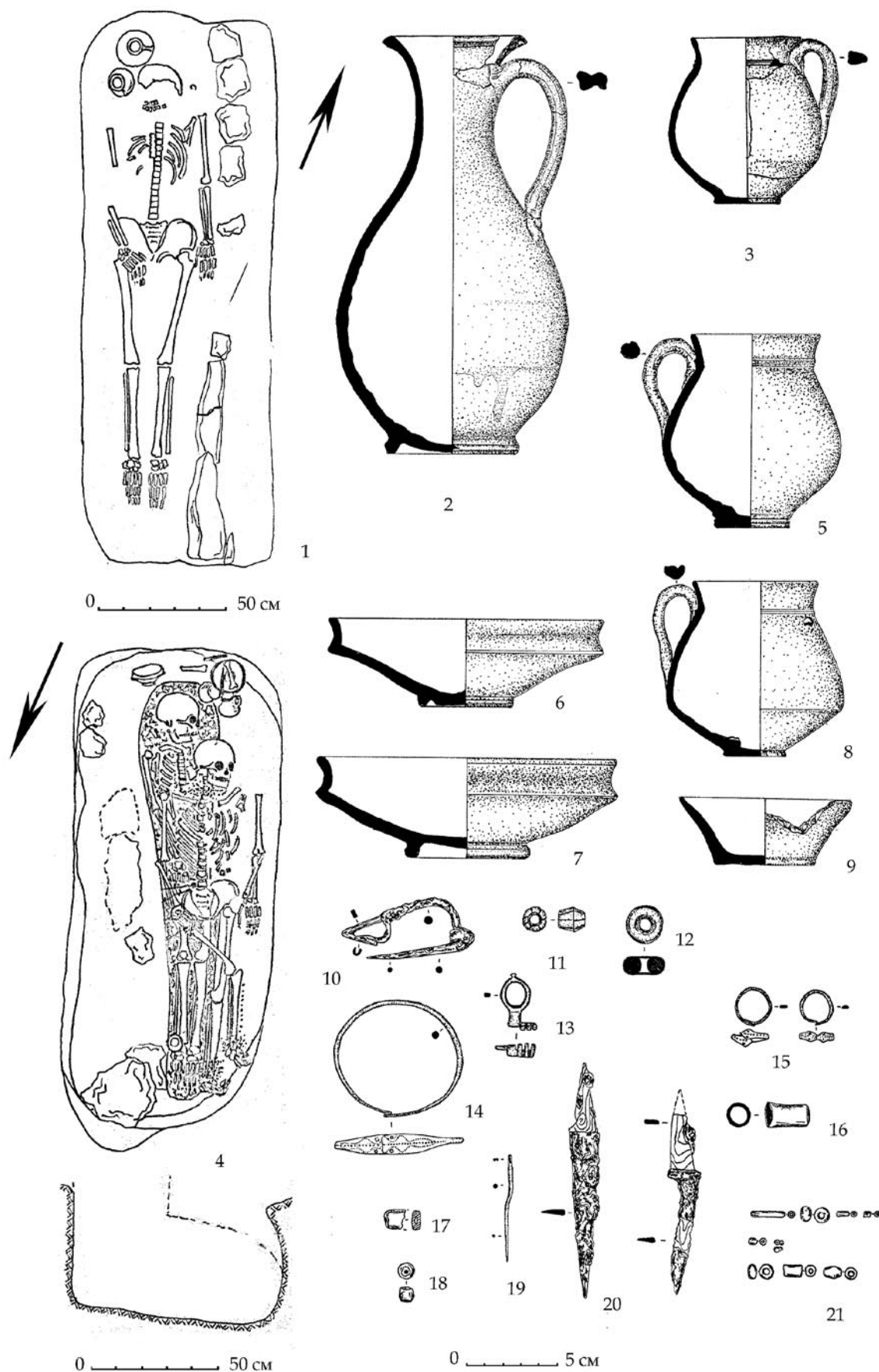

Рис. 139. Могилы 74 и 76 Восточного некрополя Неаполя скифского (по А. Е. Пуздровскому, 1992)

Наукове видання

Юрій Павлович Зайцев

**НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ
(II в. до н. э. — III в. н. э.)**

Монографія

(російською мовою)

Редактор

П. В. Коньков

Редактор-библіограф

Т. І. Конькова

Дизайн

Т. П. Конькова

Технічний редактор

С. П. Крестовський

Коректор

Т. І. Пономарьова

Підписано до друку з оригінал-макету 05.12.2003. Формат 60х84/8. Папір офс. Гарнітура "Book Antiqua". Друк офс. Умовн. друк. арк. 24,18. Обл.-вид. арк. 24,08. Наклад 300 прим.

"Універсум"

universum-crimea@ukr.net

95053 м. Сімферополь, вул. Київська 6/4, оф. 3

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи ДК 943 від 10.06.2002

Крымский филиал Института археологии
Национальной академии наук Украины
95007, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 2
E-mail: taurica@archaeo.crimea.ua